

СЕРВАНТЕС

Андрей
Красноглазов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Эпоха Возрождения, давшая миру великих мастеров пера и кисти, одарила испанскую землю такой яркой и колоритной фигурой, как Мигель де Сервантес Сааведра. Весь мир знает Сервантеса и его несравненного героя — Дон Кихота. Однако сама жизнь, биография писателя, уже окутанная дымкой веков, мало известна нашему отечественному читателю, хотя герои его бессмертного романа хорошо знакомы каждому. Автор предлагаемой книги в течение многих лет изучал испанские архивные материалы, все публикации и издания, относящиеся к эпохе Сервантеса, и написал первое документальное жизнеописание великого испанского писателя на русском языке, в котором учтены все новейшие изыскания в мировой сервантистике.

- [Андрей Красноглазов](#)
  -
  -
  - [ОТ АВТОРА](#)
  - [СЕРВАНТЕСЫ. ПРЕДЫСТОРИЯ РОДА](#)
  - [Глава 1](#)
    - [РОЖДЕНИЕ МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА](#)
    - [В ВАЛЬЯДОЛИДЕ](#)
    - [В КОРДОВЕ](#)
    - [В СЕВИЛЬЕ](#)
    - [ВЕРИЛ ЛИ СЕРВАНТЕС В БОГА?](#)
    - [ВНЕБРАЧНАЯ ПЛЕМЯННИЦА](#)
    - [«НИЩЕМУ СОБРАТЬСЯ — ТОЛЬКО ПОДПОЯСАТЬСЯ»: В МАДРИДЕ](#)
  - [Глава 2](#)
    -
    - [КАРДИНАЛ АКВАВИВА](#)
    - [НА СЛУЖБЕ У ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА](#)
    - [ВОЕННАЯ СЛУЖБА ВО ВРЕМЕНА СЕРВАНТЕСА](#)
    - [ЛЕПАНТО](#)
    - [ПОСЛЕ ПОБЕДЫ](#)
    - [НАВАРИНСКИЙ ЗАЛИВ](#)
    - [АФРИКАНСКАЯ КАМПАНИЯ](#)

- [РЕВАНШ УЛУДЖ-АЛИ](#)
- [ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ИТАЛИИ](#)
- [ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!](#)
- [Глава 3](#)
  - [НА БОРТУ ГАЛЕРЫ «EL SOL»](#)
  - [ПИРАТСКИЙ РАЙ](#)
  - [ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ](#)
  - [В НАДЕЖДЕ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ](#)
  - [ВЫКУП](#)
- [Глава 4](#)
  - [СНОВА В СТРОЮ](#)
  - [В ОБЪЯТИЯХ МУЗЫ](#)
  - [«ГАЛАТЕЯ»](#)
  - [ТЕАТР ВРЕМЕН СЕРВАНТЕСА](#)
  - [ПЕРВЫЕ ПЬЕСЫ](#)
- [Глава 5](#)
  - [«ПРИШЛАЯ ПАСТУШКА» СИЛЕНА](#)
  - [АНА ФРАНКА ДЕ РОХАС](#)
  - [ЖЕНА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ: КАТАЛИНА ДЕ САЛАСАР-И-ПАЛАСЬОС](#)
  - [«ЖЕНАТАЯ ЖИЗНЬ»](#)
  - [ОПЯТЬ ОДИН](#)
- [Глава 6](#)
  - [СОМИСАРЮ ПО ЗАКУПКАМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ](#)
  - [ИЗДЕРЖКИ КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЫ](#)
  - [И ВСЕ ЖЕ ПИСАТЕЛЬ!](#)
  - [ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ](#)
  - [СЕВИЛЬСКАЯ ТЮРЬМА — МЕСТО РОЖДЕНИЯ «ДОН КИХОТА»?](#)
- [Глава 7](#)
  - [НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ](#)
  - [ФИЛИПП III БЛАГОЧЕСТИВЫЙ](#)
  - [НА ПУТИ В ИСТОРИЮ](#)
  - [«ИСТОРИЯ ЭСПЕЛЕТЫ»{160}](#)
- [Глава 8](#)
  - [ЧТО ТАКОЕ «РЫЦАРСКИЙ РОМАН»?](#)
  - [ИМЕНА, НАЗВАНИЯ, ПРОТОТИПЫ](#)
  - [«ДОН КИХОТ», ФРАНСИСКО ДЕ РОБЛЕС И](#)

ИНКВИЗИЦИЯ

- Глава 9
  - ВАЛЬЯДОЛИД И МАДРИД
  - ЕЩЕ И НОВЕЛЛИСТ
  - «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС» И «ВОСЕМЬ КОМЕДИЙ И ВОСЕМЬ ИНТЕРМЕДИЙ»
  - ТРЕТИЙ ВЫЕЗД ДОН КИХОТА
  - ПОДЛОЖНЫЙ «ДОН КИХОТ» АВЕЛЬЯНЕДЫ
  - ПОТЕРИ
  - ПОСЛЕДНИЙ РОМАН
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- НЕСКОЛЬКО НЕОБХОДИМЫХ ДОПОЛНЕНИЙ И ПОЯСНЕНИЙ
- Л. И. Вольперт
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СЕРВАНТЕСА
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

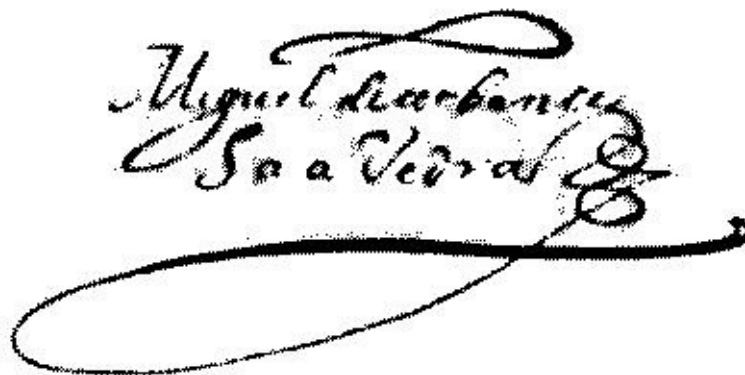
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)

- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)

- [255](#)
  - [256](#)
  - [257](#)
  - [258](#)
-

Андрей Красноглазов

Сервантес

МОСКВА МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 2003
УДК 882-94 ББК 83.3 (4 Исп.) К 78
© Красноглазов А., 2003 © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003
ISBN 5-235-02556-3

*Моим родителям, любимой жене и дочкам —
посвящается*

Кто властен наложить узду на мысли?

Мигель де Сервантес

ОТ АВТОРА

Наверное, мало кто задается вопросом, основываясь на каких фактах и документах пишутся биографии выдающихся людей, особенно живших в отдаленные от нас времена? Между тем ответ прост: на дошедших до нас различного рода письменных источниках. Проблема только в том, что сохранилось их очень немного и все они весьма специфичны.

Достаточно часто нам известны даты крещения, а не рождения. Это характерно для эпох, в которых главенствующим институтом, как в душах людей, так и в мире, в котором они жили, была церковь. Для церкви же человек рождался только в момент крещения, поэтому то, что сейчас для нас кажется очевидным, например, знать день своего рождения, совсем не было таковым в XV или XVI веке. Так получилось с Шекспиром, так получилось и с Сервантесом, точные даты рождения которых нам так и неизвестны.

Какие же именно исторические документы играют для нас роль? Естественно те, в которых фигурирует интересующее нас лицо. Однако в основном это, помимо записи в церковно-приходской книге о рождении, венчании, смерти, разного рода судебные документы: записи процессов, долговые расписки, доверенности или же документы, отражающие карьеру: договор о вступлении в должность, денежном окладе, росписи в книгах присутствия, муниципальных актах и т. д. Поэтому исследователи всегда имеют самые скудные сведения именно о несовершеннолетнем периоде интересующей их персоны, так как из-за «малолетства» человек еще не мог быть включен в социальную жизнь, а потому и не оставлял о себе *письменного* следа в истории.

Добавим, что этот «след» еще и «однобок». Основываясь на скудных документах, дошедших до нас, весьма проблематично сделать вывод о подлинном характере тех взаимоотношений, в которые наш герой вступал на протяжении своей жизни. Нам недоступна *полнота* информации. Поэтому надо быть крайне осторожным в своих выводах и очень деликатным в суждениях и оценках.

Действительно, насколько достоверным может быть жизнеописание человека Средневековья, Возрождения или Барокко на основании сведений о том, что он крестился, работал писцом в суде, женился, имел детей и умер? И чем ниже по ступеням социальной иерархии стоял человек, тем, по вполне понятным причинам, меньше письменных сведений о нем мы

имеем.

У каждого человека есть свои загадки — белые пятна, которые вызывают споры среди исследователей. Но автор не ставит своей задачей разрешение загадок и спорных мест в биографии Сервантеса, выяснение правоты того или иного исследователя, он по возможности стремится дать полное описание фактов жизни великого человека. Мой герой — литератор, но это вовсе не значит, что читатель должен увязнуть в подробном анализе его произведений. На эти темы написаны тысячи специальных и научных работ. Автор же акцентирует внимание на наиболее интересных, с точки зрения неискушенного читателя, деталях творчества, которые проливают свет на историю написания того или иного произведения, — на именах главных героев, их прозвищах, и других важных подробностях.

Историческая биография находится как бы на стыке между наукой и художественным творчеством. Воссоздавая с помощью научных методов исследования эпоху и фактическую сторону жизни того или иного выдающегося человека, историческая биография должна к тому же постараться раскрыть его индивидуальность: психологический облик, мироощущение, этические и моральные принципы и т. д. Здесь уже так называемые исторические источники далеко не всегда помогают, и автор вынужден, опираясь на всю совокупность прямых и косвенных фактов, домысливать, дорисовывать недостающие штрихи портрета, полагаясь на свою творческую интуицию.

Предлагаемая книга является документальной биографией. Этим она и отличается от других работ о жизни и творчестве Сервантеса, как, например, известная беллетризованная книга Бруно Франка^[1] «Сервантес», где факты существенно дополнены авторскими домыслами, гипотетическими реконструкциями. Подобного рода биографии часто увлекательны, порой поучительны, но, на наш взгляд, чем больше таких жизнеописаний, тем насущней необходимость в повествовании, где было бы сведено воедино и изложено в современном научном (не значит скучном) ключе все то, что нам действительно известно о Сервантесе и его близких документально.

Смысл и содержание некоторых из архивных бумаг являются спорными и «непрозрачными», а полемика зачастую порождает больше жара, чем ясности. Автор настоящей работы стремился рассматривать такого рода вопросы по возможности беспристрастно, анализируя максимально доступный объем материала, свести воедино все известные современной сервантистике факты, обобщить их, а не предлагать новые гипотезы о жизни Великого Однорукого, как называют сами испанцы

Сервантеса.

Как и у каждого серьезного биографа, имеющего некую «путеводную нить», моим важнейшим общим пособием было великолепное восьмитомное исследование Луиса Астраны Марина^{2} «Поучительная и героическая жизнь Мигеля де Сервантеса Сааведры». Из русскоязычных изданий существенным подспорьем оказался фундаментальный труд К. Державина «Сервантес».^{3}

Веками складывалась традиция оправдывать буквально все действия выдающихся лиц, а их обвинителей выставлять губителями таланта и гения. Мы же в своей работе стремились не обелять и не обходить вниманием нелюбимые ситуации, возникавшие в судьбе представителей рода Сервантесов, и хотели бы четко и ясно сказать, что есть черное, а что белое, невзирая на имена и мундиры. «Не сотвори себе кумира» — таким девизом руководствовался автор этой работы.

Писать об известных людях непросто, о знаменитых еще сложнее, о гениальных почти невозможно. И это понятно: чем фигура значительнее, тем больше о ней написано. Автору «повезло». О жизни Сервантеса в отечественной сервантистике написано ничтожно мало: об отдельных произведениях, о творчестве более чем достаточно, о «Дон Кихоте» — пруд пруди, а о Самом — почти ничего. Единственная книга схожего жанра — выдающаяся монография К. Державина «Сервантес» была написана в 1946 году и издана в 1958 году уже посмертно.

В 1997 году исполнилось 450 лет со дня рождения писателя, а в России до сих пор не издано *полного* собрания сочинений Сервантеса. Хочется надеяться, что это все-таки когда-нибудь произойдет. Мы же, уважаемый читатель, выносим на Ваш суд свой скромный труд. Как заметил Сервантес, «невозможно сочинить книгу, которая удовлетворила бы всех». Но мы старались. О том же, как автор справился с этой задачей, не ему судить.

СЕРВАНТЕСЫ. ПРЕДЫСТОРИЯ РОДА

Самое раннее упоминание о роде Сервантесов встречается у хрониста дона Хуана II, знаменитого кордовского поэта Хуана де Мены. В своих заметках о знатных родах Кастилии под названием «Книга памяти» («Memorial») он пишет, что «линия Серватосов и Сервантесов принадлежит к высокой крови. Они являются потомками богатых людей Леона и Кастилии... они были галисийцами по происхождению, вышедшими из окружения готских королей, породнившихся с королями Леона... И некоторые из этих Серватос звались Сервантес из-за замка Сан Сервандо, основанного в Толедо. Это известный род, и были среди них и конкистадоры Севильи и Баэса, и другие великие люди. Ныне здравствует великий сеньор дон Хуан де Сервантес, который был епископом, а сейчас архиепископ Севильи и кардинал в Риме... Герб Серватосов — синий щит, и на нем два золотых оленя, окруженных иксообразными золотыми крестами на кровавом фоне. И Сервантесов — зеленый щит с двумя пасущимися золотыми оленями».

Гербы Серватосов и Сервантесов на самом деле очень схожи, что и было причиной путаницы вплоть до середины XX века.

Место, где находилась родовая усадьба Сервантесов, точно не установлено. Не найдено и документа, подтверждающего дворянское происхождение писателя. По законам той эпохи подобная бумага должна была иметь вид «пергамента, заверенного свинцовой королевской печатью, висящей на шелковых цветных нитях». Также неизвестен и личный герб Сервантеса, хотя некоторые из рода Сервантесов использовали герб, описанный Хуаном де Меной. В то же время в алжирском плену Мигель де Сервантес значился «главным идальго Алькалы-де-Энарес».

Насчет происхождения самой фамилии Сервантес имеется множество различных гипотез. Но общепризнанной теории не существует. Так, до наших дней сохранился древний замок, который испанские классики XVII века называли Сан Сервантес. Не исключено, что исток фамилии Сервантес идет именно от названия этого замка.

Родословная Сервантеса тоже весьма туманна, еще сложнее вычленишь и проследить *прямую* ветвь рода писателя. Разветвленность рода Сервантесов необычайно велика. Фамилии Сервантес и Сервантес Сааведра появляются с очень давних времен и встречаются во всех регионах Испании, их можно обнаружить в Талавера де ла Рейна и

Вальядолиде, Гранаде и Толедо, Кордове. Даже в родном городе Мигеля де Сервантеса — Алькала-де-Энарес в книге крещений церкви Санта Мария, где был записан Мигель, мы находим некоего Диего де Сервантеса (Zerbantes), еще Хуана, сына Хуана де Сервантеса (дяди писателя), а также лиценциата Сааведру.

Есть фамилии Сайаведра, Каравантес (по написанию похожи на Сервантес (Cervantes) — Caravantes) и Гарабантес. К тому же при написании этих фамилий часто ошибались, что вносило еще большую путаницу.

Однако уже к середине XX века стало ясно, что прямая ветвь великого писателя идет из Кордовы. Его прадедом был Диас де Сервантес. Род Сервантесов относился к обедневшей части среднего класса. Чтобы обеспечить себе сносное существование, этим людям приходилось заниматься и физическим трудом, хотя для идалго (дворянина) это считалось унижительным.

Да, Мигель де Сервантес не был рожден в знатности и богатстве. Однако он сумел прославиться в веках, и для этого ему вполне хватило быть простым бедным идалго.

Сам писатель в «Дон Кихоте» так написал об этом: «...с этими родами путаницы не оберешься и что только те роды истинно велики и славны, коих представители доказывают это своими добродетелями, богатством своим и щедростью... ибо злочестивый властитель — это все равно что властительный злочестивец, а не щедрый богач — это все равно что нищий скупец: ведь счастье обладателя богатств заключается не в том, чтобы владеть ими, а в том, чтобы расходовать, и расходовать с толком, а не как попало. Бедному же рыцарю остается только один путь, на котором он может показать, что он рыцарь, то есть путь добродетели, а для того ему надлежит быть приветливым, благовоспитанным, учтивым, обходительным и услужливым, не высокомерным, не заносчивым и не клеветником, главное же ему надлежит быть сострадательным, ибо, с веселым сердцем подав бедному два мараведи, он обнаружит щедрость не меньшую, нежели тот, который о своем благодеянии раззванивает во все колокола, и коли он будет всеми перечисленными добродетелями украшен, то кто бы с ним ни столкнулся, всякий, даже не имея о нем никаких сведений, признает его за человека благородного происхождения, а коли не признает, то это будет в высшей степени странно, ибо похвала служит неизменно наградою добродетели и люди добродетельные не могут не быть хвалимы».^[4]

Прадед писателя Родриго Диас де Сервантес родился в Кордове около 1435 года. Кем он был по профессии, до конца не ясно — то ли

старьевщиком (тряпичником), то ли торговцем тканями. Он женился на донье Каталине де Кабрера^[1] и имел детей: Каталину, Марию и Хуана — будущего деда дона Мигеля. Семья жила довольно зажиточно и даже с некоторым показным блеском.

Известно, что по характеру профессии ему часто приходилось путешествовать. Дело до поры до времени развивалось неплохо, однако, как это часто случается, после смерти Родриго оно пресеклось. Умер прадед Мигеля в преклонном возрасте где-то между 1506 и 1515 годами.

Дед писателя Хуан де Сервантес появился на свет около 1477 года. Именно он создал и долгое время поддерживал благополучие рода Сервантесов. Благодаря заботам своего родителя он получил юридическое образование в Саламанкском университете.^[5] В то время здесь учились восемь лет. На факультете канонического права обучались три года. Дальнейшее обучение продолжали только наиболее способные, имеющие шансы получить степень бакалавра.^[6]

Профессия адвоката в Кордове не приносила достатка молодому бакалавру. Судя по документам, дед Сервантеса имел совсем незначительный заработок. Известно, что в качестве адвоката Хуан де Сервантес выступал также на нескольких процессах трибунала Инквизиции.

Дед Мигеля женился на Леоноре Фернандес де Торребланка, старшей дочери медика и хирурга, бакалавра Хуана Диаса де Торребланка. Это был известный человек с хорошей репутацией. Около 1505 года, вскоре после женитьбы, у супругов родился первенец, Хуан, по традиции названный в честь отца. Лицензиат^[7] много путешествует, часто переезжая с места на место. Он последовательно сменил целый ряд должностей, как на королевской службе, так и у богатых сеньоров.

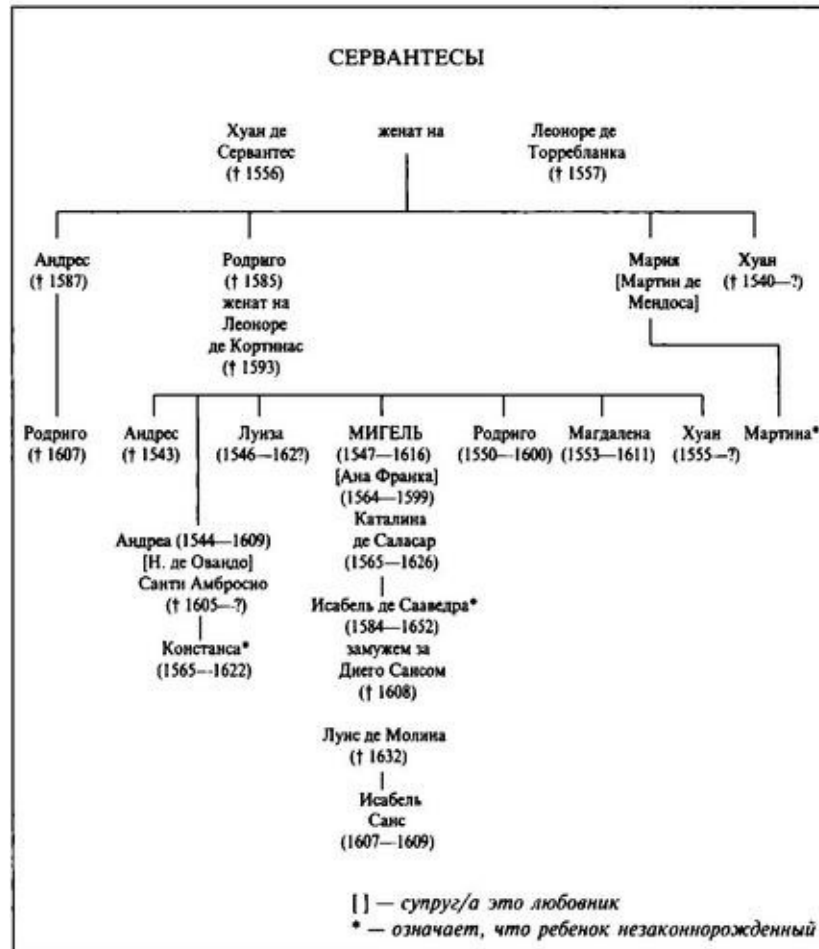
Как правило, на официальной службе на одной должности нельзя было находиться тогда более трех лет. Поэтому каждый раз по завершении срока службы дон Хуан возвращался к своей семье в родную Кордову, ожидая нового назначения или хлопоча о нем.

Около 1510 года появляется на свет Родриго де Сервантес — будущий отец писателя. А еще через пять лет у четы Сервантесов рождается сын Андрес.

Хуан де Сервантес, вероятно, не всегда имел в запасе новое назначение к тому времени, когда подходило к концу исполнение текущей должности. Однако в этот раз ждать пришлось недолго: 30 апреля 1527 года дон Диего Уртадо де Мендоса, третий герцог дель Инфантадо, назначил его

наместником в одном из своих владений.

Сервантес со всей семьей переехал в Гвадалахару. Новое место кроме своего солидного дохода предполагало полное доверие герцога, которым Хуан де Сервантес и располагал весьма продолжительное время. До тех пор, пока не произошел скандальный эпизод с его дочерью.

Новый сеньор дон Диего Уртадо де Мендоса был выдающимся человеком своей эпохи и получил от генеалогистов эпитет «великий герцог». У него было три сына и пять дочерей. Для нашей истории интерес представляет его первый сын — дон Мартин де Мендоса, по прозвищу Цыган. Он получил его благодаря любовному приключению 28-летнего герцога (тогда еще графа) с одной цыганкой.

Новый хозяин дона Хуана был женат дважды. Второй раз на Марии Пиментел, от которой родился четвертый герцог де Инфантадо дон Иньиго Лопес де Мендоса.

Между тем, как это часто бывает, больше, чем к своим родным да к

тому же законным детям, герцог был привязан к Цыгану — Мартину де Мендосе. Он дал ему хорошее духовное образование, покровительствовал его карьере священника и долгое время безуспешно пытался дать сыну свою фамилию и таким образом узаконить. Наконец, испросив милости у самой королевы, он добился своего.

К тому времени, когда лицензиат Хуан де Сервантес получил свою должность, его господин дон Диего уже был вдовцом. Ему исполнилось шестьдесят шесть лет, и его стали одолевать недуги, но он оставался галантным кавалером. У него даже случился роман с молодой красавицей по имени Мария Мальдонада. Она была из простой семьи и неизвестно, был ли ее отец идадьго. Тем не менее ее молодость и красота победили все предрассудки, и в 1530 году герцог обвенчался с ней. Все это, по понятным причинам, не нравилось семье герцога. Ведь «молодожен» отписал своей новоявленной супруге приличную сумму в наследство.

Дон Мартин (Цыган) был вдохновлен примером отца и, забыв свой священный сан, влюбился... в дочь Хуана де Сервантеса Марию. Кстати сказать, девушка, согласно источникам, была очень хороша собой.

В отличие от старого герцога, который исполнил необходимые в таком случае формальности и обвенчался, отпрыск сделать этого не мог из-за своего сана священника. Да и, вероятно, не очень-то и хотел.

Дон Хуан, узнав о происшедшем, действовал, как и положено в такой ситуации отцу девушки. Отправился к «жениху» на предмет узаконивания любовных связей. Получив отказ, запросил от Цыгана компенсацию в размере 600 тысяч мараведи.

В это время умирает старый герцог. Наследником становится его законный сын — дон Иньиго. Компенсацию за потерянную невинность девушки он, несмотря на имеющуюся расписку, платить не собирался. Дело начинает приобретать характер судебного разбирательства.

Хуан де Сервантес оставляет свою должность. Между домами Сервантесов и Мендоса устанавливаются отношения взаимной ненависти. Чувствуя себя теперь в Гвадалахаре беспокойно, лицензиат вместе с семьей переезжает в Алькалу-де-Энарес. Однако весной 1532 года Мария де Сервантес начинает судебный процесс против своего бывшего возлюбленного дона Мартина, требуя от него обещанные ей по расписке 600 тысяч мараведис.

Герцог, пользуясь своей властью и авторитетом, надавил на все педали, и дело стало приобретать неблагоприятный для Сервантеса оборот, ему даже пришлось просидеть несколько дней в тюрьме.

Но Мария тоже оказалась твердым орешком. Тяжба длилась почти год.

После долгих проволочек и многочисленных судебных заседаний правда наконец восторжествовала, и дон Мартин, согласно приговору суда от 25 января 1533 года, был обязан уплатить лиценциату и его дочери означенную сумму. Приговор был исполнен в точности.

Несколько месяцев спустя в Мадриде — где, как и в любом большом городе, было проще затеряться и скрыть свои грехи — Мария де Сервантес родила дочку, Мартину де Мендоса. Поскольку в ее роду все были красивыми, девочка должна была унаследовать весьма незаурядную внешность. Очевидно, так оно и получилось: впоследствии она удачно выйдет замуж за некоего Диего Диаса де Талаверу, занимавшего хорошую должность в ведомстве архиепископа Толедского.

Дон Мартин, по прозвищу Цыган, умер в конце 1555 года. Донья Мария, тетка Мигеля де Сервантеса, владея богатыми подарками от своего бывшего возлюбленного и кругленькой суммой, полученной в результате судебного процесса, продолжала проживать в Алькале-де-Энарес. Но судьба была к ней неблагоприятна. Несмотря на красоту и хорошее приданое, найти супруга ей так и не удалось.^[8]

Лиценциат продолжал свой «кочевой» образ жизни. В 1538 году он согласился занять должность судьи, а затем и корректора в городе Пласенсия и опять покинул семью. Донья Леонора, вероятно, обидевшись, за ним не последовала, оставшись вместе с детьми в Алькале-де-Энарес. Так разделилась семья Сервантесов.

Будущий отец Мигеля де Сервантеса Родриго был всегда привязан к матери, что объяснялось его глухотой, проявившейся еще в детстве. После смерти своего первенца Хуана донья Леонора еще больше сблизилась с детьми — Родриго, Марией и внучкой Мартиной. Все вместе они жили весьма скромно, но дружно.

Лиценциата, человека *antiguus rigor*, неумного и прямого, не смутило пошатнувшееся материальное положение супруги и детей. Попрощавшись с «восставшей» частью своей семьи, он покинул Алькалу-де-Энарес и в сопровождении младшего сына Андреса направился в Кордову. Там Хуан де Сервантес встретит некую Марию Диас, которая станет для него хозяйкой дома и любовницей в одном лице. Вместе с ней и Андресом в сопровождении нескольких слуг он придет в Пласенсию, где вступит во вверенную ему должность. Вскоре герцог де Сесса назначит его главным алькальдом в Баэне, Кабре и Иснахаре. В родные пенаты он вернется только через несколько лет.

Смерть старшего сына Хуана и разделение семьи сразу отразились на

положении той ее части, которая осталась в Алькале-де-Энарес. Родриго, до этих пор не занимавшийся ничем определенным, был вынужден искать заработок, чтобы семья могла хоть как-то сводить концы с концами.

Отец Мигеля в свое время чувствовал склонность к медицине. Однако прогрессирующая глухота не позволяла ему думать об этом всерьез. Сейчас же бывшее увлечение стало едва ли не единственной возможностью заработка.

Родриго с возрастом уже смотрел на жизнь проще. Дипломированным врачом он быть не мог. Но после сдачи несложного экзамена можно было практиковать в качестве протомедика, что-то вроде фельдшера. Полученная квалификация хотя и имела множество ограничений, но позволяла лечить людей и таким образом зарабатывать себе на хлеб.

В середине XVI века университет в Алькале-де-Энарес славился своими медиками. Родриго, имея на медицинском факультете хороших друзей, заполучил медицинскую лицензию. Он сдал экзамен и стал медиком-хирургом, как его именовали в различных документах. Его познания уместились в трех прочитанных им книгах: «Латинская грамматика» Элио Антонио де Небрихи,^[9] «Практическая хирургия» Хуана де Виго и трактат «О четырех заболеваниях» Лобера де Авилы.

Скоро для Родриго пришло время женитьбы.

Церковной записи о его бракосочетании с доньей Леонорой де Кортинас не сохранилось. Сам лицензиат Сервантес не присутствовал на свадьбе. По-видимому, он прислал младшего сына Андреса, брата Родриго. Этим, пожалуй, можно объяснить тот факт, что в нарушение семейной традиции первенцу от брака было дано имя Андрес, а не Хуан, в честь отца Родриго — лицензиата Хуана де Сервантеса, как было принято тогда в Испании.

Брак доньи Леоноры с постепенно гложущим мужем мог быть нелегким бременем. Как правило, это малообщительные и невеселые люди, но Родриго, похоже, таким не был.

Мать Мигеля де Сервантеса была незаурядной женщиной. Несмотря на несчастливую судьбу дочерей, плен и рабство двух сыновей, глухоту мужа, постоянную нужду, нескончаемые переезды с одного места на другое в поисках лучшей жизни, она смогла обеспечить детям вполне приличное образование, выше среднего уровня того времени. Забота о вызволении сыновей, о дочерях и внуках — все это говорит о том, что донья Леонора де Кортинас была женщиной, способной на безграничное самопожертвование.

Донья Леонора де Кортинас была моложе своего мужа. Мы не знаем, как, где и когда познакомился Родриго со своей женой. Предположительно,

это произошло между 1540-м и началом 1543 года. Леонора была дочерью некой Эльвиры де Кортинас, которая, скончавшись в 1566 году, оставила ей небольшое наследство. Известно также, что род Кортинас ведет свое начало из небольшого селения в 27 километрах от Мадрида и рядом с Алькалой-де-Энарес.

С женитьбой Родриго имущество семьи не увеличилось. Приданое, которое донья Леонора принесла в семью, было мизерным, равно как и имущество ее супруга. И в 1551 году Родриго решает в поисках работы уехать из Алькалы-де-Энарес, где жить из-за скудости достатка стало совсем тяжело.

Своего первенца Андреса супруги крестили в церкви в Алькале-де-Энарес 12 декабря 1543 года. Однако вскоре он умер. В XVI веке детская смертность, равно как и рождаемость, была очень велика.

В конце 1544 года в семье Родриго рождается второй ребенок. Мальчика, вероятно, в память о первенце также назвали Андресом. Подобная приверженность к одному имени показывает, что, несмотря на разделение семьи, между Родриго и Андресом, его младшим братом, отношения не охладели. В отличие от отца Андрес неоднократно приезжал в Алькалу, чтобы повидать мать, брата и сестру.

А еще спустя некоторое время в Алькале-де-Энарес в церкви Санта Мария ла Майор, где были крещены два первых ребенка, 25 августа 1546 года окрестили и третьего — девочку Луизу. Имя Луиза не было традиционным для рода Сервантесов. Девочка родилась в день Святого Луиса, короля Франции, вероятно, в его честь ее и назвали. Много позже она примет постриг в монастыре кармелиток в Алькале и станет сестрой Луизой де Белен-и-Сервантес.

В этот период Андрес, младший брат Родриго, решает жениться.

Женитьба сына известного человека — а именно таким и был в то время дед Мигеля лицензиат Сервантес — дело непростое. Главное — это подходящая партия. Невестой Андреса стала донья Франсиска де Луке. Каких-то достоверных сведений о ней не сохранилось.

Бракосочетание Андреса с Франсиской состоялось не раньше конца 1546 года. И было оно более пышным и богатым, чем у полунищего брата Родриго в Алькале-де-Энарес. На торжестве, видимо, присутствовала родня из Алькалы. Все-таки напряженность в их отношениях не достигла еще той степени, чтобы, по крайней мере, донья Леонора отказалась присутствовать на венчании своего сына. Кроме того, присутствие семьи из Алькалы позволяло избежать ненужных слухов и сплетен.

Впоследствии у Андреса и Франсиски родились в Кабре шестеро

детей — двоюродных братьев и сестер писателя. Андрес несколько раз назначался в этом городе на пост ординарного алькальда и прожил весьма насыщенную событиями жизнь. Был у него и второй брак, и всевозможные запутанные любовные связи и интриги.

Лицензиат Сервантес вскоре после свадьбы сына решает окончательно вернуться в Кордову. Ему было под шестьдесят, половину жизни он провел в путешествиях по Испании, исполняя свои профессиональные обязанности. Теперь он мог отдохнуть и спокойно прожить остаток дней в родном городе, где он когда-то был так силен и могуществен, будучи чиновником Святой Инквизиции.

Точная дата его возвращения в Кордову неизвестна, но 24 августа 1550 года он был уже в городе вместе со своей верной Марией Диас, «черными» и «белыми» слугами, оставив большую часть семьи в Алькале и сына в Кабре.

В родной Кордове у него было все, что надо: множество друзей и неоспоримая и заслуженная профессиональная репутация. Чего еще можно было желать на старости лет?!

Глава 1

В НАЧАЛЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

РОЖДЕНИЕ МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА

Год рождения Мигеля де Сервантеса — 1547-й — сам по себе ничего примечательного не несет, но ему предшествовали важные исторические события.

*

Первая половина века насыщена великими открытиями, войнами. В 1519 году Гаспар и Эспиноса основали в Центральной Америке город Панаму, в этом же году Эрнандо Кортес^{10} вышел из Кубы, что повлекло за собой завоевание Мексики и открытие в 1519–1521 годах Никарагуа.

В 1520–1522 годах Магеллан и Элькано совершили кругосветное плавание.^{11}

В 1525 году состоялась битва при Павии.^{12}

В 1527 году в Вальядолиде подвергают суду идеи Эразма Роттердамского.^{13}

Двумя годами позже подписывается «Дамский мир» (1529), а еще через два года, в 1531 году, начинается завоевание Перу и Чили.

В 1535 году Хуаном де Мариана был взят Тунис.

В 1543 году был основан Буэнос-Айрес, а в следующем умерли Гарсиласо де ла Вега^{14} и Эразм.

Испанская поэзия благодаря введению итальянских размеров переживает подъем. В 1542 году умирает поэт Хуан Боскан-и-Альмогавер,^{15} осуществивший реформу испанского стиха, введя итальянские ренессансные и античные поэтические жанры и размеры. В 1543 году появился на свет известный драматург Хуан де ла Куэва.^{16}

Через два года, в 1545 году, состоялось первое заседание знаменитого Тридентского собора^{17} и был основан Симанкасский архив^{18} (Archivo de Simancas).

В 1546 году умирает Мартин Лютер^{19} — отец контрреформации. Его смерть совпадает с появлением первого «Индекса запрещенных книг», составленного инквизицией. Чуть позже умирают главные враги испанского императора Карла V — английский король Генрих VIII^{20} и французский монарх Франциск I.^{21}

Вскоре Карл выступит против протестантской лиги Смалькальда.^{22} В знаменитой битве при Мюльберге^{23} в 1547 году он одержит блестящую победу.

И, наконец, в 1547 году умирает великий завоеватель Нового Света Эрнандо Кортес, но рождаются два великих испанца — дон Хуан Австрийский, внебрачный сын короля Испании Карла V,^{24} и Мигель де Сервантес. Впоследствии последний будет сражаться в знаменитой битве при Лепанто под командованием первого.

*

Мигель де Сервантес был крещен в церкви Санта Мария ла Майор в Алькале-де-Энарес в воскресенье 9 октября 1547 года.

Церковь весьма древняя. Она упоминается в исторических документах уже в 1268 году. К сожалению, в 1936 году во время гражданской войны в Испании она горела и была почти полностью разрушена.

На крещении писателя присутствовали Хуан Пардо — крестный отец, церковный служака Бальтасар Васкес и священник, бакалавр Бартоломе Серрано.

Обращаем внимание, что Мигеля де Сервантеса именно крестили 9 октября, а вот когда он *родился*... История об этом умалчивает.

В этом он не одинок. Дата рождения Шекспира, как мы уже упоминали, тоже точно неизвестна. Та, которую часто называют — 23 апреля и когда официально отмечается его день рождения, установлена в значительной степени наугад, но она чрезвычайно привлекательна, так как совпадает с праздником Святого Георгия. Начиная с 1222 года, этот день отмечается в Британии как национальное торжество. Святой Георгий является также и покровителем Англии. Поэтому эта дата очень подходит и для дня рождения великого национального поэта. Один из биографов Шекспира обронил фразу о том, что в то время детей крестили на третий день после появления на свет. Замечание было подхвачено и...

В действительности это не имеет под собой документальных оснований. «Молитвенник» 1559 года действительно рекомендует родителям не откладывать крещение ребенка более чем до первого воскресенья или ближайшего после рождения младенца праздника святого. Но нигде в исторических документах не встречается указание, что между рождением и крещением должно быть именно три дня. Примерно таким

образом и рождаются на свет легенды, имеющие хождение в последующие времена как непреложные факты.

Мигеля де Сервантеса крестили 9 октября 1547 года. Между тем близость даты его крещения ко дню Святого Мигеля, 29 сентября, наталкивает на вполне обоснованное предположение, что это был день его рождения. По традиции имена в испанской семье передавались из поколения в поколение, но у Сервантесов Мигелей в роду не было. Поэтому можно с уверенностью предположить, что младенец был наречен Мигелем в честь дня Святого Мигеля — 29 сентября.

Таким образом, можно считать, что *четверг 29 сентября 1547 года является днем рождения Мигеля де Сервантеса Сааведры*. Надо оговориться, что расчеты относятся к староиспанскому стилю.^{25} Григорианский календарь был принят в Испании 9 декабря 1582 года, и следующим календарным днем было уже 20 декабря. Поэтому для приведения старого, юлианского календаря к григорианскому необходимо прибавить 10 дней. Следовательно, Мигель де Сервантес родился, по новому стилю, 9 октября 1547 года и был крещен 19 числа того же месяца.

В течение многих лет вопрос о названии города, в котором родился Сервантес, являлся причиной споров историков и библиографов. Не считая Алькалы-де-Энарес, еще девять городов (за право быть родиной Гомера спорили семь) претендовали на право считаться родиной автора «Дон Кихота»: Алькасар де Сан Хуан, Консуэгра, Севилья, Лусена, Мадридехос-и-Эренсия, Мадрид, Толедо, Эскивиас и Кордова. Сам Сервантес ни в одном своем произведении прямо и определенно не называет место своего рождения. Еще в 1743 году известный биограф писателя бенедектинец Мартин Сармьенто писал королевскому библиотекарю дону Хуану де Ириарте: «Что может быть еще более достойным сожаления, чем тот факт, что до сих пор неизвестна родина Мигеля де Сервантеса?» Неведение продолжалось еще девять лет, вплоть до 1752 года, когда благодаря поискам упомянутых Мартина Сармьенто и Хуана де Ириарте была обнаружена метрическая запись о рождении Сервантеса.

Сейчас тот факт, что именно Алькала-де-Энарес родина Сервантеса, является непреложной истиной и уже не подвергается сомнению или оспариванию.

Но дом, где появился на свет дон Мигель, был неизвестен еще в течение долгого времени. Существовали различные предположения, но все они не давали окончательного ответа. Ясность внес Луис Астрана Марин. В своем многотомном фундаментальном труде «Поучительная и героическая жизнь Мигеля де Сервантеса Сааведры», основываясь исключительно на

документальных фактах, он утверждает: «...Где же они (отец Мигеля Родриго де Сервантес и его семья) в таком случае жили?.. В собственном доме на улице Имахен, в доме, обращенном тыльной частью к госпиталю Антесана, в доме, который десять лет спустя продаст донья Мария де Сервантес, по разрешению своего отца, оформленному в Кордове 10 января 1551 года. К счастью, Родриго де Сервантес и женившись продолжал жить вместе со своей матерью и сестрой, и, таким образом, именно в этом доме, имеющем сейчас № 2 по улице Имахен, родился самый выдающийся из наших писателей».

Что же представлял собой родной город великого писателя?

Плиний^{26} в своей «Естественной истории» пишет, что современный город Алькала-де-Энарес был основан рядом с руинами древнего римского города Комплутум (Complutum), заложенного, по всей видимости, греками. Об анналах города, в значительной мере легендарных, пространно написано в работе испанского историка Амбросио де Моралеса «Древности городов Испании» (1575).

Позднее город был завоеван арабами и переименован в Алькалу. Он был отвоеван Альфонсом VI, и несколькими десятилетиями позже, в 1126 году, уже Альфонс VI подарил его архиепископу Толедскому дону Раймундо. Алькала приобрел определенный вес и различные привилегии.

Немало времени провели в Алькале-де-Энарес католические короли Фердинанд и Изабелла. Здесь они обсуждали и издавали многие известные королевские законы и указы. Здесь же произошло такое знаменательное событие, как рождение 16 декабря 1485 года инфанты Каталины, позднее королевы Англии, воспетой Шекспиром. В Алькале же родился 10 мая 1503 года и принц Фернандо, впоследствии император Германии.

В известном университете Алькалы-де-Энарес, основанном в 1508 году кардиналом Франсиско Химинесом де Сиснеросом и считающемся одним из старейших университетов Европы, учились принц дон Карлос, дон Хуан Австрийский. Посещал Алькалу и сам Филипп II, прозванный Благоразумным. Это случилось в 1562 году в связи с падением с лестницы принца дона Карлоса,^{27} послужившим, как считается, началом его болезни.

Еще одной известной личностью, имеющей отношение к Алькале-де-Энарес, является архипресвитер Итский Хуан Руис,^{28} автор известной «Книги о благой любви» — выдающегося памятника испанской литературы XVI века. Полагают, что он родился именно в Алькале.

Университет являлся гордостью города и одновременно его сердцем.

Во времена Сервантеса он насчитывал около пяти тысяч студентов. По сравнению с другим известным университетом — Саламанкским заведение в Алькале считалось хоть и более бедным, но более фундаментальным и свободным по духу. Тем не менее из стен университета вышло восемнадцать кардиналов римско-католической церкви. По решению административных органов в 1821 году университет из Алькалы был перенесен в Мадрид.

С общим упадком Испанской монархии в начале XVII века началось и угасание Алькалы-де-Энарес. Близость Мадрида, увеличение числа служителей монастырей вели к оттоку жителей из города, учебные заведения опустели, что привело к закрытию ряда кафедр. Кризис привел к тому, что город, столь славный и процветающий несколько веков назад, насчитывал в июле 1766 года только тысячу двадцать три жителя, а университет, в лучшие годы имевший шесть тысяч студентов, в 1786 году обучал только пятьдесят два человека.

Со временем Алькала начал возрождаться, и, несмотря на то, что гражданская война 1936 года нанесла городу новый страшный урон, его население к середине XX века составляло уже восемнадцать тысяч человек.

*

В то время, когда родился Мигель де Сервантес, в городе протекала бурная деловая, торговая и студенческая жизнь. Университет в Алькале-де-Энарес славился своими медиками, которых становилось все больше и больше. В «Новелле о беседе собак» Сервантес пишет, что из пяти тысяч студентов две тысячи были медиками. Матео Алеман в своем известном плутовском романе «Гусман де Альфараче» также иронично замечает, что в городе было очень много воров и медиков.

Естественно, в этом свете перспектива новой главы семейства Сервантесов — Родриго, приобщившегося к столь популярной профессии, выглядела весьма печально. Материальное положение семьи еще более ухудшилось с рождением брата Мигеля — Родриго, по традиции названного в честь отца и крещенного все в той же церкви Санта Мария ла Майор 23 июня 1550 года.

С прибавлением семейства Родриго де Сервантес почувствовал необходимость покинуть Алькалу и попытать счастья в Вальядолиде, излюбленном городе королевского двора. Так в возрасте трех с половиной лет Мигель де Сервантес отправится в свое первое путешествие, еще не

ведая, что именно эта участь — постоянных путешествий и переездов с места на место — будет сопровождать его всю жизнь.

Кроме материальной нужды еще одной причиной отъезда Родриго де Сервантес в Вальядолид могло послужить судебное разбирательство с маркизом де Когольюдо. Родриго якобы лечил его сына и то ли не вылечил, то ли прекратил лечение за безрезультатностью — неясно. Ясно только, что маркиз отказался заплатить медику. Родриго подал в суд, и дело было передано на рассмотрение в Вальядолид. И истец, вполне естественно, пожелал быть рядом с тем местом, где будет рассматриваться его петиция. Хотя во всех случаях наиболее убедительным мотивом его отъезда представляются финансовые проблемы — элементарное отсутствие средств к существованию.

Как раз в это время, в 1549 или 1550 году, племянница Родриго донья Мартина, плод любовной связи герцога де Инфантадо и дочери лиценциата Сервантеса Марии, удачно вышла замуж. Ее супругом, как мы уже писали, стал нотариус Диего Диас де Талавера.

Поддерживали ли Сервантесы из Алькалы отношения с домом Инфантадо? Неизвестно. Учитывая размах имевшего места скандала, скорее всего нет. Неизвестно также, помогал ли Мартин де Мендоса своей незаконнорожденной дочери. Единственно, что известно, это то, что донья Мартина стала женой старшего нотариуса архиепископства Толедского Диего Диаса де Талаверы, человека, имевшего вследствие занимаемой должности определенный вес в Алькале-де-Энарес.

В испанском обществе того времени социальный статус был чрезвычайно значим. И даже внебрачное происхождение ребенка, в данном случае доньи Мартины, меркло перед тем фактом, что ее отцом был сам герцог де Мендоса. Во всяком случае, Талавера (кстати, судя по приставке «де», из идальго) непрестанно об этом рассказывал и всячески этим гордился. А их внуки всегда с гордостью вспоминали о выдающемся предке, прибавляя при этом, что донья Мария де Сервантес и герцог сочетались законным браком.

Однако положение семьи Сервантесов от этого брака не улучшилось. На руках у полуглухого медика были: мать — донья Леонора, сестра — донья Мария, жена и четверо детей — Андреа, Луиза, Мигель и Родриго. И вся семья, конечно, очень надеялась на переезд в Вальядолид — поближе к королевскому двору, вокруг которого всегда кипела жизнь и была надежда обеспечить себя работой и, соответственно, средствами к существованию. Но нужны были средства на переезд.

Донья Мария, сохранившая кое-что из своего наследства, обратилась в

конце 1550 года в Кордову к своему отцу — лиценциату Сервантесу, чтобы он выслал необходимые документы для продажи принадлежавшего ей дома в Алькале. Как незамужняя женщина, она была подчинена воле и власти отца и не могла самостоятельно распоряжаться имуществом.

10 января 1551 года в Кордове лиценциат оформил доверенность с широкими полномочиями на продажу дома.

Проживая в Кордове, лиценциат в это время занимал весьма доходное место судьи. Со своими двумя слугами Педро Моньис, негром Бернардо и верной Марией Диас он вел образ жизни, достойный лучших представителей идальгии. 30 апреля 1551 года, предупреждая возможные претензии наследников, он отписал все имущество Марии Диас. Очевидно, это была благодарность за те двенадцать лет их совместной жизни, в которой она была ему и помощницей в делах, и хозяйкой в доме. Сумма составила 50 тысяч мараведис.

Этот документ поставил точку в отношениях между лиценциатом и остальной частью семьи, которая жила отдельно начиная с 1538 года. Спустя три месяца, 10 июля 1551 года, лиценциату был предложен пост адвоката Кордовы, который он и занял 9 декабря. Его карьера была не только удачной, но и последовательной, на исходе жизни он вернулся к тому, с чего начал, — к адвокатуре.

Относительно Андреса, сына лиценциата и брата Родриго, мы знаем то, что он не навещал семью в Алькале, а жил со своей женой в Кабре, где 27 марта 1548 года был крещен его первенец. Андрес находился в прекрасных отношениях с отцом и поэтому не нарушил семейных традиций — его сын был назван Хуаном в честь лиценциата Хуана де Сервантеса. У Мигеля же, таким образом, появился двоюродный брат.

В ВАЛЬЯДОЛИДЕ

Весной 1551 года семейство Родриго вместе с его матерью доньей Леонорой и сестрой Марией, продавшей дом в Алькале, переехало в Вальядолид, тогдашнюю столицу Испании. Из имущества в Алькале-де-Энарес осталось только несколько клочков земли, сданной в аренду. В апреле-мае Сервантесы уже обосновались в Вальядолиде.

Денег у Родриго почти не было, выручали сестра и мать. Донья Мария арендовала у некоего Диего де Гормаса двухэтажный домик на весь 1552 год.^[29] Семья Родриго заняла первый этаж, мать и сестра — второй. Жизнь, казалось, налаживалась.

Глава семьи начал интенсивные поиски работы. Он даже нанял слугу — некоего Кристобаля де Вегиля, парня лет двадцати, жаждущего овладеть «премудрой» профессией медика-хирурга. Но после продолжительных и безуспешных поисков Родриго понял, что ему найти какой-либо заработок почти невозможно.

Город был наполнен медиками, и притом первоклассными. И ему, гложущему чужаку, обзавестись клиентурой было делом напрасным.

Через несколько месяцев бесплодных попыток заработать хоть какие-то деньги он дошел до крайней степени нужды. И был вынужден пойти на мошенничество — взять кредит под якобы принадлежащее ему имущество. Хитрость, нередко встречавшаяся в то время.

В 1551 году 5 ноября Родриго подписал долговую расписку, где за него ручались сестра донья Мария и некий Педро Гарсия, в том, что в день Святого Хуана в 1552 году он обязуется вернуть некоему Грегорио Романо долг в 44 472 мараведис, полученных под залог серебряных подсвечников, бокалов и чайничка.

То, что это было мошенничество, известно доподлинно. Все было шито белыми нитками, но тем не менее донья Мария и Педро Гарсия (главный поручитель) подписались под этим документом. Видимо, нужда совсем приперла.

Незаметно подошло время уплачивать долг. Денег взять было неоткуда. К тому же Сервантесы задолжали еще и домовладельцу, так как уплатили за аренду домика только за пол года. Таким образом, у них было два долга — Грегорио Романо и Диего де Гормасу, владельцу жилья. Позже выяснится, что Родриго был должен еще и Педро Гарсия, своему поручителю. Ситуация сложилась крайне тяжелая.

В начале июля 1552 года Грегорио Романо подал иск против Родриго. Он предъявил в суде расписку и потребовал посадить должника в публичную тюрьму, арестовать как имущество самого должника, так и имущество его поручительницы доньи Марии. Маленькому Мигелю в то время было пять лет.

В Испании того времени тюремное заключение за долги было обычным делом и часто применяемым наказанием. В истории России существовали долговые ямы, пребывание в которых было не столько тяжко, сколько позорно, вследствие чего подобная мера действовала весьма эффективно.

И сидеть бы Родриго де Сервантесу в тюрьме... Но он был идальго, то есть испанским дворянином (слово «идальго» этимологически выглядит как «hijo de algo» — сын кого-то, чей-то сын, имея в виду, что этот «кто-то» лицо уважаемое). В связи с этим прокурор Франсиско де Педроса заявил суду, что к должнику невозможно применить наказание тюремным заключением, так как он является идальго. Истец, в свою очередь, понимал, что если Сервантес не попадет в тюрьму, то вероятность получить свои деньги назад, учитывая финансовое положение Родриго и его семьи, равняется нулю. Поэтому естественным желанием истца было посадить должника в тюрьму, чего он в конце концов и добился.

Через два дня после того как Родриго де Сервантес все-таки оказался в тюремной камере, его имущество было описано. Можно сказать, что благодаря мошенничеству отца Мигеля сервантистике «чрезвычайно повезло». Ведь трудами судебных исполнителей мы имеем пространный список того скарба, которым владела семья Сервантесов.

Именно скарба. Имущество состояло из спальных принадлежностей, предметов первой необходимости и некоторых предметов мебели. В доме было только три стула, причем два из них сломанных, несколько деревянных скамеечек, очевидно для детей. Не было даже стола. Обстановка была действительно чрезвычайно бедной. Хотя, кто знает, может быть в ожидании описи наиболее ценные вещи были хозяевами вынесены или спрятаны?

Донья Леонора де Кортинас была в это время на восьмом месяце беременности. А Родриго продолжал сидеть в тюрьме, и надежды на скорое освобождение у него было мало.хлопоты идалгии по его освобождению продвигались ужасно медленно.

На протяжении всего процесса ни разу не была упомянута профессия Родриго. Очевидно, ее упоминание было почему-то невыгодно обвиняемому. А может быть, потому, что в Вальядолиде он не имел

практики? Возможна и еще одна, наиболее вероятная причина. Идальго мог быть бедным, что в эту эпоху было обычным явлением, но благородным. Другими словами, не опускался до физического труда. А фельдшерская практика — это своего рода физический труд, недостойный идальго.

Прокурор Франсиско де Педроса 8 июля 1552 года снова обратился в суд с просьбой освободить заключенного и снять арест с его имущества в связи с тем, что он и его предки являются наследственными идальго. Суд отнесся к этому благосклонно, но потребовал доказательств благородного происхождения обвиняемого. И через некоторое время Франсиско де Педроса представил суду результаты опроса людей, знакомых с Родриго де Сервантесом и подтверждающих его идальгию. Это вкупе с письменным обращением самого заключенного в трибунал весьма способствовало приближению его освобождения.

В своем прошении Родриго, в частности, писал: «...я не имею в этом городе (Вальядолид. — А. К.) даже дома, так как являюсь уроженцем Алькалы-де-Энарес и поэтому владею домом как в указанном городе, так и в других местах (очевидно, имея в виду имущество своей жены в Арганде. — А. К.). И поэтому могу заплатить противной стороне. Имеющейся же ренты хватает только на хлеб насущный (*para pan codigo*)».

В то время как шла борьба за освобождение из долговой тюрьмы доня Родриго, донья Леонора де Кортинас 22 июля родила девочку, окрещенную Магдаленой. Это имя не является традиционным для рода Сервантесов. И оно явно было дано в честь праздника Святой Марии Магдалены.

Наконец в январе 1553 года пришел важный документ из Мадрида — свидетельство трех человек, подтверждающих идальгию Родриго. Было еще и свидетельство четырех жителей Алькалы-де-Энарес, которые знали семью Сервантесов на протяжении многих лет «как истинных идальго».

Все это дало возможность выпустить Родриго временно из тюрьмы. Он сумел каким-то образом получить необходимую сумму из Мадрида и Алькалы и в начале весны 1553 года распрощался с тюремной камерой окончательно. Простился Родриго и с Вальядолидом, городом, который принес ему только несчастья.

Родриго де Сервантес решил вернуться в Алькалу. И хотя это тоже не сулило ему ничего обнадеживающего (немногочисленная клиентура за время его отсутствия рассеялась, убогое жилье в ходе процесса было продано), все-таки это был его родной город.

Продав последнее, что имели, Сервантесы летом 1553 года перебрались обратно в Алькалу-де-Энарес.

Родриго был вынужден пойти на мировую со своим отцом. Очевидно,

он написал ему в Кордову письмо с просьбой о помощи и примирении. Суровый лицензиат, желая провести остаток своих дней в окружении внуков и родни, видя со стороны восставшей семьи такой явный шаг навстречу, позвал к себе.

Для Родриго это была спасительная соломинка. И восемь человек (донья Мария осталась в Вальядолиде): Родриго, его жена, мать и пятеро детей — отправились в дальний путь.

Осенью жизнь в Алькале только начиналась, многочисленные и шумные студенты возвращались с каникул, чтобы приступить к занятиям в университете.

Сначала Сервантесы отправились в Мадрид, а уже оттуда в Кордову. Этот путь занял восемь дней и составил шестьдесят два лье.^{30} К цели назначения они прибыли вконец обнищавшие. Так начался кордовский период в жизни Мигеля де Сервантеса.

В КОРДОВЕ

В Кордове царила спокойная деловая жизнь. К концу XV века город насчитывал всего около 25 тысяч жителей, но к 1570 году население существенно увеличилось за счет пяти тысяч изгнанных из Гранады и теперь обосновавшихся в Кордове морисков. К середине XVII века число жителей достигло 45 тысяч. Но именно в это время почти треть города сразила бубонная чума.

В настоящее время в Кордове — столице одноименной провинции Испании — проживает более 300 тысяч человек.

Семилетний Мигель увидел город, который оставался одним из первых в королевстве, где во всем чувствовалось богатство и преуспевание. Образы и темы Кордовы впоследствии украсят страницы многих произведений Мигеля де Сервантеса и прежде всего бессмертного «Дон Кихота».

К сожалению, никаких документов о пребывании семьи Мигеля в Кордове не сохранилось, за исключением одной долговой расписки его отца. Именно благодаря ей мы и знаем о том, что маленький Сервантес часть детства провел в городе своих предков. Этот период жизни будущего автора «Дон Кихота» считается в сервантистике одним из наиболее «темных» и малоизученных.

Родриго де Сервантес вместе с семьей прибыл в город в конце октября 1553 года. Несмотря на то, что отношения между лицензиатом и другой частью семьи улучшились, жили они порознь. Глава семьи сразу же принялся за поиски работы. Здесь он мог найти работу гораздо быстрее. Его отец лицензиат Хуан де Сервантес был в городе известным человеком и занимал солидные должности. Его ближайшим другом являлся некто Фелипе де Исбарройа, также служивший адвокатом и одновременно медиком Святой Инквизиции.

Мы уже упоминали документ, в котором Мигель де Сервантес пишет, что он «является сыном и внуком людей, чиновников Святой Инквизиции в Кордове». Отсюда можно сделать вывод, что и отец Мигеля Родриго служил на благо католической веры. Весьма вероятно, что он служил лекарем в инквизиционной тюрьме под началом Фелипе де Исбарройа и нескольких других медиков.

Возможно, что он подрабатывал и еще где-либо, но так как документы о периоде с 1553 по 1558 год не сохранились, то трудно утверждать что-

либо однозначно.

В Кордове, как и в любом крупном городе Испании, насчитывалось с избытком учителей чтения, письма, счета, латинского языка и других дисциплин. Между тем общий уровень образования для такого культурного центра, как Кордова, был довольно средним, здесь не было даже достойного учебного заведения для получения среднего образования, хотя попытки организовать его предпринимались.

Образование детей весьма заботило Родриго де Сервантеса, хотя это требовало немалых средств. Между тем дочери уже умели писать. В то время среди женщин это встречалось крайне редко. Достаточно сказать, что мать Родриго донья Леонора де Кортинас, старшая и любимая дочь такого уважаемого медика, каким был бакалавр Диас де Торребланка, была неграмотной. Поэтому среди первых задач значилось для Родриго, гордившегося своим званием идальго, определение детей в школу.

Семилетний дон Мигель, видимо, пошел в школу именно в Кордове, городе своих предков. В какую школу — неизвестно. Но предположений у исследователей достаточно.

Так, например, Луис Астрана Марин пишет, что в то время в Кордове существовала школа некоего Алонсо де Вьераса, принадлежавшего к ветви Сервантесов, пришедшей в Кордову из Гранады. Вероятно, род Сервантесов, к которому принадлежал Мигель, и эта ветвь были в каких-то родственных отношениях. Следуя логике исследования, ученый выдвигает гипотезу о том, что Мигель де Сервантес мог начать свое обучение именно в школе Алонсо де Вьераса.

И в этом он, вероятно, прав: живая, внутренняя логика исторических событий зачастую вернее и правдивее документальных источников, которые иногда вводят нас в заблуждение.

Здесь же в Кордове Сервантес познакомился со своим впоследствии очень близким другом Томасом Гутьерресом, в защиту которого Мигель позднее выступит на процессе в Севилье.

Гутьеррес был чуть старше своего друга. Отец его был чулочником. Томас унаследовал профессию отца. Торговал, воевал. Женился на некой Марии де Чавес, но очень скоро ушел от нее (детей не было), чтобы снова пуститься в полную авантюру жизнь. Так все и продолжалось, пока на склоне лет он не попал под суд и не обратился за помощью к своему старому приятелю Мигелю де Сервантесу, в то время комиссару (comisario) по закупкам продовольствия для Непобедимой армады.^{31} Но об этом речь еще впереди.

Предположительно в 1554 или 1555 году в семье Сервантесов родился

младший брат Мигеля — Хуан. О нем известно только, что он был еще жив в 1585 году, так как его имя упоминается среди других детей в завещании, подписанном Родриго де Сервантесом в Мадриде и помеченном этой датой. Очевидно, к 1593 году он уже умер, поскольку не упоминается в семейных документах. Имя ему дали в честь деда — лиценциата Хуана де Сервантеса, который наконец на склоне лет удостоился этой чести от своего сына Родриго. А так как лиценциат скончался 11 марта 1556 года, то рождение и крещение Хуана должно было произойти до этой даты. Больше о младшем брате Мигеля не известно ничего.

Известно, что Сервантес учился в коллегии «Общества Иисуса», проще говоря, у иезуитов,^{32} но подробности обучения мы не знаем... Сам экс-ученик в «Новелле о беседе собак» словами пса Бергансы описывает это следующим образом: «Есть какое-то особое очарование в добродетели, ибо, несмотря на то, что она мне почти, или, вернее, совсем неизвестна, мне сразу понравилось видеть любовь, благочиние, усердие и искусство, с какими эти святые отцы и наставники обучали детей и выращивали нежные побеги юности, дабы не искривились они и не уклонились с пути добродетели, в которой наравне с науками они их укрепляли. Я обратил внимание, как мягко они им выговаривали, как снисходительно наказывали, как воодушевляли примерами, поощряли наградами и как разумно жалели; как они расписывали им ужас и безобразие пороков, как изображали красоту добродетелей для того, чтобы, возненавидев первые и возлюбив вторые, их питомцы исполнили цель своего воспитания».

Обучение в коллегии иезуитов состояло из подготовительного курса, затем следовали три курса латыни, курс риторики и гуманитарных наук. Очевидно, в 1555–1556 годах Мигель учился в Кордове, затем продолжил образование в Севилье.

Нас, однако, значительно больше интересует сам факт обучения Сервантеса. Ведь «Общество Иисуса» было многочисленной и могущественной организацией, воспитывающей своих питомцев в строгом католическом духе.

«Общество Иисуса» было основано в Париже в 1534 году испанским идадьго и убежденным католиком Игнасио Лайолой. В прошлом военный, он прожил жизнь, полную приключений.

В 1540 году папа Павел III^{33} для борьбы с «христианскими врагами» и отступниками веры утвердил создание нового религиозного ордена, хотя некоторые кардиналы, ссылаясь на то, что уже имеется достаточное количество орденов, а создание новых запрещено курией, были против.

Поэтому в виде компромисса было решено установить для «Общества Иисуса» норму в 60 человек. Однако через три года это ограничение было отменено. Дело в том, что в связи с распространением в Европе протестантизма и других не католических религий появление воинствующего католического ордена было очень кстати. Новая религиозная организация была призвана стать мощным орудием католической церкви в борьбе против Реформации. Кроме того, члены ордена также активно участвовали в деятельности Святой Инквизиции.

Иезуитская организация весьма отличалась от других католических орденов. Лайола создал «Общество Иисуса» по принципу регулярного войска. Здесь существовала строгая централизация и железная дисциплина. Подчинение старшему по иерархии было беспрекословным. Руководитель ордена — генерал («черный папа»), который избирался пожизненно и подчинялся только папе римскому, обладал абсолютной властью. Для членов ордена была разработана особая система руководящих принципов. Во имя «вящей славы божьей» она позволяла в зависимости от обстоятельств довольно свободно толковать основные существующие тогда религиозно-нравственные требования, идти на любой обман, совершать любые небогоугодные поступки.

Папа, учитывая особую роль «Общества Иисуса», даровал его членам ряд весьма необычных для монахов привилегий: они могли носить светскую одежду, освобождались от многих обязательных для католического духовенства предписаний и запретов, несли ответственность исключительно перед старшим по сану в своем ордене. С этим сочеталась тотальная система доносов — каждый следил за своим соседом.

Уже в первые годы после основания орден в своей деятельности вышел за пределы Европы: в 1542 году иезуиты проникли в Индию, в 1549-м — в Японию, в 1563-м — в Китай, в 1594-м — на Филиппины. «Общество» превратилось в космополитическую организацию.

Иезуиты пользовались в то время репутацией людей хорошо образованных, обладавших весьма обширными познаниями в самых разных областях науки. Среди профессоров — членов «Общества Иисуса» многие прошли курс в двух европейских университетах, на средства ордена совершали образовательные поездки по различным странам. Среди них были не только богословы, но и музыканты, специалисты по церковному, гражданскому и военному строительству, металлургии, печатному делу и многому другому. Орден уделял системе образования огромное внимание. И в случае необходимости мог отыскать нужного специалиста для любой отрасли, как науки, так и практической деятельности, а учитывая

многонациональный уклад ордена, знание нескольких иностранных языков было делом вполне обычным.

Иезуитские школы, колледжи и университеты пользовались наиболее высокой репутацией. Сервантес об обучении в стенах иезуитской коллегии оставил самые добрые воспоминания.

Дед Мигеля, лицензиат Хуан де Сервантес, скончался в первой половине 1556 года. По свидетельству жены лиценциата, он нашел последнее пристанище в монастыре Иисуса Распятого. Там самом, в котором была монахиней его дочь Каталина. На надгробии написали: «Грешник, Бог тебя простит».

Со смертью лиценциата положение семьи Родриго де Сервантеса снова ухудшилось.

В следующем году умирает мать Родриго донья Леонора де Кортинас. Ее похоронили рядом с мужем.

Начиная с этого времени мы не имеем документальных свидетельств о жизни и передвижениях лекаря Родриго де Сервантеса и, соответственно, его семьи вплоть до 1564 года, когда он обнаруживается в Севилье.

Семейные несчастья, однако, никак не сказались на образовании десятилетнего Мигеля. Мальчик продолжал посещать учебное заведение иезуитов.

Родриго теперь не на кого было рассчитывать, кроме как на своего брата Андреса, получившего вместе со своей женой неплохое приданое и занимавшего хорошую должность в Кабре. Возможно, лекарь и его семейство отправились туда. Ведь Кабра принадлежала третьему герцогу де Сесса, который в свое время покровительствовал деду Сервантеса и даже назначил его главным алькальдом. Герцог также был меценатом и весьма образованным человеком, поэтом и другом поэтов. Он всегда относился с вниманием к семье Сервантесов. Забегая вперед, скажем, что он окажет немало услуг Мигелю деньгами и протекцией. В частности, герцог напишет королю Филиппу II рекомендательные письма для Сервантеса.

Хорошее социальное положение брата Андреса и расположение к Сервантесам герцога де Сессы — все вместе скорее всего и повлияло на маршрут движения Родриго с семьей. Кабра — вот город, в котором Мигель, вероятнее всего, прожил следующие пять лет своей жизни, вплоть до 1563 года, когда семья переедет в Севилью.

В 1559 году 20 января будет крещена под именем Антонии следующая дочка Андреса де Сервантеса, двоюродная сестра писателя. Эта радостная весть была омрачена известием, что в Алькале-де-Энарес скончалась донья

Мария де Сервантес, родная тетка Мигеля.

В СЕВИЛЬЕ

Война между Францией и Испанией наконец закончилась в 1559 году подписанием мирного договора. Король Филипп II женился на Исабель де Валуа, дочери Генриха II^{34} и Екатерины Медичи,^{35} прозванной за это Исабель Мирная. Это была уже его третья супруга.

Если верить хроникам, принцесса была «маленькая, с хорошей фигуркой, тонкой талией, с круглым лицом пшеничного цвета, черными волосами, веселыми и добрыми глазами, весьма приветливая». Для сервантистов значимость этой аристократки состоит в том, что именно она стала первым поэтическим объектом пера Мигеля де Сервантеса, в ее честь был написан первый известный нам сонет будущего автора «Дон Кихота».

Бракосочетание особы королевского дома было большим событием и пышно праздновалось французским двором.

Торжество, однако, было омрачено смертью короля Генриха II, отца невесты: во время участия в рыцарском турнире в честь свадьбы дочери он получил ранение в голову и скончался 9 июля 1559 года.

После окончания всех празднеств Филипп II решил сделать столицей испанской монархии Мадрид. Толедо^{36} был слишком мал, чтобы вместить громаду королевского двора, Вальядолид уже был столицей. Мадрид же являлся быстрорастущим городом с перспективой на будущее. За короткий промежуток времени его население выросло с 12 до 60 тысяч человек.

Теперь Мадрид стал средоточием королевской власти с ее величественным замком Эскориал.^{37}

*

Время шло. В семье брата Родриго Андреса произошло очередное прибавление семейства. В сентябре 1564 года крещен мальчик, которому в честь брата было дано имя Родриго, еще один двоюродный брат Мигеля. Донье Андреа, сестре писателя, исполнилось восемнадцать лет, Мигелю и его двоюродному брату Хуану, сыну Андреса, — пятнадцать. Пора было подумать об их дальнейшем образовании. К тому времени Мигель уже закончил два курса в коллегии иезуитов, и у него рано проявилась склонность к занятиям и чтению книг. Впереди открывалась новая страница с заманчивым названием — Севилья.

Севилья — сердце Андалусии — в середине XVI века была крупным промышленным и культурным центром Испании, такой она осталась и до нашего времени.^{38} Поговорка испанцев «кто не видел Севильи, тот не видел чуда» — полностью передает впечатление, которое производит этот город. Андалусия — одна из красивейших провинций Испании. Известные своей красотой города, как, например, Гранада, Кордова, Севилья, Малага, украшают Андалусию.^{39}

В 1563 году в Севилье проживало около 90 тысяч жителей. И в эту многотысячную сумятицу незаметно влились Родриго де Сервантес и его семья. Очевидно, с ними еще был племянник Родриго, Хуан, которого родители отправили на учебу в Севилью.

На новом месте Мигель продолжил свое образование у иезуитов. Вероятно, с ним вместе, скорее всего даже в один класс, ходил и сын Андреса Хуан.

К 1564 году в классах, патронированных «Обществом Иисуса» в общей сложности училось около пятисот студентов. Особое внимание уделялось латыни: много читали, переводили, учили наизусть. Это хорошее классическое образование Мигеля еще проявит себя в его литературном творчестве.

Сестре Мигеля Андреа де Сервантес исполнилось двадцать лет, возраст замужества. Но любовный роман девушки с неким Николасом де Овандо закончился всего лишь рождением дочери Констансы.

Увы, история не нова, и XVI век в этом отношении близок XX...

Важным событием в жизни юного Сервантеса было посещение в 1564 году в Севилье пьес комедиографа, поэта и актера, основоположника испанской драмы Лопе де Руэды. Об этом событии вспоминает и сам Сервантес. «Великий Лопе де Руэда» — так называет он драматурга, которого недаром называют «литературным отцом Сервантеса».

Родная сестра Мигеля Луиза решила уйти в монастырь кармелиток^{40} и принять постриг. Поэтому ее отец Родриго отправился в Алькалу-де-Энарес, где в это время жила Луиза. Вместе с ним выехали Мигель и, видимо, племянник Хуан, сын Андреса. Первый — с тем, чтобы помогать отцу в делах в связи с его прогрессирующей глухотой, второй — к отцу в Кабру.

Путь их лежал через Кордову, Толедо и Мадрид — другой дороги не было. В конце поздней осенью 1564 года они уже прибыли в Алькалу-де-Энарес.

Выполнив необходимые формальности, Луиза де Сервантес, став в

монашестве Луизой де Велен, вступила в монастырь кармелиток 11 февраля 1556 года. В этот день ей выдали благословенное монашеское одеяние. Потом ей предстояло пройти послушание, прожив в монастыре несколько месяцев. Принятие пострига, дату которого мы точно не знаем, очевидно, имело место в 1567 или 1568 году.

Порядки в монастыре были очень суровыми. Настоятельница Мария де Хесус и ее последователи считали обувь излишней, за что получили прозвище «босоногих». До 1576 года они ходили не только босиком, но и не носили теплой верхней одежды. Монашеское одеяние состояло из грубой шерстяной ткани, головного убора с покрывалом, закрывающим лицо, который не снимался никогда, кроме как для стирки или замены. Постель — тюфяк, набитый виноградной лозой. Еда была только великопостной. В Алькале-де-Энарес кармелиток за смирение называли «монашенками».

Впоследствии чрезмерные строгости были смягчены. Монахиням, хотя и не всем, было разрешено носить полотняную обувь с подошвой из дрока или пеньки.

На скудное пропитание «босоногие» кармелитки зарабатывали своим трудом и милостынями. Широко известен был производимый ими «миндаль из Алькалы».

В монастыре велась специальная книга, в которую вносились имена всех монахинь монастыря и их мирские имена, принадлежность к определенной фамилии, откуда они родом и каким образом приняли постриг.

Сестра Мигеля сделала неплохую «карьеру».

В 1575 году Луиза де Сервантес была назначена ризницей. [\[41\]](#)

В 1580-м выборов не было.

В 1585-м она — ключница.

В 1593 году — заместительница настоятельницы.

В феврале 1602 года ее избирают настоятельницей. Снова переизбирают на эту должность в 1605 году, когда появляется первая часть «Дон Кихота».

24 августа 1620 года Луиза де Сервантес третий и последний раз становится настоятельницей.

Мигель де Сервантес неоднократно навещал в Алькале-де-Энарес свою сестру-кармелитку. Дата ее смерти неизвестна.

ВЕРИЛ ЛИ СЕРВАНТЕС В БОГА?

А сам будущий автор «Дон Кихота» был верующим человеком? Безусловно. В самой католической стране Европы, да еще в XVI веке по-другому и быть не могло.

И тем не менее вопрос о религиозной вере Сервантеса и ее искренности совсем не прост и вовсе не однозначен. Религиозная вера, отношение к церковным догматам — понятия слишком сложные, особенно когда речь идет о человеке гениальном. Известный сервантист Америко Кастро в книге «Мышление Сервантеса» пишет: «Упорядочить отношения Сервантеса с религией дело достаточно сложное. Инквизитор для одних, либеральный прогрессист для других — действительно, можно запросто растеряться, пытаясь дать этим отношениям какую-либо четкую формулировку».

Не проливает свет на интересующую нас тему его литературное творчество. Америко Кастро в связи с этим считает писателя «великим притворщиком». «В конце XVI века, — пишет исследователь, — у людей наиболее выдающихся (таких, как Джордано Бруно, Кампанелла, Тассо, Декарт. — А. К.) существовала особая форма религиозности, сложившаяся в результате конфликта возрожденческих идей (в основе своей атеистических или пантеистических) с католицизмом, представленного традицией, социальным порядком, сильными чувствами индивидов и коллективов... У Сервантеса, ввиду его включенности в историческую ситуацию, в которой он жил, мы обнаруживаем отражения этого сложного мироощущения, касающегося религиозного мышления. Да, католического... но в форме, в которой это было у других гениальных людей, охваченных новыми веяниями... Его христианство... напоминает в отдельных случаях более Эразма, чем Тридент». И еще одно утверждение: «Его христианство коренится более в *поведении*, чем в видимых церемониальных действиях» (курсив мой. — А. К.).

Итак, для Америко Кастро Мигель де Сервантес человек верующий, но эразмист «в отдельных случаях». Но кто такой сам Эразм Роттердамский, каковы были его взгляды на религию?

Эразм Роттердамский — псевдоним Герхарда Герхардса (1469–1536), нидерландский ученый-гуманист, богослов и писатель, один из виднейших деятелей Ренессанса. Основа его философской доктрины — возрождение идеалов раннего христианства. Он известен толкованием евангелия в

нравственно-аллегорическом смысле. Реформацию он не принял, испуганный агрессивностью и фанатичностью Лютера.

Труды гуманиста хорошо знали и почитали в испанском обществе. Он получил поддержку со стороны испанской короны, считался наставником императора Карла V, который хотел использовать идеи Эразма для достижения своих политических целей. Карл полагал, что на их основе возможно примирение католиков и протестантов. Вслед за императором ученому стал благоволить весь двор, даже верховный инквизитор Альфонсо Манрике.

Преподаватель Саламанкского университета Луцио Маринео Сикуло, его современник, писал: «Всякий, кто не является другом Эразма, кто не уважает и не почитает его, без сомнения, будет осужден либо как невежда, либо как завистник или будет считаться дурным или суеверным человеком, похожим на тех, кто несправедливо обвинил Христа».

Начиная с 1516 года эразмистское движение, пользуясь официальной поддержкой, получает широкое распространение, оказывая глубокое влияние на культурную и общественную жизнь испанского общества вплоть до 1559 года, когда большинство сочинений Эразма было внесено в «Индекс запрещенных книг» («Индекс Вальдеса»).

Было бы по меньшей мере странным, если бы идеи нидерландского гуманиста не оказали влияния на такой живой ум, как у Сервантеса. Думаю, Америко Кастро несколько преувеличивает, говоря, что гибридными католико-гуманистическими идеями были проникнуты только выдающиеся люди. Скорее надо говорить обо всем образованном слое эпохи. К тому же есть еще один нюанс — кем больше был Сервантес: солдатом или писателем? Сам писатель, кстати, утверждал первое. А если это так, то вряд ли профессиональный солдат проникся гуманистическими идеалами Возрождения столь глубоко, чтобы подвергнуть рефлексии католическую веру. Он был и остался католиком — но с небольшой «гуманистической» коррективой.

Заметим, что есть и точки зрения исследователей, рассматривающих Сервантеса как последователя идей Тридентского собора и контрреформации. [\[42\]](#)

Начало этому направлению в сервантистике положили работы, появившиеся в 1920-е годы: «Конец гуманизма» Джузеппе Тоффанина и «Сервантес-реакционер» Чезаре де Лоллиса. Последний, в частности, отметил, что «Сервантес на протяжении своего творчества стремился угождать Святой Инквизиции». Позднее эту точку зрения поддержали и развили в своих работах другие авторитетные исследователи: Г. Готцфельд,

А. Рамирес-Араухо, Х. Касальдуэро, Рикардо дель Арко и др. Например, Ф. Мальдонадо де Гевара полагает, что у Сервантеса нет ни одной «не строго католической мысли», каждое его слово — слово «писателя типично испанского и тридентского». [\[43\]](#)

Повторимся: Сервантес был правоверным католиком, а вот насколько он был толерантен и лоялен по отношению к *официальной* церкви — это вопрос. Так, Астрана Марин пишет, что Мигель де Сервантес всегда предварял свою подпись крестом. Он питал чувство глубокого уважения к Матери Тересе (1522–1580), известной своим аскетизмом и глубокой верой монахини, основательнице монастыря «босоногих» кармелиток в Алькале. В 1614 году он посвятил ей стихотворение с названием «На экстаз нашей Блаженной Матери Тересе де Хесус» («A los extasis de nuestra Beata Madre Teresa de Jesus»).

ВНЕБРАЧНАЯ ПЛЕМЯННИЦА

Отец и сын Сервантесы, завершив все свои дела в Алькале-де-Энарес, отправились обратно в Севилью. В конце марта 1565 года умирает известный драматург Лопе де Руэд. Точная дата его смерти неизвестна, мы знаем только, что 21 марта он был так тяжело болен, что не смог подписать свое завещание. Очевидно, вскоре и умер.

Видимо, проезжая через Кордову, Сервантесы были свидетелями его похорон. По крайней мере, автор «Дон Кихота» точно знает место его захоронения в соборе. К тому же само присутствие Сервантесов в Кордове именно в это время документально подтверждено.

В 1565 или 1566 году появилась на свет племянница Мигеля де Сервантеса — Констанса, дитя связи Андреа де Сервантес, сестры Мигеля, и Николаса де Овандо, ее любовника, который так никогда на ней и не женился. Мы об этом уже упоминали.

О самой племяннице Мигеля нам мало что известно. Виновник же появления на свет племянницы Сервантеса Николас де Овандо был из богатой и знатной семьи, восходящей к одному из лучших домов Эстремадуры,^[44] юноша с хорошими видами на будущее. Его отец был алькальдом Каса-и-Корте и членом Королевского Совета. Семья Сервантесов благосклонно отнеслась к этому знакомству, сулившему немало приятных надежд. Но судьба в очередной раз не улыбнулась Сервантесам. Сам Николас, может быть, и готов был сочетаться законным браком, но, видимо, его семья была против такого союза. Во всяком случае, существует достаточно обоснованное предположение, что за все доставленные «неприятности» он выплатил Андреа изрядную денежную компенсацию — свою долю в фамильном наследстве, около 300 тысяч мараведис.

К этому надо добавить, что, вероятно, все-таки существует провидение Господне. Некий приткий молодой человек так же поступил с его сестрой — Марией де Овандо.

Случай, произошедший с Андреа де Сервантес, для Севильи того времени не был чем-то необычным. Такого рода обманы и даже измены парадоксально контрастировали с суровостью обычаев и законов. Наказания за прелюбодеяние бывали ужасно жестоки. В качестве примера можно привести один подлинный, документально подтвержденный случай.

В январе 1565 года некий трактирщик Сильвестре де Ангуло

обратился в суд по поводу измены жены с каким-то мулатом. Связь подтвердилась, и виновных заключили в тюрьму, где они пробыли около двух лет. Суд приговорил их к смерти. Согласно закону приговор должен был привести в исполнение сам «рогатый» муж.

В день казни площадь была заполнена народом. Все желали увидеть смерть прелюбодеев. Осужденных подняли на помост и поставили на колени. Следом за ними поднялся обманутый муж в окружении монахов францисканцев и иезуитов. Монахи встали на колени перед истцом и стали именем Господа умолять его простить супругу и ее любовника. Обманутый муж отверг их уговоры, сказав, что свое бесчестье может смыть только кровью. Все мольбы монахов были бесполезны. Трактирщик достал из-за голенища сапога нож и начал наносить им удары сначала своей жене, а затем мулату. Утолив свою ярость и залив кровью весь помост, он уже собрался спускаться вниз, когда кто-то из толпы крикнул: «Смотри, мулат еще шевелится!» Резко повернувшись и выхватив шпагу, экс-супруг стал наносить новые удары по уже неподвижным телам казненных. После этого, повернувшись лицом к толпе, он проорал победным голосом: «Долой рога!» Событие это, надо думать, надолго осталось в памяти жителей Севильи.

Сервантес, похоже, знал о таких случаях и не одобрял подобной жестокости, что нашло отражение в VI и VII главах третьей книги «Персилеса и Сихизмунды». Особенно в эпизоде, когда Периандр убеждает поляка Ортеля Банедре не поддаваться чувству мести: «...Вы только подумайте: много ль выиграете вы от того, что суд отдаст вам ваших врагов, связанных и уничиженных, и вы при огромном стечении народа, размахивая ножом и грозя перерезать им горло, будто в самом деле, как вы сказали, их кровь сможет омыть вашу честь, возведете их на эшафот? Повторяю: много ли вы от этого выиграете? Ничего, кроме того, что ваше бесчестье станет очевидным для всех. Надобно вам знать, что месть способна покарать, но она не уничтожает самого преступления, и если человек добровольно в нем не раскается, то такого рода преступление никогда из памяти человеческой не изгладится, оно будет жить в ней вечно, во всяком случае, пока жив тот, кому нанесено оскорбление. Одумайтесь же, сеньор, и не взывайте к правосудию — пусть лучше в сем случае действует милосердие. Речь идет не о том, чтобы вы простили жену и снова отвели ее в свой дом — такого закона нет. Речь идет лишь о том, чтобы вы о ней позабыли, и это послужит ей самым тяжким наказанием. Вы можете жить только вдали от нее; если же вы вновь соединитесь, то это будет для вас медленная смерть. Недаром у римлян был очень принят развод.

Конечно, высшим актом милосердия было бы простить ее, приютить ее, держать ее у себя и воспитывать, но для этого должно вооружиться терпением, для этого потребна высшая степень благоразумия, а ведь лишь не многие из смертных могут за себя в этом смысле поручиться и уж верно не те, с кем приключилось столько лютых напастей. А еще я хочу, чтобы вы уразумели, что если вы отнимете у них жизнь, то тем самым совершите смертный грех, а его не должно совершать ни за какие блага, сопряженные с восстановлением чести».

Жаждающий отпущения поляк согласился с этими доводами и отказался от кровопролития.

*

Случившееся с доньей Андреа, сестрой Мигеля, стало лишь новым звеном в нескончаемой череде несчастий и неудач, преследовавших семью Сервантесов. В это же время Родриго получает известие о кончине своей тещи доньи Эльвиры де Кортинас, жившей в Арганде, в селении в 27 километрах от Мадрида, и оставившей небольшое наследство. Это подтолкнуло Родриго де Сервантеса на очередной переезд.

Алькала-де-Энарес, Вальядолид, Кордова, Кабра, Севилья. Теперь — Мадрид, город, казалось, таил в себе надежду на лучшую жизнь.

Мигель в это время заканчивал четвертый год обучения в коллегии иезуитов. По всей вероятности, именно в Севилье состоялись его первые стихотворные опыты, до нас не дошедшие.

«НИЩЕМУ СОБРАТЬСЯ — ТОЛЬКО ПОДПОЯСАТЬСЯ»: В МАДРИДЕ

Весной 1566 года Родриго де Сервантес и его семья уже в Мадриде. Город еще не успел разрастись и имел совсем не столичный вид. Вот как описывает город Бруно Франк, повествуя о прибытии папского легата ко двору Филиппа II: «Обыкновенное рыночное местечко избрал себе резиденцией этот король. Здесь едва ли обитало хотя бы пятнадцать тысяч христиан. Почти все дома были глиняные, одноэтажные, такие низенькие, что кардинал, восседая на своем муле, мог без труда коснуться рукой крыш. И это была столица полумира. Из этой грязной дыры Испания управляла Бургундией, Лотарингией, Брабантом, Фландрией и сказочными царствами за океаном. Отсюда получали наказания испанские вице-короли в Неаполе, Сицилии и Милане. Еще только три силы с трудом противостояли властителю, обосновавшемуся здесь: король французский, Венеция и держава святого отца. В одежде и нравах преобладало испанское; всецветная мода исходила отсюда».

Планировка Мадрида того времени была почти уродливой и хаотичной: маленькие, прижатые друг к другу дома, гнездились по обеим сторонам змееобразных улиц. Сама же столичная почва была настолько щедрой на различного рода спуски и овраги, что, несмотря на прошествование более чем четырех столетий, Мадрид в своих старых и наиболее типичных районах до сих пор борется с этими неудобствами.

Но судя по старой гравюре и опираясь на личный опыт, мы находим столицу королевства весьма привлекательным городом, чем-то напоминающим наш Санкт-Петербург. Что касается грязи, то это было обычным явлением в любом европейском городе, если его улицы не были вымощены булыжником или чем-либо подобным.

Мадрид никогда не был захолустным городом, он имеет древнее, почти легендарное происхождение. На протяжении всей истории города испанские монархи так или иначе оказывали ему внимание и уважение, что выражалось, в частности, в многочисленных привилегиях, данных городу.

Здесь постоянно жил король Энрике III, эту традицию продолжили Хуан II и Энрике IV.^{45} Именно эти монархи придали Мадриду статус придворного города. Традицию продолжили «католические короли» Фердинанд и Изабелла, великий кардинал Хименес де Сиснерос.

Кульминацией своего развития и возвышения Мадрид обязан императору Карлу V. Дворы в Мадриде имели многие правители Испании, но именно Карл задумал обосноваться в его стенах основательно и надолго. Его сын Филипп II продолжил задуманное отцом и сделал в 1561 году Мадрид центром Испанской монархии — гигантской империи с населением в 600 миллионов человек, занимающей 1/8 часть Земли. Правда, на недолгое время город потерял статус столицы, переданный Филиппом III Вальядолиду, но в 1607 году Мадрид окончательно стал сердцем страны.

Впервые Мадрид появляется в истории Испании в 932 году под именем *Magarit*, которое ему дали мусульмане. Исследователь Месонеро Романос в своей работе «Древний Мадрид» полагает, что чуть раньше того времени, когда Филипп II сделал город столицей Испании, он насчитывал от 25 тысяч до 30 тысяч жителей. Для сравнения напомним, что в 1565 году Севилья вместе с Трианой насчитывала около 85 тысяч жителей. Конечно, в то время ни по архитектуре, ни по красоте Мадрид не мог не то что соперничать, даже сравниться с такими городами, как Барселона, Сарагоса, Гранада или Валенсия. Мадрид был просто неинтересной провинцией.

Семья Сервантесов обосновалась в Мадриде, но «лекарских» доходов Родриго было явно недостаточно. Как и многие другие медики, он держал парикмахерскую, где был небольшой игорный зал для досужего люда. Среди прочих сюда навещался Гетино де Гусман, танцовщик из компании Лопе де Руэды.

Несмотря на вечную нехватку средств, Родриго любил жить на широкую ногу и водить знакомство с людьми денежными. К ним относился Гетино де Гусман, который, возможно, стал протеже молодого Мигеля. Гетино был весьма искушен в организации и оформлении различных празднеств, в том числе и для королевского двора. Делал красочные декорации, символические фигуры, разного рода плакаты, сопровождавшиеся стихотворениями. Одним словом все, что было необходимо для помпезных праздников в столице королевства Мадриде.

10 октября 1567 года увидела свет вторая дочь испанской королевы Изабеллы де Валуа — Екатерина Микаэла. И хотя мальчик, как будущий наследник престола, был бы явно предпочтительнее, празднества предполагали быть пышными. От тех дней до нас дошел сонет Сервантеса, посвященный королеве Изабелле, одно из наиболее ранних стихотворных творений писателя. Сонет был написан в период после приезда Сервантеса в Мадрид, но до смерти королевы Изабеллы в 1568 году.

В Мадриде будущий автор «Дон Кихота» продолжил свое образование

в городской школе двадцатилетним юношей, в то время как обычно в пятнадцать-шестнадцать лет здесь завершали обучение. Сказались постоянные переезды семьи.

Городская школа Мадрида существовала давно. Она датировалась католическими королями Фердинандом и Изабеллой и обладала различными привилегиями. Ученики, окончившие ее, отличались хорошим уровнем знаний.^{46} Следующей ступенью образования был уже университет.

В школе сменилось несколько учителей, пока на эту должность не пришел с окладом в 30 тысяч мараведис плюс один каис пшеницы Хуан Лопес де Ойос, человек, принявший участие в судьбе автора «Дон Кихота». Учитель проживал вместе со своей матерью Хуаной де Сантьяго, вдовой Алонсо Лопеса де Ойоса в церкви Сан Хусто, где был похоронен его отец. У Лопеса было две сестры, Хуана и Урсула, обе замужем, и брат Габриэль. Семья имела хороший достаток: владела несколькими виноградниками, домами, землей. Лопес де Ойос был уроженцем Мадрида и служил священником. Он был уважаемым в городе человеком, пользующимся покровительством могущественного кардинала Эспиноса.

Мигель де Сервантес, пополняя свои знания в мадридской школе, одновременно помогал Гетино де Гусману в сочинении стихов для плакатов и триумфальных арок.

Мадрид 1567 года был полон событий и разнообразных слухов, сплетен. Поход герцога Альбы во Фландрию и жестокое подавление восстания, пленение графов Эгмонта и Горна — лидеров антииспанской оппозиции в Нидерландах.^{47} Много домыслов ходило по поводу принца дона Карлоса, о его болезни и странностях.

А в январе он был арестован. Эта новость с быстротой молнии облетела Испанию.

История дона Карлоса еще при жизни Филиппа II стала достоянием многих легенд. Поговаривали о любви наследника к королеве Изабелле и ревности короля, что вылилось в суровые меры против сына и соперника. Поговаривали, что инфант готовится поднять восстание во Фландрии, что он не согласен с политикой Филиппа, который в свою очередь не желал видеть наследником непокорного и страдающего душевным расстройством сына. Однако подлинные причины покрыты туманом. Потом эти страсти лягут в основу драмы Шиллера и оперы Верди «Дон Карлос».

...Но политика мало заботит юного Сервантеса. Дон Мигель продолжает постигать науку под руководством маэстро де Ойоса.

В 1568 году произошел загадочный, но очень похожий на очередную любовную историю случай с сестрой Мигеля, доньей Андреа. Некий итальянский дворянин Хуан Франсиско Локадело 9 июня в присутствии доньи Андреа и писца Франсиско Ортиса составил бумагу, в которой говорится, что «находясь в неоплатном долгу и будучи очень обязан сеньоре донье Андреа де Сервантес, дочери Родриго де Сервантеса, жителя данного города и королевского двора (Мадрида. — А. К.), а также потому, что, находясь на этой земле (то есть в Испании. — А. К.), вдали от своей родины, я страдал болезнями, которые оный сеньор лечил, а она, так же как и ее отец, ухаживала за мной, за что я очень признателен и чувствую необходимость отблагодарить и вознаградить все эти труды и старания».

Вознаграждение было весьма и весьма существенным и состояло из длинного перечня различных дорогих предметов, который прилагался к документу. К этому была добавлена еще и сумма в 300 дукатов^[48] золотом, по тем временам сумма огромная. Далее следуют новые благодарности донье Андреа за «многие другие добрые дела» («por otras muchas buenas obras»), и отмечается, что эти дары составят ее приданое и помогут ей выйти замуж. В дарственной в весьма учтивой и корректной форме оговаривалось, что полноправно распоряжаться этими дарами может только сама донья Андреа.

Этот удивительный документ породил различные догадки. Некоторые полагают, что столь щедрый дар является лишь откликом на «мистическое побуждение и неизъяснимую привлекательность доньи Андреа». Так считает Франсиско Наварра-и-Ледесма. Но не странно ли вдруг и так щедро одарить юную девушку за одну ее «неизъяснимую привлекательность»?

Другие исследователи полагают, что это плата за медицинские услуги отца и усердие дочери в лечении заболеваний, о которых упоминает даритель. Об этом пишет Эмилио Котарело. Но в таком случае почему «дарами» было запрещено пользоваться самому Родриго де Сервантесу?

Известный сервантист Перес Пастор считает, что оказанные благодеяния должны помочь девушке выйти замуж, сыграв роль приданого. Но донья Андреа так и не вышла замуж и много лет спустя. Скорее, это больше похоже на откупную, так или иначе, благодаря этим дарам материальное положение семьи Сервантесов улучшилось.

В это время получают трагическое завершение события, связанные с наследником престола: находясь в заключении, принц дон Карлос отказывался принимать пищу, что вкупе с психическим заболеванием привело к его смерти 24 июля 1568 года. Эта странная смерть, как и само

пленение принца, вызвала множество слухов. А еще раньше, 5 июня, герцогом Альба, который командовал испанскими войсками, подавлявшими восстание в Нидерландах, были казнены графы Эгмонт и Горн, руководители аристократической оппозиции. Эта новость, дойдя до Мадрида, усилила кривотолки о связи дона Карлоса с мятежниками в Нидерландах.

На смерть инфанта ученики городской школы должны были сочинить памятные стихи. Позднее маэстро Лопес де Ойос по распоряжению муниципалитета издаст их в «Реляции», посвященной безвременно усопшему принцу. Скорее всего, там были и стихи Сервантеса, но книга, к сожалению, до нас не дошла.

Год 1568-й был в Испании «урожайным» на смерти вельможных и коронованных особ. Вслед за наследником престола, 3 октября того же года, скончалась королева Изабелла де Валуа. Еще с предыдущего года она была подвержена частым обморокам. Хрупкая от природы, до срока выйдя замуж, она была вынуждена подчиниться суровому этикету королевского дворца Эскориал. Королева впадала в непонятную грусть и плакала, сама не зная отчего. Однажды с ней случился обморок, длившийся более часа. Тяжело протекала беременность королевы. Боли в почках, рвота и жар усилились в последние недели перед смертью. Плохие медики довершили дело. Случился выкидыш, затем агония. Через два часа она скончалась.

Королеву должны были похоронить в монастыре Босоногих Королей. Муниципалитет поручил Лопесу де Ойосу подготовить необходимые в таких случаях стихи, которые позднее будут изданы в «Истории и реляции... болезни, смерти и похорон дочери Екатерины Медичи». Маэстро разделил труд со своими наиболее успевающими учениками. В томе наряду с описанием траурной панихиды содержались стихотворения на латыни и кастельяно,^[49] среди которых четыре принадлежали Мигелю де Сервантесу. Книга появилась в продаже в 1569 году. Примечательно мнение Лопеса де Ойоса о своем воспитаннике: «Первая эпитафия в виде сонета с кастильской коплой (copla) написана Мигелем де Сервантесом, моим любимым учеником».

Высказывание авторитетного Лопеса де Ойоса о Сервантесе как «любимом ученике», стало классическим определением меры раннего и глубокого таланта Сервантеса. Астрана Марин солидаризируется с ним: «Эти стихи... выявляют поэта изысканного и утонченного, начитанного, искусного в сочетании образов...» Он полагает, что подобные сочинения были бы сложны даже для зрелого и опытного поэта, не говоря уже о том, что написать лучше в столь юном возрасте не смог бы никто. Астрана

Марин делает вывод: «Нет нужды в документальном подтверждении, чтобы считать, что Сервантес, будучи двадцатиоднолетним юношей, стяжал в Мадриде славу молодого выдающегося (extraordinario) поэта...», что «в городской школе он был номером один, возможно с функциями ассистента профессора...».

Характеристики, бесспорно, блестящие, равно как и сами предположения. Но объективности ради приведем мнение еще одного авторитета сервантистики — М. Менендеса-и-Пелайо: «Отдельные удачные места из „Путешествия на Парнас“, изящные стихи из „Галатеи“, мужественный патриотический дух „Послания к Матео Васкесу“, неоспоримые достоинства некоторых сонетов — всего этого было бы недостаточно для того, чтобы окружить его имя большим почетом, чем имена Франсиско де Фигероа,^[50] Педро де Падила^[51] и других лирических поэтов, ныне уже прочно забытых, несмотря на то, что в свое время они пользовались заслуженной известностью». «Сами по себе эти стихотворения не представляют ничего примечательного, являясь добросовестными ученическими упражнениями молодого Сервантеса в той книжной поэзии, которая преподавалась гуманистами-риторами в любом из испанских университетов», — полагает К. Н. Державин.

Талант юного автора, безусловно, очевиден, но не будем торопиться приписывать любым творениям великих людей не свойственное им величие.

*

Помогая Гетино де Гусману оформлять дворцовые празднества, Сервантес познакомился со многими поэтами. Среди них были Габриэль Лопес Мальдонадо, Луис Галвес де Монтальво, Педро Лаинес. В Мадриде он узнал Матео Васкеса де Леку, будущего государственного секретаря и протеже всемогущего кардинала Эспиносы. Матео Васкес занимает довольно заметное место в биографии и творчестве Сервантеса, хотя часть исследователей полагает, что между ними не было близких отношений.

Ходили слухи, что Матео Васкес родился в Алжире, а его мать донья Исабель де Лусиано была христианской рабыней. Поэтому те, кто его не любил, называли Васкеса «мавританской собакой» («perro mого»). На самом деле он родился в Севилье в 1545 году. В 1564-м мы находим его в списках университета Алькалы-де-Энарес. В 1565-м он поступает на службу к кардиналу Эспиносе, ходили даже слухи, что он был его

внебрачным сыном. Биография его матери окутана плотным мифическим туманом.

Донья Исабель де Лусиано была женщиной неграмотной. Ее мужем считался Санто Амброхино де Лека, который, как и она сама, якобы родился на Корсике.

В действительности она не имела ни приставки «дон», ни мифического мужа по фамилии Лека. Это была девушка, склонная к романтическим приключениям «самого разного рода», имевшая близкие отношения с канониками Васкесом и Овандо, которым покровительствовал кардинал Эспиноса. Именно отсюда у Матео появилась фамилия Васкес, равно как и протекция вельможи. Каноник Диего Васкес называл Матео «брат» и даже «сын», хотя более подходящим было бы «пасынок».

После смерти кардинала Эспиносы в сентябре 1572 года благодаря влиянию и связям Хуана де Овандо, который в то время, будучи президентом Советов Индий и Финансов, входил в окружение Филиппа II, Матео Васкес стал священнослужителем.

Умер Матео Васкес 5 мая 1591 года. Санчес Коэльо написал для замка Эскориал его портрет. При жизни Васкес имел славу «стукача», лакея и лицемера.

Об «отношениях» королевского секретаря с поэзией нам ничего не известно, хотя был он человеком образованным. Собственно говоря, широко известным кругу сервантистов он стал из-за знаменитого стихотворного «Послания», посвященного ему Сервантесом, когда он находился в алжирском плену. На самом деле отношения между Сервантесом и Васкесом если и не были поверхностными, то во всяком случае не имели глубоких корней. К тому же до сих пор нет полной уверенности, что «Послание к Матео Васкесу» принадлежит перу Сервантеса.

Глава 2

В ИТАЛИИ

После известных стихотворений на смерть Изабеллы Валуа, королевы Испании, Сервантес продолжил свои штудии под руководством Лопеса де Ойоса. Заканчивался последний курс, и Мигель лелеял мечту о поступлении в университет. Учитывая его страсть к учебе, ум и талант, а также покровительство маэстро, это должно было стать делом несложным.

Однако судьба распорядилась иначе. Фортуна вообще мало улыбалась Сервантесу. Один случай круто изменил его жизнь. В декабре 1568 года между Мигелем де Сервантесом и неким Антонио де Сигурой состоялась дуэль. Де Сигура был ранен. В те времена дуэли были строжайше запрещены указом Его величества, а противник Сервантеса имел, к несчастью, какое-то отношение к королевскому двору. Дело могло принять серьезный оборот.

Победителю грозило позорное публичное отсечение правой руки, десятилетняя ссылка и другие наказания. Бегство было единственным выходом. Сервантес покидает Мадрид и отправляется в Италию. И не напрасно: 15 сентября 1569 года было разослано письменное предписание задержать Мигеля де Сервантеса, где бы он ни находился в пределах Испанского королевства.

Этот документ был обнаружен в известном архиве Симанкаса и передан Испанской королевской академии истории 25 июня 1840 года, где данное бесценное свидетельство пролежало без отклика целых двадцать лет. Когда же исследователь Херонимо Моран осмелился опубликовать этот документ, то среди сервантесоманов поднялся буквально шквал негодования. Этого не может быть! Гениальный писатель, творец «Дон Кихота» неспособен нанести физическое увечье другому человеку! Это, конечно, был «другой» Сервантес, скорее тезка, однофамилец или человек с похожей фамилией (не Cervantes, а Zervantes). И т. д...

*

С точки зрения обывателя великий человек не может совершать недостойных поступков. Это является частью, если так можно выразиться,

«комплекса гения». Мы как бы чувствуем личную ответственность за чистоту образа того или иного великого человека. И это верно. Но верно и то, что есть история, факты, которые мы не вправе ни обелять, ни замалчивать.

Известно, что Фрэнсис Бэкон, автор «Нового Органона», «Новой Атлантиды» и множества других историографических и философских трудов,^[52] пребывая в должности лорда-канцлера (главного министра) Англии, брал непомерные взятки, за что был снят с должности, лишен права быть членом парламента и бессрочно заточен в Тауэр. Но разве он перестал для нас быть великим философом и выдающейся личностью?

*

Говоря о стычке между Сервантесом и Сигурой, следует заметить, что дуэли в середине XVI века, равно как спустя и сто, и двести лет, были делом довольно частым и поощрялись неписанным уставом дворянского сословия. Король неоднократно запрещал поединки своими указами, но это не мешало их существованию. Если человек носил шпагу, то он мог и даже должен был пустить ее в ход, защищая свою честь и достоинство. В этом проявлялось его благородное происхождение, храбрость и честь. Так поступали и Лопе де Вега, и Франсиско де Кеведо, и дон Педро Кальдерон де ла Барка,^[53] список можно было бы продолжать бесконечно.

То, что дуэлянтом был именно будущий автор «Дон Кихота», убедительно обосновывает Луис Астрана Марин в своей фундаментальной биографии писателя.

Для нас же важен сам факт дуэли. Значит, Сервантес получил воспитание настоящего идадьго, ему был близок кодекс дворянской чести. Он умел сражаться на шпагах и, судя по результату, делал это неплохо. Возможно, это была его не первая дуэль, но единственная известная нам по документам и потому неоспоримая.

*

После дуэли пребывание Сервантеса в Испании становится опасным, и он уезжает в Италию, оказавшись в свите будущего кардинала Джулио Аквавивы. Об этом писатель позднее напишет в посвящении «Галатее»

будущему вице-королю Арагона Асканио Колонне, с блестящими достоинствами которого он познакомился, служа «кардиналу Аквавиве в должности его камерария в Риме».

Но возникает вопрос: спасался ли будущий автор «Дон Кихота» бегством или чинно выезжал в Италию в свите посланника папского престола?

Хулио Аквавива-и-Арагон был сыном Хуана Херонимо, герцога Атри, и принадлежал к родовитой итальянской фамилии. Он прибыл в Мадрид в 1568 году в качестве легата папы Пия V, чтобы выразить соболезнование Филиппу II по поводу смерти принца дона Карлоса. Будущий кардинал, несмотря на свой юный возраст (р. 1546), уверенно продвигался по хитроумным лестницам ватиканских иерархий. Это был «очень добродетельный и прекрасно образованный юноша», сообщал Филиппу II испанский посол в Риме дон Хуан Суньига, извещая монарха о приезде Аквавивы в столицу королевства. Кардинальской мантии, которую он получил в 24 года (17 мая 1570 года), Аквавива в большей степени был обязан своему рангу, чем хорошему образованию и изысканным манерам. Однако он недолго проносил ее. Будучи чрезвычайно болезненным юношей, кардинал скончался 21 июня 1574 года. «В странную столицу их (делегацию папского престола. — А. К.) прислали. Обыкновенное рыночное местечко избрал себе резиденцией этот король. Здесь едва ли обитало хотя бы пятнадцать тысяч христиан. Почти все дома были глиняные, одноэтажные, такие низенькие, что кардинал, восседая на своем муле, мог без труда коснуться рукой крыш. И это была столица полумира. Из этой грязной дыры Испания управляла Бургундией, Лотарингией, Брабантом, Фландрией и сказочными золотыми царствами за океаном. Отсюда получали наказания испанские вице-короли в Неаполе, Сицилии и Милане. Еще только три силы с трудом противостояли властителю, обосновавшемуся здесь: король французский, республика Венеция и держава святого отца. В одежде и нравах всюду преобладало испанское, всецветная мода исходила отсюда. Редкие в этот дождливый ноябрьский день прохожие падали ниц перед всадником в кардинальской одежде. Но, вскинув глаза, смущались. Ехал юноша. Под пурпуровым ободком мерцало узкое, бледное, болезненное лицо. Кардиналу Джулио Аквавиве было двадцать два года.^[54] Папа прислал его сюда вестником святейшего соболезнования по поводу смерти наследника престола Дон Карлоса...

Почти месяц ехала делегация из Рима в Мадрид. Море волновалось, всюду крейсировали разбойничьи суда берберийцев. Духовные особы достигли берега полумертвыми. Их поселили без всяких удобств, кардинал-

легат проводил бессонные ночи, сидя на своей влажной жесткой постели в мадридской нунциатуре, и кашлял.

За время долгого, томительного плавания еще углубился мрачный смысл его прибытия: теперь ему предстояло соболезновать также и по поводу смерти королевы. Прекрасной, кроткой Елизавете Французской (имеется в виду Изабелла де Валуа. — А. К.) было всего лишь двадцать пять лет. После Марии Португальской и Марии Английской это была третья покойница на супружеском ложе Филиппа. Все, к чему прикасалась его рука, было осуждено на увядание и гибель.

Итак, достаточно предлогов для приезда — предлогов потому, что тайная и истинная цель была иная. Между христианнейшим королем — щитом веры, мечом, карающим еретиков, и Ватиканом царил раздор. Сын Карла V лежал во прахе перед господом и чистым учением, но отнюдь не перед папой. „Для Испании нет папы“, — заявил на открытом заседании президент его совета. Двадцатидвухлетний болезненный посланец прибыл с чрезвычайно серьезными поручениями. Постоянный нунций ничего не добился. Аудиенции давались ему редко, его постоянно отсылали на „путь переписки“. Король Филипп любил путь переписки. Неслышно и упорно ютился он среди бумаг. Насколько скуп он говорил, настолько же охотно и методично писал. Молитва и документы — в этом была его жизнь. Папа надеялся, что его траурный посол достигнет того, в чем было отказано его чиновнику. В трагические минуты явится юноша перед королем — быть может, найдет он путь к его чувствам, к его отягощенной душе. Аквавиву любили в Риме. Сам Пий, неумолимый старик доминиканец в триедином венце, любил его. Быть может, полюбится он и Филиппу», — так описывает приезд Аквавивы в Мадрид Бруно Франк.

Аквавива пробыл в Мадриде до начала 1569 года и, по предположению некоторых биографов писателя, взял к себе на службу начинающего, но уже заявившего о себе поэта, руководствуясь рекомендациями покровительствовавшего Лопесу де Ойосу кардинала Эспиносы. Другие биографы Сервантеса считают, что автор «Дон Кихота» покинул Испанию как солдат удачи (*soldado aventurero*) — наемник, что было тогда явлением распространенным.

Эти догадки и гипотезы базируются на косвенных фактах и не могут убедительно объяснить, почему Сервантес вдруг покинул родину. Тем более именно тогда материальное состояние семьи было на редкость благополучным. Родриго де Сервантес одолжил даже крупную сумму — восемьсот дукатов лиценциату Педро Санчесу де Кордова. Все вроде бы благоприятствовало писателю продолжить учебу, свои начинания. И вовсе

не требовало, испытывая судьбу, пойти в услужение к иностранцу, покинуть столицу королевства, не говоря уже об участии солдата-наемника.

Более вероятным мотивом его внезапного исчезновения из Испании является скорее всего история с дуэлью, имеющая к тому же реальное документальное подтверждение.

Нам остается лишь добавить, что решение покинуть Испанию, какими бы мотивами оно ни было вызвано, явилось для будущего писателя судьбоносным и во многом, если не во всем, определило всю его дальнейшую жизнь.

Однако кто же такой был дуэльный соперник Сервантеса и какое отношение он имел ко двору? Астрана Марин выдвигает предположение, что как раз в то время, когда случилась дуэль, Антонио де Сигура ходатайствовал о какой-то должности при дворе, по крайней мере, в дальнейшем он был руководителем строительных работ, проводившихся в королевских замках Мадрида, Аранхуэса и других местах, то есть это был человек со связями, имевший определенное положение при дворе. Другой сервантист, Херонимо Моран, полагает, что Антонио де Сигура был альгвасилом.

Как бы то ни было, но противник писателя был достаточно влиятельным человеком и стычка с ним была чревата для Сервантеса большими неприятностями.

Покидая Испанию, Сервантес увозил с собой весьма хорошее, хотя и не завершенное образование. Он знал латынь и немного греческий, а также риторику и поэтику. Наставник Мигеля маэстро де Ойос был человеком глубокой культуры, впитавшим в себя идеи Эразма, Луиса Вивеса и Вальдеса,^[55] а также дух интеллектуальной независимости, присущий лучшим представителям гуманистической мысли. Он хорошо знал только греко-римскую классику, Священное Писание и труды отцов церкви, писал стихи на латыни и кастельяно. Все свои обширные знания он и передавал ученикам, любимейшим из которых был Мигель де Сервантес. Маэстро скончался 28 июля 1583 года в Мадриде, будучи священником церкви Сан Андрес и преподавателем городского училища (Estudio de la Villa). Похоронен в монастыре Сан Франсиско.

Спустя время, когда писатель после многочисленных приключений наконец вернется в родной дом, конфликт между ним и де Сигурой благополучно разрешится. Очевидно, благодаря обычной в таких случаях компенсации истец забрал свою жалобу из судебных инстанций. По крайней мере, между семьями Сигура и Сервантес мир был достигнут в 1578 году, так как уже 11 мая этого же года некий Гаспар де Сигура,

вероятно, родственник, выступал свидетелем по каким-то делам отца Мигеля Родриго де Сервантеса и его сестры Магдалены.

Заметим, что, например, сервантист Ж. Канаважио считает, что так как в Испанию Сервантес приедет только в 1580 году, то эти десять лет отсутствия как бы и явились той ссылкой за пределы страны, которой карается дуэлянтство, а посему наказание-де было исчерпано.

Итак, мы обнаруживаем Мигеля де Сервантеса в Риме в конце 1569 года.

КАРДИНАЛ АКВАВИВА

«Есть у нас в Испании пословица, по моему разумению, весьма верная, как, впрочем, любая из пословиц, ибо все они суть краткие изречения, принадлежащие людям, многолетним опытом умудренным, та же, которую я имею в виду, гласит: „Либо церковь, либо моря, либо дворец короля“, — иными словами, кто желает выйти в люди и разбогатеть, тому надлежит или принять духовный сан, или пойти по торговой части и пуститься в плавание, или поступить на службу к королю, — ведь недаром говорится: „Лучше крохи с королевского стола, нежели милости сеньора“», — так написано в «Дон Кихоте».

Первый и последний пути были испробованы самим Сервантесом.

Он прибыл в Рим примерно в сентябре 1569 года. Скорее всего Сервантес поступил на службу к Аквавиве, не в Мадриде, а уже в Италии. В противном случае в конце 1569 года ему не потребовалось бы «свидетельство» о чистоте христианской крови, которое было необходимо для поступления в свиту Аквавивы в Риме и которое он просил отца прислать как можно скорее. В то время хождение подобных «свидетельств» было делом обычным, они являлись чем-то вроде анкеты. Конечно, поступить в услужение к столь высокой особе было не так-то просто. И скорее всего Сервантеса кто-то рекомендовал, возможно, это был один из его дальних родственников — кардинал Гаспар де Сервантес-и-Гаэте.

Очевидно, вспоминая об этом, Сервантес позже напишет в «Новелле о беседе собак» следующий пассаж: «А каким образом находил ты себе хозяев? (Сципион спрашивает Бергансу. — А К.). Ведь при наших порядках с большим трудом удается теперь порядочному человеку поступить на службу к господину. Очень уж непохожи земные владыки на владыку небесного: первые, принимая слугу, начинают сразу копаться в его происхождении, проверять его пригодность, изучать его привычки и стараются даже узнать, сколько у него платья...».

Да, именно «копаться в его происхождении» для самой католической страны мира — Испании было делом важным, чистота крови, учитывая веками ведущуюся борьбу с маврами, морисками, евреями, являлась чуть ли не главным, особенно при поступлении на службу к одному из князей церкви.

Времени в запасе было немного, но, к счастью, у Родриго де Сервантеса еще со времен злополучного процесса в Вальядолиде остались

официальные бумаги о том, что он является идалъго. Для придания им необходимой силы было достаточно подтверждения приведенных в них фактов тремя свидетелями. Их имена известны: Алонсо Гетино де Гусман, бывший комик, превратившийся в организатора мадридских празднеств, служивший в системе правосудия, Пирро Боччи и Франсиско Мусаччи — итальянские негоцианты. Их выбор неудивителен, оба были итальянцами, а Боччи — еще и римский банкир. Рекомендации таких людей могли быть весьма полезны юному мадридцу, оказавшемуся в Италии. 22 декабря 1569 года Родриго де Сервантес оформил бумагу у Дуарте де Акуньи, заместителя коррехидора Мадрида, о том, что в роду Сервантесов не было ни мавров, ни евреев, ни обращенных в христианство, равно как и лиц, привлекавшихся по делам веры трибуналом Святой Инквизиции. В феврале 1570 года эта бумага, по всей видимости, была в Риме.

В это время на родине Мигеля происходят волнения морисков, жестоко подавленные доном Хуаном Австрийским. Были и приятные новости: Лопес де Ойос в сентябре предыдущего года издал компиляцию на смерть Изабеллы — «История и правдивое описание болезни, благостной кончины и торжественного погребения», где были и стихи Сервантеса. Возможно, Мигель вместе со «свидетельством о чистоте крови» получил из дома и экземпляр этого издания, что вкуче со всем другим, учитывая благосклонное отношение Аквавивы к науке и искусству, могло послужить дополнительным плюсом при поступлении в свиту к святейшей особе. О времени начала службы Сервантеса у вельможи мы не имеем точных сведений. Однако если принять в расчет, что кардинальскую мантию Джулио Аквавива получил не ранее 17 мая 1570 года, а в своем посвящении к «Галатее»¹⁵⁶¹ Сервантес говорит о нем уже как о кардинале, то можно предположить, что свою службу во дворце священника он начал в феврале-марте 1570 года.

Кем был Сервантес в свите кардинала? Сам писатель в посвящении к «Галатее» пишет, что был слугой («camarero»). К. Державин деликатно переводит его калькой как «камерарий», но сути это не меняет. Слова «камерарий» в русском языке, согласно «Малому академическому словарю» под редакцией А. П. Евгеньева, не существует. Есть, правда, однокоренное «камердинер», которое определяется как «комнатный слуга при господине в буржуазно-дворянском быту».

Проблема, однако, носит более этический, чем фактографический характер. Мы уже говорили о «комплексе гения», так вот здесь опять тот же вопрос: как мог будущий автор «Дон Кихота» и фигура мировой величины быть слугой, пусть даже у кардинала?! Справедливости ради надо

заметить, что должность слуги в XVI веке не имела тех отрицательных коннотаций, которыми она обросла позже.

Существует расхожее мнение, что Сервантес был чуть ли не другом Джулио Аквавивы, поэтому его должность была нечто среднее между помощником и советником. Сервантист Канаважио уточняет: «Слуга в вельможном доме не был ни секретарем, ни еще менее доверенным лицом своего господина; он был, прежде всего, слугой, более точно — помощником в покоях, как это следует из этимологии слова (*camarero* — слуга, *camara* — покой, дворцовая зала, *camas* — кровать. — А. К.) и учебников той эпохи». Того же мнения придерживается и такой авторитет, как Астрана Марин: «В то, что он (Сервантес. — А. К.) исполнял более обязанности пажа, чем слуги, как полагают некоторые, с трудом верится. Ничто не указывает, что он служил пажом».

Слуга, однако, не был лакеем, как это обычно понимали в России. Он — распорядитель в покоях замка или дворца, что-то вроде камергера, на это указывает второе значение слова «*camarero*» — вот кто такой был слуга вельможи XVI века. Он делил вместе с мажордомом и секретарем ответственность за дворцовые покои, принимал посетителей монсеньора, сидел с ним за одним столом, сопровождал его в прогулках по Риму. Весьма вероятно, что дон Мигель, как человек по роду службы приближенный к кардиналу, не раз удостаивался его откровений и был участником его бесед с другими высокопоставленными особами, о чем нам говорит все то же посвящение к «Галатее».

Но вряд ли эта служба у Аквавивы пришлась по душе Сервантесу, иначе он не оставил бы ее так быстро. Сервантес, как показало будущее, был рожден поэтом и воином, а оказался в слугах, хоть и у кардинала. Он уже проявил литературные таланты, отмеченные таким мэтром, как Лопес де Ойос. Безусловно, обладая здоровым честолюбием, новоиспеченный «*camarero*» мог надеяться на лучшее будущее.

НА СЛУЖБЕ У ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Испанская армия конца XVI века представляла собой грозную боевую силу. Но что-то стало неумовимо меняться. Посол Венеции при дворе Филиппа III с 1597 по 1602 год Франческо Саранцо сообщал своему сенату: «В испанском войске замечается исчезновение старой боевой дисциплины, которая заставляла считаться с ним весь мир. Испанские солдаты, пренебрегая сознанием воинского долга, который, по их мнению, сам по себе не приносит побед, дошли до полного падения и потеряли всякое чувство чести».

Обязательная военная служба — современное изобретение для экономии бюджетных средств государства. В XVI веке до этого еще не додумались, и армия формировалась по принципу добровольности. С каждым желающим послужить на благо отечества и короля заключался договор на определенный срок и за определенную плату.

В общих чертах система набора рекрутов в Испании выглядела следующим образом. Каждый год Военный Совет в зависимости от политической ситуации определял количество солдат, которое необходимо королевству. Назначались капитаны, которые должны были непосредственно производить набор в армию. Каждый из них имел патент. В нем прописывались территория или район, в которых велась вербовка необходимого количества рекрутов. Во время набора «пушечного мяса» по улицам ходили прапорщики со знаменами в окружении своих солдат-ветеранов. Это действо сопровождалось невероятным шумом и рекламой для привлечения внимания населения. И надо отдать должное, испанскому люду это нравилось. Поглазеть на шумную процессию высыпали все — от мала до велика. Женщин привлекали бравые вояки, пацанов — их форма, перья на головных уборах, аркебузы,^[57] пики и т. д. К этому следует добавить то, что единой формы одежды не существовало и каждый солдат одевался сообразно своему кошельку и представлению о моде. Очевидно, именно поэтому испанских солдат прозвали «попугаями». Зрелище, таким образом, было весьма красочным.

Воинское знамя торжественно водружалось на том доме, где остановились вербовщики, и перед собравшейся публикой выступал капитан. Не жалея сил, он и громко, и красочно расписывал достоинства службы в армии. И все же в добровольцы записывались, как правило, не от хорошей жизни. Процесс вербовки рекрутов хотя и несколько

шарнированно, но довольно удачно показан во французском фильме 60-х годов со знаменитым Жераром Филипом в главной роли в фильме «Фанфан-тюльпан». Обычным месторасположением этих вербовочных пунктов были таверны или постоялые дворы, где все процедуры сдабривались изрядными возлияниями, чему весьма способствовал задаток, выдаваемый новобранцам.

Затем капитан, предварительно вооружив аркебузами и пиками около 250 новых солдат, отправлялся либо в казарму, либо в порт для погрузки на суда. Вот тут-то и выяснялось, насколько хорошо капитан выполнил свою миссию. Вербовка считалась успешной, если в назначенное место и время он приводил всех набранных рекрутов. Но некоторые, получив причитающиеся им деньги, разбегались, превращаясь в дезертиров.

Конечно, не столько зарплата, которая выплачивалась из казны нерегулярно, сколько военная добыча являлась доходом солдата. Ядро армии составляли профессиональные воины, закаленные в многочисленных походах и экспедициях по Европе, Африке и во вновь открытых Колумбом землях Нового Света. Значительный процент составляли идалго — испанские дворяне, как правило, младшие сыновья дворянских семейств, так называемые «сегундонес»,^{58} которые для сохранения единства земельных владений наследовали только имя и родовую гордость. Многие из них шли в войска как на надежную, хорошо оплачиваемую и почетную службу. Вокруг этих солдат и дворянского командного состава собирались уже люди попроще, для которых военная служба открывала широкие горизонты житейского преуспевания. Стекалась под знамена испанских полков и бродячая «пикардия», недавно еще занимавшаяся воровством на широких просторах испанского королевства. В сервантесовской «Новелле о беседе собак» пес Берганса рассказывает, что его «...полк кишел закоренелыми в дезертирстве бродягами, чинившими насилия по деревням, которыми мы проходили, так что все осыпали проклятиями власть... ибо все связанное с войной неизбежно порождает суровость, жестокость и притеснения». Были в армии и просто авантюристы, которым нечего было терять у себя на родине. Военная служба соблазняла их привилегированным положением защитников правой веры и короля, вольностью нравов и материальными выгодами.

Все это не мешает, однако, Сервантесу высоко отзываться о характере воинской службы. «Теперь уже не подлежит сомнению, что рыцарское искусство превосходит все искусства и занятия, изобретенные людьми и что оно тем более достойно уважения, что с наибольшими сопряжено опасностями. Пусть мне не толкуют, что ученость выше поприща военного,

кто бы ни были эти люди, я скажу, что они сами не знают, что говорят. Довод, который они обыкновенно приводят и который им самим представляется наиболее веским, состоит в том, что умственный труд выше труда телесного, а на военном, дескать, поприще упражняется одно только тело, как будто войны — это обыкновенные поденщики, коим потребна только силища, как будто в то, что мы, войны, именуем военным искусством, не входят также смелые набег, для совершения коих требуется незаурядный ум, как будто мысль полководца, коему рада, трудится меньше, нежели его тело?! Вы только подумайте: можно ли с помощью одних лишь телесных сил понять и разгадать намерения противника, его замыслы, военные хитрости, обнаружить ловушки, предотвратить опасности? Нет, все это зависит от разума, а тело тут ни при чем. Итак, военное поприще нуждается в разуме не меньше, нежели ученость, — посмотрим теперь, чья мысль трудится более: мысль ученого человека или же мысль воина, а это будет видно из того, какова мета и какова цель каждого из них, ибо тот помысел выше, который к благороднейшей устремлен цели. Мета и цель наук, — я говорю не о богословских науках, назначение коих возносить и устремлять наши души к небу, ибо с такой бесконечной конечною целью никакая другая сравниться не может, — я говорю о науках светских, и вот их цель состоит в том, чтобы установить справедливое распределение благ, дать каждому то, что принадлежит ему по праву, и следить и принимать меры, чтобы добрые законы соблюдались. Цель, без сомнения, высокая и благородная, достойная великих похвал, но все же не таких, каких заслуживает военное искусство, коего цель и предел стремлений — мир, а мир есть наивысшее из всех земных благ. И оттого первую благою вестью, которую услышали земля и люди, была вест, принесенная ангелами, певшими в вышине в ту ночь, что для всех нас обратилась в день: „Слава в вышних богу, и на земле мир, в человеках благоволение“. И лучший учитель земли и неба заповедал искренним своим и избранным при входе в чей-либо дом приветствовать его, говоря: „Мир дому сему“. И много раз говорил он им: „Мир оставляю вам, мир мой даю вам; мир вам“, и воистину это драгоценность и сокровище, данные и оставленные такою рукой, — драгоценность, без которой ни на земле, ни на небе ничего хорошего быть не может. Так вот, мир и есть прямая цель войны, а коли войны, то, значит, и воинов. Признав же за истину, что цель войны есть мир и что поэтому она выше цели наук, перейдем к телесным тяготам ученого человека и ратника, посмотрим, чьи больше» — так рассуждает Дон Кихот в конце XXXVII главы и продолжает далее в XXXVIII.

Алжирский Пленник, герой романа Сервантеса, повествующий о своих похождениях в «Дон Кихоте», называет военное дело «почетным и достойным поприщем». В одной из своих бесчисленных речей Дон Кихот отмечает, что «военные обладают каким-то неуловимым превосходством над учеными и вполне понятным блеском, ставящим их выше всех других людей». Он цитирует древних авторов, показывающих достоинства военного дела и почетность смерти в бою, приносящей человеку славу. Военное дело «возвышает людей самого низкого звания» — в этом уверена и героиня новеллы Сервантеса «Две девицы» Леокадия.

Два родовитых кабальеро, герои новеллы «Сеньора Корнелия», бросают студенческие занятия в Саламанке и решают уехать во Фландрию: {59} «им казалось, что военное дело может подойти и понравиться каждому, но особенно приличествует и подобает оно людям знатным и благородной крови».

Сервантес не забывает и о трудностях армейской службы. Капитан из «Лиценциата Видриеры» «расхвалил солдатскую жизнь, превознес... привольное жительство в Италии, но ничего не сказал про холод стояния на часах, про опасности штурмов, про ужасы битв, про голод осад, про разрушительную силу мин и про другие вещи в том же роде, которые иными считаются как бы привеском к тяготе солдатчины, а в сущности они-то и являются основным ее бременем». Но дело не в одних опасностях и тяготах солдатской жизни.

Сервантес, как человек образованный, не мог не видеть многих нелицеприятных сторон воинской службы — мародерства, грабежей мирного населения, но, понимая неизбежность оборотной стороны воинской доблести, составил высокий, «рыцарский» идеал служения, который доминирует во всех его произведениях.

Начиная с середины XV века христианская Европа столкнулась с грозной и всевозрастающей военной опасностью. В 1453 году турецкий султан Мухаммед II после недолгой осады взял Константинополь, столицу доживавшей свои последние дни Византийской империи. {60}

Турки обладали отличной армией, ударные части которой составляли неустрашимые янычары, поддерживаемые мощной осадной и полевой артиллерией. С 1505 по 1519 год султан Селим I подчиняет себе Персию, Армению, Месопотамию, Сирию, Палестину, Египет. {61}

В 1522 году султан Сулейман Великолепный {62} завоевывает Родос и вслед за ним несколько других островов бассейна Средиземного моря. Турция постепенно превращается в могущественную морскую державу. Ее

флот господствует в восточной части Средиземного моря.

В 1526 году огромная турецкая армия вторгается в пределы Венгрии и после жестокой битвы вступает в Будапешт. В 1529 году турки осаждают Вену. Турецкая артиллерия громит город и его оборонительные сооружения. Только стойкость защитников города и климатические условия — ранняя суровая зима заставляют Сулеймана снять осаду и отступить.

Знаменитый берберийский пират Хайреддин, известный в европейских хрониках под именем Рыжебородого (Барбароссы),^{63} в 1533 году закрепляется в Алжире и Тунисе. Он объявляет себя вассалом турецкого султана и получает от него титул капудана-паши (адмирала) и правителя Северной Африки.

Таким образом, уже и западная часть Средиземного моря попадает под владычество турков.

Обеспокоенный таким положением дел, император Карл V в 1535 году организует успешную экспедицию в Тунис. После победы над Барбароссой ему на некоторое время удается восстановить в своих правах эмира тунисского, поставив его в вассальную зависимость от короны. Однако попытка взять Алжир в 1541 году терпит неудачу. Непогода рассеивает флотилию Карла V, осада Алжира оказывается безрезультатной.

В спешном порядке остатки испанских войск эвакуируются в Италию.

Между тем Османская империя продолжает наращивать свое могущество, оккупировав Багдад, весь Ирак и нижние долины Тигра и Евфрата. Военные действия между Карлом V и Сулейманом Великолепным продолжаются на Средиземноморье до 1547 года. Затем наступает пятилетнее перемирие. В 1556 году Карл V отрекается от престола в пользу своего сына Филиппа II.

В семидесятые годы XIV века начинается новый этап турецкой агрессии. В июле 1570 года преемник Сулеймана Великолепного Селим II высаживается на Кипре, находящемся достаточно далеко от венецианских владений и потому трудно обороняемом. Один город острова за другим падает перед турками.

Однако Венеция, надеявшаяся договориться с Селимом II, шла неохотно на переговоры о создании союза против неверных.

Момент для создания унии католических сил был выбран удачно. Этот проект неоднократно задумывался и столько же раз проваливался. Папа Пий V^{64} пишет письмо Филиппу II, с просьбой вступить в Священную лигу,^{65} рассчитывая, что за владыкой полумира последуют и другие. Чтобы оказать большее воздействие на Филиппа, к нему в качестве

посланца был отправлен уроженец Малаги, монсеньор Луис де Торрес, человек весьма образованный и пользовавшийся полным доверием папы.

Пользуясь поддержкой своих многочисленных друзей, приближенных к монарху, Торресу удалось легко склонить Филиппа к вступлению в лигу. Но Кортесы^[66] не преклонились и ответили папе гневной филиппикой, ссылаясь на отсутствие средств для снаряжения военной экспедиции. Однако король был тверд и заявил, что он во всем полагается на Священный престол и, хотя у империи есть свои внутренние проблемы — незавершенная война в Гранаде, сложности в Африке и Фландрии, не говоря уже о вечной злобной враждебности Венецианской республики, проект Его Святейшества он поддерживает всецело. Адмиралу Хуану Андреа Дориа,^[67] находящемуся в Сицилии, а также маркизу де Санта Крису, отдается приказ соединиться с галерами Его Святейшества.

Венеция же, несмотря на критичность ситуации, продолжает настаивать на своих требованиях для вступления в лигу. Переговоры продолжаются до тех пор, пока турки не начинают угрожать самой Венеции. В августе из гавани Отранто вышла флотилия в составе сорока девяти галер. На ее борту находились пять тысяч испанцев и две тысячи итальянцев. В конце месяца суда заходят в порт Суда, где в течение двух дней ожидают пятьдесят венецианских галер. Помощь была уже у берегов Кипра, когда пришла весть о том, что турки захватили Никосию. Это произошло 9 сентября. Пожары, грабежи и насилие продолжались целый день. Тридцать тысяч христиан были жестоко убиты и двадцать тысяч превращены в рабов. Христианский мир, узнав о падении Никосии и насилии, учиненном над его защитниками, содрогнулся, вина во всем венецианскую сторону. А 21 сентября случилась буря, разметавшая соединенную флотилию. На острове остается последний оплот христиан — главный город и порт Фамагуста.

Наконец Венеция 20 мая 1571 года вступает в Священную лигу и подписывает соглашение о создании наступательно-оборонительного союза, обязуясь вместе со своими союзниками снарядить флотилию под командованием побочного сына Карла V (мать была немка), сводного брата Филиппа II дона Хуана Австрийского. Народное ликование по поводу образования лиги было всеобщим. Союз получил официальное название «Постоянная лига против Турции и ее вассальных (tributarios) королевств Алжира, Туниса, Триполи». Объединенные силы должны были состоять из двухсот галер, ста парусников (naves), пятидесяти тысяч пехоты, четырех с половиной тысяч лошадей с артиллерией и боеприпасами. Понтифик дал

три тысячи пехотинцев, двести семьдесят лошадей и двенадцать галер. Остальное поделили Испания и Венеция — $\frac{3}{5}$ и $\frac{2}{5}$ части соответственно.

В конце года происходит еще одно событие: 12 ноября Филипп II венчается со своей племянницей, доньей Анной Австрийской. Новой королеве исполнился двадцать один год, супругу — сорок три. Королева, чей портрет был написан Санчесом Коэльо, была симпатичной, милостивой блондинкой с розовой кожей, хотя и не красавицей.

Событие отмечалось с помпой, имели место все мыслимые развлечения и увеселения, кроме боя быков — корриды, которая была запрещена указом папы в 1567 году. И как ни упрашивали короля устроить любимое зрелище, он был непреклонен.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ВО ВРЕМЕНА СЕРВАНТЕСА

Сервантес не оставался в стороне от разыгравшихся военных событий.

О времени поступления Сервантеса на военную службу данные противоречивы. В солдатских списках армии Филиппа II его имя не встречается до 1572 года. Документы о «чистоте крови», однако, свидетельствуют, что он был на военной службе уже с 1568 года. Между тем то, что мы знаем о его жизни в 1568 году, исключает такую возможность. Судя по всему, Мигель и его родственники решили умышленно увеличить срок его службы в армии, чтобы скрыть инцидент с Сигурой и придать больше веса своим прошениям о выплате денег на освобождение Сервантеса из алжирского плена.

Есть свидетельство прапорщика Матео де Сантистебана от 1578 года, который утверждает, что до сражения при Лепанто Сервантес уже в течение года служил в роте под командованием капитана Диего де Урбины, «известного капитана из Гвадалахары». Эта рота входила в полк Мигеля де Монкады. Но вот беда — хронологически подразделение Урбины находилось в это время в Гранаде, завершая военные действия против морисков в Алпухаррасе, под общим командованием дона Хуана Австрийского, и прибыло в Италию только годом позже. Можно предположить, что, попав в Неаполь, где в это время формировались многие роты и полки и откуда, погрузившись на суда, отправлялись воевать в различные части света, Сервантес вступил в подразделение дона Алваро де Санде. Санде, будучи полковником испанской пехоты в Неаполе, был близким другом отца Мигеля Родриго де Сервантеса.

Военная служба в армии XVI века несла печать своего времени и, конечно, существенно отличалась от современной, но были и общие черты. Если в современной армии существует устав, то подобные документы, регламентирующие служебные обязанности и права солдата, были и в испанской армии. «Хороший солдат должен осознать, что с того момента, как его имя было занесено в королевские списки и выдано жалованье, он обязан вести себя достойно, как и полагается солдату, что он лишается свободы, которую имел и не может совершать плохих или низких поступков. Эта персона уже не принадлежит себе, так как уже находится на службе у короля и обязана выполнять все приказы своих воинских начальников... Хороший солдат должен сохранять спокойствие, если его

жалованье или оклад задерживается... Быть вежливым и уважительно относиться к своим офицерам... Любой приказ офицера солдат обязан выполнить, не задавая вопросов» — так пишет Марко де Исаба в своей книге «Больное тело Испанской армии...» (Мадрид, 1594).

Такова была воинская мораль, вытекающая из понятия «королевская служба», здесь царствовали три главные заповеди: любовь к отечеству, католическая вера и честь воина. Сервантес их воспринял всецело. Он так высоко ценил военную службу, что спустя сорок лет после того, как ее оставил, уже будучи известным писателем, и в старости продолжал считать себя солдатом. Лицензиат Франсиско Маркес Торрес в одобрении (арговасион) второй части «Дон Кихота» от 27 февраля 1615 года писал, что многие французские кабальеры, из тех, которые приехали с послом герцога де Майенне, расспрашивали его о возрасте Сервантеса, его профессии, происхождении, состоянии. И добавляет: «Я должен был сказать им, что он старый солдат, идалго и бедный».

Во времена Сервантеса и вплоть до правления Филиппа V не было четкого различия между сухопутной и морской службой, пехотинцы при соответствующем вооружении и обучении сражались и на морских просторах, командование также было единым. Солдаты были вооружены пиками, шпагами, аркебузами, мушкетами^{68} и т. п. Аркебузами и мушкетами вооружали только сильных, физически крепких волонтеров. Сервантес, так же как и его литературный оппонент Лопе де Вега, участвовавший в походе Непобедимой армады, воевал с аркебузой в руках. Она представляла из себя разновидность ружья: металлический ствол и деревянный приклад, стреляли из нее так же, как из ружья, а носили на плече. Мушкет был длиннее и большего калибра и при стрельбе его подпирала специальным держателем. Аркебузники считались легкими войсками, они вооружались дополнительно длинной шпагой. На плече, свободном от аркебузы, висела кожаная сумка с порохом и зарядами, голову увенчивал металлический шлем.

В солдаты не брали юношей моложе двадцати лет, но так как никакого документа, свидетельствующего о возрасте, кроме церковной книги, не было, то на службу брали в соответствии с внешними данными: рослый, крепкий — иди служить, щуплый, низкий — еще молодой, подрасти, окрепни.

Первые годы службы солдат учился владеть оружием, уважать офицеров и точно выполнять их приказы. Если же в бою солдат отличался, он получал некоторые льготы и преимущества перед остальными. Для получения чина сержанта надо было служить не менее двух лет,

прапорщика — от двадцати пяти до тридцати. Капитанами становились, как правило, после тридцати двух лет службы в армии. Эта должность требовала от претендента авторитета, боевого опыта, умения отдавать и подчиняться приказам.

Трудно сказать, участвовал ли Сервантес в боевых действиях до Лепанто. Скорее всего нет, во всяком случае, прямых свидетельств этого не существует.

*

Трагедия Кипра и Никосии вызвала среди католического населения Европы всеобщую ненависть к неверным — туркам, что вылилось в массовое вступление в армию Священной лиги и невероятный подъем патриотизма. Уничтожение тысяч людей, единоверцев, побудило сытое большинство выступить на их защиту, рискуя собственной жизнью. Во второй половине XVI века такая защита веры была явлением повсеместным. Вспомним историю восьми (!) крестовых походов (последний в 1270 году). Или деятельность Святой Инквизиции как орудия защиты чистоты веры, решения которой поддерживались большинством населения. В последнее время среди специалистов-историков появилось поветрие выражать удивленно-негодующее неприятие института Инквизиции. Между тем эта организация с ее уставом, нравами и традициями являет собой исторический факт, который мы не вправе оценивать эмоционально, но только исходя из реалий того времени и умонастроений эпохи. А настроения и нравы были таковы, что еретиков и колдунов карали вплоть до применения крайней (но не ординарной) меры — сожжения на костре. Это была борьба за чистоту рядов верующих, которую поддерживало абсолютное большинство истинных христиан. Подобная борьба в разных ее формах имела место во всех странах и во все времена.^[69] К тому же чувство сословности и корпоративности, несмотря на ренессансный дух, было сильно развито после нескольких столетий Средневековья, что выражалось в абсолютном преклонении перед духовными наставниками — священниками.

ЛЕПАНТО

Второго сентября будущий автор «Дон Кихота» прибыл из Неаполя в Месину на галерах маркиза де Санта Круса и Хуана Андреа Дориа в составе роты Диего де Урбины.

Из-за огромного стечения войск в городе царило вавилонское столпотворение. Среди солдат были знакомые, друзья и родственники Сервантеса из Мадрида, Севильи и других мест. Были там храбрый Гонсало де Сервантес Сааведра и его брат Алонсо де Сервантес Сотомайор, хитроумный Хуан Руфо, который своими шутками и остротами сумел привлечь внимание дона Хуана Австрийского и благодаря этому устроиться на его галере, поэтический учитель и близкий друг Сервантеса Педро Лаинес, друг Мигеля молодой поэт Андрес Рей де Артъенда, которого он упоминает в «Путешествии на Парнас» и «Галатее», двадцатиоднолетний юноша, также друг Сервантеса — Кристобаль де Вируэс и другие.

В Неаполе или в Месине Мигель встретился со своим младшим братом Родриго, чтобы уже не расставаться с ним на протяжении всего пребывания в Италии. Они не виделись более восемнадцати месяцев, которые старший Сервантес прожил в Риме.

Главнокомандующий войсками лиги дон Хуан Австрийский покинул Испанию 20 июля и с сорока девятью галерами 8 августа 1571 года прибыл в Неаполь. Спустя шесть дней он принял на себя командование и устроил пышную церемонию. Сервантес, затерявшись в огромной пестрой, многонациональной и разноязычной толпе, с интересом наблюдал за происходящим.

Эскадра была огромна и едва вмещалась в порт Неаполя. Она состояла из 208 галер, 6 трехмачтовых сорокапушечных галер и 57 фрегатов, бригантин и других посудин, предназначенных для проведения разведки и рекогносцировки, — всего более 300 судов. На этих кораблях было 26 тысяч солдат, не считая так называемых «солдат удачи», гребцов и прочего люда, общее количество войска насчитывало более 80 тысяч человек. Все они, за исключением 2 тысяч солдат папы и 5 тысяч, собранных Венецианской Республикой, содержались за счет казны Филиппа II.

Между тем если испанские галеры находились в отличном состоянии, то многие венецианские корабли обветшали и требовали ремонта. А поскольку большинство солдат Венецианской Республики были наемниками, чье искусство воевать оставляло желать много лучшего, Хуану

Австрийскому пришлось затратить много усилий на залатывание «дыр», чтобы придать флоту монолитность и боевую силу.

Он приказал испанцам усилить венецианские галеры. Одним из подразделений, посланных на подкрепление венецианцев, была рота Диего де Урбины, где служил Сервантес.

Повороты истории удивительны. Среди подчиненных дона Хуана оказался некто Педро Портокарреро, который был косвенно связан с семьей Сервантесов. В то время как Мигель и дон Педро готовились выполнить свой воинский долг, два других сына Портокарреро — Алонсо и Педро, находившиеся в Мадриде, ухаживали за сестрами Сервантес — Андреа и Магдаленой. Андреа, благодаря экс-любовникам Овандо и Локадело, уже имела амурный опыт, младшая же, Магдалена, в свои шестнадцать лет, очевидно, решила последовать ее примеру.

Женатый Алонсо, естественно, как это водится в подобных случаях, обещал девушке материальную поддержку. И в подтверждение этого в присутствии нотариуса оформил необходимые документы. Однако в последующем обещания окажутся обманными: Алонсо, в отличие от богатого итальянца Локадело, в удобный момент от них откажется. Но это все впереди, так же как и приближающееся грандиозное сражение.

На боевых судах было много монахов: францисканцев,^{70} посланных Филиппом, капуцинов^{71} от Пия V, иезуитов. Хватало и женщин, но на берегу: дон Хуан запретил брать их на корабли. Еще было строго запрещено богохульство, которое каралось смертной казнью.

Диего де Урбина погрузился со своими подопечными на галеру «Маркиза», которой командовал Франческо Санкто Пьетро, итальянец, хотя галера была снаряжена на испанские деньги и на ней было много соотечественников Сервантеса. Так же как и остальные корабли подобного класса, «Маркиза» была быстроходным судном, приспособленным для абордажа. Длина ее составляла более сорока метров, ширина — не более пяти. Эта узкая и длинная посуда хоть и с трудом, но вмещала более четырехсот человек: двести гребцов, большинство из которых были рабы-пленные и каторжники, приговоренные к галерам, тридцать человек экипажа из моряков и, наконец, около двухсот солдат, среди которых находился и аркебузник Мигель де Сервантес.

Перед выходом в море каждый участник компании получил причастие. В начале сентября флотилия была полностью готова, но налетевшая буря задержала отплытие. Наконец 16 сентября она покинула порт Мессину. Было решено идти навстречу врагу, чья эскадра все лето бороздила

Адриатику. В конце сентября флот подошел к острову Корфу. Утром 6 октября флотилия вошла в Коринфский залив и оказалась вблизи бухты Лепанто.^{72} С борта своей галеры Сервантес мог видеть места, воспетые великим Гомером, но было тогда совсем не до античных красот, он заболел — лежал пластом на своей убогой койке. Его трясло в малярийной лихорадке и сильно тошнило.

Вскоре марсовые увидели вражеский флот — 250 галер с 90 тысячами солдат на борту. Но огневая мощь турок была меньше — 750 пушек против 1800 у объединенного флота. Турецкая эскадра стояла в глубине бухты Лепанто. Командование размышляло: выжидать или идти навстречу. Сторонник демонстрации силы, молодой и решительный дон Хуан Австрийский ринулся врагу навстречу. Али-Паша, командующий турецким флотом, тоже вышел из своего укрытия. На рассвете 7 октября, в день Святого Марка, обе эскадры сошлись друг против друга. Вскоре должен был состояться последний в истории грандиозный бой гребных флотов.

«Самое величайшее из событий, какие когда-либо происходили в век минувший и в век нынешний и вряд ли произойдут в век грядущий», как писал позже в «Дон Кихоте» Сервантес, битва при Лепанто началась в полдень, когда на флагманских кораблях флотов почти одновременно взвились: на одном — знамя голубого цвета с изображением распятия и гербами союзных держав, на другом — шелковый белый с золотом стяг Блистательной Порты.^{73} Обмен выстрелами из пушек возвестил начало баталии. Известно, что в момент начала битвы понтифик прервал деловую встречу и помолился за победу христиан в этом сражении.

Пользуясь своим знанием морских глубин, правое крыло оттоманской эскадры попробовало оттеснить левый фланг союзников, где как раз и находилась «Маркиза», в глубь залива, однако мощный пушечный огонь христиан сорвал эффект вражеского маневра. Завязалась жестокая и кровопролитная битва.

Сервантес сражался отважно. Тому есть документальные свидетельства очевидцев. Забегая вперед, скажем, что, когда Мигель попал в алжирский плен, его отец в марте 1578 года обзавелся письменными подтверждениями героизма сына, которые дали его друзья по Лепанто, впоследствии прапорщики, Матео де Сантистебан и Габриель де Кастаньеда. Этот документ должен был помочь выволить боевого товарища из алжирского плена.

Дон Мигель, несмотря на жестокую лихорадку, еще до начала боя был на палубе. И как ни уговаривали его друзья и командиры, решительно

отказался от больничной постели. «Лучше умереть за Бога и своего короля, чем прятаться под палубой!» — воскликнул он и, обращаясь к капитану, добавил: «Сеньор капитан, поставьте меня на самое опасное место, чтобы я мог умереть, сражаясь!» И «он сражался с турками как храбрый солдат на том месте, где его поставил капитан — рядом со шлюпочным трапом». Это было место, которое в случае абордажа становилось чрезвычайно опасным, но Сервантес со своими двенадцатью солдатами от данного ему поручения не отрекался.

Когда галеры сходятся, единая боевая тактика нарушается и становится невозможной. Бой распадается на множество отдельных схваток, не становясь от этого менее страшным. Как писал один из участников Лепанто, «сражение в этом месте достигло своего развития так кровопролитно и ужасно, что можно сказать — море и огонь сливались в одно целое». Все сводилось к абордажу и рукопашному бою. Бились холодным оружием или стреляли с близкого расстояния крупным калибром (другого не было), поэтому раны были ужасны и, как правило, смертельны.

О накале морской битвы можно судить по потерям «Маркизы»: 40 убитых, среди них капитан судна, более 120 раненых. Сервантес получил три аркебузных ранения — два в грудь и одно в руку, сделавшее ее неподвижной. Эта потеря, кажущаяся такой ужасной в молодости, на склоне лет стала предметом его гордости: «Даже если бы мне сейчас предложили невозможное — избавиться от моих ран, то я бы предпочел оставить все как есть». Так родился Однорукий Лепанто, или просто Однорукий, как его называли в алжирском плену.

Победа склонялась на сторону союзников. Смерть Али-Паши, сначала раненного из аркебузы, а потом обезглавленного каким-то пленным христианином, обозначила перелом в ходе сражения. А измена берберийских галер Улудж-Али и затем восстание десяти тысяч пленных христиан — гребцов, находящихся на турецких судах, только ускорили развязку. Исход сражения был решен боем между галерами дона Хуана Австрийского и капудана-паши. К четверем часам дня поражение турецкой эскадры стало очевидным. Победители занялись своим узаконенным войной делом — грабежом побежденных, продолжавшимся до самой ночи.

Разгром турок был полным: 110 кораблей было уничтожено или потоплено, 130 захвачено в плен, 30 тысяч человек убито и ранено и почти 15 тысяч рабов-христиан, освобожденных из плена. Потери союзников были существенно меньше — 12 тысяч погибших в бою и умерших от ран.

Весть о великой победе мгновенно облетела христианский мир. Резонанс был огромен. Писатели, поэты, актеры — каждый на свой лад

славил морское сражение при Лепанто. До нас, к сожалению, не дошла пьеса Сервантеса, посвященная Лепанто, написанная по возвращении из алжирского плена, однако и в «Дон Кихоте» в рассказе Пленника мы можем обнаружить отголоски этого памятного исторического события. Позже в устной традиции Лепанто обрстет легендами и разного рода небылицами, что всегда сопровождало любое выдающееся событие.

Впоследствии выяснится, что битва при Лепанто, первоначально казавшаяся концом турецкого владычества на море, таковой не является. Две последующие морские экспедиции против турок, предпринятые доном Хуаном Австрийским, окончатся провалом. Турецкое могущество было только надломлено и праздновать окончательную победу «креста» над «полумесяцем» было преждевременно. Священная лига распадется, не дожив до смерти Пия V. Он умер через полгода после Лепанто. Однако главное было сделано — развеян миф о непобедимости турецкой армии. Начиная с этого момента испанские галеры под прикрытием пушек Корфу, Мальты и Мессины уже гораздо смелее бороздили морские просторы.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Выдержав осенний шторм, победоносная флотилия союзников вернулась 31 октября в Мессину. В этот же день раненый Сервантес был помещен в городской госпиталь. Здесь герой Лепанто залечивал свои раны. Конечно, мужественное поведение в бою Сервантеса не было исключением, многие испанские солдаты действовали самоотверженно и неустрашимо. История не сохранила имени испанца, который, потеряв глаз, заткнул рану куском тряпки и бросился на abordаж вражеского судна; некто Мартин Муньос, будучи больным, как и Сервантес, не смог остаться в койке, взял шпагу, бросился на палубу вражеского судна и разил врага, получив при этом девять ранений от турецких стрел; Франсиско Монтаньес схватился с турком, и оба они свалились в воду; испанец, чтобы не утонуть, был вынужден разжать руки — турок попытался спастись, тогда Монтаньес вплавь нагнал его и, схватив топор, отрезал голову врагу, затем вскарабкался на судно и снова вступил в бой. Мария Танцовщица (Maria la Bailadora), вопреки приказу дона Хуана не пускать на корабль женщин, пробралась на его борт и наравне с мужчинами, ухватив аркебузу, стреляла по врагу.

Сражение у Лепанто стало едва ли не самым главным событием всей жизни Мигеля де Сервантеса. Много позже, в 1615 году, в предисловии ко второй части «Дон Кихота» он напишет: «Если раны мои и не красят меня в глазах тех, кто их видел, то, во всяком случае, возвышают меня во мнении тех, кто знает, где я их получил, ибо лучше солдату пасть мертвым в бою, нежели спастись бегством; и я так в этом убежден, что если бы мне теперь предложили воротить прошедшее, я все равно предпочел бы участвовать в славном этом походе, нежели остаться невредимым, но зато и не быть его участником. Шрамы на лице и на груди солдата — это звезды, указывающие всем остальным, как вознестись к небу почета и похвал заслуженных».

Бескомпромиссное поведение в бою Сервантеса и его боевых товарищей не оставалось незамеченным. Между январем и мартом 1572 года все они получили денежное пособие в размере двадцати дукатов.

Солдат Сервантес вышел из госпиталя 24 апреля. Он залечил два ранения в грудь, однако левая рука осталась навсегда неподвижной. Службы он не оставил и, возможно, поэтому получил повышение — стал «soldado aventajado» — заслуженным солдатом, ветераном с месячным

жалованьем в три дуката. Очевидно, что вплоть до конца зимы он находился в роте Диего де Урбины, расположившейся лагерем в Калабрии, а затем перешел под командование другого капитана — Мануэля Понса де Леона, чье подразделение входило в состав полка Лопе де Фигероа.

НАВАРИНСКИЙ ЗАЛИВ

Первого мая 1572 года в возрасте 68 лет умирает папа Пий V. Священная лига, к несчастью, лишается своего главного вдохновителя. И хотя новый понтифик Григорий XIII^{74} был намерен продолжать начатое святое дело, постоянно ссорившиеся союзники не имели в его лице того беспристрастного арбитра, каким являлся его предшественник. Положение усугублялось и поведением Филиппа II, весьма обеспокоенного волнениями во Фландрии и не желавшего ввязывать войска в новую военную кампанию.

Тем не менее в начале июля 1572 года часть союзного войска под командованием Марко Антонио Колонны в составе 140 галер покинула Мессину. Сервантес был на борту одного из судов. А уже 2 августа дон Хуан Австрийский получил наконец от своего сводного брата Филиппа II, успокоенного действиями герцога Альбы во Фландрии, разрешение снова возглавить войска и вышел в море с 65 галерами. 1 сентября после долгих мытарств обе эскадры объединились и взяли курс на Модон. План дон Хуана состоял в том, чтобы, высадившись в заливе Наварино и окружив турок, заставить их сдаться. Но слишком много времени было потеряно.

Сам Сервантес устами Пленника говорит об этом в «Дон Кихоте»: «В семьдесят втором году я, будучи гребцом на адмиральском судне, оказался свидетелем Наваринской битвы. На моих глазах был упущен случай захватить в гавани турецкий флот, ибо вся турецкая морская и наземная пехота была уверена, что ее атакуют в самой гавани, и держала наготове платье и *башмаки* (так турки называют свою обувь) с тем, чтобы, не дожидаясь, когда ее разобьют, бежать сухопутьем: столь великий страх внушал ей наш флот. Случилось, однако ж, не так — и не по вине или по небрежению нашего адмирала, но по грехам христиан и потому, что произволением и попусцием божьим всегда находятся палачи, которые нас карают. И точно: Улудж-Али отступил к Модону — такой есть близ Наварина остров — и, высадив войско, укрепил вход в гавань и просидел там до тех пор, пока сеньор дон Хуан не возвратился вспять».

Действительно, 7 октября, в день годовщины Лепанто, сильнейшие осенние дожди вынудили христианский флот оставить свои позиции и вернуться в Санте. Единственным утешением в этой бесславной экспедиции был захват доном Альваро де Басаном сына знаменитого берберийского корсара по прозвищу Рыжая Борода (Barbarroja) — «бога

войны и родного отца своих солдат, удачливого и непобедимого военачальника» на судне «Волчица» галеры «Добыча».^{75}

В описании самого Сервантеса, в рассказе все того же Пленника это происходило следующим образом: «Сын Рыжей Бороды был жесток и дурно обходился с пленниками, и вот как скоро гребцы увидели, что галера „Волчица“ гонится за ними и уже настигает, то все разом побросали весла (гребцами на турецких галерах, как правило, были пленные рабы-христиане. — А. К.) и, схватив капитана, который, находясь на галере, кричал, чтобы они дружнее гребли, стали перебрасывать его от одной скамьи к другой, от кормы до самого носа. И при этом так его искушали, что вскоре после того, как он оказался у них в руках, душа его оказалась в преисподней, — столь жестоко, повторяю, он с ними обходился и такую вызвал к себе ненависть».

Даже если автор «Дон Кихота» и не участвовал в пленении этой галеры, то он наверняка был самым внимательным слушателем тех, кто штурмовал «Добычу», и благодаря своему врожденному таланту писателя сумел сохранить в памяти все подробности этого события, равно как и других, в которых участвовал сам.

В конце октября галеры Колонны покинули соединенные силы и вернулись в Сивитавессиа, дон Хуан направился в Мессину, а оттуда в Неаполь, чтобы обосноваться на зиму в соответствии с приказом Филиппа II. Именно там Сервантес и получил свое жалованье в сумме 30 эскудо.

Из-за ранения он уже вряд ли мог управляться с аркебузой. А поскольку деньги выплачивали с задержкой, это наводит на мысль, что Сервантес числился, скорее всего, во вспомогательном подразделении армии Филиппа II: интендантам выплачивали жалованье позднее остальных. Еще одним косвенным подтверждением этой догадки служит будущая должность писателя — его служба комиссаром по снабжению продовольствием печально известной Непобедимой армады. Дело, которое по плечу только экс-интенданту.

АФРИКАНСКАЯ КАМПАНИЯ

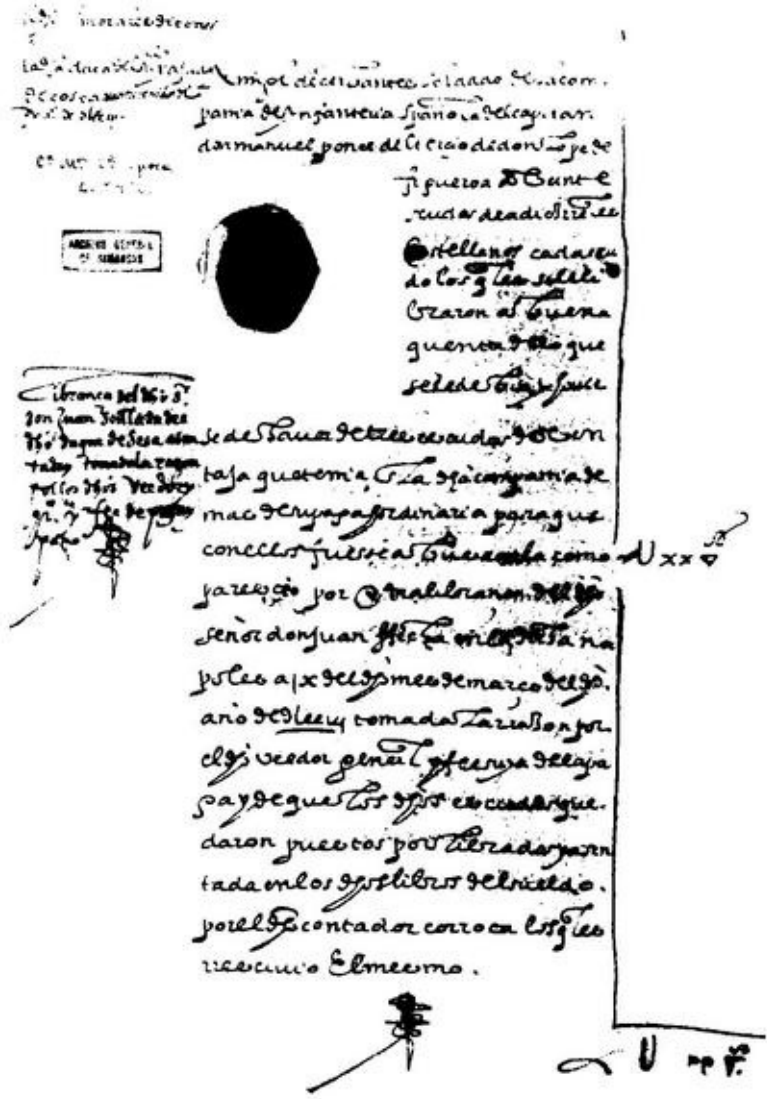
С наступлением весны отдых армии заканчивается. На середину апреля намечено начало новой совместной кампании. Но несколькими неделями раньше стало известно об интриганском поведении Венеции, которая втихую заключает секретный мирный договор с турками, по которому те уступали ей Кипр, и 4 апреля уже официально сообщает об этом возмущенным союзникам. Однако Филипп не был особо огорчен — у него освобождался флот, который он, согласно союзническим обязательствам, должен был держать возле острова Корфу. Испанца же больше волновала проблема берберийского пиратства, расплодившегося в огромных масштабах и превратившего Северную Африку в государство рабов-христиан. Отдельные операции, проводившиеся против корсаров, редко бывали эффективны, главное — были весьма дорогостоящими, так как требовали постоянного присутствия испанской эскадры, годовое содержание которой обходилось казне более чем в 4 миллиона дукатов.

Выход был один — уничтожить зло в корне. Большинство военных считало этим «корнем» Алжир. Но Хуан Австрийский полагал осиным гнездом пиратства Тунис. Король, учитывая авторитет военачальника — своего сводного брата, в конце концов склонился на его сторону. Имперский замысел был прост — захватить Тунис и, укрепясь в нем, совершить поход на Алжир.

Однако подлинная цель дона Хуана Австрийского была иная: захватив одно из государств Магриба, находящегося рядом с Мальтой и Сицилией, наконец увенчать свое чело долгожданной короной. Желание для побочного королевского сына, вечно притесняемого и принижаемого королем-братом (Филипп отдал своим канцеляриям приказ при переписке именовать дона Хуана не «высочеством», но лишь «превосходительством»), понятное и легко объяснимое.

Спустя примерно полгода для осуществления задуманной операции по захвату Алжира были собраны 170 кораблей и 20 тысяч солдат. Выйдя из Мессины, с двумя остановками в Палермо и Трапани, флотилия оказалась вблизи тунисских берегов. 8 октября 1573 года, спустя два года и один день после битвы при Лепанто, дон Хуан приказал войскам сойти на африканский берег. Остальное почти не напоминало военную экспедицию, скорее это был торжественный марш испанских войск. Тунис, покинутый своими жителями, пал без боя, испанцы назначили его губернатором

лояльного муллу Мухаммеда (Muley Mohammed) и легко овладели Бизертом. Потребовалось менее недели на эту операцию, и уже в конце октября дон Хуан вернулся на Сицилию. Но вместо того чтобы разрушить вражеские укрепления, как приказал Филипп II, дон Хуан укрепил их, оставив в крепости Голета отряд под командованием Педро Портокарреро.

Документ, свидетельствующий о выплате денег Сервантесу во время его военной службы.

РЕВАНШ УЛУДЖ-АЛИ

Судьба хранила Сервантеса и в битве при Лепанто, и при Наварине. Фортуна была благосклонна к нему и в этой экспедиции, ведь он мог остаться в крепости Голета, гарнизон которой будет позднее полностью уничтожен. Однако вместе с полком дона Лопе де Фигероа он погрузился на корабль и провел зиму на Сардинии и в Неаполе.

В мае 1574 года Мигель вместе с эскадрой отправляется в Геную. Тем временем дон Хуан, пытавшийся получить от папы титул короля Туниса, был под благовидным предлогом отослан Филиппом II в Ломбардию.

Турки же усиленно готовились взять реванш. И 11 июля 1574 года флот под командованием Улудж-Али и Синан-Паши, состоявший из 240 кораблей с 40 тысячами солдат на борту, появился у берегов Туниса.

Напрасно Хуан Австрийский, предчувствовавший надвигающуюся опасность, искал поддержки. Тяжелейший финансовый кризис поразил Испанию, и Филипп II был просто не в силах выделить средства еще на одну экспедицию. Тем не менее прибывшему в августе в Неаполь дону Хуану удалось на своих галерах выйти в море. Однако им сразу пришлось вынести два тяжелейших шторма, и они были заблокированы в порту Трапани. Здесь же их настигла весть о поражении: 25 августа перед значительно превосходящими силами турков защитники крепости Голета капитулировали, а в сентябре сдался Тунис. Эскадре ничего не оставалось, как вернуться в Палермо в середине октября 1574 года.

В этой неудачной экспедиции принимал участие и Сервантес. По возвращении он, очевидно, узнал, что в конце июля в Риме, едва достигнув двадцати шести лет от роду, отдал Богу душу его бывший хозяин и покровитель кардинал Хулио Аквавива.

Об участии Мигеля де Сервантеса в тунисских событиях мы знаем из его «Записки» 1590 года, в которой он коротко рассказывает о своем участии в военных операциях при Наварине, в Тунисе и Голете.

В «Дон Кихоте» содержатся более подробные описания событий: «Мы возвратились в Константинополь, а в следующем, семьдесят третьем году нам стало известно, что сеньор дон Хуан взял Тунис и, очистив его от турок, передал во владение мулею Ахмету, тем самым отняв надежду вновь воцариться в Тунисе у мулея Хамида, самого жестокого и самого храброго мавра на свете. Султан, горько оплакивавший эту потерю, с присущим всему его роду коварством заключил мир с венецианцами, которые желали

этого еще больше, чем он, а в следующем, семьдесят четвертом году осадил Голету и форт неподалеку от Туниса — форт, который сеньор дон Хуан не успел достроить...

Наконец, пала Голета, пал форт, в осаде коих участвовало семьдесят пять тысяч наемных турецких войск да более четырехсот тысяч мавров и арабов со всей Африки, причем все это несметное войско было наделено изрядным количеством боевых припасов и военного снаряжения и располагало изрядным числом подкопщиков, так что довольно было каждому солдату бросить одну только горсть земли, чтобы и Голета, и форт были засыпаны. Первою пала Голета, слывшая дотоле неприступною, — пала не по вине защитников своих, которые сделали для ее защиты все, что могли и должны были сделать, а потому, что рыть окопы, как показал опыт, в песках пустыни легко: обыкновенно две пяди вглубь — и уже вода, турки же рыли на два локтя, а воды не встретили. И вот из множества мешков с песком они соорудили столь высокий вал, что могли господствовать над стенами крепости, осажденные же были лишены возможности защищаться и препятствовать обстрелу с высоты.

Ходячее мнение было таково, что наши, вместо того чтобы отсиживаться в Голете, должны были в открытом месте ожидать высадки неприятеля, но так рассуждать можно только со стороны, тем, кому в подобных делах не приходилось участвовать. В самом деле, в Голете и форте насчитывалось около семи тысяч солдат, — так вот, могло ли столь малочисленное войско, какую бы храбростью оно ни отличалось, в открытом месте сдерживать натиск во много раз превосходящих сил неприятеля? И какая крепость удержится, ниоткуда не получая помощи, когда ее осаждают многочисленный и ожесточенный враг, да еще сражающийся на своей земле? Напротив, многие, в том числе и я, полагали, что уничтожение этого бича, этой губки, этой моли, без толку пожирающей огромные средства, этого источника и средоточия зол, пригодного единственно для того, чтобы хранить память о том, как его завоевал блаженнейшей памяти непобедимейший Карл Пятый (точно память о нем, которая и без того есть и будет вечною, нуждается для своего упрочения в этих камнях!), уничтожение его, говорю я, — это знак особой милости неба к Испании, особого его благоволения. Пал также и форт, однако туркам пришлось отвоевывать его пядь за пядью, ибо его защитники бились до того яростно и храбро, что неприятель, предприняв двадцать два приступа, потерял более двадцати пяти тысяч убитыми. Из трехсот человек, оставшихся в живых, ни один не был взят в плен целым и невредимым — явное и непреложное доказательство доблести их и мужества,

доказательство того, как стойко они оборонялись, того, что никто из них не покинул своего поста. Сдался и еще один маленький форт, или, вернее, воздвигнутая на берегу залива башня, которую защищал дон Хуан Саногера, валенсийский кавальеро и славный воин. Был взят в плен комендант Голеты дон Педро Пуэртокарреро, — он сделал все от него зависящее для защиты крепости и был так удручен ее падением, что умер с горя по дороге в Константинополь, куда его угоняли в плен. Попал в плен также комендант форта Габриеле Червелон, миланский дворянин, искусный строитель и отважнейший воин. В этих двух крепостях погибло немало прекрасных людей, как, например, Пагано Дориа, кавалер ордена Иоанна Крестителя, высокой души человек, выказавший необычайное добросердечие по отношению к брату своему, славному Джованни Андреа Дориа. Смерть его тем более обидна, что пал он от руки арабов, коим он доверился, как скоро убедился, что форта не отстоять, и кои взялись доставить его, переодетого в мавританское платье, в Табарку — небольшую гавань, или, вернее, поселок, принадлежавший генуэзцам, заплывающим в эти воды на предмет добычи кораллов, и вот эти самые арабы отрубили ему голову и отнесли ее командующему турецким флотом, но тот поступил с ними согласно нашей кастильской поговорке: „Измена пригодится, а с изменником — не водиться“, — говорят, будто командующий велел повесить тех, кто принес ему этот подарок, за то, что они не доставили Дориа живым...

Итак, Голета и форт пали, и турки отдали приказ сровнять Голету с землей (форт же находился в таком состоянии, что там уже нечего было сносить) и, чтобы ускорить и облегчить работу, с трех сторон подвели под Голету подкоп, но что до сего времени казалось наименее прочным, то как раз и не взлетело на воздух, а именно — старые крепостные стены, все же, что осталось от новых укреплений, воздвигнутых Фратино, мгновенно рухнуло. Наконец, эскадра с победой и славой возвратилась в Константинополь...»

Сервантес не называет здесь виновного в провале туниССкой экспедиции, но он очевиден по совершенным действиям — дон Хуан Австрийский. Ведь меры, предлагаемые Пленником, были наиболее целесообразными в сложившейся ситуации и совпадают с точкой зрения Филиппа II, вопреки приказу которого поступил его сводный брат. Он не разрушал же укрепления, а сделал их еще более боеспособными, и случилось то, что случилось.

Сервантес на всю жизнь сохранил в памяти эти трагические события и уже в зрелом возрасте написал два сонета, один посвященный крепости

Голета, другой — защитникам форта, которые он приводит в «Дон Кихоте».

Святые души, вы, что с плотью брэнной
Расстались ради праведного дела
И вознеслись от дольного предела
К высокой тверди, чистой и блаженной;

Вы, что, пылая ревностью священной,
Так гневно состязались мощью тела,
Что ваша кровь и кровь врагов одела
Песчаный брег и округ моря пенный!

Жизнь, а не доблесть первой изменила
Руке бойцов, которая стяжала
И в поражении победный жребий.

И эта ваша скорбная могила
Меж башен и железа вас венчала
Земною славой и бессмертьем в небе.

Сонет форту и его защитникам:

От этого разгромленного края,
От башен, рухнувших в огне и дыме,
Три тысячи отважных душ живыми
Взнеслись в блаженную обитель рая

Вослед за тем, как, тщетно напрягая
Мощь смелых рук, последние меж ними,
Изнурены трудами боевыми,
Угасли, жизнь железу отдавая;

Сия земля извела немало
И в наше время, и во время оно
Воспоминаний, скорбью окруженных;

Но праведней ее скупое лоно
Вовеки к небу душ не воссылало

И не носило тел, столь непреклонных.

*

Осень 1574 года Мигель провел на Сицилии. В середине ноября он уже был в Палермо. В приказе за подписью герцога де Сессы Сервантес впервые упомянут как «soldado aventajado» — заслуженный солдат. Герцог — хозяин Кабры, давний покровитель деда Мигеля, лиценциата Хуана де Сервантеса, — с весны 1572 года состоял при доне Хуане Австрийском, очевидно с целью «присмотра» за горячим и честолюбивым молодым полководцем.

С наступлением зимы Сервантес вместе со своим полком покидает Палермо и отправляется в Неаполь, где встречается со своим братом Родриго. В это же время дон Хуан отбывает в Мадрид, чтобы дать отчет королю о тунисской экспедиции. Полководец вернется в Италию только летом следующего 1575 года. Для войск наступило длительное безделье, летом боевых действий против турок не будет. Для будущего автора «Дон Кихота» приближалось время окончания его службы в армии, однако впереди его ждало страшное испытание — алжирский плен.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ИТАЛИИ

В конце XVI века Италия, за исключением папских владений, Венеции и Савойи, всецело находилась под господством Испании.

Жизнь родины Данте была очень пестрой и разнообразной. В городах и на дорогах можно было встретить людей самого разного чина, звания и сословия: идальго и студентов, бродяг и солдат, художников и богословов, нищих и священников и т. д. Каждый из них стремился тем или иным путем заработать себе на кусок хлеба.

Шесть лет военной службы Сервантеса, вплоть до 1575 года — это итальянский период биографии писателя, который нашел яркое отражение и в его творчестве, и в жизни.

Он сохранил впечатления от этой незабываемой страны на всю жизнь. Почти в каждом его произведении можно встретить упоминание того или иного итальянского города и его характеристику. Творчеству Сервантеса вообще свойствен существенный автобиографический элемент. Это особенно важно, так как лишь литературные произведения служат одними из немногих, но ярких источников сведений об этом отрезке жизни писателя. Много итальянских воспоминаний содержится в его наиболее автобиографическом произведении — поэме «Путешествие на Парнас», в романах «Галатей», «Странствия Персилеса и Сихизмунды», «Назидательных новеллах».

Зарисовки Сервантеса красочны и романтичны, очевидно, воздух страны Данте и Боккаччо только так и действует на заезжих иностранцев. Об Италии писатель отзывается только в превосходных степенях: в Генуе его поразили «белокурые волосы генуэзок (что неудивительно, так как все испанки сплошь темноволосые. — А. К.), лихая и бравая внешность мужчин, замечательная красота города, дома, которые, казалось, вставлены в скалы, подобно алмазам, оправленным в чистое золото». В городе Лукке, по его мнению, «отлично построенном... лучше, чем в остальных местностях Италии, принимают и потчуют испанцев», Неаполь — город «лучший в Европе да, пожалуй, и во всем мире», он показался ему «самым богатым и самым веселым городом, какой только есть на белом свете» — немудрено, с ним у Сервантеса были связаны самые яркие военные впечатления, Палермо понравился ему «расположением и красотой, Мессина — гаванью, а весь остров (Сицилия. — А. К.) — плодородием, за что его справедливо называют житницей Италии».

Сильное впечатление произвел на Сервантеса Рим — «царица городов и владыка мира». Замечание, на первый взгляд, странное для испанского подданного, однако вполне объяснимое. Сопоставление Рима, Вечного города, с недавно ставшим столицей Испании неказистым Мадридом никак не благоприятствовало последней. В Риме Сервантес «посетил храмы, поклонился мощам и поразился его величию; подобно тому, как по когтям льва распознают его величину и свирепость, так и он заключил о громаде Рима по мраморным развалинам, по целым и разбитым статуям, по обрушившимся аркам и развалившимся, но великолепным портикам и огромным амфитеатрам, по знаменитой и Святой его реке, вечно наполняющей водой свои берега и освящающей их неисчислимыми мощами мучеников, нашедших в ней свою могилу; по мостам его, которые одним своим именем берут верх над всеми улицами других городов мира, — виа Аппиа, виа Фламиниа, виа Юлия и другие в том же роде».

Сервантеса поразила мощь и красота древнего города, хотя сохранились лишь следы прежнего величия. Но он был художником, который обладал редким и драгоценным талантом — по каким-то деталям воспроизводить весь облик сущего.

По отдельным характеристикам своей службы у Аквавивы он, повествуя о Риме, отмечает «могущество коллегии кардиналов, величие первосвященника римского». Даже спустя долгие годы в своем последнем романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды» он вновь восхищается Римом.

Одно из самых сильных впечатлений оставила в душе Сервантеса Венеция, «город, которому — не родись на свет божий Колумб — во всем мире не сыскалось бы равного. Возблагодарим же небо и великого Эрнандо Кортеса, завоевавшего великий Мехико, дабы великой Венеции было, так сказать, с кем соперничать!.. богатства ее безмерны, правительство ее — разумно, местоположение — неприступно, изобилие всего — превеликое, окрестности — веселые; одним словом — вся она сама по себе и в частях своих достойна славы, превозносящей ее достоинства во всех концах света; причем особое основание верить этой истине дает ее знаменитый Арсенал, иначе говоря — место, где сооружаются галеры и несчетное количество других судов».

Уже по этим описаниям видно, что молодой Сервантес был натурой впечатлительной, с живым умом и отличной памятью, способной сохранить яркость красок вопреки всем превратностям судьбы. Самые тяжелые воспоминания об алжирском плене не только не смогли стереть из его памяти подробности италийского периода жизни, но даже не дали им

потускнеть. Удивительна та жизнерадостность, непосредственность, которая сквозит на этих страницах. Ведь мы помним, что Сервантес не только перенес великие тяготы и страдания, но и потерял руку.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

Мигель де Сервантес не вел дневников, не оставил мемуаров или воспоминаний о своей жизни и эпохе, впрочем, как и вообще ничего личного. Мы нигде не найдем объяснений, почему «soldado aventajado» Мигель де Сервантес решил оставить Италию, а вместе с ней и службу.

Как следует из документов, жалование платили, хоть и с задержками. Может быть, ему надоела гарнизонная жизнь, бесконечные переходы из одного города в другой? Однако семьи он не имел, так что торопиться было не к кому. Скорее всего, он ясно понимал, что у однорукого бедного солдата не было никакой перспективы в военной карьере. Да и атмосфера взаимоотношений в испанской армии совсем не вызывала желания здесь «задержаться»: «Власть войсковых комиссаров, строптивость сеньоров капитанов, происки квартирмейстеров, хитрости и уловки казначеев, жалобы селений, выкупы за постоянные билеты, наглость рекрутов, драки постояльцев, требование в обоз больше скота, чем нужно, а в заключение на собственном опыте убедился в том, как нужда поневоле заставляет проделывать все то, что он видел и что он, безусловно, осуждал» — так дон Мигель вспоминает воинскую службу в новелле «Лицензиат Видриера».

Сервантеса волновали и тревожили вести с родины. В течение последних двух лет в семье мучительно не хватало денег. У отца Мигеля ухудшились отношения с компаньонами, двумя итальянцами Боччи и Мусаччи, желавшими избавиться от глухого экс-хирурга. Деньги, доставшиеся от Локадело, уже давным-давно были прожиты. Над семьей снова нависла опасность преследования кредиторами, как это уже случилось в 1570 году.

Любовник сестры Сервантеса Андреа, уже упоминаемый нами, Алонсо, унаследовавший состояние своего отца, уклонялся от своих ранее обильно расточаемых авансов. Целая кипа нотариальных актов демонстрирует бесконечные просрочки платежей, рекламации и т. д. Алонсо, овдовевший в 1576 году, снова женился. Все попытки получить обещанные деньги были тщетны. Последнее прошение Андреа, представленное в суд в 1578 году, также оказалось бесполезным.

Активных боевых действий в ближайшее время не ожидается, и дон Мигель подает в отставку, чтобы вернуться в Испанию. Ему удастся получить весьма важные для своей карьеры на родине рекомендательные письма от герцога де Сессы и дона Хуана Австрийского на имя Филиппа II.

К сожалению, эти документы до нас не дошли, но мы можем догадаться об их содержании на основании другого письма, посланного три года спустя (Сервантес уже был в плену) герцогом де Сессой матери Мигеля — Леоноре де Кортинас. Осторожный и уклончивый вельможа сообщил, что его «покалеченный протеже» просил у сеньора дона Хуана Австрийского разрешения вернуться в Испанию и ходатайствовать там о дополнительной компенсации за свою службу.

Сервантес, видимо, всерьез решил испробовать себя на гражданском поприще. У него был в этом отношении живой пример деда и дяди, которые сделали себе карьеру на административных должностях. Рекомендательные письма для такого рода деятельности просто бесценны, они сулили дону Мигелю надежду на преуспевание в будущем.

Глава 3

АЛЖИРСКИЙ ПЛЕН

НА БОРТУ ГАЛЕРЫ «EL SOL»

В первых числах теплого южного сентября 1575 года Мигель де Сервантес, «soldado aventajado», отдавший пять лет военной службе, взошел вместе со своим братом Родриго и несколькими друзьями на палубу галеры «Солнце» («El sol»), отправлявшейся из Неаполя в Барселону. Галера, которой командовал Гаспар Педро де Вильена, была одним из четырех судов небольшой флотилии дона Санчо де Лейва. После некоторых проволочек, задержавших выход кораблей, галеры наконец вышли в море.

Корабли держали курс на Барселону вдоль французских берегов. Превратности судьбы, преследующие Мигеля, не упустили и здесь случая проявить свой коварный характер. Налетевшая сильная буря разметала корабли. Три из них, однако, благополучно добрались до порта. Но именно галеру «Солнце» 26 сентября у мыса Трех Марий захватили в плен берберийские пираты.

Существует несколько версий пленения писателя. На наш взгляд, наиболее близок к истине испанский ученый Хуан Баутиста Авалье.

В результате своего исследования ученый восстановил узловые моменты случившегося. Оказалось, что Мигель де Сервантес покинул Неаполь не 20 сентября, как утверждалось биографами на протяжении двух столетий, а 6-го или 7-го числа того же месяца. А буря случилась 18 сентября, когда флотилия шла вдоль берегов Италии и Прованса и была разметана возле Порт-де-Бук. И, наконец, сам захват галеры пиратами произошел действительно 26 сентября, но не возле Трех Марий, а напротив каталонских берегов, недалеко от Кадакеса или Паламоса. Можно себе представить отчаяние несчастных европейцев, попавших в плен к берберам близ конца своего путешествия, почти у разных берегов.

Захватил галеру «Солнце» албанский ренегат Арнаут Маами. Его помощником был другой ренегат, грек по происхождению Дали Маами. Испанцы в течение нескольких часов яростно сопротивлялись, и многие из них, в том числе и капитан, пали в бою. Оставшиеся в живых были связаны по рукам и ногам и перенесены на разбойничьи галеры. В это время на горизонте появились остальные галеры христианской флотилии; что заставило корсаров спасаться бегством, увозя с собой добычу.

Через три дня галеры Арнаута Маами прибыли в Алжир. Начались долгие и тягостные дни африканской неволи Мигеля де Сервантеса и его младшего брата Родриго.

ПИРАТСКИЙ РАЙ

Пленение и последующее затем рабство оставили глубокий след в творчестве писателя. Во многих произведениях так или иначе присутствуют эпизоды, напоминающие о тяжелых годах, проведенных в африканской неволе, и об ужасе пиратских набегов.

«Внезапно в сад ворвалась шайка бизертских корсаров, сошедших в ближайшей бухте с двух галиотов и ускользнувших от внимания башенных часовых и береговых скороходов-перехватчиков... Набег свой турки произвели с обычной для них быстротой...» — так в новелле «Великодушный поклонник» описывает Сервантес неожиданный набег на сицилийский город Трапани и захват главных героев произведения — Рикардо и Леонисы. Схожий эпизод присутствует и в «Галатее», первом романе Сервантеса. В новелле «Высокородная судомойка», рассказывая о тунцовых промыслах, Сервантес замечает, что «здесь никто спокойно не спит, и каждый боится, что его в один миг перевезут из Саары в Берберию. Поэтому все укрываются на ночь в береговые башни, выставя своих дозорных и часовых, и таким образом в уповании на чужие глаза отваживаются смежить свои собственные очи, хотя иной раз бывало и так, что дозорные и часовые, пикаро, надсмотрщики, а заодно лодки, сети и вся ватага занятого на работе народа засыпали в Испании, а просыпались уже в Тетуане». Подобного рода описания можно обнаружить в пьесе «Алжирская каторга», романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды», в «Дон Кихоте» и др.

Все побережье Северной Африки тогда было пиратским, этим жили в той или иной степени все страны Магриба.^{76} При этом особой жестокостью, как это часто бывает, отличались принявшие ислам европейцы-рenegаты: испанцы Юсуф и Мурад-ар-раис, прозванный Бродягой, венецианец Мами-ар-раис (по арабски ar-raïis — главный, капитан. — А. К.), венгр Джафар, албанцы Мурад и Мами, последний организовывал захват галеры «Солнце» с двадцативосьмилетним Мигелем де Сервантесом на борту. Пиратам нельзя было отказать в храбрости и дерзости, все испанское побережье постоянно находилось под страхом их стремительных набегов. Позднее Сервантес оставит целую галерею образов этих людей в своих произведениях.

В обыденном представлении пиратское пристанище связано с уединенным, довольно грязным местом, чаще островом, где много вина и

пьяной поножовщины. Так нам преподносят мир корсаров кинематограф и литература романтизма и неоромантизма, таковым он представляется сознанию читателя, воспитанного на романах Стивенсона и Дюма. А на самом деле?

Алжир середины XVI века — подлинное пиратское гнездо — был богатым городом с населением 150 тысяч человек, более населенным, чем Палермо или Рим, а по оживленности не уступал Неаполю.

Алжир имел все признаки процветания: оживленный порт с маяком, набережную, как правило, с большим количеством расположенных на ней магазинов, множество горожан, снующих по узким улочкам, бесчисленные дворцы, чьи дворики скрывали великолепные фонтаны и сады. Город защищали высокие крепостные стены. Сервантес застал его почти в полном расцвете. Алжир, уже триста лет являвшийся одним из центров работоторговли, через пятьдесят лет достигнет апогея своего развития.

Административно, будучи одной из провинций Оттоманской империи, {77} Алжир представлял собой по существу вольную пиратскую республику, жившую почти исключительно бандитскими набегами и морским грабежом. Это была своеобразная форма тотальной войны между христианами и мусульманами и вместе с тем возведенная в статус государственной политики древняя индустрия разбоя, чьи корни теряются в глубине веков. Говоря о своеобразной скрытой войне, приходит на ум противостояние Англии и Испании, когда знаменитый английский пират «Ее величества» Фрэнсис Дрейк {78} с государственного благословения грабил именно испанские суда. И если так поступали европейцы, так что уж тут говорить об иноверцах.

Корсары Магриба довели свою техническую и тактическую подготовку до пика совершенства, чего так и не удалось бравым христианским пиратам, бороздившим просторы Средиземного моря. Быстрые, маневренные, прекрасно снаряженные алжирские галеры, являя собой своего рода экономическую опору пиратского рая, курсируя в течение года вдоль берегов Испании и Италии, захватывали сотни христианских судов, тысячи пленников, обогащая город-государство рабами и огромным количеством награбленного добра. За вычетом доли наместника султана, правящего Алжиром, пиратские трофеи — люди и товары — считались собственностью захватившего их корсара, и он мог поступать с ними по своему усмотрению. Как правило, часть пленников он оставлял себе, остальных выставлял на продажу, где после тщательной и всесторонней проверки их физического состояния покупателями они

продавались с аукциона.

Пленники в основном делились на две категории — предназначенных для работы и сохранявшихся для выкупа. Жили все они либо в специальных больших помещениях, казармах — «банья», либо при домах своих владельцев. Самая страшная участь была уготована тем, кто попадал во владения богатых берберийских шейхов в глубине страны или на пиратские галеры гребцами. Первые лишались надежды на выкуп, вторые могли дожидаться своего освобождения только в том случае, если галера, на которой они находились, закованные в цепи и прикованные к скамьям, попадала в плен к христианским военным кораблям. Такая же безнадежная судьба ожидала и тех пленников, которых наместник Алжира отправлял в дар своему господину — турецкому султану или же продавал для работы на турецкие галеры.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ

Жизнь алжирских пленников была строго регламентирована: ожидающие выкупа не работали, однако зачастую их содержали строже других, чтобы подогреть их желание быстрее освободиться с помощью богатеньких или сердолобивых родственников, готовых поскорее прислать деньги на выкуп. Но часто деньги интересовали пиратов меньше, чем мастерство работника. Особенно ценились строители и мастера по оснащению судов. Таким людям создавали приемлемые условия существования, однако надежды вернуться на родину у этой категории пленных практически не было.

Пиратский город-государство являл собой буквально вавилонское столпотворение, среди населявших его можно было встретить людей практически любой национальности: евреев и морисков, разноплеменных берберов, европейцев всех мастей и т. д. Такой же пестрый был и состав пленников, общее число которых временами доходило до 25 тысяч человек. Все они, начиная от родовитого вельможи и кончая каторжником, содержались в одном месте — «банье», на территории которых были даже свои католические церкви, больницы, харчевни. Естественно, что в подобных резервациях процветали различного рода азартные игры, нередко возникали стычки между группами пленников различной национальности.

Родовыми чертами таких поселений становились воровство, доносительство, поножовщина, доходящая иногда и до убийства. Нередки были и случаи ренегатства — перемены веры, принятия ислама, всячески поощряющегося властями. Это обстоятельство более всего беспокоило католическое духовенство. Очевидно, для слежки за поведением своей паствы Инквизиция содержала в Алжире тайных агентов, которые могли при случае осведомлять и местные власти.

Выкупом пленников занимались посвятившие себя этому делу католические монашеские ордена тринитариев, мерсенариев и лазористов. Деньги собирались в католических странах путем добровольных пожертвований, сюда же прибавлялись взносы родных и близких пленных, средства из принадлежавшего пленникам на родине имущества или недвижимости.

Важным звеном в процессе выкупа был способ переправки денег в Алжир. Как правило, такого рода операциями занимались валенсианские купцы и разного рода банкирские конторы, державшие в Алжире своих

представителей; они же выступали посредниками в финансовых операциях, связанных с кредитованием выкупа и авансированием недостающих сумм. Непосредственно сам выкуп осуществлялся направлявшимися на африканское побережье особыми миссиями монашеских орденов, действовавшими либо самостоятельно, либо по поручениям родственников и доверенных лиц пленников.

Пятилетний алжирский плен Сервантеса достаточно хорошо известен благодаря различного рода документам, свидетельствам очевидцев, его друзей по несчастью, переписке по поводу его вызволения из плена. И конечно — произведениям самого Сервантеса (пьесам «Алжирская жизнь», «Алжирская каторга», «Великая султанша», «Доблестный испанец», новелле «Великодушный поклонник», в «Дон Кихоте» в рассказе Пленника, по обширному «Донесению» («Informacion»), составленному 10 октября 1580 года по просьбе дона Мигеля в форме показаний двадцати свидетелей с целью опровержения лживых обвинений доминиканского монаха Хуана Бланко де Паса.

«Донесение» — документ, являющийся основным первоисточником об алжирской жизни писателя, — был написан самим Сервантесом в виде 25 пунктов, подтвержденных компетентными очевидцами, людьми разного положения и звания, начиная от солдата Доминго Лопино и кончая учеными, как, например, доктор Антонио де Соса.

Весьма ценная информация содержится в известном труде Диего де Аэдо «Топография и всеобщая история Алжира», вышедшем в 1612 году, где помимо сведений о самом городе среди знаменитых пленников-христиан особо выделен Сервантес. Безусловно, все эти сведения по разным причинам в той или иной мере окрашены личными симпатиями или антипатиями к писателю, однако сами факты, в них приведенные, несут достаточно объективную информацию.

*

Мигель де Сервантес стал собственностью одного из наиболее жестоких пиратов — корсара Дали Мами, по прозвищу «Хромой», и неизвестно, как сложилась бы его судьба далее (скорее всего, плохо, учитывая, что он был инвалидом и как работник не стоил ни гроша), не будь при нем найдены рекомендательные письма за подписью столь высоких особ, как дон Хуан Австрийский и герцог Сесса. Это было его спасением, он мог рассчитывать на достаточно хорошее обхождение и

дальнейшее освобождение за выкуп, но эти письма имели для Мигеля и тяжелые последствия: его приняли за важную персону и назначили непомерно большой выкуп — 500 золотых эскудо.

В результате Мигель де Сервантес, как он напишет позже в «Дон Кихоте», очутился «в алжирском остроге, или, как его называют турки, „банья“, куда сажают пленных христиан — как рабов короля и некоторых частных лиц, так и рабов алмахзана, то есть рабов городского совета, которых посылают на работы по благоустройству города и на всякие другие работы и которым особенно трудно выйти на свободу, ибо они принадлежат общине, но не отдельным лицам, так что если даже они и достали себе выкуп, то все равно им не с кем было бы начинать переговоры. В этих тюрьмах, как я уже сказал, содержатся рабы и некоторые частные лица из местных жителей, преимущественно такие, за которых надеются получить выкуп, ибо здесь их работать не приневоливают, а глядят за ними в оба до тех пор, пока не придет выкуп. Так же точно и рабов короля, за которых ждут выкуп, посылают на работы вместе со всеми, только если выкуп запаздывает; в сем случае для того, чтобы они более решительно добивались выкупа, их принуждают работать и посылают вместе с прочими рубить лес, а это труд нелегкий.

Я тоже оказался в числе выкупных, ибо когда стало известно, что я капитан, то сколько я ни уверял, что средства мои весьма скромны и что имущества у меня никакого нет, все же я был отнесен к разряду дворян и выкупных пленников. Меня заковали в цепи — не столько для того, чтобы легче было меня сторожить, сколько в знак того, что я выкупной, и так я жил в этом „банья“ вместе с многими другими дворянами и знатными людьми, которые значились как выкупные и в качестве таковых здесь содержались. И хотя порою, а вернее, почти все время нас мучили голод и холод, но еще больше нас мучило то, что мы на каждом шагу видели и слышали, как хозяин мой совершает по отношению к христианам невиданные и неслыханные жестокости. Каждый день он кого-нибудь вешал, другого сажал на кол, третьему отрезал уши, — и все по самому ничтожному поводу, а то и вовсе без всякого повода, так что сами турки понимали, что это жестокость ради жестокости и что он человеконенавистник по своей природе».

Как все происходило в действительности — сказать трудно. Сервантесу, как бывшему пленнику, все виделось в мрачных тонах. Во всяком случае, как свидетельствуют пиратские историографы, наиболее смысленные пленники работали прислугой в доме, садовниками, рабочими на корабельных верфях и т. п. Квалифицированная рабочая сила, особенно

обладающая специальными морскими знаниями и навыками, берберам очень требовалась и высоко ценилась на невольничьем рынке, именно их-то и подталкивали к принятию ислама и, соответственно, говоря современным языком, социальной ассимиляции и интеграции.

Алжирское сообщество при всей своей разношерстности было строго и детально ранжировано. Главным отличием служили не столько должность или богатство, сколько религиозная и национальная принадлежность. Наверху иерархической социальной пирамиды находились турки, составлявшие административную и военную элиту Алжира, к ним примыкали корсары самых разных наций. Низ пирамиды составляли рабы, число которых к концу XVI века, как полагает историк Диего де Аэдо, было около 25 тысяч, не считая рабов-негров. Между верхом и низом этой социальной структуры находились ренегаты, купцы-христиане, мориски-ремесленники, четко выделялась еврейская община. Все эти уровни были связаны между собой множеством непростых отношений, так, например, мавры и христиане при взаимной ненависти называли друг друга не иначе как «собаками». С другой стороны, нередки были любовные истории между людьми не только различной веры, но и различного социального положения — хозяевами и их рабами, что хорошо описано Сервантесом. Пленник в «Дон Кихоте» повествует о том, как мирно жило это разношерстное общество. Очевидно, иного и быть не могло. В противном случае жизнеспособность самого Алжира была бы в принципе невозможной, ведь в случае непримиримой вражды все вылилось бы в кровопролитное противостояние, никакое финансовое процветание было бы невозможно. Алжир в этом смысле представлял сложную саморегулирующуюся структуру, все социальные слои которой на подсознательном уровне понимали неизбежность определенной взаимотерпимости.

В НАДЕЖДЕ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ

Сервантес в течение первых месяцев своего плена узнал очень многое. Ему, очевидно, как инвалиду, было разрешено бродить по городу, где он много и тесно общался с миром, который был ему до этих пор совершенно незнаком. Эти бесценные наблюдения за жизнью и бытом Алжира наполнили многие страницы его произведений.

Конечно, он мечтал об освобождении из плена и сразу известил родных о своем несчастье. Но мог ли он надеяться на то, что его нищая семья сможет собрать выкуп в 500 золотых эскудо? Он жил только одним — надеждой на спасение из плена тем или иным путем: «В Алжире я рассчитывал найти иные способы осуществления того, о чем я так мечтал, ибо надежда обрести свободу никогда не оставляла меня, и если то, что я замыслил, обдумывал и приводил в исполнение, успеха не имело, я не падал духом и тотчас цеплялся и хватался за какую-нибудь другую надежду, пусть слабую и непрочную», — повествует Пленник в «Дон Кихоте».

Мысль о побеге, несмотря на весьма малые шансы на успех и опасность быть пойманным и посаженным на кол, неотступно преследовала Мигеля. В январе 1576 года, в самый разгар теплой алжирской зимы, он вместе со своими друзьями Кастанедой и Антоном Марко предпринимает первую попытку побега, решив добраться до Орана, находившегося в четырехстах километрах от Алжира и принадлежавшего испанцам.

Беглецы нашли проводника — мавра, согласившегося довести их до места назначения. Однако через несколько дней пути он их покинул, и, чтобы не погибнуть в пустыне, пленники были вынуждены вернуться в Алжир. Всем удалось избежать телесных наказаний.

В марте Кастанеда и Антон Марко бежали снова, и на этот раз удачно — они добрались до Испании. Очевидно, именно они известили семью Сервантесов, что два их сына находятся в плену, потому что в апреле 1576 года, а затем в феврале следующего Родриго де Сервантес тщетно пытается получить одолженные почти десять лет назад лиценциату Педро Санчесу де Кордове 800 дукатов.

В том же апреле Родриго выставляет на продажу часть своего имущества, даже не зная, сколько денег он сможет за него выручить. Семья использует все возможные способы, чтобы найти деньги на выкуп братьев

из неволи. Отец Мигеля посылает в Совет Кастильи, а затем в Королевский Совет письма с просьбой о помощи — тщетно. Девятого ноября 1576 года Родриго де Сервантес подготавливает новое прошение, подкрепленное «сертификатом о чистоте крови», но ему снова отказывают в денежной помощи. Сознание того, что сыновья в плену и их жизням угрожает смертельная опасность, было выше материнских сил, и донья Леонора решается на обман. С помощью старинного друга семьи Гетино де Гусмана ей удается выдать себя за вдову и, сыграв на жалости властей, получить 16 декабря сумму в 60 дукатов.

Одновременно помочь пленникам пытаются и монахи. По поручению своего ордена Хорхе де Оливар, Хорхе де Онгай и Херонимо Антич отбывают в Алжир, где и оказываются 20 апреля 1577 года с большой суммой денег и различными товарами. Получили ли они от родителей Мигеля необходимую сумму? Вряд ли, потому что средств хватило только выкупить Родриго де Сервантеса, за которого была назначена меньшая цена — 300 дукатов. Можно себе представить состояние души Мигеля, который знал, что скоро его брат окажется дома, в кругу близких, а ему суждено неизвестно еще сколько времени находиться в неволе, ведь собрать 500 дукатов на его выкуп было для нищей семьи делом безнадежным. Одно освобождение Родриго полностью опустошило и без того тощій кошелек Сервантесов. Однако и в этих обстоятельствах дон Мигель остался верен самому себе — никогда не падать духом и лелеять любую, самую призрачную надежду. В его голове уже созрел план нового побега. Для этого он хотел воспользоваться отъездом брата в Испанию. Тот по приезде на родину должен был найти смелого капитана и договориться с ним, чтобы под покровом ночи его судно подошло к берберийскому берегу, забрало пленников и доставило их в Валенсию или на Майорку. Предприятие, безусловно, опасное, но шанс на успех был.

В начале мая Мигель приступил к реализации своего плана. Дождавшись, когда Дали Мами уехал из города, четырнадцать пленников бежали и укрылись в пещере в глубине сада судьи Хасана, в трех милях от Алжира, здесь они должны были скрываться до подхода корабля. В этом убежище благодаря помощи садовника, раба судьи наварца Хуана, а также самого Сервантеса, которые приносили им пищу, беглецы провели пять месяцев, показавшихся им вечностью. И что самое удивительное — на протяжении всего этого времени турки не заметили их исчезновения. Сервантесу, оставшемуся в городе, в случае раскрытия причастности к побегу грозило или «крючkovание», или сожжение на костре. «Крючkovание» — жесточайшая казнь: осужденного вешали за ребро на

крюк, торчавший из городской стены. Мучения длились долго, и несчастный умирал от жажды.

Время шло, а судно с испанских берегов не появлялось. Кто мог предвидеть, что Родриго де Сервантесу придется целое лето ждать отъезда на родину? Почему ожидание судна было столь долгим? Его величество Случай играет в таких делах не последнюю роль.

А произошло вот что. В июле 1577 года на место Раба-дана Паши, бывшего хозяина Родриго, бейлербей Улудж-Али назначил одного из своих фаворитов — Хасана Агу, жестокого венецианского ренегата, который постарался удвоить цену за уже выкупленных пленников и ни за что не хотел их отпускать. И только когда брат Хорхе де Оливар, один из трех монахов, приехавших вызволять несчастных христиан, предложил оставить себя в качестве залога, Хасан согласился отпустить пленников, и 24 августа конвой из 106 вновь обретших свободу католиков тронулся в обратный путь. Среди них был и Родриго.

Едва вернувшись на родину, младший Сервантес принялся выполнять поручение брата, и через четыре недели вооруженный фрегат под командованием некоего Вианы, также в свое время побывавшего в плену, отправился с Майорки к берегам Алжира. За несколько дней до назначенного для отплытия дня Сервантес присоединился к беглецам. То ли его захватили корсарские галеры, то ли появилась какая-то опасность, помешавшая осуществить задуманное...

Фортуна отвернулась от пленников. Один из тех, кто был посвящен в их план, некий ренегат из Мелильи по кличке Золотильщик (El Dorador), поняв, что побег не удался, испугался и рассказал обо всем Хасану, и утром 30 сентября беглецы были схвачены турецкой стражей. От неожиданности они даже не смогли оказать сопротивления. Согласно свидетельствам, Сервантес, несмотря на ожидавшее его суровое наказание, вел себя очень мужественно. Он взял на себя всю вину, назвавшись главным зачинщиком.

Такое поведение Сервантеса позволило освободить от подозрений не только остальных его участников, но и брата Хорхе де Оливара, монаха, оставшегося у пиратов заложником и обвиненного в сообщничестве. Однако какова же была расплата за столь дерзкий побег? Крайним оказался несчастный садовник, которого турки через несколько дней повесили вниз головой. Сервантес, как зачинщик, также не избежал кары, хотя она и была менее жестока, — его заковали в цепи и в течение пяти месяцев держали в тюрьме.

Сообщая о происходивших событиях, монах Диего де Аэдо в «Топографии и всеобщей истории Алжира» пишет: «Хасан-паша,

правитель Алжира, говорил, что его пленники, корабли да и весь город останутся в целости лишь до тех пор, пока этот калека испанец будет сидеть в тюрьме — так сильно он боялся замыслов Мигеля де Сервантеса».

Отбыв наказание и выйдя из тюрьмы, Сервантес в марте 1578 года придумывает новый план освобождения. Он тайно посылает некоего мавра с письмами в Оран,^[79] адресуя их генералу маркизу дону Мартину де Кордове, другим важным лицам, своим оранским друзьям и знакомым, с просьбой прислать людей, чтобы вызволить из неволи группу пленников.

Однако и новому плану не суждено было сбыться. По дороге в Оран мавр-говец был захвачен алжирской стражей и доставлен Хасан-паше, который, увидев на письмах подпись Сервантеса, повелел наказать гонца палками, отчего тот и скончался. Самому Сервантесу было велено дать 2 тысячи палочных ударов. Для того чтобы быть забитым насмерть, за глаза хватило бы и четверти назначенного, поэтому цифра 2 тысячи была скорее названа с целью надломить мужество неукротимого испанца. Но и на этот раз дону Мигелю удалось избежать смерти.

Каким образом, кто заступался за непокорного раба?

Можно, конечно, пофантазировать, что таким защитником могла быть некая таинственная мавританка, влюбленная в отважного испанца, как это описано в «Дон Кихоте» со слов бывшего алжирского пленника. Но повседневная жизнь Алжира подобные любовные приключения исключала. Христианин, замеченный в общении с мусульманкой, был бы немедленно казнен, исключение составляли только принявшие ислам.

Сервантист Жан Канаважио выдвигает химерическую «дипломатическую» гипотезу, что между турками и испанцами через посредников — валенсианских купцов, монахов выкупщиков, вице-короля Валенсии и других велись тайные переговоры, о чем свидетельствуют испанские архивы. «Сервантес со своими связями, реальными и предполагаемыми, мог быть вовлечен в этот процесс как официальный информатор. В этом случае становятся понятными два прощения, дарованные ему Хасаном».

В «Донесении» один из свидетелей, некий Алонсо, указывает, что Сервантесу удалось избежать жестокого наказания в результате заступничества «третьих лиц».

Скорее всего этим защитником был Дали Мами, ставший Капитаном Моря (Capitan del Mar) и не желавший лишиться ценного пленника, за которого он надеялся получить хорошие деньги.

Родные Мигеля не прекращали своих усилий по освобождению Мигеля. В марте 1578 года, как раз тогда, когда сорвалась третья попытка

бегства, Родриго де Сервантес подал прошение в Совет Кастильи с просьбой о финансовой помощи для освобождения брата. Но в ответ — глухое молчание.

Семья тем не менее продолжала свои попытки. Не остались в стороне и сестры. Двенадцатью годами позже бывший алжирский невольник, ходатайствуя перед Советом Индий о какой-либо должности в колониях, отметил в петиции, что его сестры пожертвовали ради его освобождения своим приданым. Безусловно, это звучало убедительно и горестно. Однако зная, что семья Сервантесов из благих намерений иногда позволяла себе некоторые «неправды», можно поставить под сомнение это утверждение писателя.

Сестра Магдалена действительно помочь не могла. Некий Фернандо де Лоденья, а затем баскский идалго Хуан Перес де Алсега между 1578 и 1580 годами дали ей определенные обещания, которые позже не были выполнены.

Андреа же начала заниматься пошивом одежды. Она оказалась более благоразумной, чем ее младшая сестра, и ее вклад в дело освобождения брата оказался в пять раз больше, чем смогли собрать родители. Скорее всего именно она через монахов-выкупщиков передала валенсианцу Эрнандо де Торрес в июне 1578 года основную часть из 100 дукатов, которые представляли вклад обеих сестер в общее дело. К сожалению, Торрес, который должен был отправиться в Алжир для выкупа пленника, не выполнил своей миссии.

Однако наибольший вклад, как и обычно, в дело вызволения сына внесла находчивая донья Леонора. С целью собрать необходимую для выкупа сумму она затевает коммерческую операцию: обращается в Военный совет за разрешением на экспорт в Алжир товаров на сумму 8 тысяч дукатов и в качестве поддержки прошения представляет письмо герцога де Сессы с аттестацией Мигеля. И в ноябре она получает королевскую лицензию, правда, на значительно меньшую сумму — в 2 тысячи дукатов «на освобождение оговоренного Мигеля де Сервантеса». Однако сама она не могла выполнить это коммерческое предприятие, поэтому необходимо было найти человека, заинтересованного в вывозе товаров в Алжир, и продать ему это разрешение, что оказалось совсем не простым делом и произошло уже после освобождения Сервантеса, в 1582 году.

Выкуп сына снова откладывается. А тут о себе не вовремя напомнили кредиторы. Донья Леонора не смогла вернуть в срок взятую в прошлом году государственную ссуду в 60 дукатов, которые пошли на выкуп

Родриго. В марте 1579 года Совет войска Христова (El Consejo de la Cruzada), который выдал ссуду, начал угрожать арестом имущества как должника — доньи Леоноры, так и поручителя Гетино де Гусмана. И только приложив огромные усилия, им удалось отсрочить выплату долга.

Между мартом 1578-го и сентябрем 1579 года стоят восемнадцать месяцев, на протяжении которых мы не имеем информации о жизни Мигеля в плену. Известен лишь один документ, относящийся к этому периоду, — прошение Сервантеса об освобождении монаха Хорхе де Оливара, оставленного в качестве залога, скрепленное его подписью. Из этого факта можно сделать вывод, что Сервантес имел неоспоримый авторитет не только среди пленников.

Чем же занимался Мигель де Сервантес долгие годы своего тягостного плена, чем заполнял он свою жизнь? Все в том же «Донесении» сообщается, что Сервантес часто занимался сочинением стихов, главным образом религиозного содержания, что, впрочем, вполне естественно, так как он был истинным католиком и испанцем, что означает быть вдвойне католиком. Возможно, он писал еще «Алжирскую каторгу», а может быть, начал «Галатею».

Все это вполне вероятно, однако из сказанного в «Донесении» не вытекает, что «Послание Мигеля де Сервантеса пленника к Матео Васкесу, моему господину» («De Miguel de Cervantes cautivo a M. Vascuez, mi señor»), секретарю Филиппа II, было написано именно Сервантесом, как это, например, утверждается в комментарии В. Узина в пятитомном собрании сочинений писателя.^{80}

Между тем жизнь Сервантеса состояла не только из сочинительства, но и побегов. В сентябре 1579 года был готов новый, четвертый по счету, план бегства из Алжира. Это была некая разновидность идеи двухгодичной давности, заключающейся в бегстве на судне, которое должно было забрать пленников с алжирского побережья. Только на этот раз корабль должен был быть снаряжен непосредственно в Алжире и с шестьюдесятью беглецами на борту, «цветом христианских пленников Алжира», должен выйти в море.

Операция должна была осуществляться на деньги валенсианского купца Онофре Эксарке, от которого, как известно из документов, было получено 1300 дублонов^{81} на приобретение и снаряжение судна. Непосредственным организатором побега был андалусец, некий лицензиат Хирон, вынужденно принявший ислам под именем Абдеррамана и желавший вернуться в лоно католической веры.

В начале октября 1579 года все было готово к побегу, когда второй

рenegат Кайбан, флорентиец по происхождению, выдал все Хасану. Однако подлинным вдохновителем предательства был доктор Хуан Бланко де Пас. Мотивы, которые им двигали, не совсем ясны. Доминиканский монах, родившийся в Эстремадуре в семье иудеев и морисков, мог быть движим или элементарной завистью к Сервантесу и его положению среди пленников, или же обидой за то, что его не приняли в число участников побега.

За свой гнусный донос Хуан Бланко де Пас был «награжден» золотым эскудо и кувшином масла.

Хасан почему-то не торопился с поимкой пленников. Испуганный Онофре предложил Сервантесу устроить его побег на первом судне, которое выйдет в Испанию из Алжира. Однако Мигель, смелость и решительность которого были хорошо известны, отказался от столь заманчивого предложения. Он не мог бросить на произвол судьбы причастных к организации побега людей и, как и раньше, решил взять всю вину на себя. Он добровольно явился к Хасану и со связанными руками и петлей на шее был допрошен пашой.

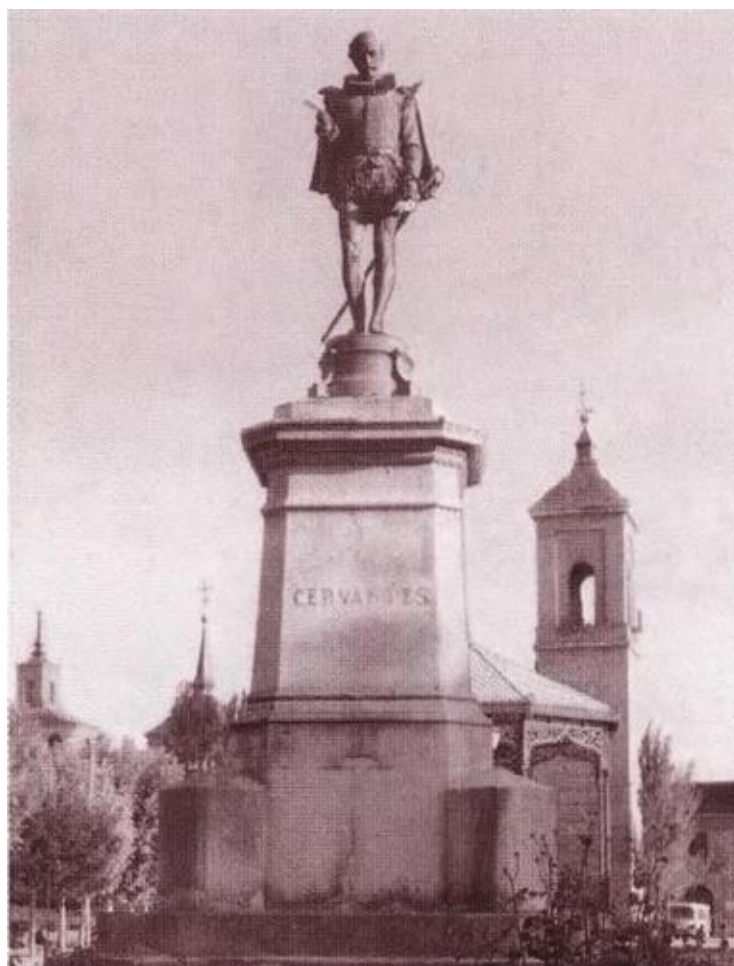
Сервантес снова избежал мучительной смерти, хотя час ее был совсем близок. Он провел в тюрьме королевского дворца долгих пять месяцев. Любопытная деталь: когда непосредственный хозяин Сервантеса Дали Мамаи вернется в Алжир, Хасан купит его раба за цену, установленную пиратом, — 500 золотых эскудо.

Итак, это была четвертая безуспешная попытка бегства.

Портрет Мигеля де Сервантеса работы Хуана де Хаурегги. Мадрид.
Королевская академия.

Памятник Сервантесу в Алкале-де-Энарес.

Филипп II, король Испании. С картины П. Рубенса.

Хуан Австрийский. Гравюра на дереве фон Лееста.

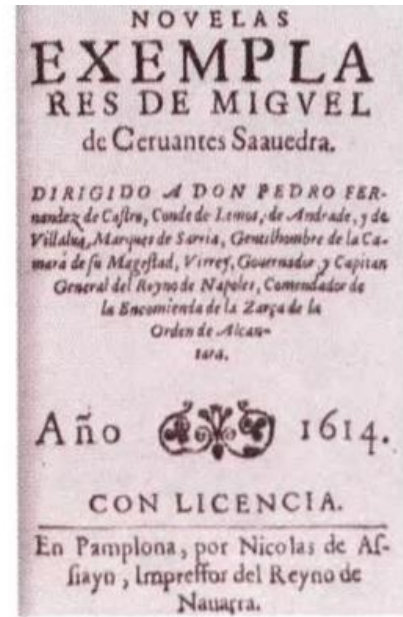
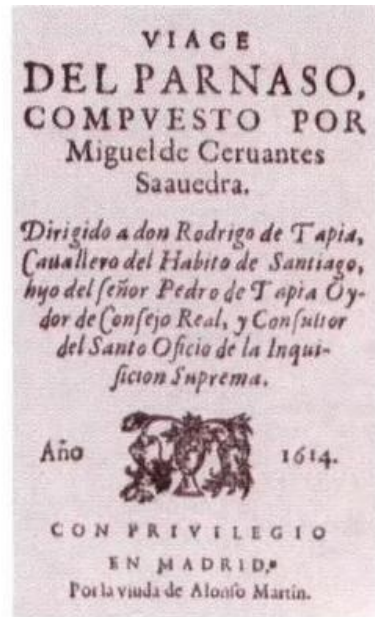

Испания конца XVI века.

Дон Хуан Австрийский посещает раненого Сервантеса. Рис. и литография С. Кано.

Титульные листы «Галатеи», *Париж, 1611*,
«Путешествия на Парнас», *Мадрид, 1614*,
«Назидательных новелл», *Памплона, 1614*.

Портрет Сервантеса на фронтисписе издания Тонсонов. *Лондон, 1738*.

Дом доньи Каталины де Саласар, жены Сервантеса. Эскивиас, Толедо.

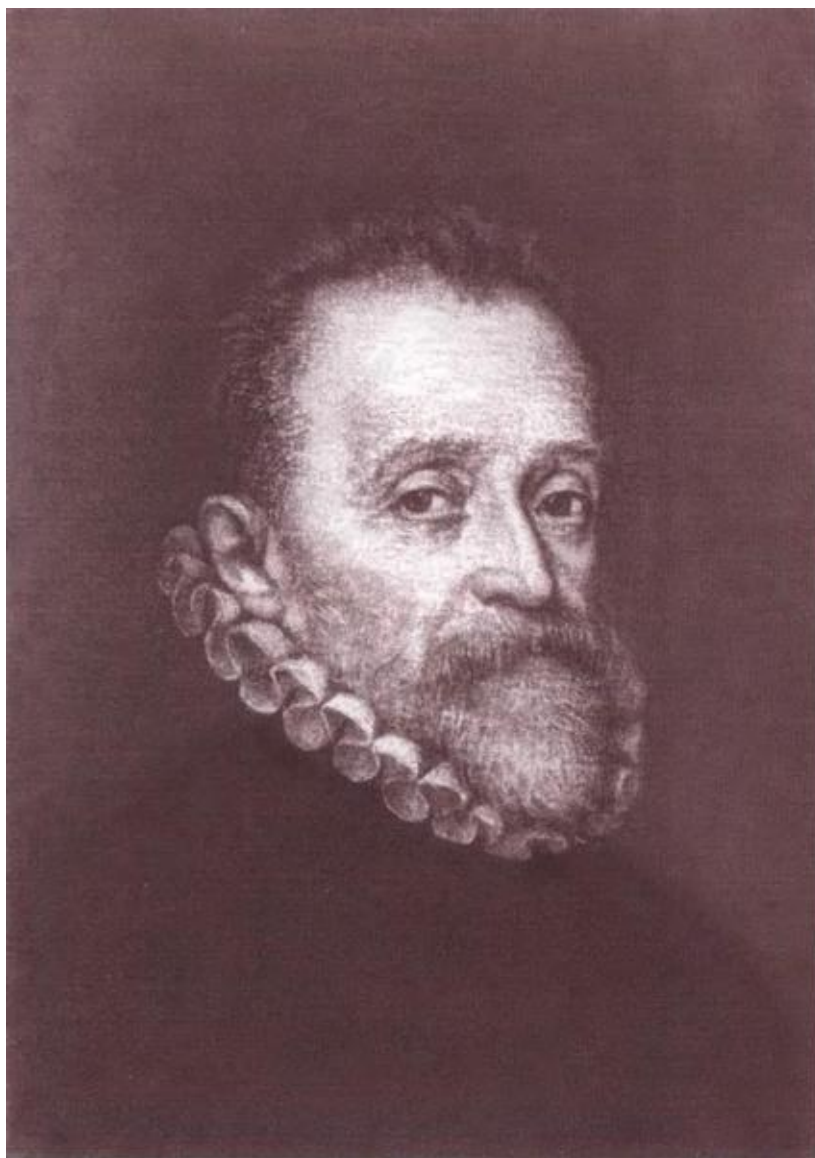
Дом Марии де Карденас, где жили супруги.

Церковь, в которой венчался Сервантес. *Эскивиас, Толедо.*

Европа конца XVI века.

Портрет Сервантеса. *Коллекция маркиза де Каса Торрес.*

Портрет Мигеля де Сервантеса работы Уильяма Кента. *Мадрид.*
Национальная библиотека.

Дом Сервантеса в Вальядолиде.

Титульные листы «Дон Кихота», «Странствий Персилеса и Сихизмунды».

Монастырь Эскориал в Мадриде.

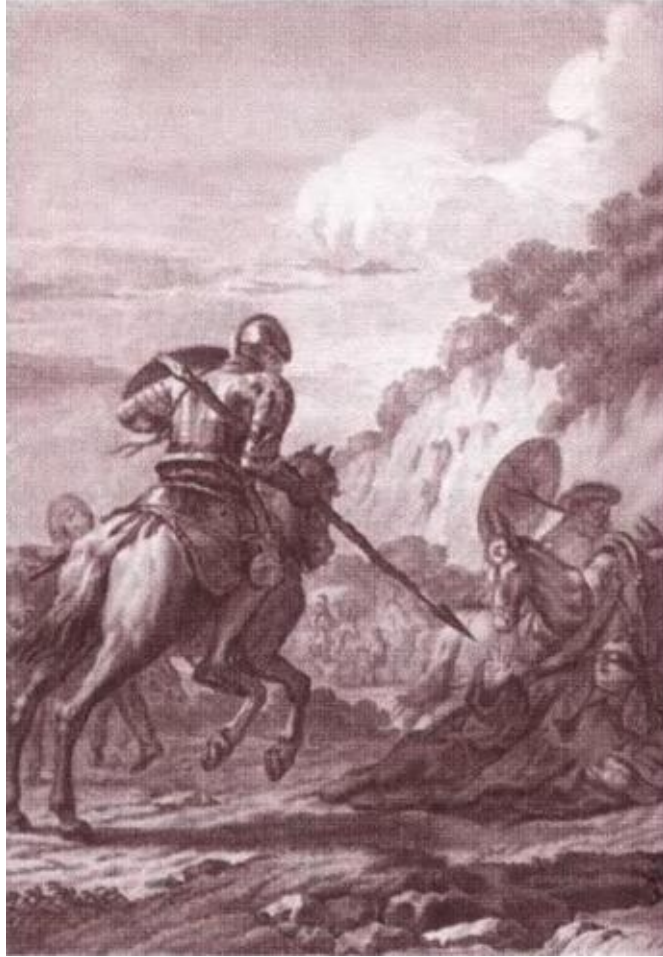
Мемориальная доска в честь Сервантеса в монастыре Тринитариев.
Мадрид.

Иллюстрация к «Дон Кихоту». Гравюра Хоакина Баллестера. Рис. Антонио Карнисеро. 1780.

Гравюра для издания «Дон Кихота» Тонсонов. Лондон, 1738.

Гравюра Мануэля Сальвадора Кормоны. *Рис. Хосе дель Кастилио.*
1780.

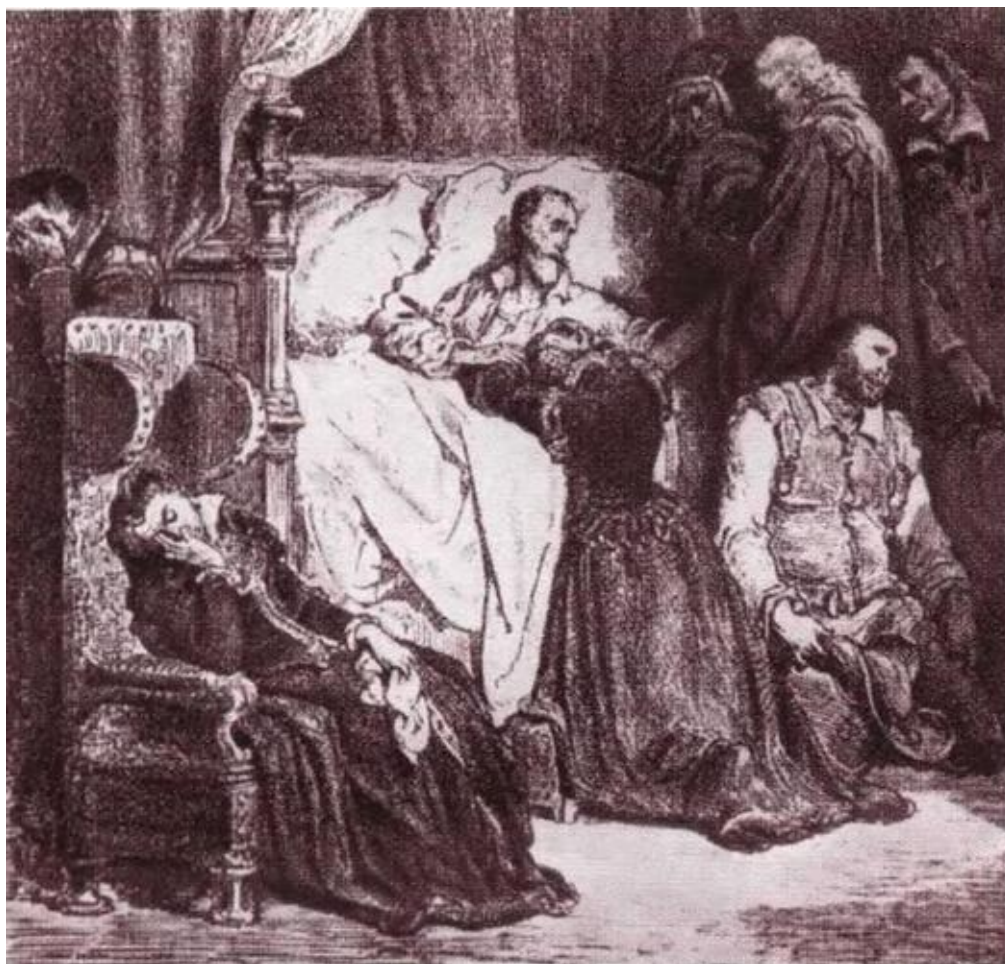

Титульный лист первого иллюстрированного издания «Дон Кихота». Брюссель, 1662.

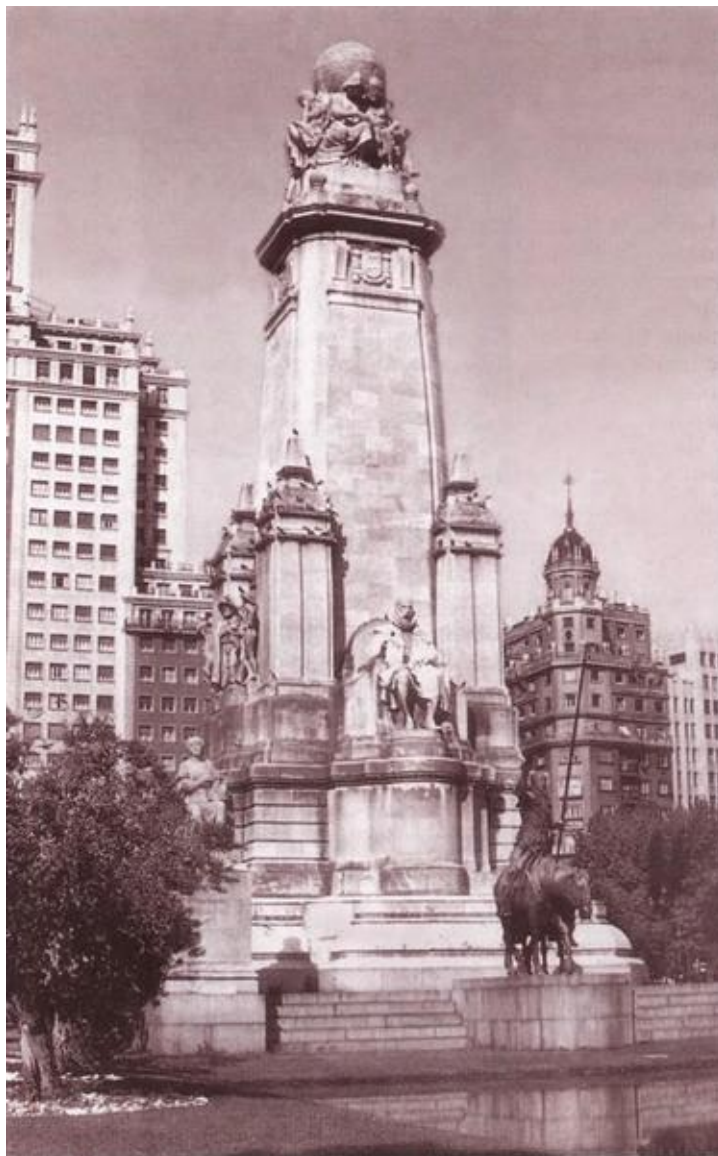
Г. Доре. Иллюстрация к «Дон Кихоту».

Г. Доре. Иллюстрация к «Дон Кихоту».

Памятник Сервантесу в Мадриде на площади Кортесов.

Памятник Сервантесу на площади Испании в Мадриде.

В романизированной биографии Сервантеса Бруно Франка читаем: «...величайшим преступлением был побег. Как, товар заявлял свои права на самостоятельность? В этих случаях жадность и жестокость объединялись и зверски карали каждую попытку. Прежде всего устрашение; тут уж не экономили материала. Стенные крючья за воротами постоянно были щедро украшены головами христиан».

Говорят, за Сервантеса заступился друг паши — корсар из Мурсии Морат Раис, по прозвищу Оборвыш (Maltrapillo). Касательно кличек и фамилий инородцев позже Мигель де Сервантес напишет в «Дон Кихоте»: «Турки же имеют обыкновение давать прозвища по какому-либо

недостатку или же достоинству — и это потому, что у них существуют лишь четыре фамилии, ведущие свое происхождение от Дома Оттоманов, тогда как прочим, повторяю, имена и фамилии даются по их телесным недостаткам или же душевным качествам».

Всепрощенческое отношение властей к действиям Сервантеса, несмотря на его неоднократные попытки побега и дерзкое поведение, вызывает многочисленные догадки исследователей. Позволю высказать свою версию.

Сервантесу удавалось чудесным образом избегать жестоких турецких наказаний вследствие его связи с иезуитами.

Структура ордена иезуитов состояла из шести классов, иерархически следовавших друг за другом: «послушники», «ученики», «светские кандидаты», «духовные кандидаты», «исповедники трех обетов» и «исповедники четырех обетов». Кроме перечисленных шести классов, составлявших собственно орден, существовали еще так называемые «привлеченные», или, как их еще именовали, «светские иезуиты». Эта многочисленная когорта не имела прямого отношения к ордену, хотя, как правило, так или иначе находилась в зависимости от него. «Светским иезуитом», как уже следует из самого названия, мог быть любой член общества — от военного до художника. Обычно они воспитывались в иезуитских учебных заведениях и сохраняли *тесные* связи со своими духовными учителями. Здесь уместно вспомнить, что основной задачей ордена его основатель считал завладение молодыми умами, молодежью. Это достигалось через преподавание иезуитов в школах и университетах, что в конечном счете вело к формированию у воспитанников истинно католического мировоззрения в его иезуитском понимании.

Теперь самое время вспомнить, что Сервантес не только учился несколько лет в иезуитских коллегиях Кордовы и Севильи, но позднее с теплотой вспоминал эти годы.

Пятым генералом ордена в 1580–1615 годах был Клаудио Аквавива. Наверняка он имел родственное отношение к Джулио Аквавиве. Здесь весьма уместно вспомнить, что последний невероятно рано удостоился кардинальской мантии, и скорее всего не без помощи родственника. Следовательно, Джулио был связан с иезуитами. К тому же римские папы всегда благоволили иезуитам. Теперь предположим, что Сервантес был каким-либо образом связан с орденом. Это нетрудно сделать, опираясь на факт его обучения в коллегии иезуитов.

Сказанное помогает объяснить много неясностей в биографии Сервантеса. Например, как Сервантес оказался в свите такого видного

вельможи, как Джулио Аквавива. А учитывая космополитический характер ордена, можно допустить присутствие членов ордена среди корсаров, чем и объясняется их снисхождение к Сервантесу.

ВЫКУП

В самом конце июля 1579 года донья Леонора вручила управляющему делами ордена Тринитариев, или Святой Троицы (la Orden de la Trinidad), монаху Хуану Хилью сумму в 300 дукатов для выкупа своего сына Мигеля де Сервантеса, «тридцати трех лет, без левой руки, светлородого». Это были деньги, из последних сил собранные всей семьей Сервантесов. К этой сумме монахам-тринитариям придется добавить еще 45 дукатов из суммы пожертвований, собранных ими и заготовленных для миссии следующей весны.

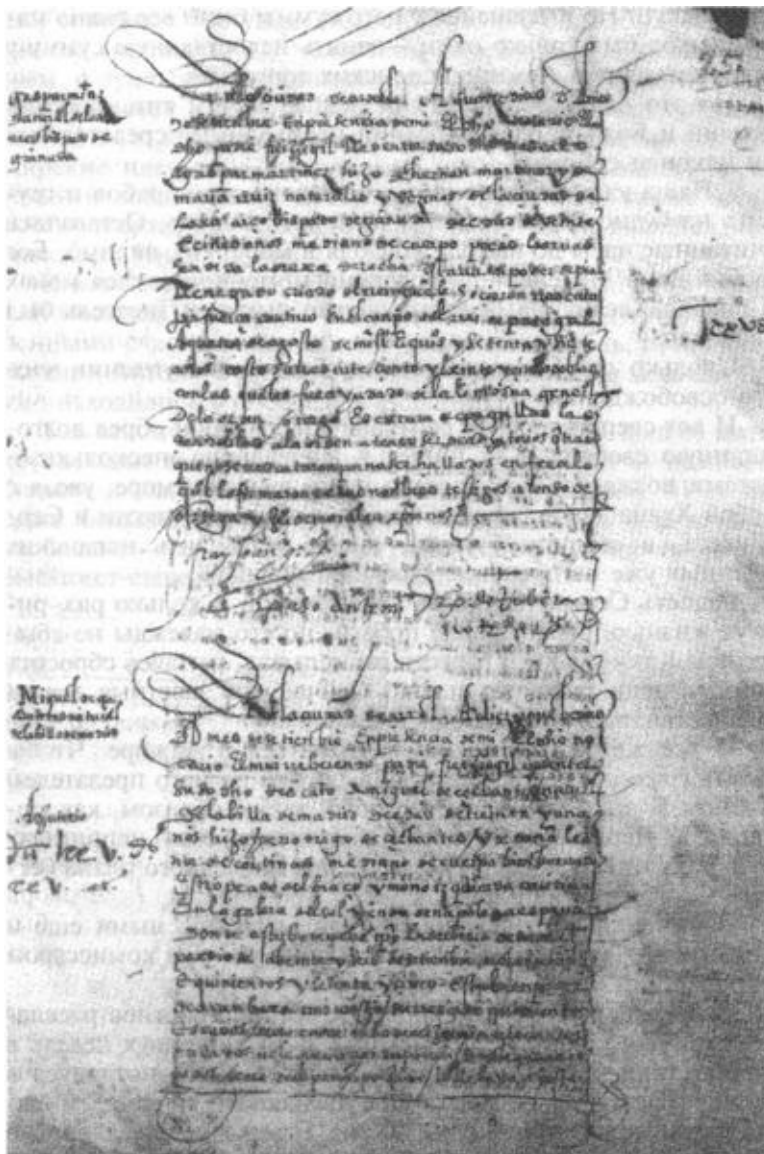
В 1580 году 29 мая брат Хуан Хиль в сопровождении своего коллеги по ордену монаха Антона де ла Бельи прибыл в пиратское королевство и без промедления начал переговоры с Хасаном, который, находясь тогда в большой силе, был крайне несговорчив, из-за чего возникали частые задержки с выкупом пленников.

В августе усилиями двух монахов было выкуплено около ста рабов-христиан, но Сервантеса среди них не было.

Мандат Хасана на правление Алжиром уже истекал, вскоре он должен был отбыть в Константинополь. Вероятно, поэтому он предложил Хуану Хилью своих лучших, элитных рабов, установив цену в 500 дукатов за каждого, за исключением некоего Палафокса, отпрыска знатной арагонской фамилии, за которого паша запросил 1000 золотых и ни за что не хотел сбавлять цену.

Денег катастрофически не хватало. Тогда монах решил освободить хотя бы Сервантеса, уплатив за него назначенный выкуп. Но имевшейся у него суммы было все равно мало. Выход был только один — занять недостающую сумму у проживающих в Алжире испанских торговцев.

Документ о выкупе Мигеля Сервантеса из алжирского плена.

Но это оказалось нелегким делом. Путем титанических усилий и Божьих благословений необходимые средства были наконец собраны.

...Паша уже отдал приказ заковывать своих рабов и грузить на судно для отбытия в Константинополь. Оставались считанные часы до выхода корабля в море. Но, видимо, Бог любил дона Мигеля — в последний момент появился монах и вручил Хасану 500 золотых эскудо выкупа. Писатель был свободен.

Сколько лет Сервантес молил Бога о наступлении часа его освобождения!

И вот свершилось: 19 сентября 1580 года он обрел долгожданную

свободу. Как пишет К. Державин, «несколькими часами позже корабль Гассана-паши вышел в море, увозя с собой Хуана де Палафокса, так же как он мог увезти и Сервантеса, в столицу Турции, откуда вызволить испанских пленных уже не представлялось возможным».

Радость Сервантеса была неопишуемой. Сколько раз, рискуя жизнью, он совершал побеги, но его надежды не сбывались! Какие муки и горести он испытал, пытаясь сбросить тяжкие цепи рабского плена! Сейчас его заветные мечты осуществились — он свободен!

И все же ему пришлось задержаться в Алжире. Чтобы смыть грязный поток клеветы, вылитый на него предателем Хуаном Бланко де Пасом, который таким образом, как полагает К. Державин, пытался «...затушевать свою неприглядную роль в деле выдачи Гассану-паше последнего плана бегства Сервантеса из плена...».

Обвинения против дона Мигеля были опасными еще и потому, что Хуан Бланко де Пас являлся якобы комиссаром Инквизиции.

Сервантес предложил провести беспристрастное расследование для установления истины. В течение двух недель в присутствии брата Хуана Хиля, апостольского нотариуса в Алжире Педро де Риверы и еще двенадцати свидетелей были рассмотрены обвинения Хуана Бланко де Паса против Мигеля де Сервантеса.

Итогом явился ценный исторический документ — «Донесение», которому мы обязаны детальным знанием алжирского плена писателя. Все свидетели, согласно этому документу, единогласно подтверждают, что обвинения Хуана Бланко де Паса являются не более чем наветами и что тот сам совершал поступки, недостойные его сана, был «сплетником (murmurador), человеком злоречивым, высокомерным, с дурными наклонностями». Мигель де Сервантес характеризуется как «человек разумный, пронизательный и стойкий», к которому были «душевно расположены все алжирские пленники, покоренные его христианскими, честными и доблестными поступками». Выявилась также лживость утверждений священника о том, что он является комиссаром Инквизиции.

И вот 24 октября 1580 года бывший раб и будущий великий писатель Мигель де Сервантес с пятью другими выкупленными счастливыми погрузился на корабль, принадлежавший Антону Франсесу. А 27-го числа того же месяца они уже находились у побережья Испании.

Так закончился плен Сервантеса, длившийся долгие пять лет и один месяц в календарном исчислении и намного больше в исчислении вневременном — душевном. «Нет на свете большей радости, нежели радость вновь обретенной свободы», — устами одного из героев «Дон

Кихота» писатель выскажет свою выстраданную мысль.

Глава 4

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

СНОВА В СТРОЮ

«На следующий день они (экс-пленники. — А. К.) увидели перед собой желанную и горячо любимую родину. Веселье снова заиграло в их сердцах; новое, неиспытанное блаженство потрясло их души, ибо выйти после долгого плена живым и здоровым на берег своего отечества — одна из самых больших радостей нашей жизни» — таковы были чувства героя новеллы «Великодушный поклонник», когда он, бежав из турецкого плена, с Кипра увидел, наконец, берега Сицилии. Очевидно, похожее чувство испытывал и сам автор, увидев на рассвете 27 октября 1580 года родную землю, побережье Леванте, к северу от Аликанте.

Выгрузившись в Дении, где они пробыли три дня, Сервантес и его товарищи по традиции пешком отправились в Валенсию, где их ждал радушный прием, всегда оказываемый освобожденным пленникам. Они были одеты в синие куртки без воротников, обычную одежду невольников, с кандалами в руках и со знаком ордена Тринитариев на груди, означающим, что они выкуплены на его деньги.

У тринитариев их ожидал хороший уход и душевное утешение, в котором они так нуждались. Затем в День Всех Святых торжественной процессией экс-пленники проследовали в собор для совершения акта благодарения. В заключение каждому была выдана особым образом отпечатанная специальная бумага, «патент» об их освобождении.

Прежде чем отправиться в столицу Испании, где в это время жили его родные, Сервантес еще целый месяц находился в Валенсии. Он будто забыл дорогу домой и вместо того чтобы поспешить в Мадрид и обнять своих близких, по непонятной причине продолжал медлить.

Лишь в середине декабря 1580 года Мигель де Сервантес был в Мадриде в кругу семьи. Можно себе представить эмоциональный накал этой встречи. Шутка ли, старшего сына не было дома десять лет и пять из них он провел в плену у пиратов! За это время все и вся изменилось, и, к сожалению, не в лучшую сторону.

«В годы плена он иногда мечтал, с каким удовольствием в первое же утро после возвращения он пройдет по хорошо знакомой главной улице Мадрида. Эта предполагаемая прогулка стала для него своего рода символом прибытия на родину.

Но человеческие мечтания редко сбываются полностью. В первое утро была отвратительная погода, холодный ветер стегал дождем грязные

переулки. Ему пришлось остаться дома, в родительском нищем жилье, которое в сером свете ноябрьского дня показалось ему печальнее, чем вчера, при свечах, и стойко отражать расспросы соседей, приходивших поглазеть на бродягу.

На следующий день, встав на заре, он устремился к Пуэрта дель Соль ^{82} и — не нашел ворот. Их снесли. С чувством неудовольствия и разочарования оглядел он место, где они некогда стояли, и широкую топкую пригородную улицу, начинавшую возникать по ту сторону. Этой дорогой он часто приходил сюда из Алькалы, и путь лежал через красивый, густой, высокоствольный лес, простиравшийся до самых ворот. От леса ничего не осталось. Все было начисто вырублено...» — пишет Бруно Франк.

Семья Сервантесов буквально влачила жалкое существование: множество долгов, совсем оглохший отец, донельзя уставшая донья Леонора, измученная борьбой за освобождение сначала одного, а затем другого сына.

Андреа жила с каким-то новым покровителем. Магдалена продолжала поддерживать отношения с Хуаном Пересом де Альсегой, нотариусом королевы Анны Австрийской, и звалась теперь донья Магдалена Пиментел де Сотомайор. Однако пышное имя денег не прибавляло.

Родриго, вернувшийся из плена на три года раньше брата, видя такое бедственное положение семьи, покинул дом и продолжил военную карьеру, стал участником в боевых действиях во Фландрии в армии под командованием герцога Альбы.

Сразу по приезде Сервантес направил в Совет Кастилии прошение о денежной помощи. Ответ не сохранился, но, очевидно, он был отрицательным. В это время Испания вела многочисленные военные действия, и в стране было множество молодых и старых солдат-калек, желающих получить поддержку, так что в своем несчастье Мигель был не одинок.

В довершение всех невзгод оказалось, что однорукому солдату не у кого было искать поддержки — люди, подписавшие его рекомендательные письма, почили в бозе: 1 октября 1578 года дон Хуан Австрийский умер в Намуре от тифа, а через три месяца отдал богу душу и герцог де Сесса. Из тех, кто мог чем-либо помочь, остались только дон Антонио де Толедо, содействовавший организации второго побега, и королевский секретарь Матео Васкес. Некоторые исследователи утверждают, что Сервантес и Матео Васкес, человек не лучших качеств, были чуть ли не друзьями.

Однако это маловероятно. Но если все же допустить мысль, что существовали какие-либо отношения и «Послание к Матео Васкесу» действительно написано Сервантесом, то эти отношения могли возникнуть только при посредничестве Овандо. Этот экс-любовник Андреа де Сервантес позднее стал камергером кардинала Эспиносы, в то время как Васкес был секретарем вельможи. После смерти кардинала Матео Васкес перешел на службу к Филиппу II.

*

После зимы, заполненной бесполезными хлопотами об устройстве на хорошую должность, Сервантес решает попытать счастья и отправиться прямо ко двору. Но момент был выбран неудачно, Филиппа и его свиты уже не было в Кастилии. Испанский монарх в марте покинул замок Эскориал. Его манила корона Португалии.

Дело в том, что племянник Филиппа II, португальский король Себастьян, был одержим идеей крестового похода против неверных и в августе 1578 года был убит при завоевании Марокко. Его преемник, дядя, кардинал дон Энрике, назвав наследником престола Филиппа II, скончался в январе 1580 года. Права наследования португальского престола были очевидны. Более того, могущественная испанская корона уже давно управляла финансовыми и экономическими делами соседа. Поэтому фигура Филиппа в качестве нового монарха Португалии была с удовлетворением принята Регентским Советом, который поддерживало высшее духовенство и высокие вельможи. Однако простому люду и мелким торговцам был «милее» сводный брат Себастьяна дон Антонио, приор Крато, которого они и провозгласили королем.

Отдать столь желанную корону — да никогда! Филипп приводит в действие войска, сосредоточив в Бадахосе и Кадисе такое количество живой силы, что заставил забеспокоиться Хасан-пашу и берберийских пиратов.

Само собой разумеется, противостоять такой мощи было невозможно. Поэтому победа была просто делом времени. И через четыре месяца военная кампания против Португалии, проводившаяся под предводительством герцога Альбы, была победно завершена. Король Антонио был вынужден бежать. Собрав в Томаре (Tomar) португальские кортесы, Филипп II дал перед ними, согласно традиции, торжественную клятву.

Принимал участие в португальской кампании и Сервантес. Вероятно, к этому времени он уже был принят на службу. В мае-июне 1581 года дон Мигеля с краткой миссией откомандировывают на североафриканское побережье в Оран. Об этом событии имеется запись в его послужном списке, есть также и приказ о выплате Мигелю де Сервантесу аванса — 50 эскудо. Но что это была за миссия, какова была ее цель — остается загадкой. Можно предположить, что за свое пятилетнее пребывание в Алжире Сервантес выучил арабский язык, естественно, он хорошо знал местность и людей, все было свежо в памяти: минуло лишь два года с момента его освобождения. Его знания были бесценны при любой миссии в эти края.

Оран — испанская территория среди пиратской вольницы. Две попытки побега были связаны именно с этим городом и его комендантом Мартином де Кордовой, также побывавшим в плену. Такое не забывается! В этот раз два экс-пленника встретились по делам королевской службы. Легко представить себе те крепкие объятия, в которые они заключили друг друга.

По возвращении Сервантес отправляется с отчетом о результатах поездки в Лиссабон, где находилось тогда все военное руководство.

Видимо, португалки весьма впечатлили ветерана Лепанто, если он с удовольствием отметил, что их «красота заставляет поражаться и влюбляться».

В ОБЪЯТИЯХ МУЗЫ

Пока Сервантес разъезжал по делам королевской службы, его брат Родриго воевал под началом известного командира, участника Лепанто, дона Альваро де Базана, против португальской колонии — Азорских островов, не признававших власти Филиппа II. Здесь укрылся бежавший с материка претендент на португальскую корону дон Антонио. Его поддерживала французская военная эскадра. В сентябре 1583 года сопротивление неприятеля было сломлено, и испанская флотилия с триумфом вошла в порт Лиссабон.

Прошло почти два года, как Сервантес после орано-лиссабонских поездок вернулся в Кастилию. Вначале он пытался найти хоть какое-то понимание у властей, отправляя бесконечные прошения в разные инстанции с просьбами о денежной помощи герою Лепанто, инвалиду и пленнику алжирских корсаров. Но все усилия по-прежнему были тщетны. Письма с отказами приходили одно за другим. Надо было искать какой-то другой выход.

Существует гипотеза, что по прибытии в Испанию Сервантес продолжил свое образование в стенах Саламанкского университета и что именно оттуда он вынес имена Диего де Каррьясо и Хуана де Авенданьо, героев одной из «назидательных» новелл «Высокородная судомойка». Их имена действительно встречаются в списках студентов Саламанки в 1581 и 1584 годах. Живое описание студенческого быта в «Мнимой тетке» также склоняет к этому мнению. Еще одним аргументом в пользу предположения об университетском образовании Сервантеса служат его обширные знания и эрудиция, демонстрируемая в художественных текстах.

Между тем большинство исследователей и почитателей писателя эту точку зрения не разделяют, утверждая, что в отличие от Кеведо, Гонгоры или Кальдерона автор «Дон Кихота» не следовал ученой карьере, не зря же он сам себя называл «*ingenio lego*» — «умом, не изощренным в университетской науке».

Это не мешало ему обладать обширными познаниями в самых разных областях знаний. Его эрудиция поражает. Он хорошо знал античную культуру. В его сочинениях можно встретить множество цитат классиков, начиная с Гомера, Вергилия, Овидия, Горация и заканчивая Эзопом, Персием, Ювеналом, Тибуллом и Апулеем. Истоки этих знаний ясны: чтение было одним из любимейших занятий Сервантеса. Писатель всегда

находился в гуще событий, много путешествовал, контактировал с огромным количеством людей самого разного звания и сословия, он насквозь «пропитался» солью жизни, что дало ему богатейшие знания и опыт, незаменимые никаким университетским образованием.

Отсутствие университетского образования лишило сервантесовские произведения налета ученой «книжности», имеющейся в опусах Гонгоры или же Кальдерона. Однако по масштабности и важности проблем, поднимаемых в текстах Сервантеса, его труды не только равноположны «умным» книгам, но и стоят многих томов научных исследований.

*

В феврале 1582 года Сервантес в Мадриде. Он снова в хлопотах по поиску должности. К этому периоду жизни относится одно из немногих собственноручных и дошедших до нас писем Сервантеса. Адресованное сеньору Антонио де Эрасто из Совета Индий в Лиссабоне, оно было обнаружено в известном архиве Симанкаса в середине XX века. В письме автор обращается к адресату с просьбой о получении любой вакансии в испанских колониях. Но несмотря на поддержку Антонио де Эрасто, должности получить не удастся, так же как и какого-либо приличного места в самом Мадриде, хотя и здесь дон Мигель имел определенную поддержку.

Однако не эти неудачные хлопоты занимают мысли и сердце Сервантеса. Как следует из письма, адресованного Антонио де Эрасто, писатель в это время с увлечением работает над своим первым детищем — пасторальным романом «Галатея». Рискнем предположить, что начало литературной деятельности писателя может быть отнесено к периоду его алжирского плена. Во всяком случае, у него было много свободного времени и сильная тоска по родине. Довольно хорошая «смесь» для того, чтобы начать писать.

Вернувшись в лоно родной семьи через восемь месяцев, Мигель не обнаружил в ее положении никаких признаков улучшения. Утешительно звучали лишь известия о Родриго. Он был в Португалии и по-прежнему на королевской службе. После завершения операции на Азорах осенью 1583 года получил звание «soldado aventajado», что и старший брат после битвы при Лепанто. Спустя еще немного времени Родриго будет уже прапорщиком. А это совсем не мало, учитывая, что достается эта

должность кровью и потом, каждодневным смертельным риском в бою, хотя есть и плюс — прапорщику платят уже приличные деньги. У младшего сына появилась возможность помогать семье, по-прежнему находившейся в тисках беспросветной нужды.

Сестре писателя Магдалене было уже 25 лет, когда ее мечты выйти наконец замуж за нотариуса Хуана Переса де Альсегу развеялись, как туман. В октябре 1580 года он получил должность мажордома инфанты. И с этого момента шансы Магдалены стать законной женой стали равны нулю. Для будущего мажордома брак с ней был бы мезальянсом, и едва ли бы он сделал такой шаг. Очевидно, именно поэтому экс-нотариус отказался от своих обещаний, заставив тем самым Магдалену обратиться в судебные инстанции Мадрида.

Развязка очередной любовной авантюры была стандартной: 12 августа 1581 года перед нотариусом Перес де Альсега дал обещание выплатить истцу в качестве компенсации 300 дукатов в три приема в текущем году. Исполнил ли он судебное решение, нет ли, история об этом умалчивает.

Чем же занимается сам Сервантес? Как он думает зарабатывать на хлеб насущный, не говоря уже о том, чтобы выплачивать долги за свое освобождение? Мог ли он вернуться к тому, что оставил, скрывшись в Италии, — к сотрудничеству с маэстро Лопесом де Ойосом, человеком, который его называл «любимым учеником»? Очевидно, это желание было одним из первых, и, наверное, Мигель осуществил бы его, встретившись с учителем. Но Лопес де Ойос скончался летом 1583 года.

Для Сервантеса это была большая потеря. Ушел духовно близкий человек, наставник, а ведь именно теперь они могли бы говорить на равных, как поэт с поэтом. Дон Мигель уже писал «Галатею», маэстро с его опытом мог бы многое посоветовать. Тем не менее круг его литературного общения расширяется.

*

Сервантес много общается с братьями по перу, посещает литературные кружки, заводит новые знакомства с многочисленными мадридскими поэтами. Среди них Педро Лайес, «старый и настоящий друг», один из наиболее близких Мигелю; вернувшись из Италии, он получил должность официального цензора. Не менее дружен был писатель и с Франсиско де Фигероа,^[83] которого он неоднократно навещал в Алькале-де-Энарес. Весьма теплые отношения сложились с его

современниками — поэтами Гальвесом де Монтальво, Педро де Падильей, Хуаном Руфо,^[84] Луисом де Варгасом Манрике, Габриэлем Лопесом Мальдонадо, Лукасом Грасианом Дантиско. Все они были поэтами своей эпохи, культивировали итальянские стихотворные формы — сонеты, элегии и канцоны, что не мешало им быть истинными испанцами, поклонявшимися своим блестящим предшественникам: Гарсиласо де ла Вега, Фернандо де Эррера,^[85] фраю Луису де Леону. В целом же испанское поэтическое творчество во времена Сервантеса после достижений таких мэтров, как Гарсиласо, Эррера и фрай Луис де Леон, находилось в упадке.

Дон Мигель приобретает определенную известность в мадридских поэтических кругах. Начиная с 1583 года он пишет вступительные похвальные стихи к нескольким книгам своих знакомых мадридских поэтов. Те, когда придет время «Галатеи», ответят ему взаимностью. Позже Сервантес же в «Песне Каллиопе», в 108 октавах, вставленных в VI книгу «Галатеи», буквально рассыпается в похвалах своим друзьям и уважаемым им поэтам.

Как сейчас, так и в те давние времена эта расточаемость взаимных похвал — своего рода корпоративная взаимопомощь и взаимореклама.

Мы уже говорили, что его первые стихотворные опыты оценивались специалистами как очень средние и едва ли служба в армии и алжирский плен способствовали росту его поэтического дара. Сам поэт в «Путешествии на Парнас» также отозвался о себе очень самокритично:

Увы! Я сладкоустым не родился!
Чтоб изощрить мой грубый, тяжкий слог,
Я на веку немало потрудился,
Но стать поэтом не сподобил бог.

Вдобавок к этому оценивать стихи Сервантеса периода 1580-х годов вообще весьма сложно — из написанного в тот период до нас дошло совсем немного, это вставные стихи из «Галатеи» и несколько хвалебных стихотворений, адресованных своим собратям по перу. Судя по ним, дон Мигель был второстепенным поэтом, честным выучеником Петрарки и Гарсиласо. Как заметил А. Штейн, «в „Галатее“ вставлен ряд стихотворений, написанных в манере Гарсиласо де ла Веги».

«ГАЛАТЕЯ»

Первое крупное прозаическое произведение Мигеля де Сервантеса — пасторальный роман «Галатея» увидел свет в 1585 году.

Различные жанры буколической, пасторальной поэзии восходят к античной литературе. В Греции этот жанр расцвел в поэмах Феокрита, Мосха и Биона, в Древнем Риме это были буколики Вергилия.^{86}

В эпоху Возрождения пасторальный роман^{87} как литературное явление активно развивался в XIV–XVI веках в Италии, буколические произведения писал, например, великий Боккаччо.

Испанская пастораль «равнялась» на знаменитую «Аркадию» итальянского поэта Саннадзаро,^{88} вышедшую в Венеции в 1504 году. Роман сразу же приобрел широкую известность в Европе и был переведен на испанский язык.

Наиболее значительным явлением в жанре пасторального романа в испанской литературе второй половины XIV века была «Диана» («Семь книг о Диане»), 1559, португальца Хорхе де Монтемайора,^{89} которая как бы открывала «буколический» этап, завершившийся «Пастухами с Бетиса», 1633, Гонсало де Сааведры.

«Диана» имела колоссальный успех (чем, кстати, и вызвала «буколический» бум) между 1559 и 1600 годами и выдержала 26 изданий. Неоднократно переводилась на французский и английский языки и имела множество романых продолжений и подражаний.

Философской основой пасторального жанра в ренессансной литературе были главным образом различные системы гуманистического неоплатонизма, представленные в трактатах Марсилио Фичино «Беседа о любви» (1475),^{90} Иуды Абарбанеля (известного в Испании больше под именем Леона Еврея) «Диалоги о любви» (1535)^{91} и Джордано Бруно «О героических страстях» (1585). В этих произведениях авторы стремились обосновать целостное этическое-эстетическое видение и мировоззрение ренессансной эпохи. Наибольшее влияние на испанскую гуманистическую мысль XVI века оказали труды Иуды Абарбанеля.

По крайней мере, Сервантесу они были известны. В «Дон Кихоте» он писал: «Если зайдет речь о любви, зная два-три слова по-тоscanски, вы без труда сговоритесь с Леоном Евреем, а уж от него с пустыми руками вы не уйдете».

Излюбленная тема пасторальных опусов — изображение в идеализированном виде жизни пастухов и пастушек на лоне природы, вдали от общества — почти утопия.

Пастораль рисует некую идеальную «природную» естественную жизнь, лишенную соблазнов и недостатков городского социума. Действующими лицами этой идиллии являлись нередко люди известные, современники автора, но в пастушеских одеяниях, при условных декорациях. Любовный сюжет обильно сдабривался стихами пастушков, адресуемыми своим возлюбленным пастушкам, или же горько проливаемыми поэтическими «слезами» над «разбитой» неким козопасом душевной идиллией. На зеленом лугу можно встретить и пастуха-крестьянина, и «пастуха», сбежавшего из родительского дворца. Пред ликом природы все они равны (типичная ренессансная мысль) и могут свободно предаваться вольной жизни и любви.

Сервантес, видимо, относился к буколическому жанру довольно благосклонно. В «Дон Кихоте» при разборе библиотеки героя устами священника он так охарактеризовал знаменитый пасторальный роман: «Что касается „Дианы“ Монтемайора,¹⁹²¹ то я предлагаю не сжигать эту книгу, а только выкинуть из нее все, что относится к мудрой Фелисии и волшебной воде, а также почти все длинные строчки — оставим ей в добрый час ее прозу и честь быть первой в ряду подобных».

Пасторальные романы имели большой успех у всех слоев населения. Однако это не радовало церковь. Августинский монах Малон де Чайде в предисловии своей «Книги об обращении Магдалины» (1558) писал: «Скажите мне, как будет вести себя та девица, которая, едва научившись ходить, уже таскает с собой „Диану“?.. Как будет она читать „Отче наш“, едва похоронив несчастных героев „Дианы“ Пирама и Фисбу? Можно ли назвать честной ту книгу, которая поучает, каким образом и с какой целью следует вести любовные дела?»

Об этом же говорит иезуит Херонимо Сурита: «„Диана“ Монтемайора и ее продолжения являются коршунами с острыми когтями... Самым откровенным образом они повествуют о развратных вещах, а потому с такой жадностью читаются женщинами».

Так ли это на самом деле?

В действительности ничего порочного в пасторальных романах не было. Но светская литература всегда была не по душе церкви. Подобного рода книги обращали мысли читателя к земным радостям, в то время как священники стремились обратить все помыслы своих прихожан к Богу.

Успех пасторальной прозы легко объяснить. Имперские амбиции

Испании требовали и людских, и финансовых жертв: жестокое подавление восстания в Нидерландах, захват Португалии, войны с Англией и Францией. Филипп II любыми способами стремился укрепить королевскую власть. Как ярый католик, король боролся с Реформацией и всячески поддерживал Инквизицию, костры которой пылали по всей стране.

Вполне естественно, что публика требовала «компенсационной» литературы, позволяющей унести в иной, идеальный мир, полный высоких морально-этических и вечных ценностей. Появилась потребность на своего рода «мыльную оперу» XVI века. Раньше эту роль выполняли рыцарские романы, но с отмиранием рыцарства как социального явления, [{93}](#) а вместе с ним и рыцарского кодекса «чести и дамы» литература подобного толка утратила свою популярность. В моду вошла сельская идиллия в виде пасторали — «убийственного» сочетания возвышенной и вечной любви с красотами и чистотой первозданной природы. Читатели не могли противостоять «пастушеской» идиллии, любые запреты оказались тщетны. Как писал фрай Луис де Леон, «возможно, в городах умеют лучше говорить, но утонченность чувств — принадлежность луга и одиночества».

Бестселлер Сервантеса был выполнен по всем правилам жанра, лучшие образцы которого он, очевидно, познал еще в юном возрасте, будучи учеником маэстро Лопеса де Ойоса. Но были в нем особые своеобразия.

К. Державин пишет, что «от предшествовавших ей образцов этого жанра, созданных в кругу придворно-аристократических литературных интересов или в атмосфере ренессансно-академических салонов, „Галатея“ отличается некоторым своеобразием, свидетельствующим о более широком понимании Сервантесом этико-эстетического содержания пасторального романа и о его стремлениях обогатить этот жанр некоторыми новыми, весьма показательными для его мировоззрения чертами. Именно наличие этих новых черт объясняет то, что Сервантес в течение тридцати лет после напечатания первой части „Галатеи“ не отказывается от надежды завершить свой пасторальный роман».

Сомнительные утверждения. Желание Сервантеса продолжить роман скорее было вызвано другими причинами, нежели «стремление обогатить жанр», который к тому времени уже вступил в период своего угасания. Сам автор писал в предисловии к роману, что «писание эклог в наше, в общем весьма неблагоприятное для поэзии время, будет признано малопочтенным занятием...».

Вполне могло быть простое и закономерное желание, как и у любого писателя, а тем более такого упорного и последовательного человека, как

Сервантес, закончить незавершенное произведение.

Ведь пасторальные романы еще долгое время пользовались большим успехом и приносили деньги — обстоятельство для Сервантеса, пожалуй, главное, ради чего он и начал заниматься писательством.

Ближе к верной оценке «первенца» испанского гения, как нам кажется, стоит испанист А. Штейн, полагающий, что «...несмотря на все стилистическое совершенство, „Галатея“ является самой слабой книгой Сервантеса».

Основным мотивом «Галатеи» является, как и во всей буколической прозе, любовь. Роман повествует о пастухе Элисо, влюбленном в пастушку Галатею, которой он постоянно говорит о своих чувствах и распевает в ее честь любовные песни. Однако отец Галатеи хочет выдать ее замуж за другого, богатого пастуха, лишая тем самым дочь свободы выбора. Друзья им сочувствуют и хотят помочь Элисо и Галатее защитить их любовь. На этом повествование обрывается, оставаясь незавершенным.

Создавая «Галатею», Сервантес не только опирался на классические традиции буколических романов, идущие от Саннадзаро и Монтемайора, он имел и гораздо более близкий пример — «Пастуха Филиды» («El pastor de Filida»), опубликованного в 1582 году его приятелем Луисом Гальвесом де Монтальво.

Когда писатель начал создавать «Галатею», точно неизвестно. Возможно, замысел возник еще в Алжире. Тяжелая обстановка и положение раба вполне могли возбудить мысли о тихом, спокойном, идиллическом месте и возвышенных чувствах.

Полагают, что Сервантес начал роман еще в свой первый приезд в Мадрид, продолжал во второй, во время экспедиции в Оран, писал его в Мадриде на протяжении всего 1582 года и вплоть до лета 1583-го.

Очевидно, прежде чем начать печатать роман, он давал его читать своим друзьям и знакомым, сведущим в литературных делах, мнение которых было ему важно, — Антонио де Эрасо, которому он написал в феврале письмо, где упоминал о романе, Грасиану Дантиско, цензору и внимательному читателю текущей литературы. Первым, конечно же, был бы маэстро Лопес де Ойос, но он, к сожалению, уже был в мире ином.

Похвальные сонеты к изданию представили Лопес Мальдонадо, Луис Варгас Манрике и еще Луис Гальвес де Монтальво, поэт с определенной известностью в литературных кругах столицы. Отмечая доблесть Сервантеса как воина и стойкость как пленника, рецензенты называют его «славой» испанской литературы. О некоторых преувеличениях в «цеху» поэтов мы уже говорили.

1 февраля 1584 года «Галатея» была одобрена цензурой как «сочинение полезное, написанное чистым слогом, хорошим языком и с изысканным вымыслом, не заключающее ничего, что звучало бы плохо, бесчестно или противно добрым нравам». А 22 февраля Сервантес получил королевскую привилегию на издание своего романа «Первая часть Галатеи, разделенная на шесть книг».

По традиции того времени все романы выходили с посвящением, как правило, какой-либо знатной и знаменитой персоне. Свою «Галатею» Сервантес посвятил Асканио Колонне, сыну знаменитого участника сражения при Лепанто Марко Антонио Колонны. В то время Колонна был епископом Санта Софии и его резиденция находилась в Алькале; через несколько лет он станет вице-королем Арагона.

Меценат Асканио Колонна был другом покойного кардинала Аквавивы, у которого служил в свое время Сервантес. Сам писатель был также знаком с Асканио еще с римских времен и пользовался его поддержкой. Возможно, что их знакомство возобновилось благодаря посредничеству де Монтальво, к которому Асканио Колонна был расположен.

14 июня 1584 года Сервантес передал Бласу де Роблесу, как и сам писатель, уроженцу Алькалы-де-Энарес, права на свою книгу и ее издание. Гонорар автору «Галатеи», оговоренный в договоре, должен был быть выплачен в два приема и составлял 120 дукатов. Сумма вполне приемлемая, особенно учитывая, что у автора не было широкой известности. И в марте 1585 года том объемом в 375 страниц, размером в 1/8 долю листа появился в продаже в столице королевства Мадриде, в лавке Бласа де Роблеса.

При жизни писателя «Галатея» выходила дважды: в Лиссабоне в 1590 году и в Париже, напечатанная знатоком и ценителем испанской литературы Сезаром Уденой в 1611 году (очевидно, на это повлиял успех «Дон Кихота»). К этому времени найти «Галатею» в самой Испании было уже невозможно, и после длительных поисков Удена обнаружил экземпляр романа в Португалии.

Появление романа отметил даже такой не щедрый на похвалы литературный мэтр, как Лопе де Вега. В комедии «Глупая» он упоминает «Галатею» вместе с произведениями Гильена де Кастро,^[94] плутовским опусом Матео Алемана «Гусман де Альфараче»,^[95] «Луизиадами» Камозенса^[96] и даже рядом со сборником своих стихов. А общеизвестно, какого высокого мнения Лопе был о своем собственном творчестве.

Хорошо была принята «Галатея» и за границей. Имеются упоминания,

что французские дамы и кавалеры знали текст романа «почти наизусть». Одним из почитателей романа был Оноре Дюрфе, чья буколика «Астреа» с очевидной ясностью продемонстрировала, что и во времена Ришелье и Корнеля чтение сладостных любовных излияний пастухов и пастушек являлось для вельмож приятным проведением досуга.

Сам Сервантес неоднократно возвращался к мысли о продолжении «Галатеи». В первой части «Дон Кихота» при разборе библиотеки незадачливого Рыцаря Печального Образа священник произносит такие слова: «С этим самым Сервантесом я с давних пор в большой дружбе, и мне хорошо известно, что в стихах он одержал меньше побед, нежели на его голову сыплется бед. Кое-что в его книге придумано удачно, кое-что он замыслил, но ничего не довел до конца. Подождем обещанной второй части».

В 1615 году он опять подтверждает свою решимость окончить роман, об этом он пишет в посвящении «Восьми комедий и восьми интермедий», в предисловии ко второй части «Дон Кихота» («Забыл тебе сказать (читатель. — А. К.), чтобы ты ожидал *Персилеса*, которого я теперь оканчиваю, а также вторую часть *Галатеи*»).

Даже в предчувствии скорой смерти Сервантес не отказался от мысли завершить свою пастораль. В посвящении графу Лемосскому «Странствий Персилеса и Сихизмунды» в 1616 году он писал: «В душе моей все еще живут дорогие образы *Недель в саду* и *Достославного Бернардо*. Если же, на мое счастье, выпадет мне столь великая удача, что небо продлит мне жизнь, — впрочем, это будет уже не просто удача, но чудо, — то Вы их увидите, а с ними и конец *Галатеи*, которая Вашей светлости пришла по вкусу».

Другими словами, на протяжении всей своей жизни Сервантес желал завершить роман, но так его и не дописал. Возникает вопрос — почему он вообще решил написать именно буколический роман?

Мы уже частично касались данного вопроса. Это была своего рода проба пера, необходимая для начинающего литератора. К тому же это был беспроигрышный финансовый ход, книга уже в силу жанра была обречена на успех. Мог ли молодой автор не рискнуть и написать произведение, пользующееся спросом у читающей публики?

А возможно, дело совсем в ином и Сервантес написал «Галатею», идя навстречу велениям своей души?

В глубине души Сервантес всегда ощущал магическое воздействие идеи золотого века. Иначе чем объяснить постоянный пасторальный мотив в его творчестве? Это и сама «Галатея», и вставные новеллы «Дон Кихота»,

речь Рыцаря Печального Образа о золотом веке перед ламанчскими козопасами, в «Странствиях Персилеса и Сихизмунды» и т. д.

На исходе XVII века «Галатей» пережила еще один взлет популярности во французской обработке Флориана (1738). Причем успех этой версии был столь велик, что она не только была переведена на многие другие языки, но в кругу образованной публики надолго заменила оригинал.

В России «Галатей» появилась в переводе А. Печенегова (1790), кстати, тоже сделанного с французского варианта.

ТЕАТР ВРЕМЕН СЕРВАНТЕСА

Во времена Сервантеса профессия профессионального литератора, зарабатывающего на жизнь исключительно литературным творчеством, еще не оформилась. Конечно, и тогда были люди, существующие только за счет сочинительства. Таковых было немало. Из ближайшего окружения Сервантеса — Фигероа, Гальвес де Монтальво, Лайнес. Чей-то труд оплачивался лучше, чей-то хуже. Но кое-какой доход это давало.

Наибольшим спросом пользовались пьесы.^{97} Испанский театр был тогда на подъеме, в его жизнь вошел знаменитый Лопе де Вега. Театральный мир нес с собой особую атмосферу, которая затягивала, привлекала к себе, хотя и не сулила сносных доходов.

«В переулках ютился нищенствующий, пестрый и шумно-общительный рой авторов. Квартал кишел музыкантами, плясунами, фиглярами и непомерно многочисленным женским сопровождением. Сочинители бродили толпами. Все эти господа жили случайными заработками, должны, сидели в кабаках и разыгрывали из себя важных людей.

Резкий отпечаток наложило на этот мир общераспространенное щегольское отношение к делам чести. Всюду в Испании чувство старинного рыцарства давно уже выродилось в крайность. Достаточно было косога взгляда, чтоб вылетели из ножен кинжалы; почти каждое утро находили в уличной грязи заколотых дворян. Но здесь, вокруг „Привала комедиантов“ (маленькая площадь Мадрида. — А. К.), это уродство нравов было еще разительнее. Историческое тщеславие мстило кроваво. Актер, у которого отбили роль, рифмоплет, злорадно высмеянный товарищем, считали убедительнейшим опровержением удар кинжала. Честь какой-нибудь легкой особы защищали с таким рвением, словно речь шла о чести девственной герцогини. Гримасничало неукротимое чванство. Шулера, перенимавшие друг у друга жульнические приемы, раскланивались с длительными церемониями, именовали друг друга „ваша милость“ и говорили не иначе как в третьем лице. Хвастовство не имело границ. Каждый из этих горе-поэтов и рифмоплетов претендовал на создание „Илиад“ и „Энеид“. Лгали бесстыдно друг другу в глаза, каждый делал вид, что верит, и требовал того же от других. Но театр был для всех великой надеждой, подлинным магнитом. Ведь там можно было заработать нешуточные деньги — пятьдесят — семьдесят талеров за одно

представление.

Правда, нелегко было угодить публике! Да и директорам тоже. Даже писателю с именем, какому-нибудь Артиеде или Армендарису, редко удавалось увидеть сцену».

Малоприятное зрелище, согласно Бруно Франку, представляла собой закулисная жизнь театрального Мадрида. И все же Мигель де Сервантес, отчаявшись получить какую-либо чиновничью должность, бросил свой жребий, решившись испытать невозможное — зарабатывать себе на жизнь бумагой и пером.

Встав на путь профессионального литератора, Сервантес приобрел и определенную зависимость от читательской аудитории. Хочешь получать деньги — пиши то, что пользуется спросом и хорошо продается. А пьесы продавались хорошо. Поэтому герой Лепанто не без уважения обратил свой взор на театральные подмостки, причем обратил с удовольствием: еще с детства он полюбил театр. Да и материал был — такая жизнь позади!

«На днях я встретился с друзьями, и у нас зашел разговор о комедиях и обо всем, что до них касается, причем собеседники мои разобрали их до тонкости и так разукрасили, что, казалось, прибавить тут нечего. Говорилось и о том, кто первый в Испании вынул их из пелен, облек в праздничный наряд и придал им пышности и блеску. Будучи старше всех в этом обществе, я вспомнил представления великого Лопе де Руэда, ^[98] мужа, славившегося остротой своего ума и своею игрою на сцене. Этот уроженец Севильи, мастер-золотобой, умевший выделывать из золота тонкие листочки, дал изумительные образцы пасторальной поэзии — в этом его никто до сих пор не превзошел. Я был тогда еще совсем мальчик и мог ошибиться в оценке его стихов, но некоторые из них запечатлелись в моей памяти, и вот теперь, уже в зрелом возрасте, послушав их со сцены, я понял, что был прав. И если бы это не выходило за рамки предисловия, я привел бы здесь несколько примеров в доказательство верности моего суждения. Во времена этого славного испанца все театральное имущество помещалось в одном мешке и состояло примерно из четырех белых, обшитых золотом тулупов, четырех бород и париков и четырех посохов. Комедии представляли собою написанные в форме эклог диалоги между двумя или тремя пастухами и пастушкой. Сдабривали их и начинали двумя или тремя интермедиями — то о негритянке, то о мошеннике, то о дураке, то о бискайце, — этих четырех персонажей, как и многих других, упомянутый Лопе изображал превосходно и удивительно верно. В те времена театральной машинерии не существовало, пеших и конных поединков между маврами и христианами на сцене не устраивалось; не

было люка, из которого, точно из преисподней, вылезал бы или делал вид, что вылезает, какой-нибудь персонаж, — сцену составляли образывавшие квадрат четыре скамьи, на которые были настелены четыре или шесть досок, и она возвышалась над полом всего на четыре пяди; с неба не спускались тогда облака с ангелами и духами. Декорацией служило державшееся на двух веревках старое одеяло, отделявшее подмостки от того, что теперь именуется актерской уборной, и скрывавшее от публики хор, который без всякого аккомпанемента пел какой-нибудь старинный романс. Когда Лопе де Руэда скончался, его, как человека достойнейшего и знаменитого, похоронили в кордовском соборе (в Кордове он и умер), между хорами, где был похоронен и знаменитый безумец Луис Лопес.

На смену Лопе де Руэде пришел Наварро, уроженец Толедо, отлично игравший трусливых мошенников. Он несколько улучшил декорации и заменил мешок для костюмов сундуками и баулами, он вывел певцов, до того скрывавшихся за одеялом, на подмостки; упразднил бороды — а прежде никто не играл без накладной бороды, — он добился того, что все актеры стали выходить на сцену без этого украшения, кроме тех, кто изображал стариков или же каких-либо других персонажей, требовавших от исполнителя изменения лица; он изобрел театральные машины, молнию, гром, облака, придумал, как устроить сражения и поединки; со всем тем ему не удалось поставить театр на ту высоту, на которой он находится ныне».

Лопе де Руэда действительно сыграл важную роль в формировании драматургии Испании. Бросив свое ремесло золотодобытчика, он во главе созданной им труппы бродяжничал по стране и выступал перед народным зрителем.

Комедии Лопе де Руэды строились на замысловатой фабуле, увлекающей зрителя. Сюжеты он заимствовал из итальянской комедии и пьес Плавта.^[99] До нас дошло его пять комедий и десять «пасос» (от исп. *расо* — шаг. — А. К.), маленьких пьесок, в основе которых лежит анекдот или комическое приключение.

Пьески составляют наиболее интересную часть творчества Лопе де Руэды, они писались в прозе и состояли из диалогов на живом народном языке. Непременными действующими лицами пасос были простак, мошенник, который вечно обманывал первого, бискаец и негрityнка. Эти пьески представляют собой своего рода «плутовской театр». В них присутствует тот же грубовато-простоватый крестьянский и городской юмор, хитроумное ловкачество. Симпатия автора обычно на стороне изобретательного и умного плута, обманывающего простака-тугодума. Сервантес видел представления Лопе де Руэда в детстве, и они оставили у

него неизгладимое впечатление.

Сами по себе пьесы Лопе не представляют художественной ценности, однако они сыграли заметную роль в развитии испанского театра. Любовь, предательство, измена, ложь, клевета, неожиданные встречи разлученных родственников — эти и другие мотивы перешли позднее в комедии Лопе де Вега, Кальдерона де ла Барки и Тирсо де Молина.^{100}

Мигель де Сервантес вступил на поприще драматургического искусства в пору, которая подготовила его блистательный расцвет в Испании — в конце XIV — первой половине XVII века. Именно в 1570–1580-е годы складывалась национальная традиция испанской драмы.

Сервантес в этом смысле являлся, если говорить о характерных чертах его драматургии, одним из типичных драматургов своего времени, подготовивших взлет национальной драматургии. Среди прочих драматургов-современников он был одним из тех, кому на смену пришел Лопе де Вега и его школа.

Однако формированию «народного» театра Лопе предшествовала борьба с появившимися еще до его возникновения традициями классицистической, академико-книжной драмы.

Интерес к античной драматургии появился в конце XV — начале XVI века и первоначально выражался в подражании пьесам авторов античности. Главным авторитетом для сторонников «книжной» драмы, академистов, был Аристотель и его «Поэтика». Особым почитанием пользовались комедии Теренция, Плавта и особенно трагедии Сенеки.

Первые испанские трагедии, следовавшие классическим принципам (трех единств: места, времени, действия и др.), были написаны в 1577 году. Это были пьесы «Несчастливая Нисе» и «Нисе прославленная», принадлежавшие перу профессора Саламанки Херонимо Бермудеса.

Наиболее заметными представителями в испанской драматургии конца XVI века были валенсийцы Рей де Артиэда, Кристоаль де Вируэс, Хуан де ла Куэва из Севильи, поэт из Сарагосы, член Мадридской и Неаполитанской академий литературы, человек прекрасно образованный, Луперсио Леонардо де Архенсола, написавший трагедии «Филида», «Изабелла», «Александра». До нас дошли только две последние.

Сторонники академизма были в основном эпигонами Лопе де Руэды. Однако в отличие от мэтра, стремившегося сделать театр как можно более доступным и развлекательным в своей основе, они хотели подняться над балаганным, «потребительским» театром и придать сцене недостающие, по их мнению, весомость и достоинство. Однако каким образом, кто будет служить образцом для подражания?

Сенека — латинский классик испанского происхождения. Его театр был тем образцом, руководствуясь которым классицисты пытались создать подобную драму на испанском языке. Латинский классик был ценен для поборников академизма как драматург, наиболее строго выдерживающий все основные каноны классицизма.

Испанские последователи Сенеки подражали его трагизму, аллегориям, как и он, обращались к героическим темам древности, а на испанской почве — к легендарным фигурам Реконкисты. Между тем подобный репертуар, стремление к сложной интриге сопровождались частым нарушением Аристотелевых трех единств. И в этом смысле академисты спонтанно выражали те драматургические тенденции, которые позднее сформулирует создатель «новой» комедии Лопе де Вега.

Однако главная слабость классицистических пьес была в том, что они писались эрудитами для эрудитов, и поэтому не имели успеха на сценах театров.

Сервантес относился с симпатией к усилиям академистов. И позднее в «Дон Кихоте» словами каноника положительно охарактеризует пьесы Леонардо де Архенсола: «Вы помните, что назад тому несколько лет в Испании были играны три трагедии одного знаменитого нашего писателя, и они изумили, привели в восторг и потрясли всех зрителей без исключения — и необразованных и ученых, и избранных и чернь, так что три эти трагедии дали актерам больше сборов, нежели тридцать лучших комедий, игранных впоследствии?» — «Ваша милость, уж верно, разумеет *Изабеллу, Филиду и Александру*, — сказал директор театра». — «Именно, — подтвердил я. — И заметьте, что правила искусства в них тщательно соблюдены, но это, однако же, не помешало им стать тем, чем они стали, и всем понравиться. Значит, виновата не публика, которая якобы требует вздора, а те, кто не умеет показать ей что-нибудь другое».

Без сомнения, знал Сервантес и пьесы Куэвы, которые шли в Севилье и были изданы в 1583 году. Писатель, проезжая через Валенсию, встречался с Кристобалем де Вируэсом. В «Песне Каллиопе» он отметил этого уважаемого поэта, который тоже сражался в битве при Лепанто.

В театральной ойкумене были два наиболее близких ему человека, которые только и могли ему открыть двери в этот новый для него мир. Это — Алонсо Гетино де Гусман, именно он, как мы знаем, в свое время благословил первые творческие шаги юнца Сервантеса и постоянно оказывал дружеские услуги его родителям. Бывший участник труппы Лопе де Руэды, организатор празднеств столицы, — человек, ставший альгвасилом, много сделал для открытия Корраля де ла Крус.^{[101](#)}

И еще — Томас Гутьеррес, долгими годами дружбы связанный с семейством Сервантесов, актер и близкий друг Мигеля.

Быть отрекомендованным и введенным в театральные круги уважаемыми профессионалами было для начинающего писателя очень важно.

В те времена авторским правом никто не ведал. Для актеров поэт был не более чем создателем некоей эфемерной литературной продукции, жанра, который находится в состоянии исчезновения.

Руководитель труппы мог перерабатывать приобретенный им оригинальный текст как хотел, согласно своему вкусу и пониманию. Протестовать было бесполезно.

Несчастный же автор за свой труд получал чисто символическую плату. Так, например, мадридский антрепренер Гаспар де Поррас в соответствии с договором от 5 марта 1585 года выплатил Сервантесу за две пьесы — «Константинопольская жизнь» и «Путаница» 40 дукатов, до нас дошли только их названия.

Конечно, Сервантес не был известным и «продаваемым» автором, однако он рассчитывал жить на «театральные» деньги, а на такие гонорары можно было только нищенствовать.

Единственным утешением было то, что театральная пьеса не требовала таких титанических сил, как роман. Для пьес, которыми «питались» мадридские театры, главным условием было одно — чтобы сочинение пришлось по душе зрителю.

Прошли те времена, когда бродячие труппы сколачивали свои убогие дощатые подмостки перед городскими воротами. Как раз в то время, когда Сервантес обратился к драматургии, в Мадриде появился постоянный театр, где почти каждый день давались представления. Но и спектакли кочующих трупп а-ля Лопе де Руэда не исчезли и продолжали существовать параллельно.

Постоянным театром был так называемый «корраль» (от исп. el corral — двор) — внутренний дворик, приспособленный для проведения драматических спектаклей. Где-то между 1578 и 1582 годами благодаря помощи итальянских актеров в Мадриде появились Корраль де ла Крус и Корраль дель Принсире. В эти же годы в Севилье, Валенсии, Гранаде, Толедо, Вальядолиде и Сарагосе открываются собственные «коррали» либо приспособляются под театр другие помещения.

«Корраль» был одинаков по всей Испании и представлял собой пространство между двумя домами, ограниченное латеральными трибунами, которые поднимались вверх до зарешеченных, по испанской

традиции, окошек: над площадкой нависала трибуна, так называемая «касуэла» (от исп. la casuela — место для женщин в театре). В то время как привилегированные слои населения восседали по обе стороны сцены, «касуэла» предназначалась для женщин среднего достатка. Остальное пространство дворика занимали простолюдины — «москетерос», как испанцы называли зрителей последних рядов партера.

Сама сцена не имела ничего общего с театральными подмостками прошлого. Это был опирающийся на двухэтажный фасад прямоугольник размером семь метров на четыре, с двумя боковыми дверцами, сзади располагалась костюмерная, скрытая гардиной. Сцена заканчивалась подобием галереи с отверстиями, служащими окнами.

Таким образом, театральная сцена, на которой ставили пьесы Сервантеса и его современников, представляла собой в общей сложности четыре дополняющих друг друга уровня, что позволяло вести действие одновременно в нескольких местах.

Сам Сервантес неоднократно пользовался возможностями модернизированной сцены. В его пьесах имеются сцены, где подобное устройство театральных подмостков было весьма кстати, — это неожиданные «появления» персонажей благодаря костюмерной ширме и потайному люку, участие в сценическом действе лошадей, пришествие посланника небес, устроенное с помощью потайного механизма, и т. п.

Но не будем преувеличивать — технические совершенства испанской сцены конца XVI века, театральные подмостки все еще продолжали оставаться абстрактным пространством без декораций и других привычных нашему глазу сценических атрибутов.

Магическая сила театрального действия создавалась драматургией пьесы и динамизмом развития событий на сцене, которая поочередно превращалась то в комнату, то в улицу или в открытое поле — словом, игра актера выполняла тогда свою второстепенную роль. От зрителя для создания полноценного сценического образа требовалась весьма недюжинная фантазия.

Однако театральный зритель легко освоился с такой сценической условностью. Так продолжалось и во времена драматического «царствования» Лопе де Вега и его поколения. Вплоть до эпохи Филиппа IV, когда Кальдерон и его сподвижники ввели в обиход придворного театра разнообразные сценические механизмы, импортированные из Италии, где помпезные представления были привилегией короля и аристократов.

Но это будет позднее, в тот момент, когда Мигель де Сервантес обратил свой взор на театральные подмостки в виде «корраля», не

существовало не только сценических эффектов, но даже иллюзии реальности.

ПЕРВЫЕ ПЬЕСЫ

«И вот здесь я поневоле должен поведать одну истину и выйти за пределы моей неприязнительности: дело состоит в том, что в театрах Мадрида были играны *Алжирские нравы*, принадлежащие моему перу, а также *Разрушение Нумансии* и *Морское сражение*, где я осмелился свести комедию к трем действиям вместо прежних пяти; я показал публике или, точнее, я первый олицетворил таимые в душе мечты и образы и вывел на сцену при восторженных и дружных рукоплесканиях зрителей аллегорические фигуры. В то время я написал комедий двадцать или тридцать, и ни одну из них зрители не потчевали ни огурцами, ни какими-либо другими метательными снарядами, — их представления не сопровождалось ни свистом, ни криком, ни перебранкой. Но потом меня отвлекли другие дела, я отложил в сторону перо и комедии, и тогда появился чудо природы — великий Лопе де Вега и стал самодержцем в театральной империи. Он покорила и подчинил своей власти всех комедиантов и наполнил мир своими комедиями, счастливо задуманными, удачно исполненными и составляющими в общей сложности более десяти тысяч листов, и, что самое поразительное, он все их видел на сцене или, по крайней мере, знал, что все они ставились; те же, кто пытался соперничать с ним и разделить его славу — а таких было много, — все вместе не написали и половины того, что написал он один, если не за плодовитость — ибо Господь не всех одарил поровну, — то все же у нас до сих пор чтут доктора Рамона,^{102} кстати сказать, после великого Лопе самого плодovitого нашего автора; ценят у нас и в высшей степени тонкое искусство ведения интриги, коим отличается лицензиат Мигель Санчес,^{103} высокий дух, коим проникнуты творения доктора Мира де Мескуа,^{104} гордости нашего отечества, глубину и богатство мыслей в творениях каноника Таррега,^{105} мягкость и нежность донна Гильена де Кастро,^{106} остроумие Агилара,^{107} пышность, живость, блеск и великолепие комедий Луиса Велеса де Гевара,^{108} изящное дарование донна Антонио де Галарсы,^{109} имя которого ныне у всех на устах, и многообещающие *Плутни Амура* Гаспара де Авилы,^{110} — все эти авторы и некоторые другие помогли великому Лопе тащить эту огромную махину».

Так Сервантес обрисовал современную ему театральную обстановку в обращении к читателю сборника «Восемь комедий и восемь интермедий»,

вышедшего в 1615 году, за год до кончины писателя. К этому времени Лопе де Вега уже более двадцати лет властвовал над сердцами испанской театральной публики и действительно «тащил огромную махину» драматургического творчества.

Сервантес говорит о том, что «осмелился свести комедию к трем действиям вместо прежних пяти». Это действительно так. Однако к восьмидесятым годам испанская драматургия вообще отказалась от пятиактного членения текста и перешла к четырем актам. Еще до Сервантеса так поступали и Крестобаль де Вируэс, и Андрес Рей де Артьеда, и Хуан де ла Куэва, а до них еще в 1551 году драматург Франсиско де Авенданьо именно на три действия разделил свою пьесу «Флорисея».

Несколько сомнительно утверждение писателя о том, что «я показал публике или, точнее, я первый олицетворил таимые в душе мечты и образы и вывел на сцену при восторженных и дружных рукоплесканиях зрителей аллегорические фигуры». В пьесах Сервантеса действительно присутствуют аллегорические фигуры, но принадлежит ли ему здесь пальма первенства? Как пишет К. Державин, «то, что Сервантес называет „моральными фигурами“, то есть воплощения страстей и душевных качеств, которые выступают в „Алжирской жизни“, или аллегорические образы „Нумансии“, — все это уже встречается в ряде драм Куэвы. У него появляются образ Войны в виде бога Марса, олицетворенная Слава, ряд мифологических существ, фигуры Королевства, Зависти и Раздора, Разума, реки Бетиса (Гвадалквивир) и т. д. Во „Влюбленных“ Рей де Артьеды изображаются фигуры Воображения и Славы; у Архенсолы в трагедии „Исабелла“ пролог произносится такой же Славой и совпадает по своему содержанию с заключительной речью Славы в „Нумансии“; аллегорический образ Трагедии встречается и у Архенсолы, и у Вируэса». Словом, дорога была уже проторена.

Мигель де Сервантес говорит о двадцати — тридцати написанных им комедиях. Конечно, по сравнению с Лопе де Вега, написавшего около 1500 пьес, это ничтожно мало. Но не пьесы составили его бессмертную славу...

Из этих ранних двадцати — тридцати пьес до нас дошли только «Алжирская жизнь» и «Нумансия», обнаруженные в более поздних копиях в пыли библиотек в 1784 году.

Недавно была «открыта» рукопись «Завоевание Иерусалима Годофре де Бульоном». По мнению ее нашедшего Стефано Арата, существуют весьма веские основания считать ее автором Сервантеса. Однако, на наш взгляд, убедительных доказательств пока тому нет и делать такой вывод преждевременно.

«Алжирская жизнь» («El trato de Argel»), часто именуемая «Алжирскими нравами» («Los tratos de Argel»), является одной из первых пьес Сервантеса и была написана в начале 1580-х годов. Позднее драматург переработал ее и включил в сборник 1615 года под названием «Алжирская каторга», ряд мотивов которой появится и в «Дон Кихоте».

В пьесе на фоне многообразных и выразительных, основанных на реальных фактах эпизодов невольничьей жизни Алжира разворачивается любовная интрига между пленными супругами Аурельо и Сильвией и их хозяевами Заарой и Юсуфом. Пойманные и разлученные корсарами христиане неожиданно встречаются в качестве рабов одной супружеской мусульманской четы. Заара влюбляется в Аурельо, Юсуф — в Сильвию. Конфликт разрешается благополучно: влюбленным супругам, которым приходится таить взаимные чувства, удается выкупиться на волю.

Пьеса изобилует детальным описанием жизни пленных христиан в Алжире, основывающимся на собственном опыте автора: торговля рабами на невольничьем рынке, побег пленников, поимка и жестокое наказание в виде 600 палочных ударов, сожжение пленного валенсианского священника в ответ на казнь в Испании пойманного корсара.

Под именем некоего солдата Сааведры писатель вывел свой образ, человека стойкого и утверждающего в этой стойкости и правой христианской вере других. Традиция выведения самого себя в качестве литературного персонажа будет продолжена и развита им позднее во всем своем творчестве.

Многие персонажи пьесы являются реальными историческими лицами: Хасан-паша, монах-выкупщик Хуан Хиль, друзья Сервантеса пленники Антонио де Толедо и Франсиско де Валенсия и другие.

Живая жизнь, получившая благодаря своей связи литературы и реальности художественное воплощение, придавала пьесе новаторский характер.

Сервантист Жан Канаважио пишет, что «Сервантес был единственным из своего поколения, кто осмелился спроецировать на сцену жизнь, показав ее именно как современность, незаменимый автобиографический опыт: иллюзию реальности, известие о прибытии спасителей, введение некоего пленника по фамилии Сааведра, безусловно alter ego^{111} автора, появление в финале Хасана Паши на манер *deus ex machina*^{112} и другие подобные детали. Сходным образом транспозиция, таким путем подаваемая, не представляет нам ни одного необработанного образа или эпизода реальной жизни. В качестве доказательства этого можно указать на отбор только тех

фактов, которые необходимы для действия, а также их вымышленную хронологию, их контаминацию посредством игры реминисценций, которая ассоциируется как с Виргилием, Лукианом и Сенекой, так и с Гелиодором, Боккаччо и „Романсеро“...»

Пьеса имела зрительский успех. В сюжетную канву другой пьесы — «Нумансия»^{113} — положены исторические события глубокой древности, нумансийская война — сопротивление кельтиберских племен владычеству Рима, длившаяся с 153 года до н. э. по 133 год до н. э.

Нумансия — древняя столица кельтиберского^{114} племени ареваков. Основная же историческая канва событий следующая.

К 236 году до н. э. карфагеняне,^{115} высадившиеся под предводительством Гамилькара Барки на юго-востоке Иберийского полуострова, после упорной борьбы с кельтиберами образовали «империю Баркидов» со столицей в Картахене. Именно им Испания обязана своим названием от карфагенского слова «спаун», до этого она была известна под теми именами, которые ей давали прежние завоеватели: Тартес — финикийское и Иберия — греческое.

Созданная «империя» просуществовала до 206 года до н. э., когда римляне вытеснили карфагенян с полуострова. С этого момента начался планомерный захват Испании войсками Рима, длившийся около двух столетий. Одним из наиболее ярких исторических эпизодов этого периода являются осада и разрушение Нумансии.

Риму никак не удавалось разбить кельтиберов. Тогда на завоевание непокорного народа был послан с огромным войском^{116} один из лучших полководцев Римской империи Публий Корнелий Сципион Эмилиан (Сципион Африканский), недавно победоносно завершивший Третью Пуническую войну взятием и разрушением Карфагена.^{117}

Римляне окружили город сплошным кольцом военных укреплений и гарнизонов, прорвать которое оказалось невозможно. Через год из восьми тысяч защитников Нумансии в живых осталась только половина. Город был истощен голодом и болезнями. Римский историк Аппиан Александрийский^{118} во 2 веке до н. э. в своей книге «Об иберийских войнах» писал: «Немного времени спустя, когда у осажденных получился полный недостаток съестных припасов, не имея ни плодов земли, ни скота, ни травы, сначала они, как и некоторые другие под давлением военной нужды, жевали разваренную кожу, но когда не стало у них и таких кож, они стали пожирать вареное человеческое мясо. Вначале в кухнях разрубались тела умерших, но затем, пренебрегая мясом больных, более сильные стали

насильственно убивать более слабых. Не было того бедствия, которого они не испытали; они одичали духом от такой пищи и телом стали похожи на зверей от голода и чумы, покрытые волосами и грязью. В таком виде они сдались Сципиону. Он велел им в этот день снести оружие, куда он им указал, а на следующий день прийти на другое место. Но они просили отложить это еще на день, признавшись, что многие охвачены жаждой свободы и хотят сами, своей рукой покончить расчеты с жизнью. Поэтому они просили отсрочки на один день, чтобы устроить свою смерть... Прежде всего некоторые из них добровольно сами на себя наложили руки различными способами; а остальные на третий день после этого вышли из города и явились в назначенное место в ужасном виде, не похожие на людей, с нечистыми телами, заросшие волосами, с длинными ногтями, все полные грязи. От них исходила ужасная вонь, одежда на них висела не менее грязная и не менее вонючая. В таком виде они даже врагам казались жалкими, но взоры их были страшны для смотрящих на них: мрачно глядели они на врагов, полные гнева и печали, измученные трудами и сознанием, что они поедали друг друга. Оставив из них пятьдесят человек для триумфа, всех остальных Сципион продал, а город сровнял с землею».

Действительно, в 133 году до н. э. столица кельтиберов сдалась на милость победителя,^{119} который в лице Сципиона разрушил и сжег город, а жителей продал в рабство, оставив для торжественного победного марша в Риме наиболее известных ее защитников.

Это важное политическое событие своего времени описано в трудах римских историков Страбона, Тита Ливия и прежде всего Полибия.

Современник Сервантеса историк Антонио де Гевара^{120} в книге «Частные эпистолы» (1548) представляет взятие Нумансии уже по-другому: «...внутри города раздавались громкие стоны женщин, жрицы громко взывали к своим богам, а все мужчины громогласно обращались к консулу Сципиону с просьбой дать им возможность выбраться наружу и сражаться, как подобает воинам, а не умирать от голода, подобно мирным людям... Когда увидели нумантийцы себя столь подлым образом окруженными и когда все продовольствие кончилось, собрались наиболее сильные мужчины и убили всех стариков, детей и женщин. И собрали они все богатства города и храмов, сложили их в кучу на площади и подожгли город со всех концов, а сами они, чтобы покончить с собою, приняли яд. Так что храмы и дома, богатства и люди — все погибло в один день. Ужасным было зрелище того, что совершили нумантийцы при жизни, но не менее ужасным было и то, что не оставили они Сципиону ни одной вещи,

которую он мог бы присвоить, ни мужчины, ни женщины, над которыми он мог бы праздновать победу. За все время, которое Нумансия находилась в осаде, ни один нумантиец не сдался в плен и не был захвачен в плен римлянами. Каждый из них предпочитал лучше умереть... Когда Сципион увидел город горящим... и нашел всех жителей мертвыми или погибшими в пламени... он пролил много слез и сказал: „О, счастливая Нумансия, которой боги судили погибнуть, но не быть побежденной“».

Принципиальная разница в описании осады и взятия Нумансии в ряде исторических источников заключается в пафосе. Если традиции, идущей от Полибия, свойственны отрицательные интонации при описании нумантийцев: «...вышли из города и явились в назначенное место в ужасном виде, не похожие на людей, с нечистыми телами, заросшие волосами, с длинными ногтями, все полные грязи. От них исходила ужасная вонь, одежда на них висела не менее грязная и не менее вонючая», то более поздние источники (безусловно, опираясь на материал Полибия) делают акцент на мужестве, стойкости и героической смерти защитников Нумансии: «...собрались наиболее сильные мужчины и убили всех стариков, детей и женщин. И собрали они все богатства города и храмов, сложили их в кучу на площади и подожгли город со всех концов, а сами они, чтобы покончить с собою, приняли яд. Так что храмы и дома, богатства и люди — все погибло в один день».

В последнем варианте мужество нумантийцев достигает невиданной высоты в массовом суициде. Причем это не является домыслами самих авторов. Древняя история знает немало подобных случаев, диктуемых воинскими кодексами и религиозными установками эпохи, — так, например, поступили в 219 году до н. э. защитники иберийского города Астаны.

Различные трактовки гибели нумантийцев легко объяснимы: первая принадлежит победителям — гордым римлянам, желавшим видеть своих врагов поработченными и униженными, вторая — собственно «испанская», создатели которой не хотели видеть в своих предках диких «варваров», от голода поедающих друг друга.

Сервантес был знаком с трагедией Нумансии, очевидно, благодаря трудам испанских историков «Четыре первые книги всеобщей хроники Испании» (1543) Флориана де Окампо, «Древности испанских городов» (1575) Амросио де Моралеса, «Сорок книг исторического изложения хроник и всеобщей истории всех королевств Испании» (1571) Эстебана де Гарибая, в которых защитники Нумансии совершают массовое самоубийство.

Однако он не ограничился переложением исторических событий на поэтический язык. Мигель де Сервантес обогатил и развил тему, используя при этом как народную молву, так и некоторые ключевые исторические эпизоды, воспетые в произведениях его излюбленных авторов — Вергилия и Сенеки из древних и Эрсильи и «Романсеро» из «ближней» испанской традиции. Как и в «Алжирских нравах», каждое событие, каждую судьбу он преломил, подчинив все своему, авторскому замыслу.

Основная идея пьесы вырисовывается в противопоставлении гордых и свободолюбивых защитников Нумансии осадившим ее римлянам во главе со Сципионом.

Сам римский полководец — это хитрый и трезвомыслящий солдат, который ради победы готов пойти на все, на любые действия и поступки. Того же он требует и от своего войска:

Вы, римляне, носители обильных
Должны быть и доблестей романских.
Но нет! Смотрю, вы неженки бессильных
Напоминаете — не то британских,
Не то фламандских вырождаков — руками
Холеными, румяными щеками.

Лень общая, что всех вас ослабляет,
С забвеньем, полным воинского дела,
Дух у врага упавший окрыляет,
Вас доводя в бессилье до предела.
Могучую скалу собой являет
Нумансия, свидетельствуя смело,
Что вы руками праздными своими
В грязь уронили римлянина имя.

Римскому военачальнику противопоставлены защитники города. Сервантес выделяет из них Теогена — государственного мужа, воина Карабино, волшебника Маркино, двух юношей Леонисью и Марандо, влюбленного в девушку Лиру.

Леонисью полагает, что любовь только мешает воину и советует другу отказаться от нее. Но Марандо считает по-другому и не порывает с возлюбленной. Скоро и Леонисью понимает, что любовь пробуждает в душе

человека героические чувства:

Бесстрашное ты сделал предложение.
И из него, Марандо, стало ясно:
Кто нежно любит, тот не трус в сраженьи.

В отличие от римлян, подавляющих все личное ради воинского долга, нумантийцы доблестно и героически борются с врагами потому, что защищают свои семьи, дома, родной город. Их патриотизм — это единение коллективного и личного ради сохранения жизни и свободы. Даже такое интимное чувство, как любовь, подчинено общему делу. Большая весомость коллективного начала объясняется окрепшим в Испании за время Реконкисты общинным принципом жизни.

Главное действующее лицо пьесы не отдельный индивидуум, а коллектив. В этом смысле «Нумансия» представляет собой редкий в мировой литературе пример эпической трагедии. Исследователи сравнивают ее с подобными пьесами Эсхила «Персы» и «Семеро против Фив». Для придания пьесе большей эпичности Сервантес выводит на сцену персонифицированные образы Испании — реки Дуэро, Войны, Мора, Голода, а образ Славы своим монологом завершает действие.

Пьеса заканчивается падением Нумансии и гибелью ее доблестных защитников. Великий Рим побеждает. И хотя симпатии самого автора с очевидностью на стороне мужественных нумантийцев, он, вероятно, осознавал, что историческая правда на стороне цивилизации, воплощенной в лице римлян.

«Нумансия» выдержана в классицистических канонах. К этому обязывал как характер материала, так и то, что сам Сервантес в своих ранних пьесах старался придерживаться классицистической теории единств места, времени и действия. В речи каноника в 48-й главе первой части «Дон Кихота» автор ставит свою «Нумансию» рядом с такими образцами академической драматургии, как «Изабелла», «Филида» и «Александра», о которых пишет, что «правила искусства в них тщательно соблюдены».

Сервантесовская «Нумансия», написанная на столь героическом материале, осталась в истории испанской культуры как один из символов национального патриотизма. Как пишет К. Державин, «в испанский язык вошло прилагательное „numantino“, в переносном значении — „героический, самоотверженный“».

После долгих лет забвения пьеса была заново открыта немецкими романтиками. На нее, в частности, обратили внимание Гёте и Шопенгауэр. [{121}](#)

Некоторые исследователи полагают, что «Нумансия» ставилась в 1808 году в осажденной Наполеоном Сарагосе и поддерживала защитников города в их сопротивлении вражеским войскам. Во время гражданской войны в Испании в 1937 году пьеса в редакции поэта Рафаэля Альберти, [{122}](#) высветившего ее политическое содержание, шла в осажденном войсками Франко Мадриде, в «Театре Сарсуэлы».

Глава 5

ЖЕНЩИНЫ МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА

Личная жизнь людей знаменитых, даже если они при жизни такими не являлись, всегда окутана романтическим туманом, разного рода легендами и мифами. А если человек к тому же жил несколько столетий назад и не сохранилось ни писем, ни дневников, либо его воспоминаний, эта личная жизнь предстает как огромное белое пятно. Но читатель хочет знать об этом прежде всего и больше всего. И тут исследователь остается на развилке двух путей. Или, обладая изрядным запасом фантазии и недюжинной авторско-личной смелостью, опираясь на останки информации и исторические слухи, сочинить художественный текст, как поступил Бруно Франк, или же попытаться с наибольшей степенью аккуратности развести «информационные» останки и слухи и, прокомментировав, «подать» их по отдельности.

Автор решил испытать второй путь.

«ПРИШЛАЯ ПАСТУШКА» СИЛЕНА

В художественной биографии Сервантеса Бруно Франк пишет о трех любовных историях дона Мигеля.

Первая — это роман с римской проституткой из Венеции, имевший место во время краткого пребывания Сервантеса в Риме в 1569 году в свите будущего кардинала Аквавивы. Это довольно распространенный слух, имеющий и кинематографическое воплощение в зарубежном исполнении.

По художественной версии писателя Бруно Франка влюбленные вынужденно расстаются, так как по приказу папы все куртизанки должны были в течение шести дней покинуть Рим и через двенадцать быть за пределами папского государства. А юный Сервантес, отправляясь на защиту христианской веры, вступает в солдаты.

Ни у одного сервантиста, таких, как Державин, Луис Астрана Марин, Жан Канаважио и др., автор не встретил ни строчки о первой любовной истории Сервантеса. Единственно, что проскальзывает у Астраны Марина, это то, что история о романе Сервантеса во время его пребывания в Италии с некой португалкой (!) является чистой фикцией.

Вторая сердечная привязанность по версии Бруно Франка «случилась» в Италии после Лепанто, когда у Сервантеса была небольшая передышка между боевыми походами. Дама по имени Анжелина была хозяйкой трактира «Черная шляпка», в котором остановился передохнуть автор «Дон Кихота». Указывается даже местонахождение этого заведения — «мирная самоуправляющаяся община, подобие республики, или герцогство без герцога, под протекторатом римского императора» под названием Лукка.

Астрана Марин утверждает, что у Сервантеса действительно был роман в Неаполе. Об этом известно немного, но зато главное: Сервантес был влюблен, от этой женщины у него был сын, которого звала Промонторио, он стал солдатом, как и его отец, и пережил Сервантеса.^{123} В конце жизни в 1608 году Мигель де Сервантес имел желание и возможность вернуться в Неаполь, будь он принятым в качестве поэта в свиту графа де Лемоса, нового вице-короля Неаполя, и таким образом очутиться в Италии, но этому не суждено было сбыться. Астрана Марин полагает, что, кроме понятного желания престарелого писателя оказаться в свите вице-короля и уехать в Неаполь, Сервантеса толкало на это еще что-то, и это что-то — сын. К сожалению, у нас нет никаких фактов, указывающих на это. Скорее всего, у писателя было простое желание

спокойной жизни перед недалекой кончиной. Между тем сын у Сервантеса был, о чем сам писатель повествует в 1614 году, за два года до смерти, в непереуведенном полностью в России по непонятным причинам «Путешествии на Парнас». Автор якобы видит сон: и «приходит в нем ко мне мой тайный (disimulado) друг по имени Промонторио, совсем еще юноша (mancebo entrado en dias), но уже великий солдат» и далее уже совсем прямо и откровенно: «Он называет меня отцом, а я зову его сыном, и это является чистой правдой (qued con esto la verdad en punto), которая может называться и окончательной. Говорит мне Промонторио: — Я догадывался, отец, что однажды случится так, что седины приведут вас сюда, но уже совсем дряхлым (semidifunto). — Я жил здесь, когда был молод и полон сил, сын (говорю я ему)». ^{124}

Стихи доказывают, что у Сервантеса был в Неаполе любовный роман, возможно первый, учитывая силу воспоминания, плодом которого явился сын Промонторио, причем, очевидно, писатель был сильно привязан к этой женщине, так как, стоя уже у края могилы, он припоминает именно эту давнюю, юношескую историю, хотя у него была не одна возлюбленная.

Итак, неаполитанка. Но как ее звали? Кто она была такая? Сколько ей было лет и другие «анкетные» вопросы, бесспорно, нас очень интересуют. Нам повезло — все в том же «Путешествии на Парнас» Сервантес повествует о том, что он сочинял романсы на тему о ревности, которые пел своей возлюбленной с поэтическим именем Силена. И хотя романсы имеют различные списки и публиковались анонимно — таков был закон эпохи, — удалось установить, что «О ревности» и «Обитель ревности» принадлежат перу именно Мигеля де Сервантеса.

Героем стихов является некий Лаусо, влюбленный в Силену, чьи поступки вызывают в нем ревность. Как удалось установить, имя Лаусо является поэтическим псевдонимом Сервантеса, к счастью, им же он пользовался и в «Галатее». ^{125} В этих романсах Сервантес повествует сам о себе и о своих чувствах к загадочной Силене.

Известно, что Силена не была уроженкой Неаполя, на это указывает сам Сервантес, именуя ее в «Путешествии на Парнас» «пришлой пастушкой» («pastora florestera»). Однако подлинное имя неаполитанской пассии до сих пор покрыто тайной.

Их роман закончился разрывом отношений. Как пишет Сервантес, вызвав у него бешеную ревность, «она его обманула и обидела без причины». Вероятно, Силена опасалась связать себя с одноруким калекой, а может быть, по ее разумению, он вообще не жилец на этом свете? Больше о

Силене мы не знаем ничего.

О сыне Промонторио Сервантес, вероятно, получал какие-то известия. На это, во всяком случае, указывает фраза о том, что юноша стал «великим солдатом», значит, из чьих-то сведений он смог сделать такой вывод.

А может быть, вся эта история с сыном Промонторио в «Путешествии на Парнас» просто плод творческого воображения Сервантеса?

АНА ФРАНКА ДЕ РОХАС

Итак, у Сервантеса, вероятно, был сын. Но у него еще была и дочь, о которой упоминают значительно чаще и в существование которой исследователи верят значительно больше, так как об этом говорят архивные материалы. Ее назвали Исабель, видимо, в честь Святой Исабель, королевы Венгрии, так как в роду не было таких женских имен. Из этого следует дата ее рождения — 19 ноября 1584 года. Дон Мигель впоследствии дал ей свою вторую фамилию, и она стала Исабель де Сааведра. После смерти ее родителей сестра Мигеля Магдалена в августе 1599 года взяла девочку к себе. Как говорят документы, Исабель должна была «выполнять всю работу по дому, услуживать госпоже, быть прилежной и верной, за что донья Магдалена обязуется обучать ее шитью, кормить и поить, предоставлять постель, чистую рубашку и хорошо обращаться». Этот договор был заключен на два года с оплатой за все время работы в двадцать дукатов. Сам Сервантес не мог признать Исабель своей дочерью, так как он в это время только что женился на молодой и красивой женщине.

Заметим, что появление на свет внебрачных детей воспринималось в Испании той эпохи как нормальный результат именно *супружеских* отношений. Рождение внебрачной дочери Лопе де Веги Антонии Клара от его адюльтера с Мартой де Неварес Сантойо легло на плечи ее законного супруга, а рождение маленькой Исабель, «греха» Сервантеса, было заботой мужа Аны Франки Алонсо Родригеса, уверенного, что именно он и есть тому причина.

Но кто была мать Исабель? «Она уверяла, что ее отец был придворным, и называла себя де Рохас. Ана Франка де Рохас. Но была она, по всей вероятности, дочерью немецкого солдата — так говорили люди, и ее белокурые волосы подтверждали это. Ее мать торговала фальшивыми драгоценностями и дешевыми женскими украшениями в одном из проходов на Калье де Толедо. Об этом Сервантесу шепнули на ухо в первый же вечер». Так пишет Бруно Франк.

Кто же была эта женщина на самом деле?

Ана де Вильяфранка, так же именуемая, как Ана Франка де Рохас, с претензией на идальгию, о чем ничего не говорят сервантесовские архивы, была дочерью Хуана де Вильяфранка, торговца шерстью. Уроженке Мадрида во время встречи с Сервантесом было двадцать лет. Будучи еще совсем юной, она пошла в услужение к одной из своих теток, чей муж,

альгвасил Марин Мухека, будет шестью годами позже замешан в бегстве королевского экс-секретаря Антонио Пересы в Арагон.^{126} После смерти тетки в 1579 году Ана получает наследство в размере ста дукатов, которое позволило ей начать самостоятельную жизнь.

Мытьем или катаньем, но в шестнадцать лет она осуществила мечту каждой женщины и 11 августа 1580 года вышла замуж за некоего астурийского коммерсанта Алонсо Родригеса. Благодаря непонятно откуда взявшимся средствам супружеская пара приобрела дом на улице Тудескос, в котором чуть погодя муж открывает таверну, ставшую излюбленным местом для литераторов и актеров. Без сомнения, Сервантес именно там и познакомился с Аной. У нее уже была дочь Ана, которая родилась, вероятно, в середине ноября, а знакомство с автором «Нумансии» произошло не позднее начала 1584 года, во время его переговоров с Бласом де Роблесом. Ей было тогда двадцать лет. Так выглядит общепринятая версия любовной связи Сервантеса с Аной Франка.

В 50-х годах XX века исследователь Мигель Эреро Гарсия предложил другую трактовку событий. Его не устраивало мистическое удочерение Сервантесом ребенка женщины, на которой он не был женат. Эреро Гарсия полагает, что на самом деле настоящей матерью Исабель была сестра Мигеля Магдалена, а отцом некий Хуан де Урбина, о котором речь пойдет позже. Ана Франка просто помогла Магдалене сокрыть факт рождения внебрачного ребенка. После смерти Аны Франка Мигель был вынужден помочь сестре сохранить тайну, признав Исабель, на самом деле племянницу, своей дочерью и, соответственно, дав ей свою фамилию. Магдалена же, не признавая официально своего материнства, взяла дочь к себе под предлогом помощи покалеченному брату.

Эта гипотеза логично вписывается в «авантюрный» образ семьи Сервантесов с постоянными любовными романами и немалым количеством незаконнорожденных детей: Мартина де Мендоса, Констанса де Овандо и, наконец, Исабель де Сааведра (и это еще не конец списка). Но вот беда, нет никаких подтверждений этой версии — ни в документах, ни в дневниковых записях или личных письмах. Сервантистика не располагает и свидетельствами о том, что Магдалена де Сервантес была любовницей Хуана де Урбины до 1606 года, то есть до рождения Исабель.

Вернемся, однако, к Ане Франка. Поскольку друзья по плену дружно характеризовали дону Мигеля как «целомудренного затворника» («casto у ресогидо»), можно сделать вывод, что Ана Франка первая сделала шаги к их сближению. А если вспомнить, что она помогала мужу держать трактир, то есть была трактирщицей, что требовало от женщины недюжинной хватки,

то можно с высокой степенью вероятности предположить, что это была очень шустрая женщина, ведущая «активный» образ жизни. Вероятно, на ее соблазнительный крючок попался не один Сервантес. Судя по «Галатее» и «Дон Кихоту», где пастухи и рыцари верны своим дамам и им чуждо любое прелюбодеяние, Сервантес вряд ли был ловким ловеласом, поднаторевшим в любовных делах. Но он не был и аскетом или отшельником. Конечно, на него воздействовали неблагоприятная семейная атмосфера, отмеченная раздорами родителей и, наконец, окончательным крушением брака, постоянные внебрачные истории сестер, заканчивающиеся появлением на свет очередного плода «любви». Из архивных документов мы знаем о его связи с женщиной, уже под старость, продлившейся всего несколько месяцев. И вот, наконец, законный брак, не лишенный, однако, определенной степени загадочности. Как пишет Жан Канаважио, «все это не позволяет нам заявить, как полагалось бы патриоту, что Сервантес имел сексуальное начало настолько же здоровое, как и любой нормальный испанец его эпохи, но и не наоборот, приняв вид психоаналитика, диагностировать какую-либо склонность, которая быполнила злопахательский список хуанов бланко де пасов». [f1271](#)

ЖЕНА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ: КАТАЛИНА ДЕ САЛАСАР-И-ПАЛАСЬОС

Итак, в сентябре 1584 года Ана Франка готовилась стать матерью. Истинный отец ребенка был известен только ей одной. Полагают, как мы уже говорили, что это был Сервантес. Для этого есть основание — он дал девочке свою фамилию. А если предположить, что был еще некто, с кем у Аны Франка была связь и кто является подлинным отцом девочки, но по какой-либо причине отцовство пришлось приписать Сервантесу? Подобного рода вопросы можно ставить до бесконечности.

Как относился писатель к скорому появлению на свет ребенка? Скорее всего, прозаически; судя по историческим документам, подобного рода внебрачные адюльтеры встречались в Испании времен золотого века сплошь и рядом, хороший пример тому сестры Мигеля. Причем, осмелимся высказать предположение, учитывая следующие за романами материальные вознаграждения, подобные внебрачные любовные истории служили для многих девиц способом зарабатывания на жизнь. Но если в наше время контрацептивы позволяют избежать ненужных осложнений, то в XVI веке приходилось идти на жертвы деторождения.

Люди той эпохи не были сентиментальны. Сервантеса действительно мало заботило рождение дочери, так как спустя всего две недели он уже покинул Мадрид и отправился в Эскивиас, находящееся недалеко от столицы местечко, «примечательное по многим причинам и, между прочим, славящееся знатными своими жителями и еще более знатными винами», как отметил сам писатель в прологе к «Странствиям Персилеса и Сихизмунды». В 1584 году Эскивиас был небольшим городишком, насчитывавшим 165 достаточно зажиточных жителей и примерно 90 поденщиков, батраков.

Причина предпринятого путешествия нам известна. Полгода назад умер друг Сервантеса поэт Педро Лайнес (Laynes), оставив неопубликованными некоторые свои произведения, бережно сохраненные его вдовой.

Вдова Педро Лайнеса Хуана Гайтан для нас является «интересным объектом», поскольку Сервантес поддерживал с ней тесные связи до самой своей смерти. Благодаря ей писатель познакомился со своей первой и единственной супругой Каталиной де Саласар.

Несмотря на то, что Хуана Гайтан имела в родне мавров и заметную

разницу в возрасте, Педро Лайнес связал с ней свою жизнь до последнего его дня. После смерти мужа, будучи родом из Эскивиаса, Хуана вернулась в родные места. Она недолго оставалась одна. Диего де Ондаро, молодой, двадцатиоднолетний юноша, происходивший из семьи бургосского негодянта, несмотря на разницу в годах, предложил ей руку и сердце. И 12 июля 1585 года они поженились.

Супругами был составлен брачный контракт. Деньги мужа нас не интересуют, экс-вдова же записала в качестве своего материального вклада в семью «Кансьонеро»,^{128} оцененное в 120 тысяч мараведис, и еще один том стихов и прозы под названием «Надежды и разочарования любви». Однако до тех пор, пока лирика не превратилась в прозу жизни в виде звенящих монет, заявления о стоимости стихов были просто декларациями. Сервантес же уже имел за плечами опыт издания подобных произведений. Он мог и делом, и советом помочь вдове друга напечатать его труды.

Мигель внимательным образом изучил рукописи Педро Лайнеса и подготовил их к изданию. 22 сентября Хуана Гайтан официально уполномочила адвоката Ортига Росу на поиски издателя литературного наследства покойного супруга. История эта закончилась ничем. Очевидно, в век упадка интереса к поэтическому творчеству не нашлось желающего вкладывать деньги в предприятие, сулившее сомнительные дивиденды.

Между тем брак экс-вдовы Педро Лайнеса и молодого Ондаро выглядел в глазах благородных родов Эскивиаса очевидным мезальянсом. К тому же мавританская кровь в жилах новобрачной не служила укреплению ее положения. Вероятно, жизнь Хуаны была в связи с этим очень обременена контактами с женами других горожан. Но были люди, относившиеся с симпатией к Хуане. Одной из таких женщин и была, вероятно, Каталина де Паласьос, будущая теща Сервантеса.

Приехав, писатель расположился в доме у Хуаны Гайтан и ее мужа. Неподалеку жили Паласьос. Каталина де Паласьос, мать будущей невесты донна Мигеля, недавно, как и Хуана, потеряла мужа. Возможно, общее несчастье и послужило их сближению.

Муж Каталины Эрнандо де Саласар Восмедиано скончался, оставив своей половине множество проблем. Поэтому первое время после кончины супруга будущая теща была занята, как это бывает, улаживанием проблем наследства: нескольких виноградников и оливковых посадок, двухтрех домов в Толедо и его окрестностях. Однако главной ее заботой были дети: два младших сына — Франсиско (р. 1577) и Фернандо (р. 1581), которые находились на обучении у ее брата Хуана де Паласьоса, приходского священника в Эскивиасе, и девятнадцатилетняя дочь Каталина де Саласар,

которой тоже надо было давать образование и выдавать замуж.

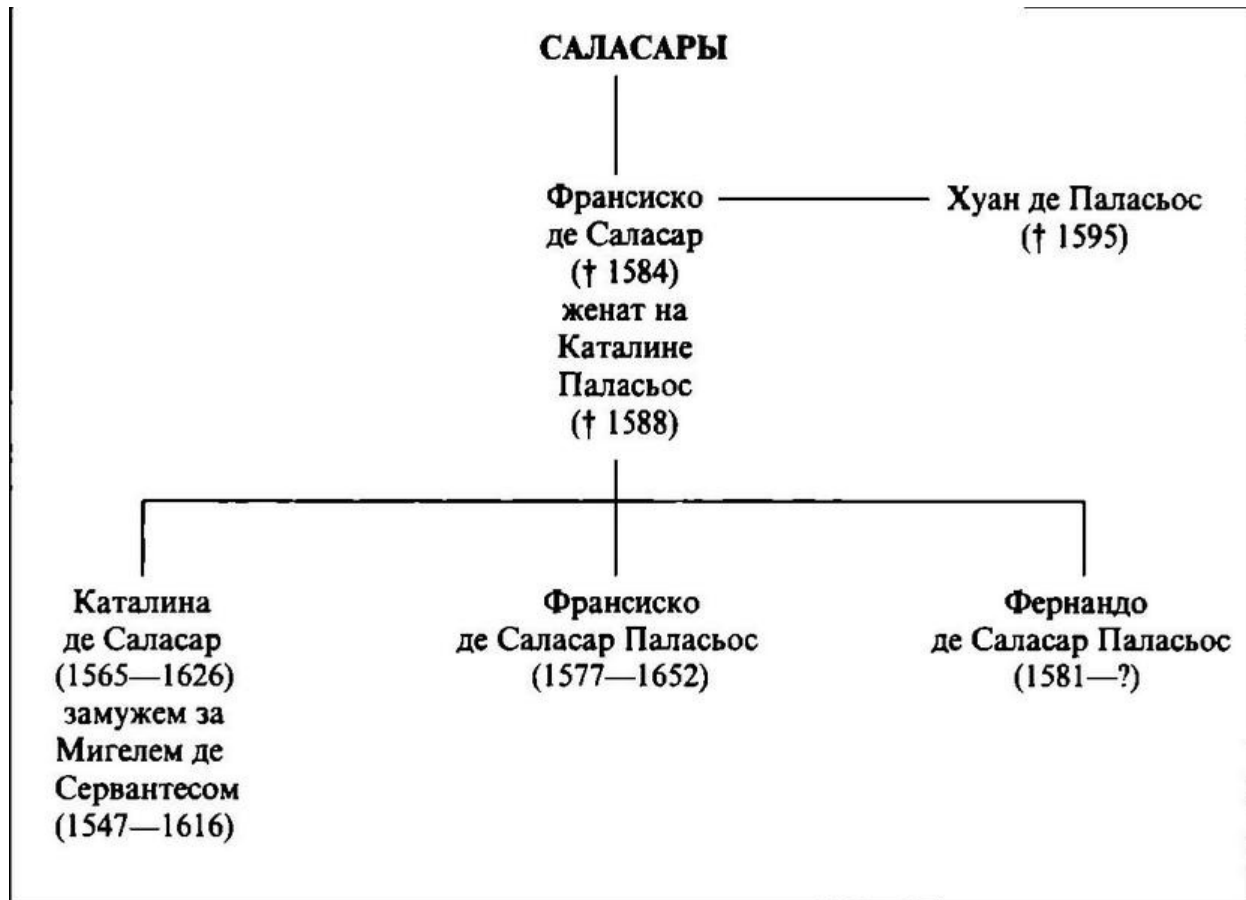
Выдать девушку замуж дело непростое, но возможное, если есть приданое. Каталине де Паласьос повезло, она познакомилась с Сервантесом, будучи в трауре по отцу, и тут же поразила в самое сердце доблестного ветерана Лепанто. И всего через два месяца после приезда в Эскивиас, 12 декабря 1584 года, автор «Дон Кихота» и Каталина де Паласьос, или де Саласар, или де Паласьос-и-Саласар, или де Саласар-и-Паласьос, или де Восмедияно, или де Саласар Восмедияно, как она также подписывалась, в церкви Санта Мариа де ла Асунсион закрепили свои отношения благословением божьим, о чем свидетельствует запись в церковной книге. Как выглядела Каталина де Паласьос? Вероятно, весьма привлекательно, если сумела за столь короткий срок не только очаровать бывалого солдата, но и заставить его пойти на такой невероятный для закоренелого холостяка шаг, как женитьба, притом столь скоропалительно. Она — молода, умеет читать и писать, что было совсем нетипично для юной девушки, и ее древняя христианская кровь абсолютна чиста, без единой капли мавританской или иудейской крови, что было очень важно. Сервантесу в то время было 37, и он почти вдвое старше своей жены, можно сказать, она ему годилась в дочери.

Некоторые исследователи полагают, что это — любовь с первого взгляда, другие, что это — брак по расчету, и только женившись, Сервантес узнал об истинном, не лучшем положении дел. В любом случае автора «Дон Кихота» можно понять — он женился на молодой, красивой девушке из хорошей семьи, одной из лучших в городе, да еще и с приданым. А Сервантес, как и все поэты, был натурой впечатлительной и эмоциональной.

Он решил ковать железо, пока горячо. Девятнадцатилетняя девушка дает согласие без колебаний. Возможно, ей хотелось выйти замуж, чтобы начать самостоятельную жизнь, а может быть, ее мать хотела поскорее избавиться хотя бы от одного из трех «детских балластов», повесив на Сервантеса будущее юной дамы. Вполне возможно, что сам писатель, несмотря на свои раны, был настолько привлекателен, что девушка не смогла устоять, во всяком случае, друзья по алжирскому плену свидетельствуют, что Сервантес «имел особую грацию во всем, потому что был необычайно скромн и рассудителен». В конце концов «брачующиеся» произнесли в церкви сакраментальное «да» и священник благословил их. Брак состоялся.

Со стороны мужа на свадьбе не присутствовал никто из-за своей занятости. Но отношения между семьями Сервантеса и Паласьос

установились дружеско-доверительные. Об этом свидетельствует тот факт, что шесть месяцев спустя после составления завещания отец Мигеля Родриго де Сервантес назначил своими душеприказчиками жену донью Леонору де Кортинас и сватью Каталину де Паласьос, тещу Мигеля.

Дом, в котором обитали Паласьос, сохранился в Эскивиасе до нашего времени. Его стены помнят, что здесь в начале 1585 года проживал, смакуя радости брака, новоиспеченный муж Мигель де Сервантес, будущий создатель «Дон Кихота».

Приданое за своей женой Сервантес получит только через полтора года. Среди имущества была какая-то недвижимость, несколько небольших виноградников, живность в виде нескольких десятков кур и цыплят, еще какой-то скарб и немного денег. Однако Каталине де Паласьос стоило труда выполнить обещания по приданому дочери. Это очевидно из того, что, исполнив свои обязательства перед ее мужем, а также разделив остатки между другими детьми, Каталина де Паласьос умерла в 1588 году в такой нищете, что еле хватило на ее похороны.

Нам снова придется упомянуть и об Исабель де Сааведре. Некоторые исследователи полагают, что она была добрачным ребенком Каталины и Мигеля, отданным на воспитание Ане Франка. Как пишет К. Державин, «предположение это, впрочем, остается необоснованным, хотя и не невероятным, если учесть показную и формальную строгость патриархального уклада провинциальной дворянской семьи».

*

Завеса веков продолжает хранить свои тайны. Говоря о личной жизни Мигеля де Сервантеса, мы, таким образом, можем с большой долей уверенности утверждать о существовании двух женщин: Ана Франка — любовница и Каталина де Саласар — жена. И еще в потемках скрывается некая Силеня, лицо почти мифическое, о ней пишет Астрана Марин, но мы о ней ничего не встречаем у более современного исследователя биографии Сервантеса Жана Канаважио. Что касается русскоязычных источников, то вся интимная жизнь писателя уместилась у К. Державина на двух страничках, и о Силене там нет ни слова. Тема любви между писателем и римской проституткой серьезными учеными вообще не рассматривается, хотя, например, в романизированной биографии Бруно Франка этому факту посвящена целая глава «Венецианка».

Теперь о детях. Существование сына Промонторио, так же как и его предполагаемой матери Силены, находится под вопросом, поскольку сам писатель лишь однажды упоминает о нем в «Путешествии на Парнас», но то был сон. Другими словами, факт рождения сына не подтверждается архивными документами, а потому не является однозначным.

Дочь — Исабель де Сааведра. То, что она действительно существовала, является общепризнанным фактом, и то, что Сервантес был ее отцом, тоже вроде бы никем не оспаривается (естественно, за исключением случая, в котором матерью является сестра писателя). А вот насчет матери мнения разошлись: 1. Ана Франка, 2. сестра Сервантеса Магдалена, 3. Каталина де Саласар. Из этих версий более предпочтительна та, что обозначена первым номером. Хочется надеяться, что когда-то завеса времени приоткроется и многие загадки будут разрешены.

«ЖЕНАТАЯ ЖИЗНЬ»

Несмотря на внушительное число знатных и благородных жителей и еще более знатные вина, Эскивиас являл собой провинциальное захолустное местечко, даром что находилось оно в 12 лигах^{129} от царственного Мадрида.

«И тут стал перед Мигелем Сервантесом враг страшнее фанатических турок и кровожадных ренегатов. Беззвучный и безликий враг, против которого не было оружия, — скука... Он встречал ее всюду. Бесформенно роящаяся, вездесущая, она стала его бытием. По утрам он одевался, и этим исчерпывались его дневные обязанности. Он смотрел на деревенскую улицу, почти всегда пустую. Стоило сделать двести шагов, чтобы дойти до конца, и дальше простиралась Манча».^{130} Так видит жизнь писателя в Эскивиасе Бруно Франк. Похоже, что так и было. Но Сервантес не собирался порывать с разнообразной и оживленной столичной жизнью. Там оставались его престарелые родители, а отец уже был совсем плох.

Мадрид в это время был полон разнообразных слухов. Главный — возможность войны с Англией и ее «еретической королевой». Филипп II был уже стар, и жизнь его клонилась к закату, однако король не оставлял своих намерений разделаться со своим злейшим врагом. Теперь в его голове зрел план, предложенный несколько лет назад великим полководцем доном Алваро де Базаном, героем Лепанто и покорителем Азорских островов. К тому же «пираты ее величества», особенно знаменитый Фрэнсис Дрейк, сильно досаждали торговому флоту Испании, что накаляло и без того «пунцовые» отношения между двумя государствами.

План короля был прост — собрать огромную, невиданную по размерам флотилию и совершить морскую экспедицию на Британские острова.

Еще одна новость будоражила Мадрид — грядущий переезд всего двора в замок Эскориал, наконец построенный после двадцатитрехлетних мытарств. Сам по себе переезд мало интересовал мадридцев, только как тема для застольной болтовни, но ведь в связи с этим, вероятно, введут новые налоги! А это уже коснется всех.

«Моралисты», сторонники «правильного» образа жизни, праздновали свою победу. В декабре 1585 года была принята целая серия указов, запрещающих все «развлечения». Нельзя было богохульствовать, шуметь в ночное время, устраивать дуэли со смертельным исходом, играть в карты и

посещать проституток. Эти поистине драконовские законы были претворены в жизнь быстрее чем за год, но, как и стоило предполагать, не дали ощутимых результатов.

А в это время Мигель де Сервантес сидел у своего «окна идальго и, наверное, знал, что в десять часов из левой хижины напротив выйдет старуха и отправится в соседнюю лавочку за ячменным хлебом, а что правая хижина будет заперта вплоть до часа вечерней церковной службы».

Это, конечно, художественная гипербола Франка. Такой человек, как Сервантес, проживший бурную жизнь, полную приключений и смертельного риска, не мог тупо и скучно смотреть на «левую» и «правую» хижины с их престарелыми обитателями. Даже если так и было, то совсем недолго.

Менее чем через два месяца после свадьбы Сервантес уже принимал участие в чествовании одного из лучших мадридских поэтов, своего друга Педро де Падила, ^[131] проходившем в Мадриде.

В марте 1585 года Мигель встречается с антрепренером Гаспаром де Поррасом и подписывает контракт о продаже комедии «Путаница» и обязательстве написать к Пасхе этого же года пьесу «Константинопольская жизнь, или Смерть Селима». Спустя несколько дней в Алькале-де-Энарес из печати выходит долгожданная «Галатеея». Сервантесу часто приходилось бывать в Мадриде.

Надо полагать, что в начале 1585 года Сервантес представил родителям Каталину, ведь они не были у него на свадьбе. Видимо, тогда или чуть позже, весной, он остался в Мадриде уже надолго.

Отец чувствовал себя совсем плохо. И это было немудрено, но, несмотря на трудную, полную тягот и беспокойств жизнь, глухоту, Родриго де Сервантес дожил до 65 лет — в ту эпоху это был почтенный возраст. 8 июля он продиктовал свое завещание, назначив душеприказчиками, как мы уже говорили, жену и мать снохи, выказав тем самым семье жены сына полное доверие. Он умирал гордый и спокойный, с чистой совестью, старик не оставил после себя ни одного не оплаченного долга. Учитывая сложную в материальном отношении жизнь Сервантесов, постоянные займы и проблемы с их отдачей, умирающему главе семейства было чем гордиться.

Следующее документально зафиксированное пребывание Мигеля в Мадриде относится к августу 1585 года. Возможно, после смерти родителя он вообще не покидал столицы. Подпись Сервантеса, как свидетеля, стоит под долговой распиской, датированной этим месяцем и полученной кредитором Инесой Осорьо, женой известного актера (антрепренера)

Херонимо Веласкеса. Семья Веласкесов примечательна, кроме того, что она имела отношения с Сервантесом, еще и своим скандальным судебным процессом против Лопе де Веги.

Как раз к середине — концу 80-х годов относится вступление в театральный мир этого будущего театрального чуда Испании — Лопе Феликса де Вега Карпью. Таково его полное имя. В те годы он делал первые шаги как профессиональный драматург, сблизившие его с закулисным миром и актерской средой. Тогда же он увлекся дочерью Херонимо Веласкеса Еленой Осорью, и между ними возникла любовная связь.

Сервантес дружески общался как с семьей Осорью, так и с двадцатилетним Лопе, с которым у него установились близкие, душевные взаимоотношения. В «Песне Каллиопе», недавно вышедшей «Галатее» имя юного Лопе упоминается Сервантесом среди известных поэтов, и он приветствует его многообещающие начинания в искусстве.

Роман Лопе с замужней Еленой длился пять лет и окончился разрывом отношений, вызванным появлением у актрисы другого, более состоятельного любовника. Несдержанный Лопе написал на бывшую возлюбленную несколько злых эпиграмм. Семья Веласкесов подала на драматурга в суд. В результате судебного разбирательства Лопе, приговоренный к выдворению из Мадрида на восемь лет и из Кастилии на два года, был вынужден уехать в Валенсию. Через три месяца после этого он женится, а еще через три недели на борту «Святого Иоанна» как участник экспедиции Непобедимой армады отбудет к берегам Англии. Сервантес тоже будет иметь отношение к печальному походу этой гигантской флотилии, но об этом позже. А в то время, о котором мы повествуем, Мигель продолжал свой «челночный» образ жизни, и снова пути двух будущих гениев мировой культуры пересекутся только через десять лет.

Сервантес много разъезжает, радиус его поездок постоянно растет. Кроме Мадрида, куда он ездит особенно часто, в круг его интересов попадает Толедо, где у семьи жены была недвижимость, несколько раз он бывал в Севилье. В декабре 1585 года мы обнаруживаем его в этом красивейшем из испанских городов. Остановился он, вероятно, у старого друга семьи Сервантесов Томаса Гутьерреса. Старый актер уже давно распрощался со сценой и теперь стал хозяином роскошной гостиницы на улице Байона, недалеко от великолепного Севильского собора, в ней любили останавливаться богатые люди. Сам хозяин хвалился, что в его заведении проживают «принцы, маркизы, графы и кабальеро».

В Севилье писатель «отложил в сторону перо и комедии», об этом, по

крайней мере, свидетельствуют загадочные денежные операции, которые он осуществляет. Так, 2 декабря 1585 года Сервантес подписал обязательство выплатить в течение шести месяцев некоему Гомесу де Каррьону сумму в размере 200 тысяч мараведис, которые оговоренный Гомес де Каррьон ссудил ему «по его просьбе и ходатайству, чтобы сделать ему добрую услугу». В конце декабря Сервантес выдал банкирскому дому Бальтасара Гомеса и компании в Мадриде расписку в получении денежного перевода на 187 тысяч мараведис от сеvilских коммерсантов Диэго де Альбуркерке и Мигеля Анхеля Ламбиаса.

С какой целью он все это делал? Жан Канаважио полагает, что все эти денежные транзакции производились за счет молодого супруга Хуаны Гайтан, которому она выдала доверенность на сбор необходимых средств на издание «Кансьонеро» ее покойного супруга. Астрана Марин думает, что, возможно, это было связано со «стоимостью» разрыва отношений между Мигелем и Аной Франка де Рохас. К. Державин предполагает, что, «по-видимому, ему приходится посредничать в банковских и торговых операциях».

Под Рождество Мигель де Сервантес возвращается в Эскивиас, где присутствует на свадьбе племянника жены Гонсало де Гусмана Саласара с племянницей приходского священника толедской церкви Санто Томе, того самого, которого Эль Греко^[132] годом раньше изобразил на своей картине «Погребение графа Оргаса».

О, если бы, как сказал Астрана Марин, он изобразил вместо него Сервантеса, то мы имели бы подлинный портрет писателя, да еще и кисти Эль Греко...

В июне 1586 года Сервантес находится все в той же Севилье. В августе писатель уже в Эскивиасе, чтобы официально получить приданое за своей супругой Каталиной де Саласар. Сохранившаяся опись показывает, что Сервантесу досталось довольно неплохое приданое, хотя, может быть, и меньшее, чем он рассчитывал. «И этим я доволен, хотя желал бы большего» («*Con poco me contento, aunque deseo mucho*»), — заметит писатель в «Путешествии на Парнас». Всего добра при описи оказалось более чем на 400 дукатов.

Теща Мигеля Каталина де Паласьос не только исполнила свое обещание по приданому дочери, но и выдала тестю доверенность на полное управление всем имуществом семьи Паласьос, что, бесспорно, свидетельствовало о полном доверии зятю и уверенности в крепости брака.

ОПЯТЬ ОДИН

Брак продлился немногим более двух лет. Номинально он сохранился, но супруги просто долгое время не жили вместе, а встречались лишь время от времени. Воссоединение вновь произойдет ближе к концу жизни писателя.

Здесь тоже таится своя загадка, вероятно, была какая-то причина, которая вызвала внезапное начало и неожиданный надлом этого брака, но она нам неизвестна.

Может быть, не оправдались надежды на приданое, на что он намекает в «Путешествии на Парнас»?

Вряд ли! Семья Паласьос была достаточно зажиточна. Каталина имела свой собственный дом. Но, к несчастью, вместе с наследством мужа она унаследовала и кучу долгов. Вероятно, это семейная черта. Дед Гонсало де Саласар довел свои дела до очень плачевного состояния. В конце жизни он не мог платить слугам.

Но мы знаем, что Сервантес получил обещанное приданое. И не в этом было дело. Жена, будучи девушкой молодой, видимо, молилась на своего умудренного жизнью супруга и была ему беззаветно предана. Но прошел медовый месяц — и Сервантес вернулся к своим заботам: о престарелых родителях, о сестрах, о писательстве и заработке средств к существованию. Начались беспрестанные разъезды и путешествия. Конечно, жена, хоть и молодая, но, видимо, неглупая и грамотная, не могла соперничать с этой мужской тягой к подвижной, активной жизни. Если Сервантес провел в дороге всю свою жизнь, начиная с детства, когда его родители в поисках лучшей доли объездили всю Испанию, и заканчивая его кочевой воинской службой и пленом, то девятнадцатилетняя Каталина привыкла к родному дому, из которого она, вероятно, никуда и не выезжала. Это были совершенно разные люди по возрасту, жизненному опыту, привычкам и укладу. Сервантес не мог и не хотел провести остаток своей жизни в захолустном местечке, в глуши Ла-Манчи.

Знала ли Каталина об амурах Сервантеса с Аной Франка и о рождении Исабель? Исследователи полагают, что знала.

Кстати, дед Каталины Гонсало де Саласар тоже имел внебрачного сына. И дядя — Луис де Саласар имел незаконнорожденное дитя. Это было явлением обычным.

Но почему у Каталины и Мигеля не было детей? Обычно испанские

семьи запросто имели пять, шесть детей, а нередко были случаи больших многодетных семей, по 12 и 13 отпрысков, и это при высокой детской смертности. Рожать женщины начинали сразу же после замужества и продолжали до зрелого возраста.

Может быть, Каталина не могла иметь потомство? По отношению к Сервантесу подобное предположение не приемлемо, так как у него уже была дочь. Возможно, он не хотел иметь больше детей, кроме Исабель.

Понятно только, что известие о существовании Исабель наверняка расстроило молодую и любящую жену. Кроме того, ее огорчало постоянное отсутствие супруга, находившегося в разъездах.

Одним словом, все складывалось не идеально. Семейная жизнь не клеилась. Кроме всего прочего, у Сервантеса не было постоянного заработка, и жена вполне могла ему сказать те же слова, что и донья Гьомар из «Судьи по бракоразводным делам» своему мужу: «...Я думала, что выхожу замуж за человека дельного и проворного; а через несколько же дней оказалось, что я вышла, как уже я говорила, за полено. Он не знает, которая у него правая рука; не находит ни средств, ни способов добыть хоть реал для поддержки своего дома и семейства... Ложится спать; но всю ночь он не успокоится, а ворочается с боку на бок. Спрошу его: „Что с тобой?“ Отвечает мне, что сочиняет в уме сонет для друга, который его об этом просил. Он воображает себя поэтом, как будто это такое занятие, которое избавляет от нужды».

На это же время приходится, как полагают исследователи, творческий кризис Сервантеса, его временное неверие в свое предназначение. Ведь за это время он написал всего лишь три сонета, два из которых опубликованы в 1587 году, хотя написаны наверняка раньше. Совсем не густо. Мы помним, что по договору с Поррасом он должен был написать пьесу «Константинопольская жизнь, или Смерть Селима». Но об этом произведении нам ничего не известно, равно как и о том, что стало с комедией «Путаница», также упомянутой в этом контракте. Вероятно, если бы она была поставлена и имела успех, до нас дошли бы если не сама пьеса, то какие-то отклики современников.

Итак, разойдясь с молодой женой и «отложив в сторону перо и комедии», Сервантес занялся другими делами и... пропал с литературного небосклона Испании на целых 20 лет!

Глава 6

**«ОТЛОЖИВ ПЕРО И КОМЕДИИ» НА 20
ЛЕТ**

COMISARIO ПО ЗАКУПКАМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

К концу 80-х годов над испанским небом сгустились военные грозы.

Филипп II решился наконец на поход против Англии. На этот шаг его подвигла казнь его ставленницы и единомышленницы шотландской королевы Марии Стюарт 18 февраля 1587 года.^[133] Испания начала готовиться к войне.

В начале апреля король назначил своего советника Антонио де Гевару главным комиссаром по подготовке морской экспедиции к Британским островам. В свою очередь Антонио де Гевара сделал своим помощником Диего де Вальдивию, который должен был создать для этого специальный лагерь с местоположением в Севилье. Помощнику вменялось в обязанности заниматься заготовками необходимого продовольствия для формирующейся армии. Диего начал свою работу с набора целой армии уполномоченных по закупкам продовольствия у населения. Эти люди разъезжали по всей провинции и, выполняя указ короля, покупали оливковое масло и пшеницу у крестьян, которые в свою очередь были обязаны их продавать. Одним из таких «продовольственных» комиссаров и стал Мигель де Сервантес. Он находился в Севилье с мая и вступил в должность в сентябре 1587 года.

Однако еще до этого, 28 апреля, находясь в Толедо у нотариуса Амбросио Мехии, писатель составил на имя Каталины де Саласар доверенность, дающую право на распоряжение всем имуществом. И будучи в Эскивиасе, собственноручно вручил ее своей супруге. Таким образом, он оформил свой уход из семьи. Официально развестись он не мог. Церковный развод был делом чрезвычайно редким. Необходимо было разрешение папы, которое давалось лишь королям, если в браке у них не было детей. Поэтому простые люди, равно как и идалго, «расходились» в прямом смысле этого слова, а потом, если было такое желание, могли сойтись и зажить снова. Итак, распрощавшись с супругой, Сервантес дорогами Ла-Манчи (впечатления от которых позднее мы встретим в «Дон Кихоте») отправился в Севилью, где через десять дней его уже встречал Томас Гутьеррес.

Бывший актер, видимо, имел неплохие связи. Во всяком случае, ученые сходятся во мнении, что именно он представил ветерана Лепанто

помощнику советника Антонио Гевары Диего де Вальдивии, это было своего рода поручительством, без чего Сервантес не смог бы получить желаемую должность комиссара.

*

С Севильей у Мигеля были связаны многие детские воспоминания: спектакли Лопе де Руэды, обучение в коллегии иезуитов, игры с братьями и сестрами.

Время в XVI веке двигалось медленно, значительно медленнее, чем, например, в XX столетии, когда за какие-нибудь 10–15 лет город может измениться до неузнаваемости. А если мы будем говорить о таких выдающихся и старых городах, как Севилья, то в них время просто останавливается.

Во все времена столица Андалусии была одним из наиболее крупных торговых и культурных центров испанской монархии. И это немудрено, так как Севилья — город-порт, практически монополизировавший все торговые и транзитные операции, осуществлявшиеся как с Новым Светом, так и со многими другими колониальными землями империи. Широкий Гвадалквивир являл собой мощную водяную артерию, позволявшую большим океаническим судам заходить в город, грузиться и разгружаться, швартоваться и отдыхать после многодневных трансатлантических переходов. Город буквально задыхался от изобилия дорогих товаров, драгоценных металлов и камней, поступавших со всего мира. Один из историков писал: «22 марта 1595 года к причалам на реке прибыли корабли, груженные серебром из индийских стран. Их разгрузили и доставили в Торговую палату 332 повозки серебра, золота и жемчуга огромной ценности. 8 мая 1595 года с капитанского корабля выгрузили 103 повозки серебра и золота. А 23 мая доставили сухим путем из Португалии 583 ящика серебра, золота и жемчуга, снятых с адмиральского корабля, пришедшего в Лиссабон. Шесть дней кряду эти грузы переправлялись через Трианский мост».

Безусловно, богатый и большой город Севилья страдал всеми болезнями мегаполиса эпохи раннего барокко: «Больше всего в Севилье грабителей, прелюбодеев, фальшивых свидетелей. Игроков, сутенеров, убийц, ростовщиков, скупщиков и перекупщиков, бродяг, живущих чудесами Магомета. То есть игрой и воровством в картежных домах и за доской для костей, ибо здесь имеется свыше трехсот игорных домов и

более трех тысяч гулящих девиц... Торговля превратилась в грабеж и спекуляцию; скупеется все, начиная с золота и шелка и кончая овощами, для перепродажи по вздутым ценам, когда почувствуется их недостаток на рынке... Каждый стремится обделать свои делишки. Бедные продолжают изнывать в бедности, богатые насыщают свою ненасытную алчность, а разбойников в Севилье не меньше, чем в Сьерра-Морене». Насчет мошенников и раздолья для них в этом городе хорошо написал сам Сервантес в «Ринконете и Кортадильо» и «Вдовом мошеннике». А в целом подобное нелицеприятное описание можно отнести к любому крупному деловому городу как в XVI веке, так и в XX, что тем не менее не мешает им притягивать к себе людей самого разного сословия и рода занятий. Одним из них и был Мигель де Сервантес — комиссар по закупкам продовольствия для Непобедимой армады.

*

После трех месяцев вынужденного безделья 18 сентября 1587 года комиссар Сервантес выехал из Севильи.

Каждому комиссару назначалась своя территория. Уполномоченный по закупкам объезжал обычно подведомственные ему земли верхом на лошади в сопровождении нескольких помощников. В его функции входило выявлять, у кого в округе имеются «излишки» оливкового масла, пшеницы, ячменя и других продуктов, и скупать их по установленным ценам. Но так как обычно денег не было, то расчеты зачастую производились квитанциями о получении такого-то количества того или иного продукта. Собранный таким образом провизия доставлялась комиссаром в оговоренное место. То, что закупочные цены были низкими, понятно, но и этих денег крестьянин не получал — только вексель, который неизвестно когда будет оплачен и будет ли оплачен вообще. Естественно, каждый старался утаить свое добро от зорких глаз интенданта и его помощников, которые в свою очередь всеми правдами и неправдами желали выполнить королевский указ. Поэтому нет ничего удивительного, что сельские жители комиссаров не жаловали и не ждали от их появления в своей округе ничего хорошего.

Не только простой люд был обязан продавать провиант для нужд армии, объектами реквизиции являлись латифундисты, а также монастыри, церкви, духовные общины и т. д. Теоретически комиссары имели весьма широкие полномочия для исполнения своих обязанностей, вплоть до

заклучения в тюрьму особо строптивых, однако в действительности они могли совсем немного. Поэтому им приходилось всеми способами воздействовать на селян, не желавших расставаться со своим добром. За эту непростую работу комиссары получали по 12 реалов в день. Сумма смехотворная, она едва покрывала их повседневные траты. Но даже эти небольшие деньги можно было получить только после выполнения своей многострадальной миссии, да еще и с опозданием.

Тем не менее за эту работу «бились», чтобы заполучить ее, требовались поручители, как, например, Сервантесу. Тут кроется какой-то секрет. Вероятно, уполномоченные имели дополнительный заработок, «борзых щенков» — наличностью или натурой — в виде продовольствия. Можно было погреть руки на неупорядоченной выплате крестьянам денег за сданные продукты. Население раз за разом продавало свои «излишки», в то время как плата за них производилась единожды и постфактум. Иногда изъятие продуктов так и оставалось неоплаченным. Все это приводило к путанице в финансовых документах и отчетах.

Матео Алеман писал о деятельности комиссаров в «Гусмане де Альфараче»: «Разоряют страну, обирают бедняков и вдов, втирая очки своему начальству и обманывая своего короля, одни в целях увеличить свое состояние, а другие с тем, чтобы создать его и доставить пропитание своим наследникам». Интересны комментарии по этому поводу самого Сервантеса. В интермедии «Судья по бракоразводным делам» экс-комиссар нарисовал самокарикатуру: «С хлыстом в руках, на наемном муле. Маленьком, худом и злом, без погонщика, потому что такие мулы никогда не нанимаются и ничего не стоят, с перекидной сумкой на крупе, в одной половине воротничок и рубашка, в другой кусок сыру, хлеб и кожаная фляжка, без приличного дорожного платья, кроме пары штиблет об одной шпоре, с беспокойной торопливостью уезжает он комиссионером по Толедскому мосту на ленивом и упрямом муле. Глядишь, и через несколько дней посылает домой окорок ветчины и несколько аршин небеленого сукна, и такими вещами, которые ничего не стоят в той местности, куда он послан, поддерживает свой дом, как только он, грешный, может...» А в «Новелле о беседе собак» называет комиссаров посредниками, «разрушающими государство». Даже кортесы отметили негативные стороны деятельности уполномоченных по сбору продовольствия, которые «разрушали поселки и города, ими навещавшиеся, вымогая взятки и относя за счет казны свое содержание, питание и другие траты на суммы куда большие, чем стоимость добывавшихся ими припасов».

Сохранился отчет о тратах комиссара Сервантеса, которые он

производил во время своей службы в этой должности, свидетельствующий, что относительно ветерана Лепанто совершенно неуместны подозрения во взятках и других злоупотреблениях, широко распространенных среди его коллег. Но, как увидим далее, к дону Мигелю имелось множество претензий как со стороны королевской казны, так и со стороны населения.

«Мула ему предоставило правительство. Он больше не походил на бродягу. Он был хорошо одет, как подобало королевскому чиновнику: доверху застегнутый бархатный темный камзол, изящные брыжи и легкий суконный плащ. На это платье ушла большая часть его предварительной получки. По левую сторону седла болтался в ременных петлях знак доверенной ему власти: длинный посох с вызолоченным набалдашником в виде короны. Иногда он зажимал его под мышкой наподобие копья».

Первым объектом комиссара по закупкам продовольствия для флота Его величества Мигеля де Сервантеса стало живописное и благополучное местечко Эсиха. Здесь ветеран Лепанто был принят самим коррехидором Эсихи Москерой де Фигероа, выдающимся поэтом, к которому Сервантес не мог не чувствовать глубокого уважения и чье имя он упомянул в «Галатее» в известной «Песне Каллиоппе». Задача коррехидора, в данном случае Фигероа, заключалась в своего рода посредничестве и разрешении конфликтов между комиссарами и местными властями. Встреча, несомненно, была очень приятной, но, к сожалению, срок исполнения должности у Фигероа уже вышел, и он не замедлил покинуть Эсиху. И уже с начала октября 1587 года Сервантесу пришлось столкнуться с чиновниками, настроенными в отношении него прямо противоположным образом. Ситуация осложнялась неурожайным годом, из-за чего положение с продуктами стало очень напряженным, кроме того, населению не было заплачено еще за предыдущие закупки.

Длительные переговоры не дали никакого результата, и крестьяне решили обратиться напрямую к Вальдивии, помощнику Антонио Гевары, попросив в связи с неурожаем в Андалусии отсрочки по выполнению королевского указа. Диего де Вальдивия, естественно, никакой отсрочки не дал, и Сервантесу ничего не оставалось, как исполнить свой долг и забрать продовольствие там, где он его обнаружил. Понятно, что обнаружить его оказалось легче у богатых землевладельцев и церковников, получающих ренту со своих немалых наделов. Шаг был, за неимением другого выхода, бесспорно, смелым, а может быть, даже и безумным. Реакция последовала незамедлительно: главный викарий Севильи отлучил Сервантеса от церкви.

Этот факт некоторые исследователи, особенно в XIX веке, видевшие в авторе «Дон Кихота» чуть ли не богоборца и представителя свободного от

религиозных догм критического мышления, трактовали именно как столкновение с католической церковью. Между тем дело обстоит несколько иначе. В Испании XVI века отлучения от церкви были делом частым, если не сказать обычным. Как еще могла воздействовать католическая церковь на ослушавшуюся, «заблудшую овцу»? Кроме того, это было единственным способом как-либо влиять на светскую власть в частных конфликтах между ней и церковью. Так, отлучению подвергались, в частности, и Карл V, и Филипп II.

Увидев, что один из его подчиненных попал в беду, Диего де Вальдивиа в начале ноября лично отправился улаживать дела в муниципалитеты и посредством ряда компромиссов сумел добиться отмены указа викария.

Но Сервантесу определено не везло. Приехав в местечко Ла Рамбла, он ощутил особо холодный прием, и было отчего. Восемь лет назад в этой деревушке уже производилась «скупка» продовольствия, за которую до сих пор не было заплачено. И чтобы исполнить свои служебные обязанности, комиссар Мигель де Сервантес был вынужден прибегнуть к крайним мерам — арестовать и посадить в тюрьму наиболее упорствующих селян.

Еще более худшая ситуация сложилась в деревушке Кастро дель Рио, где, заключив в тюрьму строптивного дьячка, Сервантес был подвергнут отлучению от церкви, на этот раз произведенному главным викарием ^[134] Кордовы. Однако автор «Галатеи» продолжает свою нелегкую службу, бороздя просторы Андалусии, — мы встречаем его в Эспехо, Кабре, где много лет служил коррехидором Андрес де Сервантес, дядя Мигеля, старший сын лиценциата Хуана де Сервантеса. Там же, в Кабре, автор «Дон Кихота» неожиданно встречает своего двадцатитрехлетнего двоюродного брата Родриго, который некоторое время помогает ему в исполнении служебных обязанностей.

С приближением Рождества, самого большого католического праздника, комиссар Сервантес возвращается в Севилью. Его, однако, ждут плохие новости. Обещанные Мадридом деньги не пришли, и, таким образом, он не сможет получить свои насущные, таким трудом заработанные 1300 мараведис. Мигеля не утешили даже благодарности Диего де Вальдивии за хорошо проделанную работу. Были и другие не радостные новости. Старая и вдовья мать Мигеля донья Леонора де Кортинас нуждалась в моральной и финансовой поддержке. Бывшая пассия Сервантеса Ана Франка, тоже ставшая вдовой, разрывалась между таверной и двумя дочками. В заключение всех бед имя Сервантеса оказалось втянутым в шумный скандал вокруг Лопе де Веги и его

любовницы Елены Осорьо.

Мы уже касались этой истории. Между Лопе и Еленой произошел разрыв, и драматург написал несколько сатирических памфлетов, в которых главными фигурами были отец экс-возлюбленной и ее новый покровитель богатый финансист Перренот де Гранвела. Первоначально в их авторстве подозревали нескольких поэтов, в том числе и Сервантеса. Некто Амаро Бенитес, в частности, показал в суде, что его приятель Луис де Варгас, услышав одно из этих произведений, сказал: «Этот романс (?) написан в стиле четырех-пяти поэтов, которые и могли только его сочинить. Он может принадлежать Линьяну, но тот находится в отъезде, или Сервантесу, но его также здесь нет; я его не писал, возможно, что он сочинен Виваром или Лопе де Вегой». Как пишет К. Державин, «это эпизодическое упоминание имени Сервантеса свидетельствует о том, что к 1588 году за ним установилась твердая репутация мастера романсного жанра в ряду таких видных его представителей, как Педро Линьян де Риаса, Хуан Баутиста де Вивар и Лопе де Вега». Утверждение достаточно спорное, тем более что вряд ли эти стихи можно было назвать романсами, ибо за их написание обычно в суд не подают, это сочинение было, скорее всего, сатирическими куплетами.

Лопе де Вега был задержан 29 сентября 1587 года и уличен в авторстве, что вызвало скандальный процесс с описанными уже нами последствиями.

Как бы то ни было, имя Сервантеса было упомянуто в связи с этой шумной историей, что могло доставить ему дополнительные неприятности, которых хватало и без того.

ИЗДЕРЖКИ КОРОЛЕВСКОЙ СЛУЖБЫ

Непобедимая армада формировалась в портах Лиссабона и Кадиса. Но факт организации гигантской флотилии еще не означает ее дееспособности. Огромный флот требует и огромных затрат. «Морские игры» обошлись королевской казне более чем в 7 миллионов дукатов. Назначенный выход эскадры в боевой поход на 18 января был перенесен на 15 февраля. Не хватало средств. Это отражалось на разных ступенях социальной иерархии испанской империи. Требования росли, а финансов для выплаты чиновникам окладов не было. Недостаток денег с лихвой возмещался устными и письменными благодарностями. Как-то приехав в Севилью, главный комиссар Антонио де Гевара направил Сервантесу свидетельство о своем удовлетворении проделанной им работой. Однако денег в карманах у писателя не прибавилось.

С организацией похода Непобедимой армады дело шло плохо. Дон Альваро де Базан, вдохновитель проекта и ответственный за отправку экспедиции, 9 февраля скончался от апоплексического удара. На его смерть глубоко уважавший его Мигель де Сервантес написал сонет.

После кончины Альваро де Базана король назначает на его место своего родственника герцога Мединасидониа, по прозвищу «тунцовый», данному ему в связи с его доходами от промысла тунца. Герцог действительно был отличным администратором, но не имел никакого опыта в морских делах. Он пытался втолковать это королю, но безуспешно, его участь была решена.

Сервантес же в это время продолжает «бороздить» просторы Андалусии, исполняя свои комиссарские обязанности. В начале весны он возвращается в Севилью, где получает известие о кончине своей тещи, случившейся 1 мая 1588 года. Каталина де Паласьос завещала все свое имущество наследникам. Им же предстояло расплачиваться по долгам на сумму 200 тысяч мараведис и заниматься прочими похоронными делами.

Автор «Галатеи» маялся от безденежья. За все десять месяцев работы Сервантес получил жалованье только один раз. Естественно, не было денег на оплату крестьянам за реквизированное продовольствие. Дальнейшая деятельность комиссаров становилась архитрудной. Деньги появились только в конце июля, одновременно со снятием с Сервантеса отлучения от церкви, наложенного на него в Севилье. Мы уже говорили, что к благополучному разрешению этой проблемы приложил руку сам Антонио

де Гевара, письменно объяснивший раздраженным церковникам их «обязанности перед королем и господом богом» в борьбе с «британскими еретиками».

Трудности возрастали. При сдаче пшеницы оказалось, что собранную в прошлом году плохо хранили. В ней завелся долгоносик, и теперь она стала непригодной для употребления в пищу. Но ведь Сервантес должен был заплатить за эту пшеницу свои собственные деньги. Кроме этого, работа комиссара была рассчитана на финансовые махинации, чего, вероятно, не умел делать Сервантес. Во всяком случае, анализ его отчетов показал, что у него имеется денежная недостача. Начавшийся в свое время конфликт с жителями Эсихи тоже имел свое продолжение. Богатые крестьяне, идальго и другие состоятельные люди для защиты своих интересов взяли рехидора^{135} Луиса Портокарреро. Выяснение отношений между селянами и комиссаром дошло до Антонио де Гевара, который частично удовлетворил требования ходатайствующих, что, конечно, не могло не вселить в них надежду на дальнейшие победы. И спустя какое-то время Портокарреро обвинил комиссара Сервантеса в незаконных реквизициях и продаже провианта на сторону и других нарушениях. Последнему пришлось приехать в Севилью, где после неприятных многомесячных дискуссий жителям Эсихи пришлось признать, что Сервантес выполнял свои обязанности «должным образом и старательно».

Пока автор «Галатеи» разбирался со своими злопыхателями, по стране начали ходить слухи о судьбе Непобедимой армады. Эскадра, состоявшая из 130 кораблей и 30 тысяч человек, выйдя, наконец, 12 июля 1588 года после неоднократных отсрочек из Лиссабона, сразу же попала в сильный шторм, что вынудило ее, прежде чем продолжить свой путь к Британским островам, зайти в порт Корунья. Каких только сплетен не ходило: что Мединасидония уже объединился с Александром Фарнезе,^{136} наместником короля в Нидерландах, что Фрэнсис Дрейк умер, что английская эскадра рассеяна и испанские войска уже продвигаются по суше в глубь Англии и т. д. и т. п.

Осенью истинное положение дел стало проясняться. Испанскому флоту так и не довелось сразиться с англичанами. Понимая, что открытый бой им невыгоден, британские суда всячески избегали стычек, «направляя» противника к Кале.^{137}

В результате испанский флот под командованием неопытного полководца попал в весьма затруднительное положение. На него нападали английские брандеры,^{138} голландский флот не давал испанцам

возможности соединиться с Фарнезе. Зажатый со всех сторон, прижатый к берегу, где нет портов с достаточной для больших судов глубиной, Мединасидониа решает вернуться обратно в Испанию северным маршрутом, обогнув Англию со стороны Шотландии. Однако внезапное предзимнее похолодание, голод и болезни, дополненные постоянными нападениями английских судов, сделали огромный испанский флот окончательно недееспособным. В результате последующих злосчастных Непобедимая армада потеряла половину своих кораблей. Остальные, в лучшем случае 60 кораблей, были рассеяны и достигли испанских портов поодиночке.

Сервантес откликнулся на это печальное для испанской монархии событие двумя одами. К. Державин называет их «песни, рожденные вестями о католической эскадре». Одна из них была написана в начале лета 1588 года в качестве напутствия. Стихотворение довольно посредственное, и его принадлежность перу Сервантеса вызывает большие сомнения. Вторая ода была написана после бесславной гибели Непобедимой армады: «О Испания, мать наша! Смотри, как твои сыновья возвращаются в твоё лоно, оставив море полное своими несчастьями, их возвращает страшная буря...»^[139]

Конечно, мощь такой огромной империи, как Испания XVI века, подорвать одной военной неудачей, даже серьезной, было невозможно. Восприняв поражение как удар судьбы, Филипп II уже в следующем году решил повторить попытку высадки десанта на побережье ненавистных бриттов. Но трагедия армады имела-таки одно важное последствие — моральный урон: репутация Испанского флота, грозы морей, как непобедимого была сильно подорвана. Солнце испанской монархии уже закатывалось, золотой век великой империи подходил к своему концу. На исходе были не только финансы государства, но и жизнь самого императора. Все это вкуче не дало возможности ни на следующий год, ни в дальнейшем реализовать план Филиппа II.

Это случится позже. А в 1589 году план повторного вторжения на Британские острова был у всех на устах. Армейские и флотские снабженцы, комиссары по сбору продовольствия снова оказались при деле. Начал совершать свои поездки по Андалусии и дон Мигель.

Однако мы теряем его следы на несколько месяцев и обнаруживаем только 12 февраля 1590 года в Кармоне. Очевидно, за этот период автор «Галатеи» успел побывать и у жены в Эскивиасе, и у родных в Мадриде.

Собирать провиант у селян становилось все труднее и труднее. Да и сам комиссар Сервантес уже вымотался. Сколько же можно объезжать селения верхом на муле, чувствуя вокруг одни неприязненные взгляды и слыша бранные слова? А особо мстительные могут еще и в суд подать, но все же это была работа, по большому счету, уважаемая — королевская служба. Кто об этом не мечтал?

Новым помощником Антонио Гевары был назначен Мигель де Овьедо. Именно он откомандировал Сервантеса в Кармону и ее окрестности для сбора четырех тысяч арробас^{140} оливкового масла, заполучить которое было совсем не просто, но приходилось тянуть лямку и отрабатывать казенное жалованье.

Сервантес не теряет надежды на получение какой-либо другой, более благополучной работы. В конце мая 1590 года он посылает в Мадрид новое прошение, направленное президенту Совета Индий, переданное, вероятно, сестрой писателя Магдаленой. Бумага сопровождалась подробным curriculum vitae^{141} ходатайствующего. Перечисляя свои заслуги перед королем и отечеством и ссылаясь на бедность свою и своих родных, ветеран Лепанто просил предоставить ему одну из вакантных должностей: пост казначея в Новой Гранаде, губернатора провинции Соконуско в Гватемале, казначея флота в Картахене или коррехидора города Ла-Пас (Перу).

Для придания веса бумаге Сервантес использовал свою вторую фамилию — Сааведра, на самом деле не принадлежавшую никому из его предков по прямой линии наследования. Очевидно, он позаимствовал ее у Гонсало де Сервантеса Сааведры, одного из своих дальних родственников. Писатель использует фамилию Сааведра в своих художественных текстах, в частности в «Алжирских нравах», во вставной новелле в «Дон Кихоте», в «Бравом испанце» («El gallardo español») и др. Кроме того, он дал эту фамилию своей дочери Исабель. Все это дало исследователям почву для пространных размышлений и даже измышлений. Автор поместит фамилию Сааведра на титульный лист издания первой части «Дон Кихота» — Мигель де Сервантес Сааведра. Он хотел сказать этим, что роман написан человеком с именем, настоящим идальго из хорошего и древнего рода.

Подавая петицию, экс-солдат надеялся на лучшее. Но на самом деле он был одним из многих, перемолотых жерновами государственной машины. И ему еще повезло — худо-бедно, но он состоял на королевской службе и

был облечен немалой властью.

Знал ли автор «Галатеи», что такое Новый Свет, или Индия, как называли в то время открытую Колумбом Америку? Судя по его описанию в «Ревнивом эстремадурце», знал, и совсем неплохо. В этой новелле молодой человек, «увидев себя без денег и почти без друзей... прибегнул к средству, к которому прибегают многие другие промотавшиеся люди этого города (Севиля. — А. К.), а именно к поездке в Америку — пристанище и убежище для людей, потерявших последние надежды в Испании, спасение для бунтарей, вольный рай для убийц, укромное и удобное место для игроков, которых люди, сведущие в этом деле, называют „сиертос“, великий соблазн для распутных женщин, а вообще мало кому помогающее средство».

В начале июня 1590 года доктор Нуньес Моркечо, релятор Совета Индий, написал на петиции Сервантеса: «Поискать здесь, в чем бы оказать ему милость» («Busque por aca en que se le haga merced»). Это был вежливый отказ. Более на этот счет не известно ничего. Возможно, как полагает К. Державин, состоявшееся в 1593–1594 годах назначение Сервантеса на должность сборщика налоговых недоимок в Гранаде было какой-то официальной реакцией на его прошение. В любом случае конкретного ответа на свое ходатайство он не получил. А пока он был озабочен получением денежных сумм, уже два года задерживаемых, но необходимых для того, чтобы расплатиться с селянами за продовольствие. Это было почти делом безнадежным — снабженцы испанской армии были, как и все снабженцы во все времена, у всех народов, нечисты на руку, обманывали и обсчитывали где и как могли. И деньги оседали совсем в других карманах.

Сервантес получил 55 тысяч мараведис — половину от того, что должен был выплатить селянам. Все его попытки каким-либо образом получить все остальное, апелляция к Мадриду не привели ни к чему. Напротив, слишком активным комиссаром в столице заинтересовались и решили вызвать Сервантеса на предмет проверки его деятельности. В это же самое время генеральный комиссар по закупкам продовольствия Антонио Гевара, чья деятельность давно уже вызывала подозрения, был отстранен от своей должности, а его помощник Бенито де Мено, обвиненный в мошенничестве, арестован.

Сервантес в Мадрид не поехал, попросив секретаря Гевары Хуана Серона представлять его на слушаниях в столице. Дело уладилось, и автор «Галатеи» вновь занялся «выколачиванием» из королевских канцелярий и комиссий недостающих средств. Как ни странно, но 12 марта 1591 года ему

наконец удалось добиться своего. Хуан де Тамайо, делегированный казначей-кассир, передал неугомонному комиссару 110 тысяч мараведис — практически все, что ему полагалось. Это был очевидный успех.

Новым генеральным комиссаром был назначен Педро де Исунса. Сразу же после назначения новый глава отправился в Севилью, чтобы во всем разобраться и покончить с порочной практикой ворующих интендантов. Сервантес, вероятно, был рад появлению нового и честного руководителя, который должен был навести порядок. Для него приезд генерального комиссара ознаменовался двумя событиями: были продлены его полномочия в качестве закупщика, но подневное жалование было снижено с 12 реалов до 10.

Летом 1591 года Мигель много разъезжает по югу Испании. С наступлением осени он едет в Эстерону в поисках пшеницы и ячменя. В декабре он в Монтилье, где имеет возможность лицезреть двух «ведьм», мать и дочь, прозванных «Камачас», позднее отправленных Инквизицией на костер. Отблески этого реального события появятся позднее в «Новелле о беседе собак», в рассказе Бергансы, который приезжает в Монтилью и встречается с ведьмой Каньисарес. Судя по детальному описанию ведовских обрядов, Сервантес был хорошо осведомлен об их отправлении.

Спустя несколько дней помощник комиссара Сервантеса Николас Бенито из-за одной незаконной реквизиции поссорился с Сальвадором Торо, управляющим королевскими складами в деревне Теба, недалеко от Малаги. Торо обратился непосредственно к генеральному комиссару Исунсе и потребовал за противоправные действия Бенито компенсацию в размере 600 тысяч мараведис. Сервантес, безусловно, нес ответственность за действия своего помощника. Но его спасло поручительство Исунсы, который в письме королю в январе 1592 года гарантировал честность своего комиссара.

С приходом весны дон Мигель начал снова объезжать просторы южной Испании. Теперь его ориентирами были Андухар и Хайен. Затем он вернулся в Севилью, где уже в который раз оказавшись «на мели» да к тому же заболев, был вынужден просить прибежища в гостинице у Томаса Гутьерреса.

Как пишет Бруно Франк, «в „Греческой вдове“ всегда находился кров для разъезжающего комиссара. Как бы ни был велик наплыв гостей — купцов и капитанов, знатных дворян и проходимцев, офицеров, менял и почетно сопровождаемых дам, — Сервантеса неизменно ожидали постель и тарелка, когда он, усталый и полный отвращения, возвращался после своих экзекуций. Из-за оплаты сразу же возникла заминка. Он пригрозил,

что съедет. Но хозяин и друг разрешил щекотливый вопрос однажды и навсегда — могучим, низким, ржавогромыхающим смехом. С этого дня Сервантесу стали за обедом стелить скатерть — баловство, выпадающее на долю лишь особенно важных путешественников. Гутьеррес ухаживал за его мулом, он отдавал в стирку его белье, он ссужал ему деньги, он стоял за него горой».

Сальвадор Торо, подававший в свое время жалобу на Сервантеса, не уgomонился. В начале лета 1592 года прибыв в Мадрид, он подал официальную жалобу на генерального комиссара Исунсу. Естественно, дон Мигель также был вовлечен в эту тяжбу.

Беда не приходит одна. В это же время Военный Совет (Consejo de Guerra) потребовал от Сервантеса в сжатые сроки ликвидировать его задолженность казне в размере 27 тысяч мараведис. Откуда взялся этот долг, толком неясно, но Сервантес сумел ликвидировать эту задолженность. И в начале сентября комиссар отправился в новую «продовольственную» поездку. Девятнадцатого числа он уже в Кастро дель Рио. Там его настигает приказ об аресте, отданный коррехидором Эсихи Франсиско Москосо, за незаконную продажу пшеницы. В действительности Москосо не имел таких полномочий. Но Антонио Гевара, отстраненный от должности еще в апреле, скончался в столице 27 декабря, прежде чем комиссия, проводившая расследование, успела прийти к каким-либо выводам. Еще пятеро, проходивших по этому делу, были повешены.

Сервантеса заключили в тюрьму Кастро дель Рио, и только очередное вмешательство генерального комиссара Исунсы вызволило его из камеры. Однако на этом град несчастий, сыпавшихся на его голову за время комиссарской службы, не завершился. Мигеля обвинили в очередной недостаче, но ему вновь повезло — жалоба не подтвердилась. Из очередной дрязги комиссар вышел победителем.

По возвращении в Севилью автор «Галатеи» бездействует около полугода. В июле 1593 года от Мигеля де Овьедо, занявшего должность Исунсы, комиссар получает приказ о новой реквизиционной поездке. Суровая зима нанесла урожаю тяжелые раны, и Сервантесу приходится всячески выкручиваться из создавшегося дефицита продовольствия.

Новое несчастье — 19 октября 1593 года скоропостижно умирает 73-летняя мать Сервантеса донья Леонора де Кортинас. Документы свидетельствуют, что она скончалась в относительном достатке. Канаважио полагает, что источник этого достатка — следствие очередной связи сестры Мигеля Андреа де Сервантес с неким загадочным флорентийским негодяном Санти Амбросио, который, как и многие из его

соотечественников, обосновал свой бизнес в Мадриде.

Напрашивается и другое вполне правдоподобное объяснение. Комиссар Мигель де Сервантес, пользуясь своими возможностями, сумел обеспечить свою семью самым необходимым — тем натуральным продуктом, который отбирал у населения для государства, платившего за эту тяжелую работу жалкие гроши с большим опозданием. По меркам времени это было справедливо. Мигель де Сервантес был человеком своей эпохи. Он мыслил и поступал как человек XVI века.

*

Родные и близкие Мигеля уходили один за другим в мир иной. Дядя Андрес де Сервантес, коррехидор Кабры, ненадолго пережил донью Леонору.

После очередной поездки дон Мигель снова вернулся в Севилью. Скитальческая жизнь комиссара по закупкам также приближалась к своему завершению: если нет войны, зачем кормить гигантскую армию?

В апреле 1594 года Мигель де Овьедо, согласно королевскому указу, закончил «продовольственный» марафон, начатый Геварой и продолженный Исунсой. Оба генеральных комиссара к этому времени, очевидно «сгорев» на службе, как мы уже писали, скончались. Надобность в закупке продовольствия отпала, а вместе с ней отпала надобность и в комиссарах по его сбору. Сдав все необходимые документы и отчитавшись по всем пунктам, Мигель де Сервантес стал снова свободным от королевской службы человеком. К худшему или к лучшему — жизнь покажет. Полагают, что, отчитавшись и оставив свою хлопотную должность, Сервантес не накопил ни единого мараведи. Никто не пишет, что он «нагрел» руки, беря взятки и продавая казенный провиант на сторону. Видимо, так и было. Богатства не обрел, но жизненный опыт накопил бесценный. Что вскоре обернется во благо его литературного творчества.

И ВСЕ ЖЕ ПИСАТЕЛЬ!

Какой бы хлопотной и неприятной ни была его работа, все-таки это была королевская служба, дававшая постоянный доход. А теперь? Теперь все вновь призрачно и ненадежно. Мог ли он вернуться к литературному творчеству? Но он и не забывал о своем писательстве. Во время комиссарства, бесконечных «продовольственных» вояжей по Андалусии он, видимо, делал какие-то записи, рассчитывая использовать их впоследствии. Обратим внимание на его хорошее знание жизни испанского юга вообще и севильского быта в частности. Во многих его произведениях посткомиссарского периода имеются прекрасные зарисовки жизни Севильи, причем как ее парадной, так и оборотной стороны. Убедительными примерами этого являются хотя бы «Ринконете и Кортадильо» и «Новелла о беседе собак». Многие Сервантес сохранил на «задворках» своей памяти, а что-то зафиксировал в своих заметках. Тоска по литературному сочинительству, неодолимая любовь к книгам не оставляли его даже в период комиссарских вояжей, забиравших не только время, но и душу.

В июле 1590 года в перерыве между поездками в аукционе, где распродавалась коллекция одного недавно скончавшегося библиофила, комиссар приобрел за 500 дукатов четыре богато оформленные книги на французском языке и также прекрасно изданную «Жизнь Святого Доминго» («Vida de Santo Domingo»).^[142] Что представляли собой четыре остальные книги? Зачем они были нужны ему, вечно странствующему верхом на муле?..

Двумя годами позже, 5 сентября 1592 года, в то время, когда он жил в пансионе у Томаса Гутьерреса, Сервантес подписал интересный контракт: за 300 дукатов он обещал написать для Родриго Осорьо, известного севильского актера и руководителя труппы, шесть комедий, каждая из которых должна была быть «одной из лучших комедий из числа представленных в Испании». «Если же, будучи представленной, какая-нибудь из написанных комедий окажется не одной из лучших среди идущих на испанской сцене, то вы (то есть заказчик. — А. К.) можете отказаться заплатить мне за эту пьесу», — писал сам Сервантес в договоре.

Написал ли он их все или только часть? Скорее всего, не написал ничего, хотя кто возьмется утверждать это наверняка? Цена в 50 дукатов за комедию была совсем невелика, а учитывая условия контракта, можно

полагать, что материальное положение писателя было весьма нелегким.

Сохранились еще некоторые свидетельства о событиях, связанных с жизнью и деятельностью Сервантеса. В 1593 году пришла пора и Мигелю помочь старому другу его семьи и его лично — Томасу Гутьерресу. История такова. Бывший актер, превратившийся в процветающего коммерсанта, решил подать прошение о принятии его в члены братства Святого Причастия. Это была религиозная община, объединявшая наиболее уважаемых членов севильского общества, всегда шествующих в первых рядах на пасхальных процессиях. Естественно, его прошение не вызвало одобрения: Гутьеррес был дважды «нехорош» — бывший актер, а профессия комедианта почиталась низкой, неуважаемой, правда, он сменил род деятельности, но чем это лучше? «Посадеро», что по-испански означает «хозяин гостиницы», также является лицом малоуважаемым. Кроме того, существовало подозрение, что в жилах кандидата течет не чисто христианская кровь, а есть иудейская примесь. Однако Гутьеррес был очень настойчив, и после 15 месяцев упорных домогательств он добился... отлучения от церкви и судебного процесса.

Мы уже упоминали об участии Сервантеса в этом процессе в качестве свидетеля. Заявления его чрезвычайно любопытны. Он сказал, что является уроженцем Кордовы и что он сын и внук служителей Святой Инквизиции. Жан Канаважио пишет — «двойная ложь», а в чем тут сомнения, если дед Мигеля действительно служил адвокатом и это имеет документальное подтверждение? Являлся ли отец Сервантеса чиновником Святой Инквизиции, сложно сказать наверняка, хотя вероятность, как мы писали ранее, имеется. Разве писатель получал какую-то выгоду, заявив, что он был уроженцем Кордовы?

В любом случае автор «Дон Кихота» в главном говорил правду — он действительно был потомком людей, служивших делу католической веры.

Весной 1595 года Сервантес участвует в поэтическом состязании в Сарагосе, устроенном доминиканцами в честь канонизации польского апостола Святого Гиацинта (San Jacinto).^{143} Подобные соревнования среди поэтов были широко распространены в Испании XVI века, и в них участвовали многие поэты, в том числе и известные. В Сарагосе, однако, собрались посредственные стихотворцы, поэтому Сервантесу не составило труда, выступив с глоссой из четырех стихов, получить первый приз в виде трех серебряных ложек, позднее доставшихся в качестве наследства его дочери.

Севиля в течение десятилетия, прошедшего со дня битвы при Лепанто, подарила испанской культуре множество талантов. Но что-то неуловимо стало меняться в культурной атмосфере столицы Андалусии.

Известный литературный салон графа Гельвеса, задававший тон всей поэтической среде Севильи благодаря участию в нем «божественного» и глубоко почитаемого Сервантесом Фернандо де Эрреры, был закрыт уже восемь лет. Сам Эррера умер. Скончался и известный поэт Хуан де Маль Лара.^{144} Ряд выдающихся поэтов, как, например, Хуан де ла Куэва, уехал в Мадрид. Приятель Сервантеса, которого он встречал, будучи комиссаром, поэт Москера де Фигероа из-за своей службы коррехидором часто находился в отъезде.

В «Галатее» в «Песне Каллиопе» Сервантес с похвалой отзывается о многих из названных нами севильских поэтах: Фернандо де Эррере, Франсиско де Медине, Франсиско Пачеко, Хуане де ла Куэве и др. Но писатель не мог быть лично знаком с ними. Положение продовольственного комиссара не давало возможности писателю приобщиться к аристократическому обществу Севильи. Тем не менее в какие-то литературные салоны он был вхож. Писательская натура Сервантеса вопреки своему комиссарству находила время для «творческого» общения. Так, К. Державин предполагает, что в 1598–1599 годах он был близок к литературному содружеству лиценциата Хуана де Очоа, о котором в «Путешествии на Парнас» Сервантес напишет как о «друге, поэте и истинном христианине». В кружке участвовали Алонсо Альварес де Сория, Хуан Лопес дель Валье, Луис Велес де Гевара и некоторые другие поэты. Как пишет Державин, «не увенчанные академическими лаврами завсегдатаи таверн и игорных домов, знатоки уличной и трущобной жизни, культивировавшие по преимуществу сатирико-бурлескные жанры и ловко владевшие жаргоном воровских притонов (*germania*, *jerigonza*), под влиянием которых в их среде привилась своеобразная форма стихов *de cabo goto* — „с оторванным концом“, образцы которых можно найти у Сервантеса во вступительных стихотворениях к первой части „Дон Кихота“».

Пожалуй, наиболее известным из них был Альварес де Сория, по прозвищу Кривой, данному ему по физическому недостатку левого глаза. Однако его известность простиралась за горизонты его литературных талантов — завзятый дуэлянт, постоянно имевший конфликты с полицией,

но позднее, в 1603 году, его привели на виселицу все-таки собственные сатиры.

Поэтические упражнения в литкружке лиценциата Очоа проявились с очевидностью в двух поэтических опусах Сервантеса, относящихся именно к этому периоду — второй половине 1590-х годов, — «На катафалк Филиппа II в Севилье» и «Вступление герцога Мединасидониа в Кадис».

Их содержание связано с известными историческими событиями времен Сервантеса. Первое — смерть испанского монарха в 1598 году и организованные в связи с этим роскошные траурные церемонии. Этот сонет дошел до нас в нескольких различных списках, что является признаком его определенной популярности в свое время. Ироничный тон сонета отражает, по-видимому, царившее в народе отношение к помпезным похоронам почившего в бозе монарха.

Сонет, посвященный герцогу Мединасидониа, более зол и уже сатиричен. Поводом к нему послужили бездарные действия полководца против высадившихся 30 июня 1596 года в Кадисе англичан. Вместо того чтобы, мобилизовав силы, атаковать неприятеля, герцог предпочел отступить. В результате за две недели своего присутствия в Кадисе английские войска полностью разграбили этот крупный торговый центр Испании.

Помимо этих сонетов Сервантес посвятил две оды Непобедимой армаде, обнаруженные только в конце прошлого века. В 1593 году он анонимно напечатал романс «Обитель ревности», о котором мы уже упоминали. Также вполне вероятно, что в нечастые перерывы между «продовольственными» поездками писатель обдумывал или даже набрасывал проекты своих будущих главных произведений, появившихся в последние 10 лет его жизни. Так, вероятно, рассказ алжирского пленника, позднее переделанный и вставленный в «Дон Кихота», был написан уже к 1590 году. Часто исследователи относят к этому периоду и «назидательные» новеллы — «Ринконете и Кортадильо» и «Ревнивый эстремадурец».

В 1598 году Сервантес сочинил «Кинтилью на кончину Филиппа II», сонет в честь Лопе де Веги, приложенный к «Третьей части стихотворений» знаменитого драматурга (1602), а также сонет в память об умершем в 1597 году поэте Фернандо де Эррере.

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Беда всегда приходит неожиданно. Через восемь дней после победы Сервантеса на поэтическом состязании в Сарагосе финансист Симон Фрейре, которому писатель доверил свои деньги, совершенно неожиданно обанкротился. Это было, однако, не началом, а продолжением истории двухгодичной давности...

Напомним эту историю. В августе 1594 года, после окончания «продовольственной» службы, когда Мигель уже несколько месяцев тщетно пытался найти должность в Мадриде, он совершенно неожиданно получил деловое предложение от экс-казначея продовольственных комиссаров городов Исунсы и Овьедо Агустина де Сетины. Речь шла о том, чтобы отправиться в Гранаду и собрать налоговые недоимки в размере «2 459 589 мараведис, которые были должны королевской казне в королевстве Гранада по терциям, алькабале и другим принадлежащим его величеству доходам». ^{145} Миссия предполагала возмещение убытков на путешествие в размере 500 мараведис, которые должны были быть взяты из полученных сумм.

Находясь в затруднительном положении, Сервантес принял это предложение. Однако, как и в любом денежном деле, ему нужен был поручитель. Его предложил сам де Сетина. Это был некий Франсиско Суарес Гаско, весьма подозрительная, авантюрного склада личность со скверным и неконтролируемым поведением. Ходили слухи, что он чуть не убил свою жену. Вся эта информация внушала мало доверия к этому господину. Но, видимо, поколебавшись — выбора-то не было, — Мигель согласился на эту кандидатуру. Однако, чтобы дополнить 4 тысячи дукатов, гарантированных Гаско, пришлось втянуть в эту историю не только свое, но еще и имущество жены Каталины.

И в первых числах декабря 1594 года Мигель де Сервантес, новоиспеченный сборщик налоговых недоимок, отправился в путешествие к стенам Альгамбры. ^{146}

Минуя Толедо, Хайен, Убеду, Сервантес достиг Гранады. Но его миссия, предварительно рассчитанная максимум на два месяца, затянулась на срок, вдвое больший. Виной тому были многочисленные поездки в отдаленные деревушки, часто находившиеся в горах, как, например, Ронда. Это живописное место юга Испании, находящееся примерно в 150 километрах от Малаги, часто посещаемое туристами, которые, как кажется,

и не подозревают, что они идут той же дорогой, что и Сервантес. В Ронду ведет всего одна крутая дорога-серпантин, вьющаяся по склонам горы.

Вначале Сервантес не встретил никаких особых сложностей. Не было проблем даже в Баса, где он столкнулся с одним из своих самых злейших врагов — Хуаном Бланко де Пасом, тем самым, который оклеветал Сервантеса в алжирском плену. Сейчас бывший враг выглядел униженным — отлученный от церкви и преследуемый правосудием, он был отстранен и от синекуры.

Заминка возникла в Мотриле, где, как оказалось, все налоги уже были заплачены в казну, о чем вроде бы свидетельствовали квитанции. Королевские чиновники, однако, посчитали это хитроумным маневром с целью утаить деньги и потребовали от Сервантеса уплатить недостачу. Одновременно возникли осложнения и в Ронде, и в Велес-Малаге, где комиссар по недоимкам в двух случаях, вследствие нехватки финансовой документации, был вынужден пойти на компромисс.

После четырех вместо обещанных двух месяцев напряженной работы Сервантес наконец вернулся в Севилью. Отдав на сохранность севильскому банкиру Симону Фрейре де Лиме 136 тысяч собранных мараведис, дополнив их 47 600 мараведис из собственного кармана, ветеран Лепанто отбыл в Мадрид, чтобы отчитаться о своей деятельности в роли сборщика налоговых недоимок.

От Севильи до Мадрида путь долгий — более 500 километров.

В мае Мигель уже в Толедо. От Фрейре нет никаких вестей, хотя Сервантес уже неоднократно писал ему с дороги. Он начал тревожиться — не случилось ли чего? И было из-за чего: Симон Фрейре, как скоро выяснилось, обанкротился и... исчез вместе с 60 тысячами дукатов.

Естественно, Сервантес спешно возвращается в столицу Андалусии и пытается каким-либо образом вернуть казенные деньги. Поздно — он был не одинок в своем несчастье, другие кредиторы уже наложили арест на имущество банкрота.

После нескольких месяцев неоднократных и, как казалось, безнадежных попыток Сервантесу удалось-таки вернуть собранные в Гранаде деньги. Но с гонораром, понятно, пришлось распрощаться. Такова была плата за свое невезение.

Но это было только начало в цепи неудач. В семье также возникли сложности.

Племянница Мигеля Констанса де Овандо, повзрослевший «плод» любовной связи одной из его сестер, к сожалению, не стала исключением из сложившейся в женской половине семьи Сервантесов «традиции» иметь

внебрачные связи. Дочь уверенно пошла по стопам своей матери и тетки.

В общем, все развивалось по обычной схеме. Любовником Констансы также по семейной «традиции» стал аристократ — Педро де Лануса, старше ее на пять лет. Он был братом Хуана де Ланусы, бывшего главного судьи (*primer magistrado*) Арагона, казненного четыремья годами раньше, в 1591 году, в Сарагосе по обвинению в пособничестве бегству во Францию бывшего секретаря Филиппа II Антонио Пересы.

Познакомились Констанса и Педро там же, где и жили, — в Мадриде. И их отношения успешно развивались в течение целых четырех лет. Ровно до того момента, когда Педро де Лануса был признан незамешанным в делах своего брата, пособника бегства Антонио Пересы, и не был полностью восстановлен в своих правах.

После своей реабилитации кавалер посчитал ненужным продолжать отношения с Констансой. Как в таких случаях и бывает, разрыв отношений имел определенный денежный эквивалент — 1400 дукатов, выплата которых растянулась на шесть лет. Договоренность между экс-любовниками была нотариально зафиксирована 5 июля 1595 года. Но получила ли Констанса компенсацию? История об этом умалчивает.

*

Месяцем раньше описываемых событий в Эскивиасе скончался Хуан де Паласьос, дядя жены Сервантеса. Его наследство было поделено между родней. В результате чего Каталине досталась одна из равных частей в виде двух виноградников, нескольких небольших оливковых посадок и еще кое-какого скарба.

*

О том, что делает в это время Сервантес, нам почти ничего не известно. Эта безвестность имеет протяженность в 20 месяцев, начиная с банкротства Фрейре и до его разбирательств с чиновниками казначейства. Возможно, будучи в Толедо, он навещал Каталину, но в этом можно сомневаться — ему нечем было помочь ей. Сервантес в связи с банкротством банкира попал в черную дыру. На него обрушились новые злоключения.

Бывшему герою Лепанто, а ныне мытарю предъявили недостачу в 80

тысяч мараведис. На ту самую сумму, которую он недополучил в Велес-Малаге, — она якобы была уже внесена в казну, о чем у должников имелись соответствующие документы. Но в бюрократическом механизме произошел очередной сбой, и Сервантес оказался крайним. Мадридский поручитель Суарес Гаско сообщил Мигелю, что ему необходимо как можно быстрее предстать перед своими работодателями. Опасаясь бегства своего подопечного, Суарес Гаско добивается приказа — явиться в суд в двадцатидневный срок.

В начале сентября 1597 года Гаспар де Вальехо, один из судей Аудиенсия де Севилья,^{147} получает королевское распоряжение: поручители Мигеля должны ликвидировать его долги, в противном случае должника надлежало за его собственный счет доставить в Мадрид, где он и будет задержан до дальнейших разбирательств. Однако Вальехо, то ли от недостатка ума, то ли умышленно, неверно понял суть требований казначейства. Королевская казна хотела взыскать с Сервантеса сумму недостачи — 80 тысяч мараведис и только. Вальехо же объявил комиссару, что необходимо внести все 2 миллиона 500 тысяч мараведис, деньги, которые ему поручил собрать Сетино и основную часть которых Сервантес уже сдал в казну.

Понятно, что никто не смог бы внести эту сумму, даже поручитель Мигеля Суарес Гаско, слишком уж она была велика. И можно себе представить душевное состояние Сервантеса, когда он узнал цифру недостачи, которую ему необходимо уплатить.

Бруно Франк так передал состояние своего героя: «Мигель увязывал пожитки. Он не оборачивался — может, пряча свои глаза. Он пробормотал (обращаясь к Гутьерресу. — А. К.), согнувшись над ларем: — Можешь присылать мне изредка чего-нибудь поесть и кварту-другую вина. Содержание, верно, мерзкое в вашей знаменитой тюрьме (севильской. — А. К.)».

Действительно, после того как ни поручитель, ни Сервантес не смогли внести указанную сумму, последний был арестован. Но вместо того чтобы, как было указано в приказе, отправить задержанного в Мадрид, Вальехо поместил его в местную севильскую тюрьму.

Судья совершил неправомочное действие. Вероятно, он почувствовал слабость Сервантеса и его беззащитность. Но как бы там ни было, герой Лепанто и алжирский пленник снова очутился за решеткой, на этот раз у себя на родине.

Нет, Сервантесу определенно не везло... Но разве в первый раз?

СЕВИЛЬСКАЯ ТЮРЬМА — МЕСТО РОЖДЕНИЯ «ДОН КИХОТА»?

«В богатой мошенниками Севилье не было другого места, где бы так планомерно и бессердечно обворовывали, как в Королевской тюрьме...

Как раз во времена Армады, ^{148} в дни тяжелой денежной нужды, он (король. — А. К.) заложил эту тюрьму одному богатому андалузскому гранду, герцогу Алькала. Герцог был слишком важной особой, чтоб самолично извлекать доход из подозрительного владения, — он его пересдал. Теперешний арендатор, он же директор, неумоимо обирал две тысячи своих арестантов...

В этой тюрьме ничего не давалось даром. Кто не желал есть один скверный хлеб, должен был платить. В гигантском здании имелось четыре больших походных буфета: вино и еду поставлял директор. Множество лавочек торговало зеленью и фруктами, уксусом и маслом, свечами, чернилами, бумагой: директор извлекал прибыль из каждой луковицы, из каждого гусиного пера. Кто получал съестные припасы с воли, обязан был платить пошлину. На все существовал тариф. Подметание полов, уничтожение блох в постелях, очистка стен от клопов, разрешение жечь свечи — все имело точно установленную расценку. Сторожа открыто требовали мзды, а кто не давал добровольно, у того брали силой. С заключенного попросту снимали одежду и продавали ее в особом помещении, которое так и называлось — „ветошная лавка“.

Здесь вообще все вещи назывались их собственными именами. В тюрьме имелось трое ворот: золотые, серебряные и медные, названные так сообразно качеству вручаемых при входе подачек. От платы зависело и жилье.

В этой тюрьме можно было жить превосходно, в уютных одиночных камерах верхнего этажа, и можно было жить адски, в зловонных загонах, по двести и триста человек в каждом.

Сервантес, мало осведомленный об этих порядках, да и не располагавший деньгами, оказался в „железной камере“ — обширном низком помещении первого этажа с крошечными окнами, выходившими в узкий переулочек позументчиков.

Койки стояли тюфяк к тюфяку. Ругань, крик и смех не смолкали ни на мгновение. Царило двусмысленное и сумасшедшее веселье. Кругом шла

игра. Под шум остервенелой божбы проигрывалась медная мелочь или грядущие добычи, гарантируемые „честным словом“. И каждый, во всяком случае, платил за удовольствие азарта. Потому что карты и кости поставлял директор...

Здесь не принималась в расчет причина ареста. Преступник, подследственный заключенный и неоплатный должник были уравнены в правах. Купец, не смогший уплатить по векселю, спал рядом с осужденным разбойником. С щеголем, чересчур задолжавшим своему портному, пререкался матереубийца, которого на дворе уже ожидала виселица. Буян и громила, шулер и фальшивомонетчик, содомит и осквернитель детей жили в фантастическом общении с людьми, которые ничем не провинились и должны были доказывать свою невиновность. Через зарешеченное отверстие заглядывали в женское отделение. Люк этот постоянно осаждался. За десять часов Сервантес обрел столько перлов выразительного сквернословия, сколько не насобирал за десять лет своей бродяжнической жизни.

Дверь „железной камеры“ была открыта настежь. Местные обитатели выходили и входили. Поминутно являлись шумно приветствуемые посетители.

Но когда Сервантес встал, намереваясь глотнуть где-нибудь свежего воздуха, ему преградили дорогу скрещенными алебардами. За постоянное право выхода следовало внести установленную плату. Взималась она и с беднейших — за право посещения отхожего места...

Утром оказалось, что он (Сервантес. — А. К.) не имеет возможности умыться. Он вручил тюремщикам половину своей наличности и получил доступ во двор, где между двумя виселицами бил фонтан.

Несколько часов спустя в зале началась раздача хлеба; на трех заключенных — по одному большому черному, плохо выпеченному хлебу. Но так как ни у кого из арестантов не было ножей, им приходилось прибегать к внешней помощи. Тянулись гуськом к специальному откупщику, который разрезал каждый хлеб на четыре части, — средний кусок он оставлял себе для продажи. По-видимому, он платил немалые деньги директору».

К этому описанию Бруно Франка добавить нечего — оно исчерпывающее и ценно тем, что базируется на реальных исторических описаниях севильской тюрьмы, оставленных прокурором (*procurador*) Кристобалем де Чавесом. Чиновник испанского правосудия метко охарактеризовал сие заведение как «реальное воплощение ада на земле».

Да, именно в таком месте очутился экс-солдат и экс-комиссар Мигель

де Сервантес.

Точное время пребывания писателя в тюрьме неизвестно, но мы знаем, что оно длилось несколько месяцев.

Что было делать? На что можно было надеяться и рассчитывать? На верного друга Гутьерреса? Но он, вероятно, устав от бесконечной помощи человеку, которого постоянно преследуют неудачи, исчез из жизни Сервантеса. Начиная с 1593 года его имя ни разу не встречается в документах, касающихся писателя, известно только, что, оставив завещание, он умер в Севилье 19 февраля 1604 года.

Возможно, за Сервантеса ходатайствовал его работодатель Агустин Сетина, чтобы защитить свою репутацию человека, умеющего подбирать честных исполнителей.

Во всяком случае, все эти пути освобождения из тюрьмы были ненадежны. Надо было рассчитывать только на свои силы. Видимо, он так и считал. Сервантес написал обстоятельное письмо непосредственно Филиппу II. Это послание до нас не дошло, но зато мы имеем ответ, датированный 1 декабря 1597 года. В нем содержалось указание освободить Сервантеса из тюрьмы для поездки в Мадрид, где он должен будет предстать перед чиновниками королевского казначейства. Но даже если он и не сможет явиться в Мадрид, как то следовало из письма, это не беда, так как у проштрафившегося есть поручители, которые и внесут в казну недостающую сумму.

Это было похоже на индульгенцию, но между посылкой письма и получением высочайшего ответа прошло целых два месяца, а Сервантес наверняка считал даже часы, проведенные в тюремной камере.

Судье Гаспару де Вальехо ничего не оставалось, как повиноваться королевскому приказу. Но когда он выпустил Сервантеса?

Согласно версии Астраны Марина, еще в марте 1598 года Мигель де Сервантес, все еще находясь в тюрьме, получил новое распоряжение казначейства — отчитаться за свои продовольственные «комиссии» 1591–1592 годов, но продолжал сидеть в тюрьме. Это объясняется тем, что, получив предписание освободить писателя, судья Вальехо установил за освобождение Сервантеса очень высокий залог. Он имел на это право, и королевский указ позволял сделать такой маневр. Поэтому писатель, не имея возможности его внести, был вынужден оставаться в тюрьме до апреля 1598 года, когда, очевидно, боясь «перегнуть палку», судья должен был выпустить заключенного.

Некоторые исследователи предполагают, что Сервантес был освобожден сразу же после получения королевского приказа, то есть в

январе.

Как бы то ни было, но в Мадрид автор «Галатеи» не поехал, так и не представ для отчета перед чиновниками казначейства. Однако история с недостатками на этом не закончится — через несколько лет она снова его коснется, причинив немалые неприятности.

*

Пребывание в этой страшной тюрьме для Сервантеса было тяжелым испытанием.

Вместе с тем с высокой степенью вероятности можно предположить, что именно в этом «адском» месте и зародилась идея «Дон Кихота»,^[149] скорее всего, даже была начата сия великая книга, поэтому род человеческий должен благодарить судьбу, что она распорядилась именно таким образом — заключив Мигеля де Сервантеса в темницу, «обиталище одних лишь унылых звуков».

Но в какой именно тюрьме зародился «Дон Кихот»?

В исследованиях жизни Мигеля де Сервантеса фигурируют несколько мест его пребывания за решеткой: ламанчская деревушка Аргамасилья де Альба, Кастро дель Рио, Севилья (1597–1598) и снова Севилья, уже 1602 год. Соответственно, в каждом из этих мест заключения мог зародиться «Дон Кихот».

Аргамасилья де Альба... В качестве главного аргумента в пользу этой деревушки приводится первая фраза из «Дон Кихота»: «В некоем селе ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, жил-был один идальго...» Название селения — Аргамасилья де Альба выводится из завершающих первую часть романа пародийных сонетов и эпитафий на смерть незадачливого странствующего рыцаря, сочиненных аргамасильскими академиками Черномазом, Лизоблюдом, Сумасбродом, Зубоскалом, Чернобесом и Тики-Таким.

Сейчас ясно, что эта гипотеза, выдвигавшаяся ранними исследователями жизни и творчества писателя, не имеет под собой основания. В этой ламанчской деревушке Сервантес никогда не был. К тому же в XVI веке в Аргамасилье де Альбе не было тюрьмы.

Еще одно возможное место рождения Рыцаря Печального Образа — Кастро дель Рио, где в 1592 году был на короткое время заключен в тюрьму Мигель де Сервантес, но есть и серьезные сомнения в этой версии.

Жан Канаважио считает эту гипотезу возможной, если все

составляющие библиотеку Дон Кихота книги полагать напечатанными ранее 1592 года. Однако не надо забывать, что задержание Сервантеса было очень коротким, к тому же маловероятно, что все его разборки с местными властями могли ему дать достаточно спокойного времени, чтобы отдаться творческому порыву.

Остается тюрьма в Севилье. Факт содержания Сервантеса под стражей в 1602 году вызывает у исследователей большие сомнения. Стало быть, скорее всего, речь идет о самом достоверном и длительном тюремном «времяпрепровождении» писателя — в Севилье в конце 1597-го — начале 1598 года.

Действительно, чего-чего, а времени здесь у писателя было предостаточно. Однако обстановка в «обиталище унылых звуков», так, как ее описывают историографы, не могла располагать к написанию романа. Скорее всего, мы можем говорить о возникновении у Сервантеса первоначальной идеи, которая позже трансформируется и разовьется в гениальное произведение. Под первоначальной идеей в данном случае мы подразумеваем образ сумасшедшего идальго из Ла-Манчи, который вообразил себя рыцарем, начитавшись рыцарских романов, и отправился совершать подвиги.

Глава 7

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

XVI век — самый, пожалуй, великий в истории Испании — уходил из своего обиталища, уступая место новому веку.

На стыке времен люди всегда ждут перемен, в надежде на лучшее. У Сервантеса позади большой период жизни длиною больше чем пятьдесят лет. Он перепробовал много служб, должностей, успел повоевать и посидеть не только в плену, но и в тюрьме. Но все это позади.

Теперь он был свободен и снова мог взяться за перо. Обретал свои реальные контуры роман века — «Дон Кихот». Вполне возможно, что замысливался он писателем как повесть или рассказ. К такому выводу приходят исследователи текста, в частности Рамон Менендес Пидаль,^[150] который увидел следы повести в структуре произведения. Другие соглашаются с этим выводом, находя в «Дон Кихоте» неточности и несостыковки, как, например, известный эпизод с ослом Санчо, которого у него сначала украли воры, а затем безо всякого объяснения он снова оказывается у оруженосца. Такие казусы могли получиться в результате многократных изменений и расширений первоначального текста, который, очевидно, был чем-то вроде болванки, к дописыванию и развитию которого автор возвращался неоднократно и с большими перерывами. Одна из вставных новелл в «Дон Кихоте» — рассказ Пленника был, весьма вероятно, написан во время первых продовольственных вояжей Сервантеса по Андалусии. Другая подобная новелла «О безрассудно-любопытном» — несколькими годами позже. Это, однако, предположения. Учитывая, что сведения об этом отрезке жизни героя Лепанто очень скудны, мнения биографов разнятся, особенно в части хронологии написания произведений. Ряд ученых полагает, что именно в это время Сервантес пишет первые главы «Странствий Персилеса и Сихизмунды», своего последнего и увидевшего свет только после смерти писателя романа. Вероятно, что тогда же он написал две короткие новеллы в итальянском стиле «Сеньора Корнелия» и «Две девицы».

В театральной жизни империи в это время происходят не лучшие изменения. В связи со смертью в ноябре 1597 года доньи Каталины, герцогини де Сабойа, дочери Филиппа II, которая, будучи юной инфантой, «удостоилась» стихов Сервантеса, король повелел временно прекратить театральные действия в Мадриде. Этим предлогом воспользовались церковники, мракобесы и просто ненавистники театра,^[151] которые тут же

начали ходатайствовать перед монархом за превращение этого запрета из временного в постоянный. Противники лицедейства доказывали, что оно наносит «тяжелый ущерб» подданным Его величества, так как «порождает в них праздность и склоняет к безделью». В результате королевским указом от 2 мая 1598 года театры были закрыты, актерские труппы начали распадаться. В Севилье администратор тюрем Мельчор Перес де Молина подал в столицу прошение «о необходимости представлений комедий для бедных заключенных» — напрасные усилия. Неизвестно, сколько бы длился этот запрет на театральные постановки, если бы не скорая смерть Филиппа II.

По отдельным дошедшим до нас документам видно, что после выхода из тюрьмы герою Лепанто живется крайне трудно. Театр не работает, значит, и этот источник хоть какого-то дохода закрыт. Сервантес пытается заниматься коммерцией, в коей он, правда, никогда не преуспевал. В сентябре 1598 года он берет в кредит 11 аршин^{152} черного шерстяного сукна. А двумя месяцами позже, в начале 1599 года, участвует в какой-то темной истории с продажей галет. 10 февраля того же года некий Хуан де Сервантес, дальний родственник или просто однофамилец, возвращает ему долг в 90 дукатов.

Неустроенная жизнь, конечно, подрывает силы и радостей не приносит.

*

В 5 утра 13 сентября 1598 года в Сан-Лоренсо скончался король Испании Филипп II, правитель сложный и противоречивый. Перед смертью он наказывает своему сыну, наследнику трона Филиппу III, свято блюсти католическую веру и справедливо управлять своими подданными.

Его кончина не стала неожиданностью. В свои семьдесят лет Филипп II был полной развалиной. Последние два года он уже не мог стоять на ногах. Его хронические болезни обострились: подагра, язвы, малярия, дизентерия основательно разрушали организм. Но он переносил боль со стоическим мужеством и до последнего своего часа, как в свое время его отец, не выпускал из своих рук бразды управления делами государства. Он активно осуществлял реформирование государственной структуры власти. Созданная им Хунта проводила свои заседания под руководством его племянника эрцгерцога Альберто, а затем под председательством наследника престола, который позднее станет «володети» Испанией под

именем Филиппа III. Однако король самолично вникал во все дела, даже такие мелкие, как реконструкция центра Толедо, пострадавшего от пожара.

Кончина Филиппа была своего рода символом заката могущественной империи, в «границах которой никогда не заходило солнце».

Напряженная и долголетняя борьба за создание мировой католической монархии, начатая еще Карлом V и продолженная его сыном Филиппом, вконец истощила страну. Финансовая система страны была подорвана бесконечно продолжавшимися войнами, требовавшими огромных материальных и физических затрат. А живущие рядом соседи, такие, как Англия и Нидерланды, уступавшие Испании в своих размерах, успешно справлялись с этим колоссом.

Агрессивная внешняя политика повлекла за собой увеличение числа налогов и разнообразных податей, что вкуче со следовавшими один за другим неурожайными годами губительно сказалось на платежеспособности населения. Громадные и зачастую бессмысленные траты королевского двора заставляли обращаться за кредитами к иностранцам, в частности к богатым генуэзцам.

Буквально лавиной поступающее из колоний золото, серебро и другие ценности, как это ни странно, только разрушали экономику Испании. Зачем было что-либо производить, если все можно без трудностей купить у соседей? Все эти причины к концу XVI века привели к уменьшению численности населения с 10 до 8 миллионов человек. Изменилась и социальная структура общества. Существенно увеличилось количество «авентуреров» и «пикарро», люмпенизированных социальных элементов, образ жизни которых был прекрасно описан в романе «Жизнеописание Гусмана де Альфараче» Матео Алемана, в новелле Сервантеса «Ринконете и Кортадильо», позднее Велесом де Геварой в «Хромом бесе» (1641). Число нищих, бродяг и авантюристов достигло к концу века 150 тысяч человек — цифры огромной для того времени. Для сравнения можно сказать, что к 1570 году в этой католической стране монахов и монахинь насчитывалось около 400 тысяч.

Означало ли все это, что с могуществом испанской монархии покончено? Отнюдь нет — гигантские империи умирают медленно, сколь бы ни были тяжелы потрясающие их катаклизмы. Испания по-прежнему продолжала быть главной мировой силой, и хотя ее враги могли не соглашаться с этой гегемонией, они были не в силах противостоять ей.

Однако Испании было пора подумать о завершении разрушительных для ее экономики войн и налаживании добрых отношений со своими соседями. И 2 февраля 1598 года Филипп II подписал с Францией

Вервенский мирный договор. А в начале мая 1598 года передал бразды правления фламандскими колониями своей любимой дочери Исабель, чьим мужем уже был определен его племянник эрцгерцог Альберто. Это решение стало благоприятной почвой для заключения перемирия между католиками и протестантами в Нидерландах.

Из основных очагов конфликтов оставалась только Англия, но после смерти «протестантской» королевы Елизаветы I^{153} в 1603 году ситуация существенно упростится и станет возможным начало переговоров.

Если для Испании грядущие времена отнюдь не сулили подъема и были окрашены в закатные тона, то для Сервантеса, напротив, наступал самый плодотворный период его творчества, хотя его физическая жизнь клонилась к закату. За полтора десятка лет до смерти писателем будут созданы его лучшие произведения: «Дон Кихот», 1-я и 2-я части, «Назидательные новеллы», «Восемь комедий и интермедий».

После того как в начале 1599 года Сервантес получит долг в размере 90 дукатов,^{154} сумму весьма незначительную, в течение четырех лет, начиная с лета 1600-го и до лета 1604-го, мы не имеем о нем практически никаких сведений, но по всей вероятности, он уехал из Севильи еще весной, так как на город обрушилась эпидемия черной чумы, свирепствовавшая до 1601 года.

Осенью 1599 года Сервантес, скорее всего, находится в Мадриде, где в связи со вступлением на престол Филиппа III были устроены пышные торжества.

Весной 1600 года мы снова обнаруживаем следы Сервантеса в Севилье — в качестве свидетеля он присутствует на судебном разбирательстве по делу Агустина де Сетины. Из документов можно сделать вывод, что автор «Галатеи» продолжает жить в Севилье, но часто бывает в разъездах.

*

А двумя годами раньше писателя посещают воспоминания о далекой молодости. В мае 1598 года умирает Ана Франка де Рохас, его любовница и мать Исабелли де Сааведры. Двух своих дочерей Ана Франка оставляет на попечение некоего мадридского прокурора, который в следующем 1599 году будет назначен официальным опекуном двух сирот.

Через два дня после назначения опекуна, 11 августа 1599 года, младшая — Исабель, дочь Мигеля, идет в услужение к Магдалене де

Сервантес. В нотариальном контракте, составленном в связи с этой работой, обозначено, что девушка является дочерью покойного Алонсо Родригеса, мужа Аны Франки. Между тем в том же документе она проходит как Исабель де Сааведра и лицензиат Хуан де Сервантес называется ее дедом. Косвенным образом Мигель признал свое отцовство. Теперь, после смерти Аны Франки и ее мужа, скрывать было нечего, хотя, вероятно, у Сервантеса были мотивы открыто не назваться отцом Исабель. Возможно, таким способом дон Мигель желал сохранить доброе имя покойной возлюбленной.

*

На рубеже веков произошло еще одно событие, хотя внешне это был малозначительный культурный факт. Но если брать его в исторической перспективе, то он окажется весьма значительным литературным явлением. В 1599 году в Мадриде была обнародована первая часть «Жизнеописания Гусмана де Альфараче, дозорной башни человеческой жизни» — известнейшего плутовского романа.

Произведение имело огромный успех — 23 издания в течение шести лет, что привело в 1604 году к появлению второй части этого авантюрного опуса, встреченного читателями с не меньшим интересом.

Автором романа был современник Сервантеса Матео Алеман (букв. Матео Немец). Между двумя писателями было много общего. Как и Сервантес, Алеман был сыном «сурухано» — испанского фельдшера, имел касательство своей службой с финансами — был чиновником казначейства, также сидел в тюрьме, правда, за долги. Родился он, так же как и Сервантес, в 1547 году в Севилье, но в отличие от автора «Дон Кихота», однако, не чисто христианских кровей, а так называемым «конверсо», то есть обращенным в христианство из другой веры. Отличие, надо заметить, весьма существенное для Испании тех времен. В конце жизни, полной злоключений, Матео Алеман уехал в Америку, где и умер около 1614 года.

Плутовской роман является одним из основных жанров в испанской литературе эпохи Возрождения. Его формирование относится к середине XVI века. Можно сказать, что он пользовался не меньшей популярностью, чем рыцарские романы и пасторали. Подобное произведение обычно писалось в форме автобиографии, написанной самим главным героем — «пикаро».

Этимология этого слова точно неизвестна, некоторые полагают, что

оно пришло из французской провинции Пикардия, откуда в Испанию приехало много авантюристов и бродяг, другие считают, что это слово восходит от испанского «*picar*» — «клевать, щипать, колоть».^{155} В любом случае слово «пикаро» закрепилось в испанистике как термин, обозначающий пройдоху и авантюриста.

Первым плутовским романом была анонимная книга «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его удачи и злоключения» (1554).

Его сюжет в общем прост и в той или иной степени повторяется в последующих произведениях этого жанра. Герой романа Ласаро родился на мельнице, стоявшей на реке Тормес. С раннего детства он наблюдал, как все вокруг плутовали. Пройдя трудную жизненную школу, полную самых невероятных приключений и злоключений, в конце жизни Ло-саро становится если не богатым, то человеком с достатком.

Уже в 1559 году Инквизиция внесла роман в «Индекс запрещенных книг» за содержащиеся в нем шутки и издевки над церковью и ее служителями. Надо заметить, что в большей или меньшей степени насмешки над официальной церковью присутствуют почти в каждом плутовском романе.

Сюжет «Гусмана де Альфараче» Матео Алемана в общих чертах повторяет «Дасарильо с Тормеса». Главный герой повествует о себе, будучи уже человеком, отказавшимся от бродяжничества и плутней и вступившим на путь добродетели. Как правило, во всех книгах плутовского жанра повествование велось от первого лица и в прошедшем времени, так как герой рассказывал о себе *postfactum*. Название произведения обычно включало в себя имя лица, которое само о себе и повествовало. Жанр стал настолько популярным, что Сервантес в «Дон Кихоте» не преминул упомянуть его с иронией в эпизоде с освобождением вора Хинеса де Пасамонте в XXIII главе I-й части романа:

«— До того она (книга. — А. К.) хороша? — осведомился Дон Кихот.

— Она до того хороша, — отвечал Хинес, — что по сравнению с ней *Ласарильо с берегов Тормеса* и другие книги, которые в этом роде были или еще когда-либо будут написаны, ни черта не стоят. Смею вас уверить, ваше высокородие, что все в ней правда, но до того увлекательная и забавная, что никакой выдумке за ней не угнаться.

— А как называется книга? — спросил Дон Кихот.

— *Жизнь Хинеса де Пасамонте*, — отвечал каторжник.

— И она закончена? — спросил Дон Кихот.

— Как же она может быть закончена, коли еще не кончена моя жизнь? — возразил Хинес. — Я начал прямо со дня рождения и успел довести мои

записки до той самой минуты, когда меня последний раз отправили на галеры.

— Значит, вы уже там разок побывали? — спросил Дон Кихот.

— Прошлый раз я прослужил там Богу и королю четыре года и отведал и сухарей, и плетей, — отвечал Хинес. — И я не очень жалею, что меня снова отправляют туда же, — там у меня будет время закончить книгу. Ведь мне еще о многом предстоит рассказать, а у тех, кто попадает на испанские галеры, досуга более чем достаточно, хотя, впрочем, для моих писаний особо длительного досуга и не требуется: все это еще свежо в моей памяти».

Плутовские романы благодаря представленной в них широкой панораме социальной жизни являются для исследователей неисчерпаемым источником информации о быте эпохи. Эти книги изобилуют множеством любопытнейших деталей и наблюдений, замеченных глазом выдавшего виды человека.

ФИЛИПП III БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

Смена эпох может быть отмечена хронологически, в строгих цифровых датах, а также психологически — на уровне мироощущения. В Испании при переходе из века XVI в век XVII оба эти измерения совпали. С приходом к власти Филиппа III все почувствовали, что Испания вступила не только в новый век, но и в новое царствование.

Новоиспеченному королю едва исполнилось 20 лет, и по сравнению с правившими до него Карлом V и Филиппом II он выглядел несколько «бледно». От своего отца он унаследовал благочестие и набожность, за что и получил от современников прозвище Филиппа Благочестивого. Но это, пожалуй, было единственное, что их сближало. Если предыдущий владыка Испании был неутомимым тружеником, по многу часов подряд проводил за рабочим столом, внимательно изучая документы, встречаясь с министрами и чиновниками, принимая решения по тому или иному вопросу, то его преемник испытывал искреннее отвращение к управлению государством. Это стало понятно сразу после его вступления на престол.

Едва кончился траур, как в апреле 1599 года, исполняя предсмертную волю отца, Филипп III заключил брак со своей кузиной Маргаритой Австрийской. В этот же день сестра нового короля Исабель Клара Эухения, которой, как мы уже писали, были переданы в правление Нидерланды, должна была венчаться с эрцгерцогом Альберто.

Двойное торжество было решено провести в Валенсии, где весна была более мягкой. Процедура бракосочетаний сопровождалась грандиозными торжествами и гуляньями.

Лопе де Вега, будучи в это время секретарем маркиза де Саррий, присутствовал на празднестве, благодаря чему осталось его подробное описание. История причудливо переплетает свои нити — позднее де Сарриа станет графом де Демосом, будущим покровителем Мигеля де Сервантеса.

Филипп II, понимая, что его сын не сможет самостоятельно управлять страной, как-то заметил: «Господь Бог, который дал мне столько владений, отказал в сыне, способном управлять ими... Боюсь, что им самим будут управлять другие!»

Он оказался абсолютно прав. Едва наследник вступил на трон, как рядом с ним оказался Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас, маркиз де Дения. Он удалил от двора ближайших советников покойного короля и

назначил своего близкого родственника Миранду главой Совета Кастилии. Несколькими месяцами позже он отдаст должность архиепископа Толедского своему дяде кардиналу Сандовалю-и-Рохасу, который, кстати сказать, станет для Сервантеса вельможным покровителем.

Позднее Филипп III превратит маркиза де Дению в герцога де Лерма и сделает своим министром. В Испании на 19 лет установится эпоха фаворитов со всеми вытекающими отсюда для страны негативными последствиями.

По существу испанское государство вернулось к практике конца Средневековья, временам покровителей и их фаворитов, которая прекратилась с приходом к власти Исабель Католической.

Труды Карла V и покойного Филиппа II по укреплению государственного механизма пошли прахом.

В этой неразберихе было принято решение, являвшееся своего рода символом конца эпохи правления Филиппа II — о переносе столицы из Мадрида в Вальядолид. И 1 января 1601 года начался переезд двора.

А 10 января Вальядолид был официально объявлен новой столицей Испании. Формальным объяснением переноса столицы стало слабое здоровье нового короля, которому тяжело переносить «суровые» мадридские зимы, кроме того, в Вальядолиде якобы жизнь менее дорогая.

Скорее всего, переезд стал следствием дворцовых интриг. Вероятно, герцог де Лерма, главный любимец короля, организовал переезд, желая удалить Филиппа от его бабки, императрицы Марии Австрийской, которая откровенно не жаловала фаворита. Естественно, имелся и материальный интерес — герцог получил 40 тысяч дукатов, а также многочисленные посулы от «отцов» Вальядолида за перенос столицы в их город.

Нечего и говорить, что перемещение двора из Мадрида крайне негативно сказалось на множестве мелких торговцев и ремесленников, живших заказами вельмож и их семей.

НА ПУТИ В ИСТОРИЮ

Для семьи Сервантесов жизнь изменилась к худшему. Сестры Мигеля Андреа и Магдалена со своими чадами жили в Мадриде. Они зарабатывали тем, что обшивали и обстирывали многочисленных дворцовых и околослужбных вельмож и их слуг, и переезд двора отнял у них скудные средства к существованию.

Сам Сервантес ведет по-прежнему передвижнический образ жизни: Севилья, Эскивиас, Мадрид. Живет, скорее всего, случайными заработками.

В 1600 году семью Сервантесов посещает новое несчастье: 2 июля во Фландрии в сражении у Ньюпорта, прозванном битвой «при дюнах», войска эрцгерцога Альберто потерпели поражение от Маурисью де Нассау. В этом кровопролитном сражении погиб младший брат Мигеля Родриго де Сервантес. Обстоятельства его смерти неизвестны.

Беда оказалась тяжелей вдвойне, ведь Родриго прошел огонь и воду, выжил в тяжелейших битвах. Он участвовал в великом сражении при Лепанто, воевал в Италии, Фландрии, на Азорских островах. Видимо, был искусным солдатом, так как не был покалечен и в течение стольких лет оставался в строю, постоянно повышаясь в чине. Родриго прослужил почти тридцать лет и достиг чина прапорщика (alferez). И вот, когда казалось, что Испания благодаря стараниям покойного короля Филиппа практически завершила все свои войны...

Утрата Родриго обрушилась на дом Сервантесов, как и все несчастья, неожиданно и ошеломляюще. Вся семья глубоко переживала смерть Родриго, но особенно страдал Мигель. Вместе с Родриго они воевали и победили при Лепанто, пережили алжирский плен, такие события навсегда связывают людей крепче любых родственных уз.

За государством осталось недополученное Родриго жалованье. Выплата затянулась на несколько десятилетий. Какие-то суммы удалось получить еще при жизни Мигеля, другие в 1640, 1651, 1652 и 1654 годах выплачивались Исабель де Сааведре. Но вся сумма так и не будет выплачена.

Печальное известие, вероятно, застало Сервантеса в Толедо, где 19 августа 1600 года брат его жены Фернандо де Саласар Паласьос, 19 лет от роду приняв обет под именем брата Хуана де Саласара, стал францисканским монахом. Поступок молодого человека не выглядел

необычным или выдающимся, в то время отречение от светского мира в юном возрасте представлялось делом почти что привычным. Наследство он завещал сестре Каталине и старшему брату Франсиско, Мигель назначался исполнителем.

В самом начале 1602 года жена Мигеля Каталина продала за 10 200 мараведис кусок своей земли своему родственнику Габриэлю Кихаде де Саласару, о котором мы еще расскажем. Сервантеса в это время в Эскивиасе не было. Он приедет чуть позже и будет в конце января этого же года в качестве крестного отца участвовать в крещении Марии, дочери Бартоломе де Ухены и Анны де ла Пелены. Старая знакомая Мигеля Хуана Гайтан станет крестной. Вероятно, она и порекомендовала писателя в качестве «padrino» — крестного, так как сам он редко бывал в Эскивиасе и его близкое знакомство с родителями новорожденной маловероятно.

Жизнь Сервантеса по-прежнему не ладится. Даже те неприятности, о которых он уже давно забыл, снова и снова дают о себе знать. В середине сентября 1601 года королевское казначейство возобновило дело по тем самым 80 тысячами мараведис «малагской» недостачи, за которые Сервантес отсидел полгода в севильской тюрьме в 1597–1598 годах и которые он внес в казну. 24 января 1603 года будет представлен новый запрос.

В связи с этим К. Державин говорит о втором заключении Сервантеса: «Второе заключение постигло его в Севилье в 1597 году по обвинению в недостаче при окончательном расчете по сбору налоговых недоимок. По этому же обвинению он был снова подвергнут тюремному заключению... Сервантес покинул (тюрьму. — А. К.) в первые месяцы 1603 года, унося с собой начатую здесь рукопись „Дон Кихота“».

Мы не имеем сведений о том, что писатель опять оказался за решеткой. Жан Канаважио полагает, что «речь идет, скорее всего, о тюремном заключении 1597 года, после которого казна умножила усилия в надежде получить разъяснения от своего старого агента».

Разыскания Астраны Марина также утверждают нас в мнении, что тюремного заключения не было. В противном случае он бы не мог присутствовать на крестинах в качестве крестного, как полагает В. Багно.

Именно в это время, судя по всему, Сервантес работает над «Дон Кихотом». Жан Канаважио пишет, что «письмо кабальеро своей племяннице, воспроизведенное в 25-й главе первой части, датировано 20 августа, и если Сервантес продолжал следовать своим писательским привычкам, это не может обозначать ничто иное, как только дату его написания романистом».

Дата известна, теперь остается выяснить год. Основываясь на косвенных доказательствах, предположительно это 1602-й. Но главное — роман пишется.

Место обитания его автора — в разъездах. Вероятно, Сервантес делит свое пребывание между Мадридом, Толедо и Эскивиасом, благо все города располагаются недалеко друг от друга.

Сестры Мигеля продолжают жить в Мадриде. Они по-прежнему занимаются пошивом вещей. В начале февраля 1603 года Андреа получает сумму в 788 реалов «от дона Педро де Толедо, маркиза де Вильяфранка — плата за шитье и стирку для него и его жены, 68 штук нижнего белья». Документ подписан Сервантесом, что свидетельствует, что он живет где-то неподалеку.

Семейство Сервантесов решается на отъезд из Мадрида. Ведь Андреа обшивала в основном людей богатых, многие из них находились при королевском дворе, теперь вся клиентура выехала вместе со свитой короля, и потеря ее была равна голодной смерти. Самый разумный выход — поспешить за своими клиентами в новую столицу королевства.

Сервантес работает над романом и присоединится к своим сестрам, дочери и племянницам только в начале лета 1604 года. Он будет размышлять об издании своего детища, когда встретится с Франсиско де Роблесом. В свое время Блас де Роблес выпустил в свет «Галатею», теперь издательский бизнес унаследовал его сын — Франсиско де Роблес. Он имел книжную лавку на Пуэрта де Гвадалахаре в Мадриде, а с переносом столицы в Вальядолид сразу же открыл торговлю, и там Сервантес быстро понял, что это тот, кто ему нужен.

Но для начала было необходимо получить королевскую привилегию на издание романа. Как правило, это занимало три-четыре месяца, что ускорило решение о переезде писателя в столицу. В конце сентября 1604 года королевская привилегия на издание «Дон Кихота» будет получена.

В Вальядолиде к Мигелю присоединится жена Каталина; уладив все имущественные и долговые дела, она переедет в новую столицу королевства. Супруги, так долго жившие порознь, наконец соединятся. Теперь уже до самой смерти Сервантеса.

*

Герцог де Лерма, определяя столицей империи Вальядолид, преследовал свои цели. Однако выбор был сделан верно — город

действительно имел множество достоинств: удобное стратегическое расположение с хорошими коммуникациями, плодородные земли и население более 60 тысяч человек. Большой урон Вальядолид понес в 1561 году, когда пожар разрушил подавляющее большинство зданий деревянной постройки. Между тем это было и существенным плюсом — город был отстроен заново в соответствии с последними достижениями градостроительства, что существенно улучшило его облик. Так, Пласа Майор^{156} стала жемчужиной архитектурного искусства XVI века. А дворцы и церкви своим количеством и роскошью превосходили мадридские.

С переездом двора в Вальядолид и перемещением всех административно-государственных структур королевства, а с ними чиновников и их семей расширились границы города. Потребовалось дополнительное жилье. И чтобы избежать беды Мадрида — плохих, неказистых построек, всеильный временщик герцог де Лерма приказал, чтобы новые дома строились в три этажа, а их фасады красились в синий и золотой цвета. Естественно, в новых постройках жили исключительно привилегированные сеньоры, все остальные обживали городские предместья, где по-прежнему строили хибары для небогатых и бедняков.

Дом, где жил Сервантес, находился в пригороде Вальядолида. Строение, принадлежащее некоему Хуану де лас Насасу, располагалось далеко не в самом лучшем месте под названием Растро де лас Карнерос, что с испанского можно примерно перевести как «Баранья скотобойня». Местечко имело право на свое имя — там действительно находилась муниципальная скотобойня, вплотную примыкавшая к госпиталю «Ресурексьон»,^{157} где начинается и заканчивается «Новелла о беседе собак». Рядом со всеми этими постройками протекала речка Эгуэва. Грязь кругом была несусветная. В дополнение ко всему на первом этаже дома, где расположилась семья Сервантесов, находилась таверна, куда частенько захаживали мясники пропустить стаканчик-другой.

Вместе с Мигелем жили Андреа и Магдалена, жена Каталина, дочь Исабель, племянница Констанса и служанка Мариа де Севальос. Так уж получилось, но дом, где расположилась семья Сервантесов, заселили сплошь их знакомые и родственники. На втором этаже, над таверной, жил писатель и его близкие. На этой же лестничной площадке поселилась донья Луиса де Монтойя, вдова прославленного историка Эстебана де Гарибая,^{158} со своей дочерью и двумя сыновьями, этажом выше снимала квартиру Хуана де Гайтан, старая приятельница Мигеля, приехавшая из Эскивиаса

вместе со всей семьей. На самом верху поселилась некая старуха Исабель де Айала, которая, как вскоре выяснится, была собирателем и хранителем всех слухов и сплетен, бродивших по дому. В общей сложности 20 человек в 13 квартирах.

Это была весьма шумная компания. По лестницам дома движение не прекращалось ни на минуту. Приходили и уходили друзья, родственники, знакомые и клиенты. Во дворе играли и кричали дети. Ближе к вечеру на первом этаже в таверне собирались и бузили подвыпившие мясники. Вся эта суета, конечно, мешала писателю, но, невзирая на это вавилонское столпотворение, день за днем он приближал выход «Дон Кихота».

*

Вслед за королевским двором в новую столицу королевства приехало большое количество писателей и поэтов. Среди них — много знаменитостей: Велес де Гевара, Гонгора, Висенте Эспинель, Суарес де Фигероа, Салас Барбадильо, Грасиан Дантиско, Хусто Липсьо, студент Франсиско де Кеведо. Благодаря этому многие связи и знакомства Сервантеса завяжутся именно в вальядолидский период его жизни. Этому, безусловно, будет способствовать и успех в скором времени появившегося «Дон Кихота».

Открылись театры, в свое время прикрытые Филиппом II. Огромный успех имеет «новая комедия», отцом которой был Лопе де Вега. Суть своей поэтики Лопе изложил в стихотворном трактате «Новое искусство сочинять комедии», который адресовал Мадридской академии. Здесь он обосновал идею «простонародной», внеклассицистической национальной драматургии. «Новая комедия» — это протест против утвержденных норм литературной науки тех времен. Лопе сделал пьесу занимательной, смешной и грустной одновременно, а главное, «приблизил» ее к народу, который толпами валил на постановки его комедий.

В то время как Сервантес совершал свои «продовольственные» вояжи, Лопе учился писать «новые» пьесы. Как драматург он сформировался в кругу валенсианских писателей, группировавшихся вокруг Гильена де Кастро и также трудившихся над «новым искусством». Лопе обогатил их опыт и стал лучшим. И когда Филипп III вновь разрешил строить театральные подмостки, он оказался «на коне».

Отношения двух великих художников складывались неровно. Много лет они не встречались. А в 1602 году автор «Дон Кихота» пишет

похвальный сонет Лопе. Обыгрывая имя драматурга, он называет его «безмятежной и вечно зеленой Долиной».^[159] А вот в 1603 году Сервантес пишет на драматурга некую стихотворную сатиру. Он и в «Дон Кихоте» упрекнул Лопе в нарушении общепризнанных «правил искусства» — в потакании вкусам публики и актеров. И хотя прямо Лопе де Вега не называется, его можно легко узнать, когда каноник, размышляющий о современной драматургии, произносит следующую тираду: «В доказательство можно сослаться на бесчисленное множество комедий одного нашего счастливейшего писателя, исполненных такого блеска и живости, столь изящным стихом написанных, содержащих в себе столь здравые рассуждения и столь глубокомысленные изречения, наконец самый слог которых до такой степени изыскан и высок, что слава о них идет по всему свету, и все же из-за того, что автор желает угодить вкусам актеров, далеко не все, а только некоторые из них являют собой перл создания».

Лопе выпад явно не понравился. Об этом говорит фраза из его письма от 4 августа 1604 года; рассуждая о постороннем предмете, он замечает: «Вещь для меня более ненавистная, чем... мои комедии для Сервантеса». Там же, говоря о других поэтах, Лопе де Вега бросает: «Никто из них так не плох, как Сервантес, и не так глуп, чтобы хвалить „Дон Кихота“». Таким образом, к моменту появления романа их отношения были крайне натянутыми.

Между тем Сервантес, несмотря на свой возраст и опыт, считался в среде литераторов начинающим писателем, Лопе же был звездой. Его пьесы стремились ставить все театры, которые были вновь открыты. Но уже прежней вольницы театру все же не вернули. Власть, желая сохранить над ним свой контроль, указом от 26 апреля 1603 года запрещала давать представления во время Великого поста. Бродячие труппы не могли более выступать в больших городах. Только восемь трупп, в которые актеры набирались по контракту, получили королевскую привилегию давать представления в крупных городах.

«ИСТОРИЯ ЭСПЕЛЕТЫ» {160}

Это случилось 27 июня 1605 года около 11 часов вечера, недалеко от дома, где жили Сервантесы. С улицы раздались крики о помощи и шум. Привлеченные тревожными призывами, два сына Луисы де Гарибай, соседки Мигеля, сбежали вниз и обнаружили у дверей дома окровавленного человека со шпагой в руке. Сервантес помог раненому подняться наверх, где его уложили и оказали первую помощь. Срочно вызвали врача и священника. Подоспевший лекарь обнаружил у неизвестного две глубокие раны: одну в правом бедре, вторую — в нижней части живота. Священник, понимая, что раненый долго не протянет, принялся его исповедовать.

Раненый оказался доном Гаспаром де Эспелетой, дворянином, который примерно за час до этого ужинал у своего приятеля маркиза де Фальсеса. Жильцам дома Эспелета рассказал, что на обратном пути напротив госпиталя «Ресурексьон» на него напал человек, одетый в черное. Состоялся поединок, в ходе которого неизвестный нанес ему две раны и скрылся. Таков был лаконичный рассказ умирающего. Несколько слов о нем.

Гаспар де Эспелета родился в 1567 году в Памполоне, служил первоначально в королевских войсках в Арагоне и при покойном Филиппе II был возведен в кавалеры ордена Сант-Яго. Затем послан с миссией во Фландрию. Недолгое время сидел в тюрьме. Продолжил службу в армии и храбро сражался при Остенде (Фландрия), а в конце 1604 года вернулся в Испанию.

Оставив жену и ребенка в Памполоне, он весело проводил время в Вальядолиде, где одним из его близких друзей и приятелей по гулянкам был капитан королевской гвардии маркиз де Фальсес. Эспелета пользовался симпатией у женщин и закрутил любовный роман с супругой королевского нотариуса Мельчора Гальвана, из-за чего, скорее всего, и разыгралась эта криминальная история.

Вскоре в дом на улицу Растро прибыл со своими слугами маркиз де Фальсес и один из алькальдов города, лицензиат Кристоаль де Вильяроэль. Он повел дело весьма странно. Слуга раненого обвинил в случившемся нотариуса Мельчора Гальвана. Он показал, что хозяин его — Эспелета «занимался любовными делами с одной замужней женщиной» и «опасался ревности ее мужа». Однако Вильяроэль, в силу своих

обязанностей хорошо знавший нотариуса, предпочел не вмешивать в эту историю ни его самого, ни его неверную супругу. Ни сейчас, ни позднее имя «рогоносца» так и не появится на страницах дела.

Оказалось, что убийцу около десяти часов вечера видели возвращавшиеся домой из церкви Магдалена, Луиса де Монтойя, ее сыновья и гулявший недалеко священник Гонсало Браво-и-Сотомайор. Последний оказался и свидетелем нападения.

Убийца, по описаниям свидетелей, был невысокого роста, имел небольшую рыжеватую бородку и округлое лицо. На нем был черный плащ, спадавший с плеча. Одна из свидетельниц, за несколько минут до нападения выйдя за водой, встретила самого Эспелету, который «подошел к ней, ущипнул и спросил, не пожелает ли она пойти с ним», на что она, не зная, что имеет дело с дворянином, ответила: «Иди к черту».

Вильяроэль не обратил на рассказы свидетелей никакого внимания.

При осмотре одежды у Эспелеты обнаружили несколько монет, четки, кошелек с амулетами, огниво и ключи. Еще при нем оказалось два золотых кольца с бриллиантами и изумрудами и какая-то вчетверо сложенная записка, немедленно изъятая Вильяроэлем и никому не показанная. Что еще более усилило подозрения в заинтересованности алькальда в этом деле.

Главным свидетелем в этой темной истории был сам Эспелета, однако он по каким-то причинам отказывался дополнить ранее сообщенные сведения и утром 29 июня скончался. Перед смертью он в благодарность за оказанную помощь подарил Магдалене де Сервантес дорогое шелковое платье.

После смерти Эспелеты внимание следствия вдруг сосредоточилось на обитателях дома. Семейство дона Мигеля тоже попало в его поле зрения. Материальное положение Сервантеса, как и обычно, оставляло желать лучшего. И поэтому он должен был подрабатывать. В частности, писатель имел дела с генуэзским коммерсантом Агустином Ражио и португальским финансистом Симоном Мендесом, по поручениям которого неоднократно путешествовал по Андалусии. Но недавно Мендес был посажен в тюрьму за долги. Соседка Исабель де Айала сообщила судейскому чиновнику, что к Сервантесам, как ей кажется, часто приходят подозрительные люди. К тому же, по ее словам, между дочерью Сервантеса и Симоном Мендесом существовала любовная связь. Ведь недаром последний подарил девушке платье ценой в 200 дукатов! Да и сам отец, как сообщил следствию некий Пинеиро да Вейга, частенько навещает игорные дома.

Подобного рода информация дала основания властям на следующий

день после смерти Эспелеты издать приказ об аресте Сервантеса и еще десяти обитателей дома на улице Растро, среди которых оказались Исабель, Андреа, Констанса, Хуана Гайтан, Марианна Рамирес и Диего де Миранда. На свободе остались лишь Магдалена и жена Мигеля, Каталина, которая в это время уехала в Эскивиас для улаживания семейных проблем.

Любопытный факт: Мигель де Сервантес оказался в той же тюрьме, где до него побывали его отец и дед.

Следствие еще какое-то время продолжалось, но никаких улик, указывающих на причастность к смерти дворянина жильцов дома на улице Растро, не обнаружилось, и их освободили из тюрьмы. А 18 июля 1605 года дело Эспелеты было закрыто.

По ходу событий выяснилось, что Исабель де Сааведра была безграмотной и что Андреа де Сервантес, когда жила в Мадриде, оказывается, была замужем за неким загадочным Санти Амросио, но сейчас она вдова. Интересной является и фраза из показаний доньи Андреа де Сервантес о своем брате как о человеке, который «пишет и занимается коммерцией» и «благодаря своим талантам имеет друзей».

Оскорбительное дело Эспелеты и поведение полицейских властей по отношению к невиновным людям надолго запомнятся писателю. Позднее в романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды» он заметит: «Преступление осталось безнаказанным, убитый — убитым, заключенные в тюрьму — выпущенными на свободу, а золотая цепь, принадлежавшая Рикле, — разъятой по звеньям на расходы правосудия».

Глава 8

**EL INGENIOSO HIDALGO DON QUIJOTE
DE LA MANCHA** {161}

ЧТО ТАКОЕ «РЫЦАРСКИЙ РОМАН»?

Общеизвестно, что «Дон Кихот» является пародией на рыцарские романы. Сервантес сам говорит об этом в «Прологе» к 1-й части, и причем неоднократно: «...вся она есть сплошное обличение рыцарских романов...», «единственная цель... сочинения — свергнуть власть рыцарских романов и свести на нет широкое распространение, какое получили они в высшем обществе и у простонародья...», «разрушить шаткое сооружение рыцарских романов, ибо хотя у многих они вызывают отвращение, но сколько еще превозносят их!» Об этом же автор говорит и завершая 2-ю часть своего романа: «...у меня не было иного желания, кроме того, чтобы внушить людям отвращение к вымышленным и нелепым историям, описываемым в романах, и вот благодаря тому, что в моей истории рассказано о подлинных деяниях Дон Кихота, романы эти пошатнулись и, вне всякого сомнения, скоро падут окончательно».

Сам автор «Дон Кихота» был прекрасно знаком с романами о «*eaballeria andante*» — странствующем рыцарстве. Мы же коротко введем читателя в курс дела.

Первые стихотворные рыцарские романы впервые появляются во Франции XII века. И отсюда распространяются по всей средневековой Европе.

Рыцарский роман в прозе — а-ля знаменитый «Тристан и Изольда» Кретьена де Труа создается в первой половине XIII века.

В Испании этот жанр пережил эпоху расцвета на целых 300 лет позже, чем во Франции, Англии и Германии, странах — законодательницах жанра. Произведения, написанные в этих странах, служили главными образцами для создателей собственно испанских романов, первые из которых появились в начале XVI века. Многие из этих книг переводились на испанский язык.

Первым и самым знаменитым испанским рыцарским романом был «Амадис Галльский» («Четыре книги весьма могучего и весьма добродетельного рыцаря Амадиса Галльского»), изданный в Сарагосе в 1508 году в редакции Гарей Родригеса де Монтальво. «В редакции» потому, что сам текст был создан анонимным автором раньше — он упоминается уже в начале XIV века. Начиная с этого момента и по 1602 год в Испании было напечатано около 120 рыцарских романов.

Амадис Галльский — сын короля Галльского и принцессы Элисены.

Дамой его сердца была принцесса Ориана. В ее честь Амадис и совершал различные подвиги: сражался с великанами и сказочными чудовищами в Германии, Италии, Греции и других странах. Он был образцовым рыцарем: храбр, честен, отважен и, естественно, предан своей даме. У Амадиса появляется наследник, тоже будущий рыцарь.

В произведении были живо и интересно описаны нравы, обычаи и дух рыцарства, прославлялись любовь и благородное служение даме сердца. Книга была написана легким стилем, что делало ее доступной для всех слоев читателей.

«Амадис Галльский» породил множество продолжений: о его сыне («Пятая книга Амадиса»), племяннике («Шестая книга Амадиса»), его внуке и т. д. Как заметил Сервантес, народилась «целая семья Амадисов».

Еще одним известным рыцарским романом, часто положительно упоминаемым Сервантесом в «Дон Кихоте», является «Тирант Белый». Он был написан в 1490 году в Валенсии Жуанотом Мартурелем и Мартином Жуаном де Гальбой на каталонском языке. Это произведение отличается от «Амадиса» «реалистичностью» материала, почерпнутого из исторических хроник.

Если первые образцы рыцарского романа несли в себе определенный политический и исторический смысл, то позднее стараниями эпигонов превратились просто в «бульварное чтение». Одним из этих «активистов» был Фелисьяно де Сильва, автор многочисленных второсортных рыцарских эпосов, осмеянный Сервантесом в 1-й главе своего романа: «Больше же всего любил он (Дон Кихот. — А. К.) сочинения знаменитого Фелисьяно де Сильвы, ибо блестящий его слог и замысловатость его выражений казались ему верхом совершенства, особенно в любовных посланиях и в вызовах на поединок, где нередко можно было прочесть: „Благоразумие вашего неблагоразумия по отношению к моим разумным доводам до того помрачает мой разум, что я почитаю вполне разумным принести жалобу на ваше великолепие“. Или, например, такое: „...всемогущие небеса, при помощи звезд божественно возвышающие вашу божественность, содействуют вас достойною тех достоинств, коих удостоилось ваше величие“».

Перу Фелисьяно де Сильвы принадлежит такое эпигонское произведение, как «Хроника двух самых доблестных, могучих и непобедимых рыцарей дон Флорисела Никейского и стойкого Анаксарта» (1532) и другие подобные «Хроники». К. Державин справедливо отмечал: «С Фелисьяно де Сильвой в историю рыцарского романа вступил ловкий литературный ремесленник, создатель сенсационных сюжетов и

вульгаризатор тех основных тем и мотивов, которые со своеобразным и по-своему убедительным пафосом были утверждены на страницах „Амадиса Галльского“, „Тиранта Белого“ и некоторых близких к ним по времени романов. Начиная с Фелисьяно де Сильвы, рыцарский роман становится литературой дворянской обывательщины, культивирующей дешевые эффекты мнимопоэтической речи, еще более дешевую машинерию рыцарских авантюр, претенциозную куртуазность и слащавую „чувствительность“ повествования. Являясь популярной рыночной литературой своего времени, романы Фелисьяно де Сильвы и его последователей, к числу которых принадлежит большинство авторов рыцарских историй сороковых — шестидесятых годов XVI века, не лишены, однако, некоторых специфических идейных черт».

В последней четверти XVI века испанский рыцарский роман, представленный сочинениями в традициях Фелисьяно де Сильвы, окончательно вырождается и вульгаризуется. До бесчисленности разрастается пантеон героев — «размноженных фигур шаблонного рыцарского типа». Однако популярность этого чтения вовсе не падает, число изданий подобного рода растет, с 1580-го по 1604 год вышло около 45 рыцарских романов. Таким образом, Сервантес как раз вовремя подрос со своим «Дон Кихотом». В Испании второй половины XVI века рыцарские романы имели огромный успех. Ими одинаково зачитывались представители всех классов и сословий: короли, гранды, идальго, купцы, ремесленники и даже крестьяне. По популярности этот литературный жанр можно сравнить с телевизионным жанром конца XX века — «мыльными операми». Сериалы в России, например, смотрят все, от мала до велика, невзирая на образование и социальное положение. По существу это те же рыцарские эпопеи, только соответствующие интеллектуальному и индустриальному развитию общества и более дифференцированные. Для женщин — это бразильские «мыльники», для мужчин — «Крутой Уокер», для детей — «Дядюшка Скрудж и К» и т. д. Об ошеломляющем успехе у читателей романов о походе рыцарей сохранилось множество свидетельств современников. Фразы типа «нам казалось, что мы попали в такое место, о котором читали в рыцарских романах», «...мы были поражены и говорили друг другу, что город этот походит на описываемые в книге об Амадисе очарованные места...» и тому подобные сплошь и рядом встречаются в самой разнообразной литературе этой эпохи. И всем было абсолютно понятно, что значит «очарованные места Амадиса». В «Дон Кихоте» также имеется множество мест, демонстрирующих вездесущность рыцарских романов. Например, в главе 1: «Не раз приходилось нашему

кабальеро спорить с местным священником (даже священники! — А. К.) [{162}](#) о том, какой рыцарь лучше: Пальмерин Английский или же Амадис Галльский. Однако маэсе Николас, цирюльник из того же села, утверждал, что им обоим далеко до рыцаря Феба, что если кто и может с ним сравниться, так это дон Галаор, брат Амадиса Галльского». В 32-й главе 1-й части Сервантес не только демонстрирует широкое распространение рыцарских романов, но и их различное восприятие:

«— Не понимаю, как это могло случиться (говорит хозяин постоянного двора. — А. К.). По мне лучшего чтива на всем свете не сыщешь, честное слово, да у меня самого вместе с разными бумагами хранится несколько романов, так они мне поистине красят жизнь, и не только мне, а и многим другим: ведь во время жатвы у меня здесь по праздникам собираются жнецы, и среди них всегда найдется грамотей, и вот он-то и берет в руки книгу, а мы, человек тридцать, садимся вокруг и с великим удовольствием слушаем, так что даже слюнки текут. О себе, по крайности, могу сказать, что когда я слышу про эти бешеные и страшные удары, что направо и налево влепляют рыцари, то мне самому охота кого-нибудь съездить, а уж слушать про это я готов день и ночь.

— Да и я их не меньше твоего обожаю, — сказала хозяйка, — потому у меня в доме только и бывает тишина, когда ты сидишь и слушаешь чтение: ты тогда просто балдеешь и даже забываешь со мной поругаться.

— Совершенная правда, — подтвердила Мариторнес, — и скажу по чести, я тоже страсть люблю послушать романы, уж больно они хороши, особенно когда пишут про какую-нибудь сеньору, как она под апельсинным деревом обнимается со своим миленьким, а на страже стоит дуэнья, умирает от зависти и ужасно волнуется. Словом, для меня это просто мед.

— А вы что скажете, милая девушка? — спросил священник, обращаясь к хозяйской дочери.

— Сама не знаю, клянусь спасением души, — отвечала она. — Я тоже слушаю чтение и, по правде говоря, хоть и не понимаю, а слушаю с удовольствием. Только нравятся мне не удары — удары нравятся моему отцу, а то, как сетуют рыцари, когда они в разлуке со своими дамами; право, иной раз даже заплачешь от жалости.

— А если бы рыцари плакали из-за вас, вы постарались бы их утешить, милая девушка? — спросила Доротея.

— Не знаю, что бы я сделала, — отвечала девушка, — знаю только, что некоторые дамы до того жестоки, что рыцари называют их тигрицами, львицами и всякой гадостью. Господи Иисусе! И что же это за бесчувственный и бессовестный народ: из-за того, что они нос дерут,

честный человек должен умирать или же сходить с ума! Не понимаю, к чему это кривляние, — коли уж они такие порядочные, так пускай выходят за них замуж: те только того и ждут».

Весьма интересное наблюдение автора из «Дон Кихота» — в рыцарских романах каждый находил то, что было интересно именно ему, — мужу — мужево, жене — женово, дочери — дочерево.

О том, что эти произведения действительно производили на эмоции и чувства читателей впечатление необычайное, повествует и Франциск Португальский в книге «Искусство светского обхождения». Он рассказал об одном своем вельможном родственнике, который, однажды придя домой, застал всю свою семью рыдающей над «Амадисом». Оказалось, что они только что прочитали о его кончине.

Известный исследователь Марселино Менендес-и-Пелайо^{163} полагал, что успех этого жанра заключался в том, что он развлекает и взывает к добрым чувствам, сюжеты динамичны и основаны на принципе «узнавания». Привлекало читателя и использование в этом типе романа вечных тем: любовь, разлука, смерть, предательство, борьба добра и зла (добро всегда торжествует). И все это происходит в некоем идеальном мире, где все невозможное возможно. Роман благодаря всем этим нехитрым премудростям целиком поглощал внимание своего читателя.

Рыцарские романы, наверняка на подсознательном уровне, отвечали общему умонастроению эпохи. Хотя героями были вымышленные рыцари, все события происходили в нереальном, фантастическом мире и подавались в идеализированном виде, сами герои и их подвиги были близки людям, которые были воспитаны на идеалах Реконкисты, борьбы за христианскую веру и родную землю. Рыцари и преданные им дамы демонстрировали те же качества, которыми хотел бы обладать любой мужчина и любая женщина, потому в их сердцах эти романы находили горячий отклик.

И наконец, как мы уже писали, рыцарские романы — это просто интересное и занимательное чтение для всех сословий и возрастов, но заикливаться на этом жанре — значит обеднять свою душу, мировоззрение. А половодье рыцарских романов грозило и для самой литературы застрять в тупике. Заметим, что Сервантес был не первым художником, который критически-сатирическим оком взглянул на этот вид литературы.

Еще Ренессанс развил и заострил эту традицию, что видно на примере писателей итальянского Возрождения — Ариосто,^{164} Пульчи,^{165} Боярдо^{166} и других авторов конца XV века. Они представляли своих героев,

прославленных и непобедимых рыцарей, то отвергнутыми любовниками, то обманутыми простодушными поклонниками. Бесспорно, до буквально гротескных сцен «Дон Кихота» им далеко, но сам комический элемент уже присутствует в произведениях строго героического характера. Сервантес знал труды как Боярдо, так и Ариосто, что явствует из текста «Дон Кихота», но в отличие от итальянских авторов он первый создал подобное произведение в прозе — роман, а не стихотворную поэму, как его предшественники.

В самой Испании нападки на рыцарский роман начались практически сразу же после его появления и не прекращались на протяжении всего «испанского» периода этого жанра. Эти критики, конечно, были интеллектуалами, которые по уровню своего развития не могли прельститься досужими похождениями странствующего рыцарства.

Первым умом, обратившим критический запал против рыцарских романов, был испанский мыслитель и философ Хуан Луис Вивес. Он оценил эти произведения как плод «ленивого и невежественного ума», они одинаково вредны как для мужчин, так и для женщин, «делая их бесчестными и грубыми, укореняя и развивая жестокость, разжигая ярость и возбуждая жестокие и развращенные вожделения». В «Диалоге о языке» (ок. 1533) другой испанский ученый Хуан Вальдес находил, что рыцарские романы написаны в плохом стиле, испорченным языком, полны лживости в освещении «величайших пороков» — высокомерия, тщеславия, зависти, злобности, вражды, убийств и т. д. Автор признается, что долгое время он просто бредил этим вздором, пока не перечитал все имеющиеся в его распоряжении рыцарские романы.

Критикой произведений этого жанра занимались и другие видные умы Испании этой эпохи: историк Хуан де Мариана,^[167] теолог Педро Малон де Чайде, поэты Мигель Санчес де Лима и Алонсо Лопес Пинсьяно и многие другие.

Всем им претила аморальность рыцарских романов: лживость, развращенные нравы, распутство, воспевание безделья и т. д. Критика рыцарского романного жанра велась с чисто гуманистических, можно даже сказать, просветительских позиций, и потому главным критерием была «полезность-неполезность» этой литературной продукции для социума. В такой католической стране, как Испания XVI века, это был естественный логичный подход. Показательна реакция властей метрополии, которые были весьма обеспокоены распространением рыцарских романов в своих заокеанских колониях. Об этом свидетельствует королевская грамота от 1543 года, в которой выражалось беспокойство относительно

отрицательного влияния рыцарских романов на воспитание индейцев, могущих усвоить из них не самые лучшие нравы и поведение.

Однако в отношении населения, проживающего на материке, у властей подобных опасений не возникало. Хотя и были отдельные попытки местных властей обратить внимание центра на засилье рыцарского жанра. В 1555 году кортесы Вальядолида направили королю следующий документ: «Очевиден тот вред, который в наших королевствах приносит юношам и девицам, а также всем остальным чтение лживых и вздорных книг, таких, как „Амадис“, и иных ему подобных, возникших после него... Мы просим Вашу милость положить всему этому конец, для чего необходимо, чтобы ни одна из этих и подобных им книг более не читалась и не была переиздана под страхом суровых наказаний; те же, которые существуют, Вашей милости надлежит приказать собрать и сжечь...»

Удивляет тон петиции, просто как в русской классике — «собрать все книги бы да сжечь», но этот вопиющий глас лишний раз убеждает в поистине нечеловеческой увлеченности Испании рыцарским романом.

Сервантес обратился к критике рыцарских романов исключительно, как полагает Рамон Менендес Пидаль, с целью «сослужить добрую услугу отечественной литературе и морали».

Запрещать литературные произведения — дело неблагодарное, если не бесполезное. Может быть, так же думал и Сервантес, в результате чего и родился бессмертный «Дон Кихот»? Как говорится, клин клином вышибают, или как сказал о «Дон Кихоте» Бальтасар Грасиан,^{168} Сервантес вознамерился «изгнать из мира одну глупость с помощью другой, еще похлеще». Так ли это?

ИМЕНА, НАЗВАНИЯ, ПРОТОТИПЫ

Когда зародилась сама идея, мысль о «костлявом, тощем и взбалмошном» Рыцаре Печального Образа? Мы уже писали, что это, возможно, случилось в Королевской тюрьме в Севилье или в Аргамасилье де Альбе, в темном и сыром подвале «дома Медрано», куда якобы был заточен дон Мигель. Местные жители до сих пор так считают и почитают это место именно как «колыбель» бессмертного образа.

Но, может быть, Сервантес придумал этого «чудака» еще в детстве, когда видел его во снах, а спустя годы только развил свою идею и изложил ее на бумаге?

Когда именно и где пришла писателю в голову идея «Дон Кихота», сегодня мы вряд ли узнаем. А вот предположить, когда он начал писать свой знаменитый роман, наверняка сможем. Скорее всего, это произошло во время его тюремного заключения в севильскую тюрьму.

Ответим на другой интересный вопрос — как писался «Дон Кихот» и что послужило литературной основой для нового, во всех смыслах этого слова, романа.

*

«Господину Президенту Королевской Высшей счетной палаты в Мадриде». Дальше этих строк дело не пошло. Случайно взгляд его уперся в зеркало, низко висевшее над столом. Это было дешевое зеркало, изготовленное не из стекла, а из полированной жести, треугольное, с широким верхом и книзу заостренное, в раме из красного дерева. Сервантес всмотрелся в себя. Силы небесные, так вот он каков! Давно ли еще золотились его бородка и длинные ниспадающие усы? Теперь они стали тускло-серебряными. А эти длинные, глубокие, вялые складки подле носа... Рот... Он любовался на свои зубы. Хорошо, если оставалось с десяток, да и те не желали встречаться попарно, каждый предпочитал горделивое одиночество. О прежнем напоминали одни лишь глаза, в которых ютилась упрямая жизнь. Отражение в скверном зеркале еще чересчур удлинилось — жал ост-но и смехотворно. Он уже много месяцев не видел своего лица и теперь обретал меланхолическое удовольствие от его изучения. Так вот что оставила ему жизнь! Почти бессознательно он

начал рисовать, неуверенными штрихами набросал свой портрет, выписал лицо, худое и угловатое, преувеличенно длинное и непомерно горбоносое. Послать такой портрет президенту палаты было бы выразительней всяких слов. Хорошо бы изобразить себя верхом на муле, выезжающим каменистой дорогой на проклятую службу, с зажатым под локтем жезлом.

Он нарисовал и это. Ему понравилось. Получился, правда, не правительственный сытый мул с огненными глазами, а убогий, истощенный лошадиный скелет. На скелете царственно высилось тощее тело всадника, уныло свесившего нескончаемые ноги. Посох, зажатый под локтем, он изобразил не с округленным увенчивающим набалдашником, а заострил и выбросил его вперед, как копье.

К копьё и остальное вооружение. Украсил себя неким типом панциря и шлемоподобным сооружением без забрала. Теперь еще шпоры к сапогам, громадные колеса. Полюбуйтесь, господа из счетной палаты, вот какой рыцарь выехал во имя ваших касс...

Таким видит рождение «Дон Кихота» в севильской тюрьме Бруно Франк, когда Сервантес сочинял письмо о своей невинности.

Кое-какие детали схвачены верно — мул и посох. Действительно, королевские чиновники путешествовали по стране на мулах и с жезлом — символом облеченности властью. Известно также, что Дон Кихот Ламанчский внешне схож со своим «родителем», да и сам Сервантес называет его в прологе к роману «сыном», а себя «отцом». Есть и другие приметы, по которым исследователи приходят к выводу, что Сервантес и его творение похожи и внутренне, и внешне. Так что фантазия Бруно Франка не так уж неправдоподобна.

Само заглавие романа, равно как и первые его строки, прокомментировано сервантистами буквально, пословно. Поэтому пойдем по порядку: начнем с названия и главных действующих лиц романа.

Полное заглавие романа — «El Ingenioso Hidalgo Don Quijote de la Mancha», что переводится как «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Название романа для той эпохи достаточно простое, не блещущее оригинальностью, но и незаурядное. Скажем, неизбитое. Обычно к имени главного героя ставили эпитеты «непобедимый», «доблестный», «отважный», а здесь «хитроумный». Заголовки рыцарских романов были многословны, определения «нанизывались» — «Хроника весьма могучего и прославленного господнего рыцаря по имени Сифар, который благодаря своим добродетельным деяниям и смелым подвигам стал королем Ментона». Название романа Сервантеса отличала краткость.

Испанское слово «ingenioso»^{169} на самом деле довольно

труднопереводимое на русский язык. Переводчики переводили это слово по-разному: «славный» (анонимный автор), «неслыханный чудодей» (Осипов), «бесподобный» (Басанин), «остроумно-изобретательный» (Ватсон) и, наконец, «хитроумный» (Кржевский и Смирнов, а за ними Любимов).^[170] Не менее знаменитый Одиссей тоже был «хитроумным», однако хитроумие Дон Кихота несколько иного, менее воинственного рода и означает, по-видимому, «живость и тонкость воображения»,^[171] в то время как у Одиссея больше имеются в виду «изворотливость и хитрость». На самом деле нюансов здесь куда больше.

В этом смысле логично обратиться к словарям того времени. В «Сокровищнице кастильского языка» (1611) Себастьяна де Коваррубиас-и-Ороско слово «ingenioso» объясняется через слово «ingenio»: «Ingenio — некая природная способность сознания представить то, что путем разума и размышления может быть достигнуто во всех областях знаний, учений, изящных и механических искусств, выдумок, изобретений и обманов;... ingenioso — тот, кто имеет тонкий и изощренный ingenio».

«Hidalgo» — испанский дворянин. К концу XVI — началу XVII века идадьгия в основном потеряла свой прежний статус, социальное значение и обнищала. Однако в любом случае физический труд для идадьго был позором, хотя фактически им все так или иначе занимались. Сам Сервантес был типичным представителем этого сословия. Считается, что слово «hidalgo» имеет этимологию: «hijo de algo» — буквально «сын кого-либо», в смысле какого-либо известного человека.

В «Дон Кихоте» Сервантес достоверно обрисовал положение идадьгии в Испании второй половины XVI века. Алонсо Кихано — типичный представитель сельского дворянства, родовитого, но обедневшего. Сервантес буквально одной фразой расставляет все точки над «i»: «...один из тех идадьго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оля^[172] чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевица по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям — все это поглощало три четверти его доходов».

Копье у него «родовое», щит «древний» — это указывает на потомственное, а не купленное дворянство. Продажа соответствующих патентов начала практиковаться королевской казной по мере ее обнищания, что, естественно, привело к девальвации статуса «идадьго».

Собака у него — борзая, то есть охотничья. Другими словами, атрибут дворянского развлечения, так же, как и конь. Но его конь — кляча, как,

видимо, и собака, даром что охотничьей породы. Все это предметы былой роскоши, не более.

Житейское противоречие между честью идалго и его нищенским существованием, безденежьем плохо увязывалось с сословными представлениями о дворянине, что нашло свое трагикомическое отражение в плутовских романах эпохи, таких, как «Ласарильо с Тормеса», «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» и других. В «Дон Кихоте» эта линия дополняет основную, также трагикомическую: фактическую смерть рыцарского духа при изобилии романов, его воспевающих.

«Don Quijote» — состоит из «дон» и «кихоте». «Дон» в Испании и Италии — приставка, подчеркивающая почтительное отношение к лицу, к которому обращаются. Она также указывает и на его дворянский титул. Женский аналог — «донья». «Кихоте» — набедренник, часть рыцарского вооружения. Как пишет Сервантес, «...потратив на это еще неделю, назвался, наконец, *Дон Кихотом*». Хотя, точнее, наверное, было бы «назвался Дон Кихоте», дабы не склонять имя собственное, равно как не писать «дон» с прописной буквы, поскольку это не часть имени собственного.

Дон Кихот был так назван неспроста, дело в том, что это было весьма созвучно его настоящей фамилии. «Возраст нашего идалго приближался к пятидесяти годам... Иные утверждают, что он носил фамилию Кихада, иные — Кесада. В сем случае авторы, писавшие о нем, расходятся; однако ж у нас есть все основания полагать, что фамилия его была Кехана», — читаем у дона Мигеля.

И «кихада» с «кехана», и «кесада» имеют, естественно, свои значения в испанском, которые определенным же образом «играли» при прочтении романа современниками Сервантеса. «Кихада» — челюсть, «кесада», как полагают, — пирог с сыром. Словом, фамилия была явно не героическая, что и хотел подчеркнуть автор романа.

Как Александр Македонский немыслим без верного Буцефала,^{173} а Сид без Бабьеки,^{174} Дон Кихот, конечно, не может существовать без Росинанта. Рыцарь Печального Образа «долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, — отвергал, отметал, переделывал, пускал насмарку, сизнова принимался составлять, — и в конце концов остановился на *Росинанте*, имени, по его мнению, благородном и звучном, поясняящем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире».

Остроумное изобретение! Испанское «rosinante» — сложное слово, состоящее из «rosin» — кляча и «ante» — перед, прежде, впереди, что вместе означает нечто, бывшее когда-то клячей, или кляча, идущая впереди всех остальных — первая из кляч.

Дон Кихот именуется «Ламанчским». Эпитет этот происходит от имени собственного La Mancha — исторической области Кастилии, входившей в состав провинции Сьюдад Реаль, а сейчас административного центра автономной области Ла-Манча и провинции Толедо. Роман так и начинается: «В некоем селе Ламанча...»

Ла-Манча раскинулась от холмов Толедо до снежных вершин Сьерра-Невады. Достаточно отъехать на пару десятков километров от Мадрида, как начинается холмистая равнина, усыпанная валунами. Тут нет знаменитых испанских красот Валенсии или Страны Басков. Ни апельсиновых, ни лимонных деревьев, только выжженная солнцем красновато-рыжая земля, хотя взгорья покрыты обширными виноградниками — и недаром, ведь Ла-Манча производит половину всего испанского вина. Часто можно встретить стада овец, из молока которых делают знаменитый ламанчский сыр — «манчего». Если проехать еще дальше, то можно увидеть легендарные ветряные мельницы, многие из которых ровесницы Дон Кихота. Первые из них были построены фламандцами в районе селений Тобосо и Кинтанар в Ла-Манче в связи с тем, что на безводной земле сооружать водяные мельницы было просто невозможно.

Несколько ничем не примечательных городов, а в основном небольшие деревушки, где располагаются постоянные дворы, в которых останавливался Дон Кихот, разнообразят скудный ландшафт Ла Манчи. Теофил Готье, ^{175} посетивший ее в 1840 году, охарактеризовал эту местность как одну «из самых заброшенных и бесплодных провинций Испании». Так оно и есть — эта ничем не примечательная область центральной Испании никогда не играла сколько-нибудь существенной роли в экономике и культуре монархии. Так, выжженный клочок земли. С языка оригинала «la mancha» переводится как «пятно», «отметина», что и соответствует действительному виду Ла-Манчи.

Со времен Сервантеса здесь мало что изменилось. За несколько веков земля эта не претерпела особых изменений, кроме того, что стала знаменитой, равно как и ее ветряные мельницы, благодаря роману Сервантеса. «Самая громкая слава Ламанчи — ее бессмертный Дон Кихот», — писал побывавший там В. Боткин. ^{176}

Но разве этого недостаточно?!

Теперь о двух спутниках Дон Кихота: реальном — Санчо Пансе и идеальном — Дульсинея Тобосской. Они, так же как и главный герой, имеют «говорящие» имена.

Начнем с верного оруженосца — Санчо Пансы.

Санчо — имя распространенное в Испании, в основном среди простонародья, типа русско-крестьянского Иван.^[177] Так же как и Иван, оно фольклорное и весьма часто встречается в различных поговорках, присказках и пословицах: «Вон там идет Санчо со своей клячей», «Чем Санчо лечит, от того Доминго болеет», «Что у Санчо в голове, знают только он да дьявол» и т. д.

«Панса» в переводе с испанского означает «брюхо». Стало быть, Санчо Брюхо. Кстати, как и имя, прозвище также фигурирует в пословицах, например: «Брюхо полное — сердце довольное», что удачно дополняет «плотский» образ жизни спутника Дон Кихота.

Дульсинея Тобоская, она же крестьянка Альдонса Лоренсо, — персонаж в высшей степени примечательный. Между именем, данным ей Дон Кихотом, и его реальным значением существуют любопытные семантические «прелести», которые, очевидно, были намеренно заложены самим Сервантесом.

Имя Дульсинея происходит от испанского прилагательного «dulce», что означает «сладкая», причем во всех смыслах.

Имя Альдонса — это «девица легкого поведения», «гулящая девица». Так же как и имя Санчо, оно встречается в испанском фольклоре, например: «Если нет (честной) девицы, хороша и Альдонса».

Таким образом, имя идеальной героини романа в ее реальном воплощении говорит о сладострастности дамы сердца Рыцаря Печального Образа. В романе Санчо прямо говорит об этом: «...А главное, она совсем не кривляка — вот что дорого, готова к любым услугам...»

Дульсинея, она же Альдонса, происходит родом из ламанчской деревушки Тобосо, насчитывавшей в те времена около 900 человек. Население местечка, в основном мориски, занимавшиеся гончарным делом, производили глиняные чаны для хранения вина и оливкового масла, практиковали овцеводство и сыроварение. Деревушка совсем ничем не примечательна, кроме того, что ее название, как кто-то подсчитал, встречается в романе 150 раз. А так ее вполне можно было бы приравнять к какому-нибудь старому российскому захолустному городишке, убогость которого закреплена в поговорках, что-то типа Жмеринки, да простят меня ее обитатели.

К концу XX века в Тобосо население удвоилось — это все, что

отличает Тобосо наших дней от Тобосо начала XVII века, да еще то, что к дому «несравненной и прекрасной» Альдонсы Лоренсо ведут сейчас керамические указатели с цитатами из романа, да в течение уже многих лет в августе проводится веселый праздник по избранию «мисс Тобосо», в котором участвуют жители окрестных селений.

Таким образом, основными персонажами романа Сервантеса в переводе на общепонятный язык оказались дон Набедренник из Земли размером с пятно на Первой из Кляч, его оруженосец Санчо Брюхо и Гулящая девица из Жмеринки. Естественно, такие имена сразу же настраивали читателя на комическое восприятие «Дон Кихота».

*

Сервантес, выписывая главных персонажей «Дон Кихота», опирался на некие реальные, жизненные прототипы. Но кто из современников дона Мигеля послужил основой для создания художественных образов Дон Кихота, Санчо Пансы и Дульсины Тобосской?

В своих произведениях дон Мигель часто использует имена и фамилии людей, с которыми он встречался на самом деле. Многие из них обитали в Эскивиасе, родном городке жены дона Мигеля. Поэтому нет ничего удивительного, что сервантисты занимались поисками прототипа Дон Кихота именно в Эскивиасе, где к тому же в конце XVI — начале XVII века проживали несколько носителей фамилии Кихада.

О вероятном прототипе Дон Кихота написано много. Луис Астрана Марин в своей знаменитой биографии Сервантеса даже составил генеалогические древа «Кихадас из Вильягарсия и Бесилья де Вальдерадей» и «Кихадас де Эскивиас». Повод же к такой активной «генеалогоразведочной» работе дал сам Дон Кихот, который в романе упомянул про приключения «отважных испанцев Педро Барбы и Гутьерре Кихады (от которого я и происхожу по мужской линии)...». ^{178}

Род Кихада из Эскивиаса доходит до XIX века. Последний отпрыск этой фамилии Луис Кихада жил в Мадриде и был воспитателем принца Австрийского, впоследствии ставшего королем Испании Фернандо VII (1784–1833), запечатленным Гойей.

Ветви Кихада и Саласаров породнились в начале XVI века браком бакалавра Хуана Кихады и Марии де Саласар. Они имели детей: Хуана де Саласара, Габриэля Кихаду, Алонсо Кихаду и Каталину де Саласар. Исследователи полагают, что непосредственным прототипом Дон Кихота

стал Алонсо Кихада, ^{179} известный в Эскивиасе как почитатель рыцарских романов, впоследствии августинский монах.

Известно, что род Кихада и род Саласаров не ладили между собой. Кроме того, в жилах Кихада, как полагают, была примесь иудейской крови, что, конечно, служило поводом для оскорблений, в том числе и со стороны представителей фамилии Саласар.

Документы свидетельствуют, что другого Алонсо Кихады не существовало. Единственный Алонсо Кихада был сыном Хуана Кихады и Марии де Саласар. Семья была, очевидно, религиозной: кроме него самого приняли постриг его тетка и сестра. Известно, что он был большим почитателем рыцарских романов, считал их правдивыми и даже беседовал на эти темы с жителями Эскивиаса. Совершал ли он какие-либо эксцентричные поступки в духе Дон Кихота, неизвестно.

Что касается Сервантеса, то он, конечно же, знал этого родственника своей жены и его пристрастие к рыцарским романам. Кроме того, от своей супруги дон Мигель должен был знать и родословную Кихада и, стало быть, то, что Кихада из Эскивиаса по мужской линии восходят к Гутьерре Кихаде, о чем позже Сервантес и напишет в «Дон Кихоте».

Однако если с прототипом Дон Кихота все ясно, то этого нельзя сказать о Дульсинеи и Санчо.

Санчо Панса — фигура в высшей степени колоритная, не уступающая центральному образу романа — самому Дон Кихоту. С другой стороны, образ Санчо настолько типичен, что говорить о модели, с которой он лепился, представляется достаточно затруднительным. Скорее всего, Сервантес перед своим мысленным взором не имел никакого конкретного образа, который мог бы служить ему неким «макетом», моделью верного оруженосца Дон Кихота. Санчо Панса — собственное изобретение Сервантеса, порожденное его фантазией и испанским народным фольклором. На это указывают его имя, прозвище, пословицы, которыми он сыплет направо и налево. Сервантес наделяет его всеми атрибутами ламанчского крестьянина: здравым крестьянским умом, простодушной расчетливостью, хозяйственной деловитостью, наивной жадой обогащения и простодушием — всего не перечить. Другими словами, качествами, в той или иной степени присущими любому сельскому жителю Испании. Санчо узнаваем в любом испанском крестьянине, не зря и имя у него «пословичное».

С прообразом Дульсиныи, она же Альдонса Лоренсо, дело обстоит иначе. Фамилия Лоренсо не встречается ни в одном архивном документе деревушки Тобосо, между тем в приходских книгах Эскивиаса было

обнаружено упоминание некой Хуаны Лоренсо, умершей в 1587 году. Однако в любом случае это не Альдонса, а Хуана, но может быть, родня? Вообще, архивы Эскивиаса богаты на имена персонажей «Дон Кихота»: Карраско, Рикоте, Мари Гутьеррес. В этом смысле женитьба Сервантеса сыграла положительную роль для развития мировой культуры. Астрана Марин полагает, что в жизни и творчестве дона Мигеля было три главных, решающих события: пребывание в Италии, плен и рабство в Алжире и женитьба в Эскивиасе.

Если же искать прообраз Альдонсы не по сходству фамилии, а по характерным чертам, заданным в «Дон Кихоте», то дело кажется совсем безуспешным — обычная крестьянка. Тем не менее в качестве претендентки на роль прототипа Дульсинеи Тобосской некоторые сервантисты выдвигают некую Анну Сарко де Моралес, дочь единственного в Тобосо идальго, якобы находившуюся в дальнем родстве с женой Сервантеса Каталиной де Саласар.

Вряд ли, однако, это так. Альдонса Лоренсо, по роману, не умела ни читать, ни писать и вообще не имеет каких-либо индивидуализирующих ее черт. Поэтому говорить о каком-либо конкретном историческом лице, послужившем моделью для писателя при создании образа Дульсинеи, скорее всего, просто не стоит.

«ДОН КИХОТ», ФРАНСИСКО ДЕ РОБЛЕС И ИНКВИЗИЦИЯ

Мигель де Сервантес начал писать свой главный роман в 55–56 лет. Это, пожалуй, самый плодотворный возраст для романиста. И закончил его через семь лет. Именно столько времени прошло с того момента, как в камере севильской тюрьмы был задуман великий «Дон Кихот», а в 1605 году выпущен в свет. Это были годы нелегкой, напряженной работы, как пишет сам автор, «я потратил на свою книгу немало труда». И все это действительно так, потому что писался роман в редкие, свободные от повседневных забот дни. Вечерами, а часто и ночами. Надо учитывать, что это был роман нового типа. Образца, с которого можно было бы «списать», просто не существовало. И наконец, сам объем произведения был достаточно внушителен. Его необходимо было физически написать и выправить, хотя дон Мигель старался писать сразу начисто, ведь бумага и чернила тоже стоили денег. Однако за свой титанический труд по написанию романа он получил примерно 1500 реалов. Столько заплатил писателю его издатель Франсиско де Роблес летом 1604 года. Сумму более чем умеренную! В это самое жаркое для Испании время дон Мигель осуществляет последнюю редакцию романа, шлифуя текст, исправляя нестыковки, подгоняя одну часть текста к другой. Правда, множество недоделок все равно осталось. Вспомним хотя бы известную историю с ослом Санчо. [{180}](#)

Литературный, писательский труд во все времена, кроме, может быть, развитого капитализма XX века, дохода практически не приносил. В Испании XVII века для издания романа или пьесы требовалась специальная королевская привилегия. Получал ее автор и обычно уступал издателю, который печатал рукопись, реализовывал ее, одним словом, брал на себя все издержки производства и продажи и, соответственно, весь риск предприятия. Поэтому рукописи покупались дешево и труд писателя не стоил ничего. Издатели же были люди неглупые и понимали, что можно и что нельзя продать с выгодой. Срок действия привилегии был, как правило, десять лет, в течение этого срока можно было издавать и переиздавать книгу. Гонорар же автору выплачивался единоразово, и, таким образом, писателю не доставалось ничего от реализации последующих тиражей.

Франсиско де Роблес, после того как 26 сентября 1604 года в

Вальядолиде дон Мигель получил привилегию на издание «Дон Кихота», заплатил за роман, как мы уже упоминали, символическую сумму в 1500 реалов и стал обладателем всех прав на его печать и реализацию. Издание было поручено мадридской типографии Марии Родригес, известной по имени ее управляющего как печатня Хуана де ла Куэсты.

В декабре 1604 года последние листы романа, изданного на дешевой бумаге, вышли из-под печатного станка. Корректору Мурсиа де ла Льяне было официально поручено «вычищать» работу. Выполнил он свое дело халтурно — «Дон Кихот» вышел со множеством типографских ошибок и опечаток. Учитывая количество сюжетных нестыковок, можно подумать, что этот сеньор вообще не открывал роман, чем доставил множество трудностей будущим комментаторам «Дон Кихота».

Возникает вопрос: почему же сам Сервантес не исправил очевидные погрешности и нестыковки в романе? Выпуская книгу, он торопился — это ясно, очевидно и понятно. Но в последующих изданиях? Исследователь В. Багно пишет, что «Сервантес... не был склонен исправлять все из замеченных им или первыми читателями „Дон Кихота“ „противоречий“». Гений вправе иметь свои представления о художественном времени и пространстве, о сцеплениях сюжетных линий, мотивов и фактов, тем более что в действительности он их не навязывает. Не говоря уже о том, что многие из пресловутых „ошибок“ не более как свидетельство невнимательности, невежества или эстетического догматизма некоторых сервантесоведов».

Полагаю, что эти огрехи текста для Сервантеса и его «Дон Кихота», для мировой культуры не существенны, здесь вступают в силу законы «большой» истории.

В декабре была утверждена продажная цена тома в переплете — 290,5 мараведис за 83 листа в 1/8, что составляло 664 страницы романа. Установленная цена была вполне приемлемой для того, чтобы разошлись по крайней мере 500 экземпляров первого издания. На прилавках книжных магазинов роман появился в начале января 1605 года. До нас дошло 8 экземпляров этого первого издания. По традиции эпохи роману было предпослано посвящение вельможе. В данном случае — одному из богатейших аристократов Испании двадцатисемилетнему Алонсо Диего Лопесу де Суньига-и-Сотомайору, герцогу де Бехару (1588–1619). Об отношениях между писателем и герцогом нам ничего не известно. Не похоже, чтобы этот юный вельможа был добрым меценатом, наоборот, он был известен своими пренебрежительными и высокомерными высказываниями о поэтах и писателях. Его отношения с Сервантесом не

были, очевидно, ни долгими, ни прочными, поскольку «Назидательные новеллы» и вторая часть «Дон Кихота», «Восемь комедий и восемь интермедий» и «Странствия Персилеса и Сихизмунды» вышли уже с посвящением графу де Лемосу. Известно также, что посвящение Сервантеса герцогу де Бехару представляло собой компиляцию фраз из посвящения Фернандо де Эрреры^{181} другому вельможе — маркизу де Айамонте. Некоторые исследователи полагают, что здесь таилась скрытая ирония по отношению к персоне герцога. В любом случае последствий это не имело никаких. А сам герцог позднее был еще раз увековечен, на этот раз Гонгорой,^{182} посвятившим ему «Уединения» (1613).

Сам Сервантес как писатель чувствовал себя уверенно. Во всяком случае, его не пугали будущие нападки на роман. Об этом свидетельствует его фраза из «Пролога»: «Я же только считаюсь отцом Дон Кихота, — на самом деле я его отчим, и не собираюсь идти проторенной дорогой и, как это делают иные, почти со слезами на глазах умолять тебя, дражайший читатель, простить моему детищу его недостатки или же посмотреть на них сквозь пальцы...»

Уверенность автора в себе и своем произведении видна и из подбора похвальных сонетов к «Дон Кихоту». Обычно их писали известные авторы, чтобы привлечь внимание читателей к книге. Своего рода визитная карточка издания. Сервантес эти сонеты сочинил сам. Сам и для себя. Это явствует из шутовских названий их авторов: Амадис Галльский, Дон Бельянис Греческий, Весельчак Сумбурный Стихотворец, Неистовый Роланд и т. д.

Дон Мигель был совершенно уверен в успехе романа и не боялся язвительных откликов собратьев по перу, благо они уже успели появиться еще до выхода романа. «Дон Кихот», похоже, был известен в литературных кругах еще в рукописи. Это явствует из текстов некоторых литературных произведений эпохи, что какое-то время наводило исследователей на мысль о существовании еще одной более ранней версии первой части «Дон Кихота», не дошедшей до нас.

Таких откликов на роман два. Первый — вступительные стихи к повести некоего врача из Толедо Франсиско Лопеса де Убеды «Плутовка Хустина», где роман Сервантеса был помещен в один ряд с такими известными произведениями, как «Селестина», «Жизнь Ласарильо с Тормеса» и «Гусман де Альфараче» (признак несомненного успеха).

Второй принадлежит Лопе де Вега, который в письме из Толедо от 14 августа 1604 года, то есть за шесть месяцев до появления «Дон Кихота» в

продаже, писал герцогу де Сессе: «О поэтах не буду говорить ничего, в наш век их хватает, многие еще в завязи, готовясь расцвести к будущему году. Но среди них нет ни одного столь плохого, как Сервантес, ни столь глупого, чтобы хвалить „Дон Кихота“». Мы уже вскользь упоминали ранее об этом письме Лопе. Есть предположение, что это апокриф или же, что тоже вероятно, дата послания не верна.

Злость же драматурга легко объяснима нападками Сервантеса в «Дон Кихоте» на искусство «новой комедии», которую создал Лопе. Кроме того, в стихах, предваряющих роман, дон Мигель также позволил себе несколько эскапад в сторону собрата по перу.

После выхода романа нападок на него, очевидно, было достаточно (впрочем, как и похвал). В «Добавлении к „Парнасу“» Сервантес повествует о следующем случае: «Как-то раз, когда я жил в Вальядолиде, пришло письмо на мое имя, причем доплатить за него нужно было один реал. Приняла его и оплатила за доставку моя племянница, но уж лучше бы она его не принимала. Правда, после она ссылалась на мои же слова, которые она не раз от меня слышала, а именно: что деньги приятно тратить на бедных, на хороших врачей и на оплату писем, все равно — от друзей или от врагов, ибо друзья предупреждают об опасности, письма же врагов дают возможность проникнуть в их замыслы. Ну так вот, распечатал я конверт, а в нем оказался вымученный, слабый, лишенный всякого изящества и остроумия сонет, в котором автор бранил Дон Кихота. Мне стало жаль моего реала, и я велел не принимать больше писем с доплатой за доставку».

*

Все эти злые нападки на читающую публику не повлияли. «Дон Кихот» имел поистине ошеломляющий успех.

В марте 1605 года Франсиско де Роблес в той же типографии де ла Куэсты выпустил еще один тираж, единственный экземпляр которого был обнаружен в 1916 году.

А несколькими неделями ранее, в первых числах февраля, Сервантес получает новую привилегию, распространявшуюся на Португалию и Арагон. В апреле Франсиско де Роблес заручился эксклюзивными правами на издание и продажу «Дон Кихота» на всей территории полуострова. Это было необходимой мерой предосторожности: в Лиссабоне уже появились две пиратские перепечатки романа. А через несколько месяцев — еще две,

на этот раз уже в Валенсии. Конечно, воровские издания несли прямой убыток владельцам королевской привилегии, но и явились знаменательным символом — роман получился на славу и имел огромный успех. Трех месяцев было достаточно, чтобы «Дон Кихот» начал бить рекорды издаваемости. Самсон Карраско утверждает, что первый том разошелся тиражом 12 тысяч экземпляров. Естественно, точной статистики тогда не существовало, и утверждение бакалавра или произвольно, или основано на весьма приблизительных расчетах.

В феврале роман начал свое «заокеанское» турне — его первые экземпляры поступили в Перу. В апреле того же года отправили еще одну партию «Дон Кихотов». С этого времени начинается победное шествие романа по странам и континентам. Рождается целое литературоведческое направление — сервантистика.

В настоящее время текст первой и второй частей «Дон Кихота» можно считать полностью установленным и прокомментированным, за исключением некоторых разночтений.^{183} Роман стал предметом бесконечных дискуссий — о его языке, тех или иных реалиях и понятиях XVII века, скрытых намеках, подтексте, переключках и т. д. Добавила трудностей комментаторам «Дон Кихота» и католическая цензура. Купюры первого издания романа нам неизвестны. В лиссабонских изданиях 1605 года Инквизицией были «вырезаны» семь фрагментов текста: из главы 13-й — описание прелестей Дульсинеи, из главы 16-й — о неудавшемся ночном свидании Мариторнес с погонщиком мулов, из XVII — фраза Дон Кихота о молитвах и крестных знамениях, творимых им над бальзамом Фиерабраса, из XX — фраза Дон Кихота, в которой он препоручил себя сначала своей даме сердца и лишь затем Господу, приключение с сукновальней, из XXVI главы — непочтительное обращение Рыцаря Печального Образа с четками, из XXVIII — повествование о потере чести Доротеей. Мадридская цензура была мягче лиссабонской, но и она во втором издании Франсиско де Роблеса потребовала заменить использованный Дон Кихотом варварский и нелепый способ изготовления четок из подола рубашки. Церковь не могла перенести издевательства над атрибутом священнослужителей. В первом издании значится: «Впрочем, я уже вспомнил, что усерднее всего прочего он молился и поручал себя Богу. Да, но что я буду делать без четок? Но он тут же сообразил, как с этим быть, а именно: оторвал от болтавшегося края сорочки огромный лоскут и сделал на нем одиннадцать узелков, из коих один — побольше, и вот этот самый лоскут и заменял ему четки в течение всего времени, которое он здесь провел и которого ему с избытком хватило на то, чтобы миллион раз прочесть „Ave Maria“, — так размышляет Дон

Кихот, вспоминая в горах Сьерра-Морены подвиги Амадиса Галльского. Во втором издании представлен более «благочестивый» способ изготовления культового аксессуара: «Так я и сделал. Четки ему заменил десяток крупных желудей пробкового дуба, нанизанных один к другому». Именно второе издание было взято за основу для большинства последующих.^{184}

В опубликованном в 1632 году кардиналом Сапатою «Очистительном кодексе» содержится указание на необходимость купирования во всех изданиях «Дон Кихота» такого высказывания герцогини: «И еще прими в рассуждение, Санчо, что добрые дела, которые делаются вяло и нерадиво, не засчитываются и ровно ничего не стоят». Как пишет К. Державин, «... это цитата (из послания апостола Павла к коринфянам. — А. К.) была истолкована как предосудительный намек на недостаточность соблюдения церковных норм в делах веры и необходимость внутреннего оправдания каждого акта милосердия, что отдавало привкусом еретического иллюминализма...».^{185} Кроме того, в этом высказывании можно было учуять дух идей Эразма Роттердамского, к тому времени уже запрещенного в Испании.

Глава 9

ПОСЛЕДНИЕ ТВОРЕНИЯ

ВАЛЬЯДОЛИД И МАДРИД

Благодаря «Дон Кихоту» Сервантес из скромного литературного поденщика превратился в автора бестселлера — о нем узнали все. Изменило ли это его жизнь? Принесло счастья и денег? никоим образом, жизнь продолжалась, как будто ничего не случилось.

*

Жизнь испанского государства протекала без особых потрясений. Звезда фаворита герцога де Лермы по-прежнему была самой яркой на придворном небосклоне. Он находился в зените своей славы, его влияние на короля было беспредельным. До блага страны ему, конечно, не было никакого дела. Но фортуна благоволила Испании. Переговоры о долгожданном мире с Англией успешно продвигались, и самое главное — 8 апреля 1605 года королева Маргарита родила наследника испанского престола, будущего Филиппа IV. Понятно, что по этому поводу состоялись грандиозные празднества, повторенные через два месяца после крестин престолонаследника.

Среди различных иностранных гостей на торжествах по поводу рождения наследника короны присутствовал и английский посол лорд Говард. Кроме дани уважения он привез Филиппу III на ратификацию договор, годом ранее подписанный в Лондоне новым английским монархом Якобом I. После того как очередная высадка испанских войск в 1601 году на Британские острова провалилась, герцог де Лерма решил, что в дело должны вступить дипломаты. Для переговоров в Лондон был послан коннетабль Кастильи Хуан Фернандес де Веласко. Он без особых усилий справился с этой миссией — наследник королевы Елизаветы был менее непреклонен, чем Девственная Королева (Reina Virgen). И 28 августа 1604 года была наконец поставлена точка в конфликте стран, длившемся 16 лет.

Сервантес, скорее всего, участвовал во всенародном празднике по поводу рождения наследника испанского престола. Отклик на это событие мы обнаруживаем в новелле «Цыганочка», где Пресьоса поет под бубен романс о том, как королева отправилась на послеродовую мессу:

Вышла с сыном к первой мессе

Та, что всех славней в Европе,
Та, что именем и блеском
Драгоценней всех сокровищ.

Среди всех этих торжеств никто и не подозревал, что грядут большие перемены.

В начале осени 1605 года по Вальядолиду прошел слух, что столицу снова переместят в Мадрид. Действительно, герцог де Лерма, всесильный временщик, уже вел переговоры с членами мадридского муниципалитета. Помешать влиянию фаворита на короля было некому: три года назад скончалась Мария, престарелая королева-мать. Слухи множились, и 24 января 1606 года было официально объявлено о перенесении столицы королевства в Мадрид. Через два месяца туда ушли первые обозы, а уже к началу апреля переезд двора был завершен.

Для такого шага — всего пять лет прошло, как столица была перенесена в Вальядолид, — были найдены «веские» мотивы. Как и обычно, поводом послужило здоровье Его величества: туманы Писуэрги^{186} были ему вредны. Эти «ядовитые» испарения плохо влияли на здоровье сюзерена, именно они спровоцировали корь, оспу. И чуму, которая в прошлом году поразила Вальядолид и снова надвигалась на город.

Ходили слухи, что якобы Мадрид заплатил огромные деньги за столь благоприятное для него решение — в течение десяти лет город был должен выплачивать королю ежегодно 250 тысяч дукатов. Наконец, мадридский муниципалитет взял на себя все расходы по переезду двора. Ясно, что герцог де Лерма также не остался в накладе, однако сколько он получил за свои «услуги» городу, скрыто под вуалью тайны.

В стратегическом плане этот шаг оказался совершенно правильным решением. Мадрид на самом деле должен был стать столицей Испании. Центр деловой активности смещался на юг, ширилась торговля с заокеанскими колониями, увеличивалось влияние Португалии в торговой жизни империи. А Вальядолид находился существенно севернее, чтобы выполнять роль административного и коммерческого центра страны, да и не располагал необходимой инфраструктурой.

Сервантес, как полагают биографы, покинул Вальядолид еще за два месяца до перемещения столицы в Мадрид, то есть в начале 1606 года. Этот вывод делается на том основании, что на прошении о выплате остатков жалованья Родриго де Сервантеса, поданном Магдаленой и

Андреа, отсутствует подпись Мигеля. Где же он находился?

В Саламанке, где развивается действие новеллы «Лиценциат Видриера»? В Эскивиасе, где в это время находилась его жена Каталина? Не так уж это и важно. Мы знаем, что сестры дона Мигеля сразу же вслед за двором и своей клиентурой уехали из Вальядолида в Мадрид. Туда же полтора года спустя приедет и Сервантес с Каталиной де Саласар.

В ноябре 1606 года Сервантеса опять начали «дергать» за старые «малагские» долги. Писатель должен был предстать в десятидневный срок перед чиновниками королевской казны и внести 70 дукатов долга. Ответ писателя казначейству утерян, но, очевидно, в этот раз его объяснения были приняты — возврата к этой истории больше не будет.

*

Сервантесу было уже 60 лет, пришел срок «остепениться» и вместе со своей семьей зажить оседло. Мадрид как новая старая столица королевства вполне годился для этого.

Город, стараясь не ударить в грязь лицом перед ликом вернувшегося монарха, развернул строительство и с каждым днем преображался. Его население достигло 100 тысяч человек, и теперь по величине он уступал лишь Севилье. Кроме того, здесь же располагались издатели Сервантеса, Франсиско де Роблес и Хуан де ла Куэста, а им еще предстояло потрудиться над новыми проектами дона Мигеля.

В течение какого-то времени Сервантес, очевидно, жил на улице герцога Альбы, рядом с Городской школой (Estudio de Villa), той самой, в которой он учился во времена своей юности. В феврале 1608 года он живет в квартале Аточа. Более точно — за госпиталем Антона Мартины, «в домах дона Хуана де Борбоны». Годом позднее, не меняя района, он переезжает на улицу Магдалены, находящуюся за дворцом герцога де Пастраны, в нескольких шагах от книжной лавки Франсиско де Роблеса и типографии де ла Куэсты. В этом скромном месте он проживет два года.

Так же как и в Вальядолиде, Мигель и Каталина будут жить вместе с остальными Сервантесами — его «женщинами». Но уже без Исабель де Сааведры, которая к декабрю 1606 года будет замужем за неким Диего Сансом дель Агилой, фигурой для нас столь же загадочной, как и покойный муж Андреа Санти Амбросьо.

Весной 1607 года у Исабель рождается дочь, внучка писателя — Исабель Санс дель Агила-и-Сервантес. А в июне 1608-го Исабель де

Сааведра овдовев.

Эта простая история в действительности только видимая часть айсберга, остальная его часть коренится в «традициях» женской половины фамилии Сервантес. Племянница пошла по стопам своих теток. После смерти мужа молодой женщине пришлось хлебнуть горя. Но появился «утешитель» Хуан де Урбина, мужчина в возрасте за 50, секретарь герцога де Сабойи. Женатый, его взрослая дочь уже имела своего ребенка, так что де Урбина успел стать еще и дедушкой. Жил он в Мадриде один, так как жена и дочь уехали в Италию сопровождать детей герцога.

Мы уже упоминали об Урбине в связи с историей рождения Исабель де Сааведры и гипотезой Эреры Гарсии.^{187} Так что секретарь герцога мог быть, что, правда, маловероятно, и ее отцом, а Исабель в этом случае хотела заменить уехавших жену и дочерей. Но скорее всего, если отбросить историю с отцовством, Урбина был все-таки ее любовником, что подтверждается и его поведением в будущем, о чем еще пойдет речь.

Мы не знаем, как завязывались отношения Исабель де Сааведры и Хуана де Урбины, и гадать не будем. Известно, что он сумел «утешить» вдову. И 24 июня Исабель де Сааведра и ее дочка поселились на улице ла Монтера, совсем рядом с домом, в котором жил он сам на улице Хардинес. Весьма примечательно, что дом для нее он снял на имя своего слуги Франсиско Малара.

Сервантесу не пришлось долго ждать повторного брака дочери: 8 сентября 1608 года она выходит замуж за Луиса де Молину, который был обязан этому своим знакомством с доном Мигелем. Так же как и его тесть, Молина находился в алжирском плену и вернулся на родину в 1598 году, так же имел отношение к финансовым делам, будучи агентом известной семьи генуэзских банкиров Стратга. Денег у Молины не было, зато была хорошая синекура — должность королевского нотариуса.

Брачный контракт предположительно был подписан на десять дней ранее церемонии бракосочетания, и ему, как думается, предшествовал упорный торг. Согласно документу Исабель принесла в новую семью в качестве приданого 10 тысяч дукатов, официально врученных отцом — Сервантесом. Скорее всего, это были не его деньги, а деньги Хуана де Урбины, так как шесть месяцев назад, 23 ноября 1607 года, дон Мигель был вынужден просить у своего издателя Роблеса аванс в размере 450 реалов, сумму ничтожную по сравнению с размером приданого дочери.

Молина подписал договор, по которому обязался жениться на Исабель в течение месяца, если будет соответствующее приданое, в противном случае ему грозила неустойка в размере 1000 дукатов. Такой же документ

подписала и Исабель де Сааведра. Дом на улице ла Монтера, в котором проживала молодая мама с дочкой, в результате сделки был переписан на девочку. В случае ее смерти он переходил по наследству к Мигелю де Сервантесу, фактически же секретный параграф договора предусматривал возвращение дома к его прежнему и подлинному владельцу — Хуану де Урбине.

Казалось, что брак, свершившийся при таких неблагоприятных обстоятельствах, будет недолгим. Но он продолжался 23 года.

На первый взгляд все выглядело достаточно двусмысленно и вульгарно. Исабель была любовницей человека, который годился ей в отцы, ее муж начал торг и согласился на свадьбу только после того, как ему была выплачена половина от всего обещанного приданого. Однако это не помешало молодоженам объединиться для достижения общих целей. Молина тут же вступил в конфликт с Урбиной на денежной почве.

Естественно, драгоценности, недвижимость и прочие дары, которые Исабель получила от «покровителя», не давали спокойно спать ее новому мужу. В своем завещании от 25 декабря 1631 года он смиренно признается, что растратил большую часть наследства жены и назначает ее своей единственной наследницей. Исабель обошлась с ним не менее бесцеремонно: отписав мужу часть домашнего скарба, супруга завещала ему 200 дукатов, сумму ничтожную — «учитывая, что Господь наш к сеньору был милостив, дав его мне в спутники жизни».

Мигель де Сервантес, судя по всему, пережил эту историю довольно спокойно, случившееся его не сильно удивило. Как человек много на своем веку повидавший, он отнесся ко всему философски. Подобное уже происходило в их семье не раз — пришлось привыкнуть. Главное — выдать дочь замуж за Молину и сохранить лицо семьи.

Однако это было не так-то просто. Примерно в это же время Констанса, незаконнорожденная дочка Андреа и племянница Сервантеса, также последовала семейной «традиции». В распоряжении сервантистов имеется нотариальный документ от 18 декабря 1608 года, свидетельствующий о разбирательстве между Констансой и неким Франсиско Леалем. Детали дела не ясны, но суть очевидна. Как и было «принято» в семье, Констанса после интимного «общения» с названным сеньором потребовала возмещения ущерба. Сумма была весьма умеренна — 1100 реалов.

Любопытна реакция жены Сервантеса, доньи Каталины, на эти случаи с родней мужа. Поведение Исабель ее, наверное, разочаровало — падчерица отсутствует в ее завещании. Напротив, Констанса и, что еще

удивительнее, Молина фигурируют в нем как наследники ее имущества.

ЕЩЕ И НОВЕЛЛИСТ

Популярность Сервантеса и его «Дон Кихота» перешагнула за пределы испанской монархии. В мае 1607 года в Брюсселе с разрешения Франсиско де Роблеса книгопродавец Роже Вельпиус издал «Дон Кихота». Это издание послужит основой для английской версии Томаса Шелтона, которая будет предпринята в том же 1607 году, но появится только в 1612-м. В 1608 году увидело свет третье мадридское издание Франсиско де Роблеса и де ла Куэсты. В это же время в Париже вышла во французском переводе вставная история из «Дон Кихота» — «Новелла о безрассудно-любопытном», изданная Николасом Бодо (Baudoin).

На следующий год Жан Ришер (Richer) предложил галльским читателям перевод избранных фрагментов из «Дон Кихота». В этом же 1609 году Сесар Оудин (Oudin) перевел на французский «Галатею». А в Милане только что вышло еще одно издание «Дон Кихота».

Знал ли об этом триумфе его виновник — Мигель де Сервантес? Вполне мог и не знать, в то время средств коммуникации, за исключением почты, просто не было. Его тогда больше занимали проблемы закрепления достигнутого, новые творческие проекты, новые планы.

Жизнь продолжалась.

В 1612 году вышла из печати «Топография и всеобщая история Алжира» фрая^{188} Диего де Аэдо, которую мы уже упоминали ранее и в которой рассказывалось о героическом поведении в плену некоего идадьго из Алькалы. Вы, естественно, понимаете, что речь шла о Сервантесе.

*

Участие в литературных турнирах позволило дону Мигелю ближе познакомиться с меценатом — доном Педро Фернандесом де Кастро-и-Андрате, седьмым графом де Демосом. Этот образованный и утонченный аристократ был известным покровителем и защитником поэтов, писателей, людей творчества. Вельможу знали и уважали такие выдающиеся авторы эпохи, как Лопе, Гонгора и Кеведо, пользовавшиеся его благодеяниями. Будучи племянником всемогущего фаворита Филиппа III герцога де Лермы, на чьей дочери он позже женится, он занимал самые высокие должности. Едва выйдя из юношеского возраста, он был назначен президентом Совета

Индий. В 34 года он уже вице-король Неаполя. Надо было собираться в дорогу.

Желая иметь в Италии «литературный двор», граф де Лемос поручил своему секретарю Луперсио Леонардо де Архенсоле пригласить лучших поэтов. Сервантес желал быть среди ангажированных. Конечно, на склоне лет хорошо было снова оказаться в стране своей юности, кроме того, это давало возможность не думать о заработке на хлеб насущный и быть подальше от грязных дел дочери Исабель.

Секретарь графа Архенсола был давним знакомым и другом Сервантеса. Похвальные высказывания о нем есть и в «Галатее», и в «Дон Кихоте». Известный гуманист, уважаемый поэт, секретарь большого вельможи, он при всем том был на самом деле посредственностью, боялся быть превзойденным кем-либо более талантливым, чем он сам. С помощью своего брата Бартоломе он не пригласил в свиту графа никого, кроме обыкновенных «борзописцев», совершенно для него безопасных. В числе обойденных были Сервантес и Гонгора. Последнему не повезло уже второй раз. Ранее его постигла неудача с герцогом де Ферия, посланным в Париж по случаю смерти Генриха IV^[189] с соболезнованиями испанского монарха. Двойное невезение поэта нашло выражение в одном из его сонетов.

Сервантеса, уже известного автора, этот отказ также не мог не оскорбить. Есть сведения, что он даже ездил в Барселону в надежде получить аудиенцию у графа де Лемоса, когда новый вице-король собирался отплыть в Италию, но безуспешно. И если Гонгора выразил свое неудовлетворение в сонете, то Сервантес нелестно отозвался о своем экс-друге и его брате в «Путешествии на Парнас».

Граф де Лемос, видимо, не сыграл в этой истории какой-то отрицательной роли, по крайней мере ему были посвящены почти все последние произведения Сервантеса, и отношения вельможи и поэта только укрепились.

Дон Мигель продолжал свою литературную жизнь в столице Испании, где в это время бурно расцвели различные творческие объединения литераторов. В одном из них, так называемой «Академии Парнаса», или «Лесной академии» (по имени ее организатора^[190] дона Франсиско де Сильва-и-Мендосы), первые заседания которой состоялись в начале 1612 года на улице Аточа во дворце ее основателя, принимал участие и автор «Дон Кихота». Собрания коллег протекали очень бурно. Как заметил Лопе де Вега в своем письме от 2 марта 1612 года, «академические собрания неистовы; на прошлом заседании два лиценциата швыряли друг в друга

свои береты, а я читал стихи, пользуясь очками Сервантеса, которые похожи на плохо поджаренную яичницу».

Вообще, Испанию времен Филиппа III захлестнула волна поэзии. Сочиняли все — от сапожника до вельможи. Расхожее мнение полагало, что искусство поэзии заключается «не в руках», а в понимании и в душе. Пышным цветом расцвели литературные салоны, где проходили многочисленные поэтические состязания. Сервантес также участвовал в них, и небезуспешно.

Между тем слава его все множилась. Переводные издания «Дон Кихота» выходили одно за другим. Фигура Дон Кихота стала популярной на всех народных празднествах. Так, в 1613 году Рыцарь Печального Образа был «участником» маскарадного шествия в Гейдельберге. Персонажи «Дон Кихота» служат прототипами для создания различного рода драматических произведений английских, французских и немецких авторов. По-прежнему пользуется успехом «Галатей». Но Сервантес не почил на лаврах славы, он упорно трудился, готовя к печати новый бестселлер — «Назидательные новеллы».

*

История создания этого произведения довольно длинна и запутанна. Начало было положено в последние годы правления Филиппа II. По крайней мере, это видно из главного по данной теме документа под названием «Рукопись (manuscripto) Порраса».

Примерно в то время, когда дон Мигель окончательно выправлял первую часть «Дон Кихота», каноник^[191] Севильского собора, лицензиат Франсиско Поррас де ла Камара, стремясь развлечь своего хозяина — кардинала Фернандо Ниньо де Гевару, собрал и записал различного рода истории и анекдоты. Среди них было и три анонимных рассказа, однако с примечательными для нас названиями — «Ринконете и Кортадильо», «Ревнивый эстремадурец» и «Подставная тетка». Именно так называются три новеллы Сервантеса.

Этот любопытный документ, озаглавленный его автором как «Собрание забавных испанских случаев», был обнаружен в 1788 году в Севилье и после долгих злоключений исчез в водах Гвадалквивира.^[192]

Сейчас высказываются мнения, будто новеллы действительно принадлежали анонимному писателю, Сервантес же только обработал их и

присвоил себе авторство. Довольно трудно комментировать эту гипотезу, так как дело это неблагоприятное и сложное. Надо располагать реальными и убедительными аргументами, чтобы отстаивать ту или иную точку зрения. Во всяком случае, общепринято считать Сервантеса *оригинальным* автором двух новелл из этой рукописи. Наибольшие сомнения вызывает «Подставная тетка», по поводу атрибуции которой написаны горы литературы. «Тетка» не вошла в сборник «Назидательных новелл», появившийся в 1613 году. Сервантисты ныне склонны отрицать авторство Сервантеса в «Подставной тетке». Дело еще и в том, что тема рассказа — мошенничество сводни — весьма «пикантна» и не принадлежит к сюжетам, характерным для творчества писателя.

Официальное одобрение «Назидательные новеллы» получили 9 июля 1612 года после того, как они были прочитаны монахом-тринитарием фраем Хуаном Баутистой Капатасом. В тот же самый день подтвержденное доктором Гутьерре де Сетиной это благоприятное мнение будет подкреплено единомышленником первого цензора фраем Диего де Ортигосой. Таким образом, Сервантес получил полное одобрение церкви на печатание своего труда.

Для получения привилегии, охраняющей издание от пиратских перепечаток, было необходимо еще три месяца. Благодаря дополнительным хлопотам, потребовавшим более года, привилегия была дополнительно распространена на территорию Арагона.

31 июля 1613 года книга пройдет последнюю апробацию, рукопись будет допущена к печати за подписью Алонсо Херонимо де Саласа Барбадильо, молодого коллеги Сервантеса. Барбадильо сопроводит бумагу похвалой автору, где отметит «справедливое уважение, которое как в Испании, так и за ее пределами вызывает его славный талант, искушенный в вымысле и богатый в языке».

После прохождения всех мытарств, связанных с подготовкой книги к печати, дело осталось за малым — найти издателя. Им снова оказался Франсиско де Роблес. Акт продажи прав на книгу помечен 9 сентября 1613 года. Есть предположения, что месяц, прошедший с момента окончательного одобрения рукописи до ее продажи Роблесу, Сервантес использовал для поиска другого издателя и только после безуспешных попыток прибег к услугам Роблеса. Почему? Возможно, потому, что писатель был уже известен, популярен и хотел получить более достойный гонорар за свой труд. Один из персонажей «Персилеса» заметит, что в Мадриде «нет ни одного книготорговца, который не хотел бы получить привилегию на печать книги даром» или, в крайнем случае, за очень

смехотворную сумму.

Авторы обычно редко довольны своими гонорарами. Франсиско де Роблес заплатил Сервантесу за «Назидательные новеллы» 1600 реалов, сумму для того времени вполне приемлемую. Правда, она была давно выплачена в форме аванса.

Свое новое произведение дон Мигель посвятил графу де Лемосу, новому вице-королю Италии. Текст посвящения свидетельствует, что автор уверен в себе и в успехе своего детища. Обычно поэт или писатель превозносил вельможу и просил принять его под свое покровительство. Это был своего рода «ритуальный танец». Дон Мигель в этом смысле более чем сдержан, можно сказать, просто самоуверен: «...я обойду здесь молчанием величие и титулы древнего и королевского дома вашей светлости и неисчислимы ваши достоинства, как природные, так и благоприобретенные... Не стану я также умолять вашу светлость опекать мою книгу... Молю вашу светлость только об одном: обратить внимание, что я — не делая из этого никакого шума — посылаю вам двенадцать повестей таких достоинств, что не будь они сработаны в мастерской моего собственного разума, они могли бы потягаться с самыми замечательными произведениями».

Из типографии Хуана де ла Куэсты «Назидательные новеллы» вышли осенью 1613 года. В их состав входило 12 новелл, расположенных автором в следующем порядке: «Цыганочка», «Великодушный поклонник», «Ринконете и Кортадильо», «Английская испанка», «Лиценциат Видриера», «Сила крови», «Ревнивый эстремадурец», «Высокородная судомойка», «Две девицы», «Сеньора Корнелия», «Обманная свадьба», «Новелла о беседе собак». Позднее в состав сборника стали включать и «Подставную тетку», хотя, как мы уже говорили, авторство Сервантеса в данном случае весьма сомнительно.

Порядок следования повестей в сборнике, однако, не отражает реальной хронологии их написания, которая может быть установлена лишь приблизительно в связи с тем, что создавались повести в течение многих лет. На этот счет у многочисленных исследователей «Назидательных новелл» имеются самые противоречивые мнения. В общем, однако, вырисовывается некая последовательность.

Одной из наиболее ранних новелл можно полагать «Английскую испанку». Она, как считает К. Державин, не могла быть создана ранее 1606 года. Это видно из арифметических расчетов: возраст ее главной героини Исабелы к концу новеллы составляет шестнадцать или семнадцать лет, а в завязке упоминаются события, относящиеся к моменту нападения

английского флота на Кадис в 1596 году, когда ей было, как пишет автор, «лет семь».

Далее по времени идет, вероятно, «Великодушный поклонник», созданный, как считают, по возвращении Сервантеса в Мадрид.

«Цыганочка», «Лицензиат Видриера», «Высокородная судомойка», «Обманная свадьба» и «Новелла о беседе собак» связаны, по большей части, с событиями первого десятилетия XVII века: беспрецедентный успех «Гусмана де Альфараче», возвращение королевского двора к берегам Мансанарес,^{193} рождение будущего монарха Филиппа IV, нарастающая волна ненависти против морисков. Но возможно, что упомянутые новеллы были написаны раньше, а события, отталкиваясь от которых мы пытаемся датировать произведения, происходили во время последней доработки текстов.

Что касается «Силы крови», «Двух девиц» и «Сеньоры Корнелии», то на дату их создания не указывают никакие факты или исторические события.^{194}

В «Прологе» Сервантес писал: «...я первый, кто начал писать по-кастильски, ибо все печатающиеся у нас многочисленные новеллы переведены с иностранных языков, в то время как мои новеллы — моя полная собственность; сочиняя их, я никому не подражал и никого не обкрадывал: они зародились в моей душе, произведены на свет моим пером, а ныне им предстоит расти и расти в лоне печатного станка».

Дон Мигель писал чистую правду, он действительно был родоначальником оригинальной испанской прозаической новеллы. До Сервантеса существовала новеллистическая проза, но это была не испанская проза. А если, например, в «Гусмане де Альфараче» были четыре вставные новеллы, то все-таки это были именно вставные новеллы, а не произведения оригинального жанра. То же можно сказать и о вставных рассказах в «Диане» Хорхе Монтемайора.

В это время уже был широко известен испанский перевод «Декамерона» Боккаччо, осуществленный в последние годы XV века и успешно разошедшийся в пяти изданиях. Он был даже в библиотеке Исабелы Католической. Блестящее шествие этого произведения по Испании прервала Инквизиция, которая внесла его в Индекс запрещенных книг 1559 года. Полагают, что Сервантес читал его в оригинале во время своего пребывания в Италии.

Во второй половине 1580–1590-х годов начали появляться переводы новелл с итальянского и французского. Сервантес наверняка был знаком с

«Трагическими и назидательными историями» Матео Бандельо, изданными на кастильском в 1589 году в Саламанке, и «Ста рассказами» Джеральди Чинтио (Geraldi Cinzio), опубликованными в Толедо в 1590 году и получившими распространение по всей Испании.

Печатаются также и разнообразные фолианты непосредственно испанских авторов, наполненные баснями, притчами, анекдотами, рассказами и другими подобного рода произведениями, сюжеты которых были, как правило, заимствованы у итальянских и французских авторов, которые, в свою очередь, находили их у античных коллег. Наиболее известными из подобных антологий являются «Небывальщины» (1565) Хуана де Тимонеды^{195} и «Собрание басен» (1613) Себастьяна Мея.

«Я назвал их „назидательными“, и действительно, если как следует посмотреть, среди них нет ни одной, из которой нельзя было бы извлечь полезное назидание...» — охарактеризует свои новеллы сам Сервантес. Между тем основная их цель не назидание как таковое, а изображение жизни в ее правдивости и поучительности.

Все новеллы можно разделить на две большие группы — любовно-романтические и реалистические, которые содержат в себе известный сатирический запал. Есть и «пограничные», где присутствует и то и другое, — «Цыганочка» и «Высокородная судомойка».

Главные герои романтических новелл — молодые люди знатного происхождения, влюбленные и стремящиеся соединиться, несмотря на множество препятствий. Их любовь подвергается различным испытаниям, а сами они терпят причудливые злоключения: то любимую похищают турки, то внезапно исчезает обещавший жениться влюбленный юноша. Героиня может потерять красоту или даже стать обесчещенной. Однако в конце концов после многочисленных приключений и перипетий все улаживается и счастливо завершается. Совершаются чудесные превращения: девушка вновь обретает красоту, безродная цыганка, в которую влюбился молодой аристократ, оказывается дамой благородного происхождения, а юноша, некогда обесчестивший девушку, снова появляется в ее жизни, но уже совершенно преобразенным, и сочетается с ней законным браком.

Тематика, сюжетные хитросплетения, обретающие счастливый конец, благородное поведение героев и т. д. — все это характеризует новеллы Сервантеса как очевидно ренессансные. Сервантес трактует человека с гуманистической позиции и опираясь на гуманистическую философию. Он верит в человеческое благородство, самопожертвование, бескорыстие, верность и преданность. Качества, присущие человеку Возрождения.

Все новеллы Сервантеса имеют «хеппи энды». Это неправдоподобно, нереалистично, но таковы уж ренессансные ценности — жизнь, наполненная ими, может быть только счастливой. Несмотря на это, новеллы писателя удивительно жизненны. Сервантес вовсе не упрощает и не схематизирует человеческую природу, а старается показать ее во всей сложности и зачастую неожиданности.

Своей парадоксальностью, особенно для современного читателя, характерна новелла «Ревнивый эстремадурец». Ее сюжет прост. Старик Каррисалес женился на молодой девушке Леоноре. Желая обезопасить себя от возможной ее измены, он принял строгие меры предосторожности: окружил дом высоким забором, изгнал из дома всех особ мужского пола. Казалось, ему ничего не угрожает. Но нашелся некий ловкач по имени Лоайса, который, несмотря на все преграды, проник в дом. Здесь, однако, происходит неожиданное: Леонора сохраняет верность мужу. Но кто этому поверит?! Естественно, Каррисалес, застав юношу в своем доме, решил, что жена ему изменила.

Однако в сознании старого мужа происходит переворот: восьмидесятилетний старик, бывший предметом всеобщих насмешек, внезапно обнаруживает большое человеческое благородство. Он произносит покаянную речь, признав себя виноватым в том, что женился на молодой даме. В своем завещании он отказывает ей большое наследство, чтобы она могла счастливо выйти замуж. Поистине ренессансный поворот событий.

Старик выполнил свое обещание. Но Леонора и после его смерти не вышла замуж за Лоайсу. Она отказалась от мирской жизни и ушла в монастырь.

Сервантес так объясняет смысл новеллы, опираясь на философию гуманизма: «Что до меня, то у меня осталось желание заключить, наконец, эту историю, живо и наглядно показывающую, как мало следует полагаться на ключи, „вертушки“ и стены, когда самая наша воля свободна...»

В новелле «Ревнивый эстремадурец» Сервантес предстает перед нами как глубокий психолог и знаток человеческой души, познавший всю ее сложность и глубину.

«Лиценциат Вадриера» — одна из ярких «Назидательных новелл», содержащая целую философскую концепцию. Ее герой — умный мальчик из простой семьи, который хочет стать ученым и прославиться на поприще наук. Влюбленная в него куртизанка, желая приворожить его, дала ему какое-то зелье. С тех пор он вообразил, что стал стеклянным и может разбиться, поэтому и стал называть себя «лиценциат Вадриера». [\[196\]](#)

Он расхаживает по городу и необычайно остроумно отвечает на вопросы, которые ему задают все кому не лень. Сумасшедший выступает как критик и моралист, оценивающий разных людей, сословия и профессии. Лицензиат Видриера говорит о том, что во дворцах царит лезть, что так называемые порядочные люди мало чем отличаются от преступников. Он высмеивает плохих поэтов, врачей, которые убивают пациента с помощью рецептов, не испытывая ни страха, ни угрызений совести, критикует судей, у которых «в груди копошатся гадюки». Мысли Видриеры во многом перекликаются с высказываниями Дон Кихота: единственный человек, который мудр и позволяет себе открыто говорить правду, — безумец, сумасшедший.

Все новеллы сборника по-своему хороши, и каждая из них несет в себе определенный жизненный урок, вызывая при этом положительные эмоции. Как пишет сам автор, «я беру на себя смелость сказать, что если чтение этих „Новелл“ каким-нибудь образом наведет моего читателя на дурные желания и мысли, то я охотнее согласился бы отсечь руку, написавшую их, чем выпустить их в свет».

*

Сразу же по выходе в свет «Назидательные новеллы» имели очевидный и большой успех. За десять месяцев вышло четыре издания, из них одно пиратское — в Памплоне^{197} и одно подложное, опубликованное в Лиссабоне. На протяжении XVII века «Новеллы» выдержат 23 издания.

В ходе одобрительной критики лишь один отзыв можно назвать отрицательным. Кристоаль Суарес де Фигероа^{198} в своем «Путнике» (1617) обвинил автора в стремлении описывать события собственной жизни, а также в «малых способностях», которые вызывают лишь «язвительные шутки, смех, презрение и издевку».

Отклики большинства собратьев по перу были весьма благожелательны. Даже анонимный автор подложного «Дон Кихота», использовавший псевдоним Авельянеда, хоть и не без оговорок, признал их «в немалой степени талантливыми». Лопе де Вега в предисловии к новелле «Превратности судьбы Дианы» отметил «изящество и хороший стиль», хотя и тут не преминул уколоть своего супостата, заметив, что «поистине назидательными» новеллы станут только в том случае, если «их сочинением займутся люди ученые или по крайней мере получившие

высокое светское образование». Драматург этим откровенно указывает на отсутствие у Сервантеса университетского образования.

Кальдерон де ла Барка особо выделил у автора «Назидательных новелл» умение создавать интригу.

Уже в первой половине XVII века «Назидательные новеллы» были переведены на основные европейские языки: в 1615 году — на французский (восемь изданий в течение XVII века), в 1626-м — на итальянский, в 1640-м — на английский и в 1643 году — на голландский. Это была книга, по которой многие иностранцы изучали испанский язык. Множество похвальных отзывов о новеллах Сервантеса высказали зарубежные собратья по перу. Об испанце восторженно писали такие знаменитости, как Шарль Сорель^{199} и Поль Скаррон.^{200}

Одним из синонимов популярности «Назидательных новелл» могут служить их многочисленные драматургические обработки, предпринятые как испанскими, так и зарубежными авторами, среди которых Лопе де Вега, Джон Флетчер,^{201} Жан Франсуа Реньяр.^{202}

В случае с «Назидательными новеллами» мы имеем ту редкую ситуацию, когда высокое мнение самого автора совпадает с оценками большинства коллег по перу.

Позднее в «Путешествии на Парнас» Сервантес так определит значение «Назидательных новелл»: «Для них собрал я пестрый милый вздор, кастильской речи путь открыв свободный». Эти строки, если заменить слово «кастильской» на «русской», очень напоминают эстетическое кредо Александра Сергеевича Пушкина, не правда ли?

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС» И «ВОСЕМЬ КОМЕДИЙ И ВОСЕМЬ ИНТЕРМЕДИЙ»

Бурлескная поэма «Путешествие на Парнас»,^{203} во многом биографическая, была написана Сервантесом еще в 1613 году, но появилась лишь после выхода «Назидательных новелл». Вероятно, автор не имел ни времени, ни сил подготавливать к изданию оба произведения одновременно. «Путешествие на Парнас» выйдет из печати не ранее ноября 1614 года.

Поэма содержит три тысячи одиннадцатисложных стихов, разделенных на восемь песен. В ней фигурирует огромное количество имен — 150 собратьев по перу, которые упомянуты и отмечены похвалой автора. Но, к сожалению, на русский язык переведена лишь незначительная часть этого произведения.^{204}

В «Путешествии на Парнас» Сервантес повествует о том, как, расставшись с Мадридом, он отправляется в Картахену, чтобы, как и Цезаре Капорали Перуджио,^{205} «навестить» Аполлона^{206} и испить из Кастальского ручья — источника поэтического вдохновения.

В Картахене он видит «зрелище галеры, сколоченной из стихотворных строк» и управляемой Меркурием,^{207} прибывшим по поручению Аполлона для поиска хороших поэтов, которые должны защитить Парнас от полчища бездарных писак численностью в 20 тысяч. Меркурий обращается к Сервантесу, называя его «Адам поэтов» и при этом необычайно удивляясь его нищенскому одеянию. Автор садится на корабль.

Вскоре к нему присоединяется множество хороших поэтов, чьи имена Сервантес перечисляет. Корабль направляется в Грецию, где их встречает бог искусств Аполлон, с которым поэты ведут пространную беседу. Но дон Мигель забыт, и поэтому ему приходится напомнить свои заслуги перед литературой, чтобы бог обратил на него внимание.

В это время к берегу подходит корабль бездарных рифмоплетов, которые начинают поносить талантливых поэтов и Сервантеса в том числе. Но атака достойно отбита и враг повержен. На автора «Дон Кихота», благодаря стараниям Морфия и действию его усыпляющего ликера, опускается сон. Сервантес переносится в Неаполь, где участвует в грандиозном празднестве, устроенном вице-королем Италии графом де Лемосом. Затем он переносится в Мадрид, где и просыпается.

Поэма появилась осенью 1614 года. Как и обычно, она имела посвящение сыну одного из судей Королевского Совета, любившего злоупотреблять служебным положением, подростку пятнадцати лет, некоему Родриго де Тапиа.

Тогда же автор дополнил поэму «Путешествие на Парнас» прозаическим «Добавлением». В нем он описывает встречу с одним из своих поклонников — Панкрасьо де Ронсесвальесом, вручающим Сервантесу письмо от Аполлона, в котором находился комический указ, «содержащий в себе льготы, правила и наставления для поэтов...».

Учитывая, что наш культурный фон существенно отличается от времен Сервантеса, надо заметить, что многие намеки автора довольно сложно поддаются расшифровке. И чтобы докопаться до смысла, надо обладать обширными знаниями эпохи или же иметь книгу, «сдобренную» хорошими комментариями.

В «Путешествии на Парнас» Сервантес в аллегорической форме обозначает свое литературное кредо, отношение к собратьям по ремеслу, указав и свои литературные заслуги. На страницах «Путешествия» он как бы итожит свою писательскую биографию и не без горечи показывает, в какой бедности жил и творил его талант, какие злоключения и тяжкие испытания выпали на его долю.

*

После открытия Филиппом III театров, корралей, закрытых его отцом, страсть к сценическим действиям обуяла Испанию. Возвращение двора в Мадрид лишь подогрело ее.

Мигель де Сервантес, как мы уже знаем, с детства питал слабость к театральным представлениям и драматургии, а со временем эта страсть только усилилась. Во время своих странствий по Андалусии он не терял связей с театральными актерами и антрепренерами. Что из того, что контракт с Осорьо на написание «лучших комедий» оказался мертворожденным? Все это было уже в прошлом. Многие его пьесы познали успех.

Севильская тюрьма, отъезд в Вальядолид, случай с Эспелетой, ожидание выхода «Дон Кихота», возвращение в Мадрид и многое другое — вся эта крутая цепь событий и переживаний, этот крутеж мешал Сервантесу сосредоточиться на драматургии. Возможно, он решил немного выждать — ведь в моде был Лопе...

«Вторжение» Лопе де Веги в драматургию можно отсчитывать с начала 1590-х годов. К этому времени он стал самым популярным драматургом Испании, его теория «новой комедии» быстро завоевывала монополию на театральном рынке.

В 1604 году Лопе уже полноправный властитель испанского театра. За каждую комедию он получал по 100 дукатов, и это при его фантастической плодовитости! Где уж тут было за ним угнаться «ingenio lego» Сервантеса.

Однако дон Мигель не отчаивается и... открывая второй период в своем драматургическом творчестве, выпускает сборник «Восемь комедий и восемь интермедий, ^{208} новых, никогда ранее не представленных».

О скором выходе этого сборника Сервантес проинформирует читателя еще в «Добавлении к Парнасу», в диалоге с юношей Панкрасью. Рукопись была разрешена к печати 3 июля 1615 года, к концу месяца была получена привилегия, а 1 ноября этого же года «Восемь комедий и восемь интермедий» увидели свет.

Как и когда создавались эти шестнадцать пьес? Частично на этот вопрос отвечает сам Сервантес. В «Прологе к читателю» он пишет: «Несколько лет тому назад возвратился я к своему былому безделью и, думая, что еще продолжаются времена, когда меня хвалили, снова принялся сочинять комедии, но не нашел птиц в старых гнездах, иначе говоря, не нашел директора труппы, который попросил бы их у меня, хотя они и знали, что таковые у меня имеются. Поэтому я сложил их в глубине сундука, присудив их к вечному молчанию. Недавно один издатель сообщил мне, что он приобрел бы их, если бы некий „титулованный“ директор не сказал ему, что от прозы моей можно ожидать многого, но от стихов — ничего. Говоря по правде, это меня несколько огорчило... Я пересмотрел мои комедии и некоторые из моих интермедий, спрятанных вместе с ними, и убедился, что и те и другие не столь плохи, чтобы не заслуживали предстать из тьмы, в которую погрузил их приговор этого директора труппы, пред светлые очи других директоров, менее требовательных и более сведущих».

Сервантес говорит, что его пьесы писались в то время, когда он вернулся к своему «безделью». Вероятно, он имеет в виду уход с королевской «комиссарской» службы в 1595 году. Но какая-то часть комедий была полностью либо частично написана, очевидно, и до этого срока. В «Добавлении к Парнасу» Сервантес упоминает *шесть* комедий и столько же интермедий, тогда как в сборник вошло по *восемь* того и другого.

Возможно, Сервантес написал их за эти без малого 12 месяцев, или

они уже были готовы, и автор колебался, включить их или нет в «Добавление», но в конце концов решил включить.

Ряд отечественных и зарубежных сервантистов сходятся на том, что некоторые из этих четырех пьес скорее всего являются переделками прежних комедий Сервантеса, приблизительно относящихся ко времени написания «Нумансии». Таким образом, «Роща влюбленных», «Великая турчанка» и «Путаница» были переkreщены, соответственно, в «Обиталище ревности», «Великую султаншу» и «Лабиринт любви».

Изменилось время, изменились и взгляды Сервантеса на искусство комедии. Как профессионал, Мигель не мог не понимать бесперспективности учено-книжной драматургии. Более того, к этому моменту она уже практически выродилась. Поэтому в «Прологе к читателю» в сборнике своих пьес Сервантес, давая краткий обзор развития испанской драматургии, особо отмечает вклад Лопе и его сторонников.

Рассуждения на тему «нового искусства» и его полезности имеют место и в пьесе из сборника «Счастливый плут» («Rufian dichoso»),^{209} где беседуют Комедия и Любопытство. Комедия говорит, что время изменило принципы написания драмы и надо отказаться от старых принципов «Поэтики» Аристотеля.^{210} «Время меняет вещи и совершенствует искусство», — замечает Комедия.

Приняв правила «новой комедии», Сервантес отказывается от нормативной поэтики Античности, переносит действие с места на место, растягивает время действия. Вместе с другими писателями он черпает сюжеты как из национальной культуры, так и из итальянских поэм и новелл Возрождения. Главную роль в его новых пьесах играет романтическая любовная интрига.

Время написания отдельных пьес сборника «Восемь комедий и восемь интермедий» можно установить лишь с грубой степенью приближенности. Об этом исследователями написано множество статей и монографий. Не вдаваясь в детали, скажем, что все драмы были созданы в десятилетие между 1601 и 1611 годами.

Новое детище писателя имело посвящение все тому же графу де Лемосу, которому Сервантес остался «верен», несмотря на то, что не попал в его свиту. Однако дон Мигель сменил издателя, которым в этот раз вместо Франсиско де Роблеса стал Хуан де Вильяроэль. Именно он был тем, кто взялся за издание сборника сервантесовских пьес. В июле 1615 года Вильяроэль получит королевскую привилегию на печатание рукописи. А в середине сентября этого же года, едва выйдя из типографии, «Восемь

комедий и восемь интермедий» Сервантеса поступят в продажу.

Надо заметить, что интермедии больше удались автору, чем непосредственно сами комедии. Но в любом случае, в отличие от других работ автора, сборник не имел успеха у читателя, равно как и не было многочисленных откликов собратьев по перу и критиков. Пьесы удостоились лишь нескольких язвительных фраз в «Путнике» Суареса де Фигероа. На протяжении XVII века не было ни одного переиздания этого сборника пьес. Второе издание появится только в 1749 году.

ТРЕТИЙ ВЫЕЗД ДОН КИХОТА

При издании первого тома «Дон Кихота» Сервантес оставил за собой некую зацепочку — возможность вернуться к истории похождения романтического рыцаря. В конце первого тома «Дон Кихота» он пишет: «Однако ж автор этой истории, несмотря на то, что он со всею любознательностью и усердием допытывался, какие именно деяния совершил Дон Кихот во время третьего своего выезда, так и не смог обнаружить на сей предмет каких-либо указаний — по крайней мере в летописях подлинных; только в изустных преданиях Ламанчи сохранилось воспоминание о том, что, выехав из дому в третий раз, Дон Кихот побывал в Сарагосе и участвовал в знаменитых турнирах, которые в этом городе были устроены, и там с ним произошли события, достойные его неустрашимости и светлого ума».

Напомним, что первый том романа имел ошеломляющий успех, что, конечно, не могло не подвигнуть Сервантеса на создание продолжения. Как сообщает Самсон Карраско, «...люди не угрюмые, а *жизнерадостные* просят (курсив мой. — А. К.): „Давайте нам еще Дон-Кихотовых пождений, пусть Дон Кихот воинствует, а Санчо Панса болтает, рассказывайте о чем угодно — мы всем будем довольны“». Это были еще и деньги, а их у писателя всегда не хватало. Вероятно, сыграл свою роль и Франсиско де Роблес, для которого Сервантес стал после успеха «Дон Кихота» в 1605 году золотой жилой, и он также мог подталкивать писателя к написанию продолжения.

Второй том появился в продаже в Мадриде в конце ноября 1615 года, с посвящением все тому же графу де Лемосу, который «поддерживает меня (Сервантеса. — А. К.), покровительствует мне и оказывает столько милостей, что большего и желать невозможно». Это известно, а вот когда писатель начал работать над продолжением пождений Дон Кихота, до конца не ясно.

В «Прологе» к «Назидательным новеллам» Сервантес анонсирует выход второго тома романа. Вероятно, он тогда был уже близок к его завершению. В. Багно высказывает мнение, что наиболее интенсивно работа над ним пошла после 1608 года. К. Державин считает, что начало труда над продолжением романа можно пометить 1613 годом, не ранее. Ж. Канаважио, опираясь на высказывание Самсона Карраско из третьей главы второй части, где тот говорит, что первая часть истории «в настоящее время

отпечатана в количестве более двенадцати тысяч экземпляров», полагает наиболее вероятным отсчитывать начало работы с 1611 года, мотивируя это тем, что именно к этому моменту («настоящему времени») edito princeps (первое издание) разошлось максимальным тиражом в семи изданиях — официальных и пиратских. А начиная с июля 1614 года, когда было закончено «Добавление к Парнасу», работа над «Дон Кихотом» идет полным ходом, ей уже ничто не мешает.

В начале 1615 года рукопись завершена. В течение двух месяцев она была утверждена цензурой. Книга была одобрена лицензиатом Маркесом Торресом и магистром Хосе де Вальдивьесо и «снабжена» привилегией на 20 лет, распространявшейся на всю территорию империи.

Печатать издание взялся Франсиско де Роблес, тот самый, который выпустил первый том «Дон Кихота», и в той же самой печатне Хуана де ла Куэсты.

Создавая вторую часть, Сервантес следовал установившейся традиции писать, зачастую бесконечные, продолжения имевших успех романов. Уже значилось множество «потомков» «Диан» и «Амадисов». Кстати, Сервантес собирался написать продолжение «Галатеи».

Отметим, что писатель изменил название романа.^[211] Второй том вышел как «Вторая Часть Хитроумного Рыцаря Дон Кихота Ламанчского» («Segunda Parte del Ingenioso Caballero Don Quijote de la Mancha»), то есть слово «идальго» было заменено на «рыцарь» (caballero). Возможно, это было связано с тем, что вторая часть «Дон Кихота» по тональности существенно отличалась от первой, в основе своей комической. Сервантес, вероятно, хотел подчеркнуть подлинную «рыцарственность» своего героя. А может быть, идадьгия была против подобного глумления над своим сословием и автору пришлось заменить «идальго» на «рыцарь»?

Вторую часть Сервантес написал быстрее, чем первую, — за четыре года вместо шести лет. Книга получилась объемнее: 72 главы против 52. Таким образом, завершился проект протяженностью в десять лет, в котором, как подсчитал кто-то, участвуют около 700 персонажей.

Мы думаем, что продолжение мыслилось автором не как пародия на рыцарские романы, а как описание «разумных безумств» главного персонажа. Выражение само по себе многозначительное и философское, настраивающее читателя на более серьезный лад. Как говорит Самсон Карраско, «...некоторые читатели говорят, что им больше понравилось бы, когда авторы сократили бы бесконечное количество ударов, которые во время разных стычек сыпались на сеньора Дон Кихота». Это-то пожелание Сервантес и осуществил во втором томе «Дон Кихота».

Основные эпизоды романа, как и в первом томе, группируют вокруг себя множество событий, перемежаемых пространными беседами рыцаря и его оруженосца. В тексте отсутствуют многочисленные вставные новеллы, характерные для первого тома, композиция сочинения — более строгая и выдержанная.

Автор в лице героев романа постоянно апеллирует к мнению читателя, ознакомившегося с первым томом, комментирует его высказывания, соглашаясь или споря с ними. Персонажи, таким образом, как бы видят себя со стороны — прием для той эпохи совершенно новый, получивший полноценное развитие только в модернистской литературе XX века. Сервантес заглянул вперед на целых четыре века!

Если в первой книге Рыцарь Печального Образа странствует исключительно по Ламанче, то во втором томе он покидает родные места и отправляется в путешествие по Испании. Сервантес считает нужным отметить, что «...предлагаемая вторая часть *Дон Кихота* скроена тем же мастером и из того же сукна, что и первая...».

И все же второй том существенно отличается от первого. Автор вышел за рамки критики рыцарских романов и тем самым существенно расширил философский подтекст произведения. У *Дон Кихота* второй части практически отсутствует сумасшествие, а ля «кабальеро анданте» — странствующий рыцарь.

Алонсо Кихано во время своего третьего выезда уже не принимает постоянные дворы за замки, а мельницы за великанов. Только в трех эпизодах им овладевают признаки безумия: в театре маэсе Педро, в случае с заколдованной лодкой и в пещере Монтесиноса. Показательно замечание самого главного героя: «Теперь я понимаю, что стоит лишь коснуться рукой того, что тебе померещилось, — и обман тотчас же рассеивается». Это вполне здравомыслящий, неглупый человек преклонных лет. В основном книга наполнена трагикомическими столкновениями *Дон Кихота* с реальным недобрым миром, обманами, плутнями и шутками встречавшихся на его пути людей.

В этом смысле весьма примечательно замечание Санчо: «У моего (хозяина. — А. К.) хитрости вот настолько нет, душа у него открыта нараспашку, он никому не способен причинить зло, он делает только добро, коварства этого самого в нем ни на волос нет, всякий ребенок уверит его, что сейчас ночь, хотя бы это было в полдень, и вот за это простодушие я и люблю его больше жизни».

Дон Кихот второй части выступает не как «книжный» безумец, а как безумный мудрец. И Сервантес всячески старается подчеркнуть это,

вкладывая в его уста действительно разумные речи.

Книга благодаря этому обрела черты собрания всякого рода умных мыслей. Ее можно запросто разобрать на поговорки, поговорки, афоризмы а ля Монтень или Ларошфуко.^{212} В подтверждение этого достаточно привести хотя бы следующее высказывание Дон Кихота: «Откровенно говоря, сеньор бакалавр, я полагаю, что для того, чтобы писать истории или же вообще какие бы то ни было книги, потребны верность суждения и зрелость мысли. Отпускать шутки и писать остроумные вещи есть свойство умов великих: самое умное лицо в комедии — это шут, ибо кто желает сойти за дурачка, тот не должен быть таковым. История есть нечто священное, ибо ей надлежит быть правдивою, а где правда, там и бог, ибо бог и есть правда...»

Показательны размышления дона Диего де Миранды, который после истории со львами задумывается, что же являет собой Дон Кихот — «здравомыслие сумасшедшего или сумасшествие, переходящее в здравомыслие». Определением умственного строя Дон Кихота озабочены и другие персонажи книги.

Вернемся к замечанию Дон Кихота насчет шута и дурачка. В значительной степени это автохарактеристика самого Дон Кихота — качество «с улыбкой правду говорить».

Венчает историю о похождениях Рыцаря Печального Образа смерть главного героя. В конце жизни к нему полностью возвращается рассудок, и он умирает, превратившись в Алонсо Кихано Доброго — мирного сельского идальго, каковым он в сущности и был.

И все бы было просто прекрасно, но... когда писатель приблизился к 36-й главе второй части романа, содержащей письмо Санчо своей жене, датированное 20 июля 1614 года, случилось непредвиденное.

ПОДЛОЖНЫЙ «ДОН КИХОТ» АВЕЛЬЯНЕДЫ

Примерно в это же время, а точнее 4 июля, доктором Франсиско де Торме-и-Льори была подписана фальшивая лицензия на печать «Второго тома хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского, содержащего его третий выезд и являющегося пятой частью его приключений». На титульном листе рукописи стояла фамилия автора — лицензиат Алонсо Фернандес де Авельянеда. Книга появилась в продаже в конце лета — начале осени 1614 года, таким образом более чем на год опередив появление романа Сервантеса.

Вероятно, автор «Дон Кихота» ознакомился с фолиантом Авельянеды до написания 59-й главы, начиная с которой книга стала мишенью для праведного гнева писателя. Ясно, что Сервантес был вне себя от этого внезапного и наглого покушения на его «Дон Кихота». И это оскорбление было столь велико, что составило один из основных мотивов второй части. А начинает «честить» плагиатора дон Мигель уже с «Пролога».

В конце второго тома Сервантес резко заявляет: «Для меня одного родился Дон Кихот, как и я для него; ему суждено было действовать, мне описывать; с ним мы составляем чрезвычайно дружную пару — на зло и зависть тому лживому тордесильясскому^{213} писаке, который осмелился (а может статься, осмелится и в дальнейшем) грубым своим и плохо заостренным пером описать подвиги доблестного моего рыцаря, ибо этот труд ему не по плечу и не его окоченевшего ума это дело».

Справедливости ради надо сказать, что книга Авельянеды не пользовалась популярностью и сразу же по выходе второго тома сервантесовского «Дон Кихота» отошла на второй план. Более того, она ни разу не переиздавалась на протяжении XVII века. Позднее подделка удостоилась обработки Лесажа.^{214}

Но кто же был этот Авельянеда? К сожалению, это большая загадка в сервантистике. Имя создателя подложного «Дон Кихота» Алонсо Фернандес де Авельянеда в действительности является псевдонимом, а его подлинная фамилия до сих пор покрыта тайной.

В принципе тогда существовала традиция писать продолжения популярных романов. Так, например, в продолжение известной «Дианы» Хорхе Монтемайора^{215} Алонсо Перес^{216} написал «Вторую часть Дианы», а Гаспар Хиль^{217} — «Влюбленную Диану». О том, что у писателя есть право на написание продолжения чужого романа, пишет и

сам Авельянеда: «Пусть никто не удивляется, что эта вторая часть исходит от другого автора, ибо не так уже редки продолжения разных повествований, принадлежащих перу различных лиц... Написано много различных „Аркадий“, и „Диана“ принадлежит не одной руке... Поскольку дозволено существовать стольким „Селестинам“...^{218} вполне можно допустить странствовать по полям и Дон Кихота с Санчо Пансой».

Загвоздка, однако, состояла в другом. Да, действительно, продолжения писались, но, как правило, лишь после смерти автора «головного» романа. Так, к тому моменту, когда появились новые «Дианы», Хорхе Монтемайор уже покоился с миром. То же можно сказать и о «Селестинах»: к тому времени, когда в 1534 году появилась «Вторая Селестина» Фелисьяно де Сильвы,^{219} Фернандо де Рохас уже умер.

Случай Авельянеды скорее подходил под другую категорию — пиратского типа. Подобная ситуация имела место со «Второй частью Гусмана де Альфараче», написанной в 1602 году неким литератором Хуаном Марти, спрятавшимся за псевдонимом Матео Лахан де Сайаведра. Как раз сам Матео Алеман, автор первоизданного «Гусмана де Альфараче», готовил в это время продолжение романа, которое вышло лишь через два года после появления «подложного». То же самое, но в худшем исполнении случилось с Сервантесом спустя десять с лишним лет.

Что же стоит за этим? На этот счет имеются две точки зрения.

Одни исследователи полагают, что Авельянеда руководствовался исключительно материальными соображениями: если первая часть «Дон Кихота» имела успех и хорошо продавалась, то логично предположить, что продолжение романа также будет финансово выгодным. Беспроигрышная лотерея!

Другие полагают, что человек, скрывшийся под псевдонимом, сводил личные счеты с автором «Дон Кихота». В романе Авельянеды есть одно место, объясняющее мотивы подложного «Кихота»: это — «обида, нанесенная мне и еще более тому, кого столь справедливо превозносят самые отдаленные народы и кому столь многим обязана наша нация, тому, кто достойно и плодотворно в течение многих лет восхищает нас на испанских сценах своими удивительными и неисчислимыми комедиями, создаваемыми в строгих правилах искусства, диктуемого светом, и с той пристойностью и целомудрием, коих должно ожидать от служителя Святой инквизиции».

Эта фраза, с очевидностью и многочисленными указаниями^{220} отсылающая к Лопе де Вега, послужила основой для бесчисленного

множества гипотез о подлинном имени Авельянеды. Сам Сервантес, который, судя по всему, не знал, кем на самом деле является Авельянеда, предположил, что автор подлога араговец. Он писал: «Книга (подложный „Кихот“ — А. К.) написана на арагонском наречии, потому что в ней часто отсутствуют некоторые частицы». Писатель имел в виду союзы и артикли, что характерно для жителей Арагона.^{221} Но, как позже выяснится, подобные ошибки не редки и у авторов не арагонского происхождения.

В 1797 году один из первых комментаторов «Дон Кихота» Антонио Пельисер предположил, что под псевдонимом Авельянеда скрывается фрай Луис де Альяга, доминиканский монах, духовник Филиппа II.

И пошло-поехало. Кого только не записывали в Авельянеды! Среди «подозреваемых» оказались: Матео Алеман, Бартоломе Леонардо де Архенсола, Тирсо де Молина,^{222} естественно, Лопе де Вега, его друг и покровитель, знатный вельможа герцог де Сесса, доминиканский монах, враг Сервантеса еще с алжирского плена Хуан Бланко де Пас, множество малоизвестных поэтов и писателей и, наконец, предположили даже — не звали ли Авельянеду на самом деле Авельянедой?

Одной из наиболее свежих является гипотеза, выдвинутая в наше время. Исследователями было замечено, что в тексте подложного «Кихота» часто встречаются латинские богословские цитаты, прославляющие жизнь в обители, много упоминаний священных четок. Однако более чем на клирика все это, согласно версии, указывает на некоего Херонимо де Пасамонте, солдата-писателя, вдохновившего Сервантеса на создание образа каторжника Хинеса де Пасамонте.

Напомним, что Авельянеда говорил о некой личной обиде, побудившей его написать книгу. Кроме того, Херонимо был родом из Арагона и служил Лопе де Вега. Примечательно, что Хинес де Пасамонте «появляется» во втором томе «Дон Кихота» Сервантеса в обличье маэсе Педро, кукольника, чье «хозяйство» громит Рыцарь Печального Образа.

Однако этой гипотезе, как, впрочем, и другим, не хватает главного — аргументированных доказательств. Поэтому до сих пор остается неизвестным, кто же в действительности скрывается под псевдонимом Авельянеда.

Фальшивыми в книге плагиатора были не только имя на титуле, трактовка самого образа Дон Кихота, но и допуск цензора и разрешение на печать. Два человека, поставивших свои подписи на упомянутых документах, не имели на это никаких полномочий. Имя книгоиздателя — Филипп Роберт, но он закрыл свое дело за год до того, место публикации —

Таррагона, [{223}](#) а книгу, похоже, отпечатали в Барселоне.

Кроме полного извращения духа романа неизвестный автор позволил себе и грубые шутки и намеки на личность писателя. В частности, он писал: «...Мигель де Сервантес, будучи таким же старым, как и замок Сан Сервантес, с годами стал весьма взыскательным, так что все и вся его раздражают, поэтому-то у него настолько нет друзей, что, когда он хотел украсить свои книги высокопарными (самpanudos) сонетами, он должен был поручить сочинить их (как он сам говорит) пресвитеру Иоанну Индийскому или императору Трапезондскому».

Подобного рода выпадами личного характера книга Авельянеды изобилует. В тексте можно встретить утверждения неверности жены дона Мигеля Каталины де Саласар, он цепляется за фамилию Сервантес («Сервантес» («un servantes») означало мужа-рогоносца), чтобы потешиться над этим. Наверное, дон Мигель слышал немало шуток по этому поводу, однако никто не осмеливался надсмеяться над ним так грубо и публично.

Какую обиду надо было таить против автора «Дон Кихота», чтобы так зло шутить на столь деликатные темы? Разве что быть выведенным под своим именем — Хинес, каторжником без веры «в царя, бога и отечество»? Бесспорно, эти отравленные литературные стрелы ранили писателя. Но он уже думал не о возмездии, а о Вечности, в которую ему очень скоро предстояло вступить.

ПОТЕРИ

«Я уже в таком возрасте, что мне не приходится шутить шутки с загробной жизнью...» — так напишет Сервантес в «Прологе» к «Назидательным новеллам». И это — не пустые слова. Писатель действительно был обеспокоен своим здоровьем и возрастом. Ему тогда стукнуло 64 года. Но последние годы, проведенные в Мадриде, станут самыми плодотворными в творчестве писателя.

В семье дона Мигеля произошли заметные изменения. Его жена Каталина и сестра Андреа 8 июня 1609 года, следуя примеру Магдалены, пройдут через год послушание и примут постриг в ордене Терсера Святого Франсиска.^{224} Это означало прощание со светским миром и его радостями. Тут, наверное, свою роль сыграло тщеславие. Иначе зачем было Андреа называть себя вдовой доблестного генерала Альваро Менданьо, которого никогда не существовало?

Сервантес не пошел по пути отрешения от мирской жизни так далеко. Но желая быть ближе к Богу и заботясь о спасении своей души, двумя месяцами ранее, 17 апреля 1609 года, вступил в братство Рабов Святейшего Причастия. Эта религиозная община была основана недавно, ее членами были в основном писатели и поэты. Вслед за Сервантесом членами братства станут и многие другие литераторы.

Конгрегация, основанная под патронажем кардинала Сандовалья и герцога де Лермы, была призвана стать своего рода академией муз, творящих под покровительством Господа. В создании братства активное участие принимал и Лопе де Вега, хотя в дальнейшем ограничился только председательством на собрании его членов, среди которых было немало именитых поэтов и писателей: Кеведо, Висенте Эспинель, Салас Барбадильо и Велес де Гевара.^{225}

В день Корпуса^{226} в 1609 году Сервантес, по всей вероятности, был удостоен возможности составить поэтическую гирлянду в честь Господа. К сожалению, эти стихи до нас не дошли. Но согласно историческим сведениям, поэзия дона Мигеля заслужила первую премию.

Известно, что правила, которые предписывалось выполнять вступающим, были очень строгими и тяжелыми: носить накидку со знаком ордена, соблюдать посты, быть абсолютно целомудренным, ежедневно присутствовать на церковной службе, быть честным и искренним в своих делах и поступках. Дон Мигель, как полагают, следовал всем этим

правилам в точности. А другие члены братства? Мог ли, например, Лопе де Вега, будучи на 20 лет моложе Сервантеса, с тем же религиозным рвением следовать всем пунктам устава? Очень маловероятно!

Столь ревностное отношение Сервантеса к религии и церкви весьма интригует исследователей его жизни и творчества. Как это согласуется с ироничным отношением к институту церкви и ее служителям во многих его произведениях? Удивляться здесь нечему. Таков был дух времени. Будучи человеком без догматических «шор», читателем Эразма, Сервантес в то же время свято относился к церковным культам, никогда не позволяя себе смеяться над ними, и был, безусловно, верующим человеком.

К. Державин, комментируя уход в монастырь женской половины семьи Сервантесов, пишет, что «вряд ли это решение было продиктовано прежде всего благочестивыми соображениями». При этом он ссылается на высказывание одного историка XVII века, который пишет, что «большинство женщин, вступавших в монастыри, были привлечены туда причинами, весьма далекими от религиозного чувства». Державин считает, что «бедность, социально-бытовая и личная неустроенность руководили, скорее всего, Магдаленой и Андреа, когда на склоне лет они решили стать под сень религиозной организации». Наверное, все перечисленные Державиным причины действительно имели место, но можно ли только ими объяснить отрешение от мирской жизни светских женщин — явление распространенное вплоть до XIX века. Разве искренней, внутренней веры вообще не существовало? А получается именно так, если все объяснять внешними причинами.

*

Осенью 1609 года скоростижно скончалась старшая сестра Сервантеса Андреа. То, что смерть ее была внезапной, следует из того, что Андреа не оставила завещания. Похоронена она была отдельно, как и полагалось для женщины скромного состояния, терциарию ордена Сан Франсиско.

В регистре захоронений церкви Сан Себастьян покойная значится как «вдова Амбросьо Себастьяна, 65 лет» — появившийся из ниоткуда генерал Альваро де Менданьо исчез. Ведь перед Господом все равны. Шесть месяцев спустя после этой потери семью Сервантесов посетило новое несчастье: умерла внучка дона Мигеля маленькая Исабель Санс. За этим последовал дележ наследства.

Хуан де Урбина объявил себя свободным от обязательства выплачивать обещанное приданое Исабель де Сервантес, в замужестве де Молина. Дальше — больше: 27 марта 1610 года Урбина заявил свои права на дом, который в случае смерти малышки должен был быть ему возвращен. Здесь свою роль сыграл и Сервантес, ведь формально дом принадлежал ему, и в соответствии с договоренностью он, вопреки протестам дочери, вернул его законному владельцу. Но с одним условием: весь доход от его сдачи должен быть пожертвован благотворительным обществам (*obras pías*).

Исабель была в бешенстве. Произошла крупная ссора с отцом. Дочь подала на отца в суд с требованием аннулировать договор и вернуть дом. С тех пор их отношения уже не восстановились.

Урбина, увидев, что дело приняло плохой оборот, пошел на компромисс и заключил союз с Молиной. Затем истек срок, установленный для выплаты остатков приданого в сумме 22 тысяч реалов. Поток разбирательств не было конца, что, конечно, не могло не отравить жизнь несчастному отцу.

*

О жене дона Мигеля Каталине де Саласар-и-Паласьос в эти годы мы имеем немного сведений. Известно, что она, пройдя через послушание, приняла постриг в ордене Терсера 27 июля 1610 года. Незадолго до этого 16 июля она составила завещание, в котором назначала своим главным наследником брата Франсиско де Паласьос. Сервантесу во имя «большой любви и доброго согласия», как было написано в документе, кроме одежды и домашней мебели она завещала также два небольших участка земли.

Оставив основную часть наследства брату, Каталина таким образом уберегла Сервантеса от погашения старых семейных долгов Паласьос, которые после ее смерти перешли бы на мужа. В этом же случае всеми этими делами должен был заниматься брат Каталины.

Позднее, в 1612 году, она переписет завещание, оставляя брату все имущество, включая мужнину долю, в качестве возмещения полученной от него в разное время денежной помощи.

Каталина выразила желание быть похороненной рядом со своим отцом, в церкви Эскивиаса, «рядом со ступенью (*la grada*) главного алтаря». Но после смерти Сервантеса (супруга переживет его на десять лет) она изменит свое решение и попросит положить ее рядом с мужем.

*

Сестра дона Мигеля Магдалена станет в монашестве Магдаленой де Хесус. Она составит свое завещание 11 декабря 1610 года. Согласно ее распоряжениям похороны должны были пройти скромно. Наследство, которое она оставляла, было иллюзорным в прямом смысле слова: 300 дукатов, долг двадцатипятилетней давности, числившийся за Фернандо де Лоденьей, ее соблазнителем, и часть жалованья покойного брата Родриго де Сервантеса, которое должно было быть выплачено государством. Мигель в этой ситуации откажется от своей «доли» в пользу племянницы Констансы.

Магдалена и сама понимала всю «воздушность» этого завещания. «Я не оставляю наследникам какого-либо недвижимого имущества, это значит... я его не имею и после меня не останется ни одного существенного предмета».

Сестра умерла 28 января 1611 года. Была похоронена, согласно традициям ордена, в который она вступила годом ранее, во францисканской власянице. Погребение пройдет в соответствии с ее просьбой и финансовыми возможностями — 12 реалами, которые были отданы монахиням.

Сын соблазнителя Магдалены, поэт, сочинит один похвальный сонет к «Назидательным новеллам» и, имея имя своего отца — Франсиско де Лоденья, таким образом его увековечит.

*

Весной 1611 года Сервантес уезжает в Эскивиас, где пробудет до конца года. В 1612 году он и Каталина уже в столице Испании — Мадриде. Они поселяются рядом со своим предыдущим местопроживанием на улице Магдалены, в доме № 3 по улице Леон.

В начале 1612 года семья Сервантесов, уменьшившаяся благодаря замужеству Констансы, переезжает в рядом стоявший дом, расположенный позади кладбища Сан Себастьян, — № 18 по улице Уэртас.

Это жилище, кстати сказать, упомянутое в «Путешествии на Парнас», имело только одно преимущество — находилось в нескольких шагах от «квартала Муз». Там жили Лопе де Вега, Кеведо, Велес де Гевара и другие известные писатели и поэты.

По иронии судьбы улица, которую себе облюбовал Лопе, сейчас носит

имя Сервантеса.

На склоне лет писатель мало выезжает из Мадрида, а если такое и случается, то совсем ненадолго. Так, в начале июля 1613 года он последний раз посетит родной город — Алькалу-де-Энарес. Этот визит будет этапным в его жизни, он станет послушником^{227} ордена Терсера. Он хотел, чтобы при этом присутствовала его старшая сестра Луиса (рожденная в 1546 году), которая скоро должна была быть избрана приором^{228} обители, где она прослужила почти полвека.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН

Конец 1615 года, Рождество. Последнее Рождество Сервантеса. Он уже стар и болен. Круг его родных и близких все уже и уже. Прошло четыре года с тех пор, как умерла сестра Магдалена, присоединившись в мире ином к душе Андреа. Племянница Констанса должна переехать на улицу Баньо. С родней писатель поддерживает хорошие отношения. Другое дело родная дочь, Исабель де Сааведра, полностью разорвавшая отношения с отцом после скандала с домом Урбины.

Дочь оказалась значительно «успешнее» отца в финансовых вопросах. Урбина, как мы помним, должен был заплатить ей компенсацию в 2000 дукатов. Но впоследствии возникли осложнения, и он, видимо, полагаясь на нерешительность Исабель, решил не платить «по счетам». Однако не тут-то было. Исабель с помощью своего мужа-нотариуса засадила незадачливого любовника за решетку в начале 1614 года — до тех пор, пока он не выплатил долг. Правда, Урбине удалось, используя свои связи, смягчить наказание и отбывать срок не в общей тюрьме, а в доме одного альгвасила. Однако он все равно не выйдет, пока не погасит свой долг.

Сервантес же считал дело Урбины справедливым, поэтому у него и произошла ссора с дочерью. Арест Урбины застал писателя врасплох. История имела такой деликатный подтекст, что писатель не мог обратиться за помощью ни к одному из своих покровителей. Платить же из своего кармана такую сумму Сервантесу было не под силу.

*

Мадрид, обретя свой исторический статус испанской столицы, активно вживался в этот привлекательный облик, а его жители пытались обустроиться получше и основательнее. В 1616 году в компании жены Каталины и служанки Марии де Ухены писатель покинет свое жилище на улице Уэртас и переселится в дом, находившийся рядом, на углу улиц Франкос и Леон. Сервантес занял первый этаж, на втором жил владелец дома, королевский нотариус Габриэль Мартинес. Именно здесь дон Мигель закончит свой последний роман — «Странствия Персилеса и Сихизмунды» и напишет несколько похвальных сонетов для своих собратьев по перу.

Первое упоминание о «Персилесе» мы встречаем в 1613 году в

«Назидательных новеллах» в «Прологе к читателю». Сервантес называет его книгой, «посмевшей соперничать с Гелиодором,^{229} если только за подобную дерзость ей не придется поплатиться головой».

Позднее в посвящении второй части «Дон Кихота» от 31 октября 1616 года читаем: «Я прощаюсь с Вашим Сиятельством, давая обещание преподнести Вам „Странствия Персилеса и Сихизмунды“ — книгу, которую я Deo volente^{230} спустя несколько месяцев закончу, каковая книга, должно полагать, будет самой плохой или же, наоборот, самой лучшей из всех на нашем языке написанных (я разумею книги, написанные для развлечения), впрочем, я напрасно сказал „самой плохой“, ибо, по мнению моих друзей, книге моей суждено наивозможнейшего достигнуть совершенства».

Судя по этому тексту, Сервантес намеревался завершить «Персилеса» к весне 1616 года. Так и получилось — посвящение графу де Лемосу помечено 19 апреля 1616 года, за четыре дня до смерти писателя.

Рукопись получила «добро» цензора уже после кончины Сервантеса — 9 октября 1616 года. Цензором был сеньор, одоббивший второй том «Дон Кихота», — Хосе Вальдивьесо. Королевская привилегия на печать была получена вдовой дона Мигеля Каталиной де Саласар 24 сентября того же года. Издание романа она доверяет Хуану де Вильяроэлю, уже «опробованному» на печати «Восьми комедий и восьми интермедий». И в январе 1617 года роман увидит свет.

Можно с большой степенью вероятности утверждать, что первые главы «Персилеса» были написаны в одно время с начальными страницами первого тома «Дон Кихота» или чуть раньше — в те, покрытые мраком годы между тюрьмой в Севилье и водворением писателя в Вальядолид. Как полагает К. Державин, это где-то 1598–1600 годы. После 1610 года Сервантес вернулся к начатой истории и завершил ее, как мы говорили, к апрелю 1616-го.

Сюжет «Странствий Персилеса и Сихизмунды» незатейлив. Персилес, сын и наследник короля северного острова Фулы в Исландии, полюбил дочь короля Фрисландии Сихизмунду. У него есть соперник, брат Максимино, который сватается к его возлюбленной. Но чувства Персилеса и Сихизмунды взаимны, и «дети Севера» под видом брата и сестры отправляются в Рим, чтобы там освятить свой брак. По пути они испытывают множество приключений, то теряют, то находят друг друга. После многочисленных перипетий они наконец достигают Рима, где вступают в брак и, вернувшись на родину, живут счастливо.

Весь роман, таким образом, «соткан» из цепляющихся друг за друга приключений и злоключений мнимых брата и сестры — Персилеса и Сихизмунды, скрывающихся под именами Периандро и Аустирелы. Скитания сталкивают их со множеством людей, так или иначе влияющих на их судьбу, с которыми они часто ведут беседы о жизни.

Одним из основных мотивов романа является тема превратностей судьбы и капризов фортуны. Действие распространяется как на северные страны — Исландию, Голландию, Норвегию, Литву, экзотичные для испанского читателя, да и для самого автора, так и на более знакомые — Италию, Португалию, юг Франции.

Сведения о Северной Европе Сервантес черпал из литературы как научной, так и художественной, изобилующей фантастикой, выдумкой и компиляцией. Одним из подлинных исследований, которым, вероятно, пользовался дон Мигель, является труд упсальского епископа и ученого Улава Магнуса «Истории северных народов, рассказ о жизни северных племен, об их расселении, занятиях, нравах, обычаях, познаниях и ремеслах, образе правления и существования, войнах...».

Этот фолиант, прекрасно оформленный, был для читателей XIV–XVII веков одним из образцов правдивого описания неизведанных и далеких северных стран, хотя и не лишенных известной доли фантазии и даже фантастичности. Магнус, например, пишет, что у берегов Норвегии водится страшное морское чудовище, которое топит корабли, что отражено в романе писателя.

«Странствия Персилеса и Сихизмунды» можно охарактеризовать словами К. Державина: «Сервантес охватил в своем романе картину жизни, которая предстает в „Странствиях Персилеса и Сихизмунды“ в двойном аспекте: „натурально“ — такой, какова она есть, со всеми ее каждодневными тревогами и событиями, и „сказочно“ — преображенная фантазией художника в зрелище необычайных событий, которые таят в себе высокий и значительный смысл».

Роман Сервантеса имел успех. В 1617 году в Испании появились еще восемь его изданий, не считая первого. В следующем году он был дважды переведен на французский язык (Франсуа де Россе и Додигье), в 1619-м — анонимом на английский, в 1629-м — Франческо Эллио перевел роман на итальянский, а через 100 с лишним лет, в 1746 году, он появился на немецком. На русском языке отдельные повести из «Персилеса», выполненные в переводе с французского издания Е. Харламовым, изданы в 1781 году. Подтверждением популярности «Странствий Персилеса и Сихизмунды» служили также многочисленные драматургические

постановки по мотивам произведения, а также романские подражания как испанских, так и иностранных авторов.

Но со временем о «Персилесе» забыли. И лишь на рубеже XIX–XX веков снова пробудился интерес к последнему роману Сервантеса. Хотя он остается, если так можно выразиться, до сих пор «недопонятым» и недостаточно изученным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сервантес уже давно болел. Он страдал, как думал сам, водянкой. ^{231} Об этом он поведал нам в «Прологе» к последнему роману во время разговора со студентом: «...мы не спеша поехали дальше, и, как скоро у нас зашел разговор о моей болезни, добрый студент отнял у меня всякую надежду на выздоровление, сказав: „Болезнь ваша именуется водянкой, и ее не излечить всеми водами океана, если б даже вы стали принимать их по капле. Впрочем, сеньор Сервантес, пейте умеренно, не забывайте про еду, и вы поправитесь без всяких лекарств. — Это мне говорили многие, — возразил я, — однако ж не пить я не могу, ибо это значит отказать себе в том удовольствии, ради которого я словно появился на свет божий. Дни мои сочтены, равно как и удары моего пульса, который, судя по записям, перестанет биться самое позднее в ближайший воскресный день, и то будет последний день моей жизни“». Писатель предчувствовал свою кончину и буквально знал день, в который ему суждено перейти в мир иной.

Симптомы болезни, которую он описывает, похожи больше всего на диабет, менее вероятно — цирроз печени. Заболевания, которые в ту эпоху не диагностировали, равно как и не лечили.

Писатель болел уже несколько лет, и недуг сильно прогрессировал. Еще полгода назад он был полон самых разнообразных творческих проектов, о которых мы знаем из сервантесовских прологов и посвящений, предполагая написать: комедию «Обман зрения» («Engano a los ojos»), роман «Достославный Бернардо» («El famoso Bernardo»), навеянный, скорее всего, подвигами Бернардо дель Карпью, ^{232} и наконец — «вечную» вторую часть «Галатеи». И еще собирался выпустить сборник новелл «Недели в саду» («Las semanas del jardín»).

Видимо, до самых последних дней Сервантес все же надеялся если и не на выздоровление, то, по крайней мере, на отсрочку. В «Прологе» к «Персилесу» у писателя проскальзывает мысль: «А вдруг да настанет такая пора, когда, связав порванную нить, я доскажу все, чего здесь недостает и что следовало бы сказать?»

Исследователи буквально «перепахали» все архивы в поисках этих многочисленных «анонсов» дона Мигеля, но ничего не обнаружили. Похоже, это были лишь благие намерения, и речь шла даже не о черновиках, а лишь о набросках произведений.

Время от времени исследователи натываются в архивной пыли на

текстовые фрагменты, которые, как они пытаются доказать, принадлежат «неопубликованному» Сервантесу. Такова, например, севильская находка американца Даниэля Эйзенберга, которую он мыслит как кусок из «Недель в саду», хотя этому нет достаточно веских подтверждений.

Долгое время считалось фактом, что на исходе своей последней зимы дон Мигель, предчувствуя близкий конец, собирался поехать и проститься со своими покровителями. Это доказывает письмо от 26 марта 1616 года, написанное рукой Сервантеса и адресованное одному из своих покровителей — родственнику графа де Лемоса кардиналу Сандовалю-и-Рохасу, архиепископу Толедо. Сейчас доказано, что это письмо является фальсификацией.^{233}

*

Перед кончиной по примеру своих сестер Мигель де Сервантес выбрал в качестве своей последней духовной пристани орден Терсера Святого Франсиска, послушником которого он являлся уже в течение трех лет. И 2 апреля 1616 года в преддверии Пасхи, не покидая из-за болезни и немощи своего дома, он принял постриг, о чем свидетельствует запись в Книге ордена.

18 апреля лицензиат Франсиско Лопес, лимоснеро^{234} обители тринитариев, посетил писателя для совершения последних таинств. 19 апреля Сервантес уже на смертном одре напишет в посвящении «Персилеса» графу де Лемосу:

«Уже я ногу в стремя заношу,
Охваченный предсмертною тоскою,
И эти строки вам, сеньор, пишу.

Вчера меня соборовали, а сегодня я пишу эти строки; время идет, силы слабеют, надежды убывают, а между тем желание жить остается самым сильным моим желанием...»

«Простите, радости! Простите, забавы! Простите, веселые друзья! Я умираю в надежде на скорую и радостную встречу с вами в мире ином» — такими словами заканчивает Сервантес «Пролог» к «Странствиям Персилеса и Сихизмунды» — это его последние письма.

В пятницу 22 апреля 1616 года автора бессмертного «Дон Кихота» не стало.

Muy Vllustre Señor

En pocas dias q' vesca la carta de nuestro Señor Vllustre
trayendo y con ella nuevas mercedes de el real q' me agorari por
deseo de ver remedio para lo bastante para tenerle con los ve
petidas mercedes de favor y seguro q' me dispensa nuestra Vllustre
re Persona pero al fin tanto arreua q' fero acabar con
migo una cuando no con mi agradecimiento de q' nuestro se
ñor le conserue executor de tan santas obras para q' goze del
fructo dellas alla en su santa gloria como se la desea su
humilde criado q' muy magrifica muy boya en Madrid
a 26 de marzo de 1616 años

Muy Vllustre Señor

Miguel de Cervantes
Su criado

Последнее письмо Сервантеса, написанное в предчувствии близкой смерти и адресованное архиепископу Сандовалю 26 марта 1616 года. Сейчас доказано, что это фальсификация.

Смерть Мигеля де Сервантеса была занесена в книгу его приходской церкви Сан Себастьян. Исполнителем завещания, согласно воле писателя, стала вдова дон Мигеля Каталина де Саласар, заказавшая десять месс за упокой его души.

Похоронен писатель был в монастыре тринитариев в Мадриде на улице Кантарранас. Согласно обычаям ордена Терсера, он был погребен в субботний день, с непокрытым лицом, облаченный во францисканское одеяние из грубого сукна.

Время неумолимо. Констанса, племянница писателя, покинет этот мир в 1622 году, жена писателя Каталина — в 1626-м, дочь Исабель — в 1652-м, так и оставшись бездетной.

*

Род Сервантесов прервался, потомков не сохранилось. Завещание было потеряно. Место захоронения автора «Дон Кихота» в конце XVII века, во время реконструкции монастыря, утрачено... Но разве жизнь великого писателя исчисляется только строгими датами и земными событиями? Его биографией, следы которой часто стираются и теряются, пройдя сквозь толщу веков?.. Сервантеса не стало, но началась новая жизнь, новая биография его главных потомков — его произведений, которая длится почти четыре столетия и не прервется никогда. Пока живо человечество.

НЕСКОЛЬКО НЕОБХОДИМЫХ ДОПОЛНЕНИЙ И ПОЯСНЕНИЙ

Как создавалась биография Мигеля де Сервантеса

Жизнеописание Сервантеса не похоже на биографии таких великих писателей, как Пушкин, Достоевский, Гёте или Гюго, — словом, тех авторов Нового времени, чей жизненный путь известен очень подробно. Если мы сейчас имеем представление о биографии и трудах дон Мигеля, то обязаны этим многим поколениям ученых, долго и старательно собиравших самые мельчайшие сведения о жизни и творчестве великого испанца.

При жизни писателя из его литературных произведений известность приобрел только «Дон Кихот». Социальный статус литератора в эпоху Сервантеса был невысоким. Писателям еще предстояла сложная борьба за достойное и уважаемое положение в обществе.

В середине XVIII века автора «Дон Кихота» признали классиком. Возник и начал развиваться подлинный культ Сервантеса. Ничего подобного даже отдаленно при его жизни не было, да и не могло быть. И нет ничего удивительного, что никому из современников не пришло в голову собрать о нем сведения и написать его жизнеописание.

Написания биографий на протяжении многих веков удостоивались царственные особы, родовая знать и высшие духовные лица либо святые и мученики. Разрушение этой традиции было положено гуманистами Возрождения. Так, например, о Томасе Море написал его зять Ропер.

Кончина автора «Дон Кихота» прошла почти незамеченной. На смерть Сервантеса появились всего две эпитафии, написанные доном Франсиско де Урбиной и доном Луисом Франсиско Кальдероном, молодыми и малоизвестными поэтами. Франсиско де Урбина был еще и родственником автора «Дон Кихота». Посмертно Сервантес удостоился также нескольких пышных фраз от Хосе де Вальдивьесо, цензора «Странствий Персилеса и Сихизмунды», последнего романа писателя.

Да, это умер не Лопе де Вега, о кончине которого скорбела буквально вся Испания.

Но год от года известность писателя росла, поднимая в свою очередь

тиражи его произведений.

В течение XVII — первой трети XVIII века вышло около 200 изданий разных произведений Сервантеса. Только в 1736 году — 193 издания, из них 91 — на испанском языке, 56 — на французском, 23 — на английском, 9 — на итальянском, столько же на голландском и на немецком языке — 5 изданий. Рейтинг же самих произведений выстроился следующим образом: на первом месте по количеству переизданий стоит «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (109 изданий), затем «Назидательные новеллы» (51), «Странствия Персилеса и Сихизмунды» (22), буколический роман «Галатея» (7), поэма «Путешествие на Парнас» (3) и одно переиздание сборника «Восемь комедий и восемь интермедий».

Любопытно, что при таком обилии переизданий и переводов произведений испанца биография его так и оставалась не написанной, да и о самой жизни (кстати, полной приключений) было известно совсем немного. Не знали даже, где родился писатель. Кто-то верно заметил, что его великое творчество «стерло» его великую жизнь, но, несмотря на это, жизнь Сервантеса по величию может сравниться с его трудами.

*

Первая биография Сервантеса и первое фундаментальное издание «Дон Кихота» появились на свет благодаря энтузиазму знаменитого англичанина — барона, лорда Картерета (1690–1765).

Лорд — известный политик и один из образованнейших людей Англии первой половины XVIII века. Прекрасный оратор, искусный дипломат и убежденный гуманист, он, в частности, находился в дружеских отношениях с Джонатаном Свифтом, автором знаменитого «Путешествия Гулливера».

Картерет слыл человеком либеральным. Известна история, когда на предложение премьер-министра Уолпола арестовать Свифта барон, бывший в то время ирландским наместником, отписал в Англию: «Я правлю Ирландией с разрешения доктора Свифта».

В 21 год Картерет уже заседал в палате лордов, а в 1744 году после смерти своей матери унаследовал титул графа Гранвиле. Зная греческий и латынь, он хорошо владел и современными европейскими языками (в том числе испанским). Но главное — был большим поклонником творчества Сервантеса.

В 1728 году в Бристоле его стараниями были изданы «Назидательные новеллы». Вскоре он обнаружил, что до сих пор не существует биографии

Сервантеса, так же, впрочем, как и полноценного издания «Дон Кихота». В это время в Лондоне находился посол Испании дон Кристоаль Грегорио Портокарреро-и-Гусман, чья супруга Доминго Фернандеса де Кордова-и-Гусман занимала благодаря своим многочисленным достоинствам и блестящему образованию заметное место при дворе Георга II в Англии.

В салоне супруги испанского посла лорд Картерет, очевидно, много и интересно рассказывал о Сервантесе, ведь это, с одной стороны, было приятно и интересно ему, а с другой — служило тонким дипломатическим ходом для укрепления отношений Англии и Испании. Все присутствовавшие были очень огорчены, узнав, что о таком выдающемся человеке известно совсем немного и что до сих пор не существует должным образом изданного его знаменитого «Дон Кихота».

Картерет решил напечатать первое фундаментальное издание «Дон Кихота» с посвящением графине Доминго Фернандес. В качестве дополнительного тома в эту работу предполагалось включить биографию Сервантеса.

Эту версию появления на свет первого полного и выверенного издания «Дон Кихота», а вместе с ним и жизнеописания его автора предлагает известный сервантист Луис Астрана Марин.

Другой, не менее именитый биограф Сервантеса дон Мартин Фернандес де Наваррете полагает, что первое издание «Дон Кихота» вышло с посвящением королеве Англии Каролине — супруге Георга II.

А было это так. Королева Англии для своего развлечения собирала выходившие в то время романы. Свою коллекцию она именовала «Библиотекой мудрого Мерлина» и очень ею гордилась. Однажды она показала ее лорду Картерету. Последний деликатно заметил королеве, что в ее библиотеке не хватает «самой приятной и остроумной книги из до сих пор написанных», а именно «Хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского» Мигеля де Сервантеса, и что он хотел бы иметь честь напечатать оный роман с посвящением Ее величеству.

История, бесспорно, красивая и, возможно, имевшая место. Но все-таки издание появилось с посвящением супруге посла. Доказательством тому служит сохранившееся издание «Дон Кихота».

Неутомимый лорд Картерет начал поиски авторитетного автора, который смог бы написать биографию Сервантеса, достойную ее героя. Кто-то ему посоветовал обратиться к Грегорио Майансу-и-Сискару (1699–1781), писателю и исследователю, жившему в Валенсии. В свое время известный испанский ученый Менендес-и-Пелайо назвал Майанса «Нестором испанских наук XVIII века».

Майанс дал согласие и взялся за подготовку полного издания «Дон Кихота». Ученый начал трудиться над ним с 1722 года. Через шестнадцать лет, в 1738 году, работа была завершена. Труд состоял из четырех объемных томов, 68 иллюстраций и портрета Сервантеса. Книгу напечатали в Лондоне Х. и Р. Тонсоны.

Биография Сервантеса Майанса-и-Сискара занимала шесть страниц введения и более ста страниц текста. В фактографическом плане работа не несла ничего нового. Майанс был далек от кропотливой архивной и текстологической работы и чаще апеллировал к собственной фантазии, чем к документальным источникам. Во многих случаях он был просто невнимателен и неаккуратен. Так, например, он датировал рождение Сервантеса на свет 1549 годом вместо 1547-го.

В 1738 году появился и непосредственно текст «Дон Кихота», изданный также за счет средств лорда Картерета теми же лондонскими печатниками. На фронтисписе издания значилось: «„Жизнь и Приключения Хитроумного Идадьго Дон Кихота Ламанчского“, написана Мигелем де Сервантесом Сааведрой, напечатана в Лондоне Х. и Р. Тонсонами». Издание вышло с посвящением графине де Монтихо — супруге испанского посла. На посвящении стояла дата — 25 марта 1738 года.

Посольская чета покинула Англию 10 октября 1737 года, пробыв в испанском посольстве два года.

Биография Сервантеса, составленная Майансом, имела успех. В 1742 году появился английский перевод, сделанный Чарли Харвисом и отпечатанный все теми же Тонсонами. В 1755 году был издан перевод Тобиаса Джорджа Смоллета (1721–1771), известного английского писателя.

Герб и портрет Сервантеса выполнил Гильермо Кент, в то время известный художник. Гравером был Хорхе Вертуэ. Автор «Дон Кихота» изображен сидящим. Это изображение Сервантеса весьма примечательно: то был первый не подлинный портрет писателя.

В «Прологе» к своим популярным «Назидательным новеллам» Сервантес дал свой детальный словесный портрет.^[235] И именно на этом описании основываются все до сих пор известные его портреты. Очевидно, если бы не существовало этого письменного самоописания внешности, мы так никогда и не смогли бы представить себе внешний облик выдающегося испанца.

Вероятно, именно этот словесный автопортрет Сервантеса и вдохновил Кента как художника. Во всяком случае, на такой вывод наталкивает надпись, сделанная им внизу картины: «Портрет Мигеля де Сервантеса Сааведры, сделанный им самим». А так как не известны

никакие другие автопортреты автора «Дон Кихота», кроме упомянутого вербального, то, надо полагать, именно о нем и идет речь.

В письме Хуана Антонио Майанса, адресованном Хуану Антонио Пельисеру от 28 апреля 1798 года, говорится: «Портрет в издании 1738 года — не что иное, как плод фантазии, созревший благодаря описанию самого себя, сделанному Сервантесом в „Назидательных новеллах“. Я сам свидетель тому, сколько усилий положил мой брат, чтобы добиться необходимого сходства и угодить милорду Картерету...»

Между тем очевидно, что общего словесного описания Кенту было недостаточно, и он, по всей вероятности, имел перед глазами «первый» портрет Сервантеса кисти неизвестного автора, впервые появившийся во французском переводе «Назидательных новелл», вышедшем в 1705 году в Амстердаме.

Кент усовершенствовал этот анонимный портрет, который, кстати, в последующих изданиях будет значительно изменен. Исследователи полагают, что наиболее удачно «исходный» портрет Сервантеса обработан Якобом Фолкемой в издании «Назидательных новелл» в Ла Ая в 1739 году.

Именно эти два портрета Кента и Фолкемы послужили основой для создания предположительно истинного изображения автора «Дон Кихота» в Испанской королевской академии. Мы говорим «предположительно истинного», так как неясно, имел ли анонимный автор перед собой оригинал, то есть живого Мигеля де Сервантеса.

Лорд Картерет, таким образом, вошел в историю сервантистики тремя поступками. Именно он организовал и финансировал первое полноценное издание «Дон Кихота», под его «общим» руководством появилась первая биография Сервантеса и, наконец, благодаря его стараниям и средствам был создан один из наиболее удачных портретов великого испанца.

Жизнеописание Сервантеса пера Майанса имело счастливую судьбу. Оно пришлось по вкусу основной читательской массе и неоднократно переиздавалось и переводилось. Кроме того, именно его работа послужила основой для создания биографии писателя последующими исследователями.

Прошли годы после публикации работы Майанса. Исследователи обнаружили новые архивные документы, стали известны дополнительные факты и события из жизни Мигеля де Сервантеса. Словом, возникла необходимость в новой биографии писателя. И почти через сорок лет после выхода книги Майанса его труд по воссозданию биографии писателя продолжил Висенте де лос Риос.

Родившийся в 1732 году биограф Сервантеса происходил из богатой и знатной семьи маркиза де лос Эсколинаса. Риос служил в артиллерии и делал военную карьеру.

Как исследователь литературы, кроме работы «Жизнь Сервантеса и анализ „Дон Кихота“», начатой в 1773-м и завершённой в 1776 году, Риос написал интересные «Записки о жизни и писаниях дона Эстебана Мануэля де Вильегаса» (Мадрид, 1774). Висенте де лос Риос умер в 1779 году ещё не старым подполковником и членом двух испанских академий.

Написанную Риосом биографию Сервантеса посмертно опубликовала Испанская королевская академия в богато иллюстрированном издании «Дон Кихота» в 1780 году. Книга явилась своего рода демаршем испанцев против четырёхтомного издания Картерета 1738 года.

В оформлении книги Риоса участвовало много художников и гравёров. Пожалуй, даже слишком много, учитывая, что иллюстраций было всего тридцать шесть. Иллюстраторы, однако, сумели «отличиться» и показать полное незнание романа, что выразилось в зрительном ряде, изображавшем ситуации, которых на самом деле в «Дон Кихоте» не было.

Типографская часть была безупречна. Однако Испанская академия допустила ошибку, взяв за оригинал произведения второе издание Куэсты 1605 года, перепутав его с первым.^{236} Издание сопровождалось портретом Сервантеса, сделанным Х. де Кастильо и гравёром М. Сальвадором-и-Кармоной. За основу был взят портрет, подаренный Испанской академии в 1773 году графом Агила, который в свою очередь приобрел его у одного торговца живописью как полотно кисти Алонсо дель Арко (1625–1700).

Когда Кастильо делал копию, необходимую для академического издания, он обнаружил, что картина имеет поразительное сходство с портретом Сервантеса работы Кента для издания 1738 года. При более детальном изучении стало понятно, что скорее всего портрет дель Арко был выполнен с гравюры Фолкемы для издания «Дон Кихота» 1739 года.

Чтобы окончательно определить, действительно ли картина представляет собой малоценную копию с работы Фолкемы или же это неизвестный шедевр, были призваны эксперты по старинной живописи — мэтры из Королевской академии Святого Фернандо: дон Антонио Гонсалес и дон Андрес де ла Кальеха. Академики были знакомы с работой Кента, но, к несчастью, вероятно, не встречались с портретом работы Фолкемы. Поэтому они заключили, что полотно дель Арко не является копией с картины Кента (так оно и было на самом деле, ведь это была копия с гравюры Фолкемы). По мнению экспертов, судя по стилю и сочетанию

цветов, холст скорее всего принадлежал автору школы Висенсио Кардучо и Эухенио Кахесу, которые творили во времена Филиппа IV; картина является «копией с хорошего оригинала, сделанного при жизни Сервантеса, возможно, кисти Хауреги^{237} или Пачеко».^{238}

Последствия такой атрибуции оказались весьма негативными. Академия поместила этот портрет в издании «Дон Кихота» с биографией Сервантеса, написанной Риосом, с оговоркой, что эта работа является копией с утраченного оригинала, хотя таковой она не являлась. Еще хуже было то, что Испанская академия удостоверила подлинность портрета и закрепила это своим авторитетом.

Портрет воспроизводился и в последующих академических изданиях 1782 и 1787 годов, его репродуцировали и в неакадемических перепечатках, вплоть до конца XIX века.

Вернемся, однако, к Висенте де лос Риосу. При написании биографии Сервантеса он самолично изучил архивы. Это позволило ему найти и опубликовать новые документы, касающиеся писателя, но в его работе имелся ряд недостатков. Риос укоренял некоторые легенды, сопровождающие биографию Сервантеса, безосновательно подавая их как документально достоверные. Он, например, утверждал, что «Эль Бускапье»^{239} действительно было написано Сервантесом для привлечения внимания публики к «Дон Кихоту».

Биография, однако, имела успех. В 1807 году она была переведена на французский язык Х. Бойчон Дюбурнилом, с добавлением размышлений переводчика, и издана в Париже.

Анализ «Дон Кихота», сделанный Риосом, оказался лучше биографии, хотя тоже не лишен оснований для критики. Риос приводит в исследовании хронологический план и карту той части Испании, где, согласно тексту, происходили события, описанные в романе, то есть маршрут Хитроумного Идальго, но он здесь немало присочинил, выполнив за автора ту «работу», которой он не собирался заниматься. Недаром Флобер говорил: «Как зримы эти дороги Испании, нигде не описанные Сервантесом».

Все попытки нарисовать маршрут Дон Кихота в его путешествиях по Испании были заранее обречены на неудачу. Исключение составляет блестящая работа Асорина (Мартинеса Руиса) «Маршрут Дон Кихота», представляющая собой незримое, «интеллектуальное» путешествие по следам Рыцаря Печального Образа.^{240}

В 1778 году вышли интересные «Литературные заметки о Сервантесе», написанные Хуаном Антонио Пельисером и опубликованные

в составе «Текстов из библиотеки испанских переводчиков» («Ensayos de una biblioteca de traductores españoles»). В этом же издании было помещено и около десяти новых документов, касающихся жизни Сервантеса. В частности, свидетельство о крещении его сестры Луизы, кредитное письмо о вручении денег духовным особам, занимавшимся выкупом Сервантеса из алжирского плена, и некоторые другие.

Таким образом, жизнеописание писателя заметно пополнилось новыми данными. Кроме этого, Пельисер идентифицировал дом, в котором родился Сервантес, и отверг, как недостаточно обоснованную, гипотезу об «Эль Бускапье».

Еще одним биографом Сервантеса стал Мануэль Жозеф Кинтана (1772–1857), который написал «Заметки о жизни и трудах Сервантеса» — в качестве введения в иллюстрированное издание «Дон Кихота» 1797 года.

Работа молодого Кинтаны не отличалась глубиной. Он повторил ошибки предыдущих исследователей. Позднее Кинтана замечательно разовьет свое исследовательское мастерство и внесет свой вклад в развитие сервантистики. Он практически заново напишет свои «Заметки...» и включит их в известное издание «Жизни выдающихся испанцев».

С наступлением XIX века в Испании наблюдается спад в изучении как жизни, так и творчества Сервантеса. Отчасти это можно объяснить общими стагнационными процессами в социально-экономической и культурной жизни Испании. Сказалось также сильное влияние французской литературы и искусства. Свою негативную роль сыграла война с Наполеоном, поглотившая не только физические, но и интеллектуальные силы, закрылись или были разрушены многие библиотеки и архивы.

Но уже в 1804 году Мартин Фернандес де Наваррете начал собирать материал для своей, ставшей впоследствии выдающейся, биографии Сервантеса. Опираясь на архивные, фактологические и теоретические материалы, разработки, осуществленные в прошлом Висенте де лос Риосом и Хуаном Антонио Пельисером, Наваррете собрал огромное количество документов и свидетельств, касающихся жизни и творчества автора «Дон Кихота». Он рассылал письма с запросами, рылся в архивах, общался со специалистами, используя весь накопленный опыт, знания интеллектуального сообщества Испании.

Собранный материал поражал своей новизной, богатством неизвестных ранее фактов и событий. Благодаря научному подходу, подкрепленному большим документальным материалом, он создал практически безупречное жизнеописание.

В 1819 году это монументальное издание увидело свет в качестве

заключительного тома пятитомного издания Сервантеса. Предыдущие четыре, по традиции, были отведены под текст «Дон Кихота». Это было уже четвертое издание романа, выпущенное Испанской королевской академией.

О фундаментальности труда Наваррете свидетельствует то, что в нем можно отыскать огромное количество документов, фактов, сведений, касающихся не только Сервантеса и его семьи, но и людей, с которыми самому писателю или же его родным приходилось встречаться в своей жизни. По своей документальности биография Наваррете до сих пор остается непревзойденной и не имеющей аналогов.

Эта работа как бы «аннулировала» все предыдущие жизнеописания Сервантеса. С биографией Наваррете сервантесоведение получило прочную точку опоры для дальнейших изысканий. Именно с момента публикации этой работы начинается сервантесовский «бум», особенно заметный со второй половины и до конца XIX века.

Появляется множество биографий Сервантеса.^{241} Среди них можно отметить работы Вильяма Прескота, Симона Аугера и Томаса Раско за их в высшей степени скрупулезный обзор биографической литературы о Сервантесе.

Буэнавентура Карлос Арибау написал небольшую, но оригинальную работу «Жизнь Мигеля де Сервантеса Сааведры» (Мадрид, 1846). Автор, очевидно, хорошо знал все предыдущие биографии Великого Однорукого, так как сумел все их резюмировать и изложить в реферативной форме.

В России в 1848 году появляется биография автора «Дон Кихота», составленная Константином Масальским. Это было первое жизнеописание Сервантеса, вышедшее на русском языке. Публикация издана в качестве предисловия к неполному переводу «Дон Кихота».

Первый перевод романа на русский язык под названием «История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон-Кишоте» относится к 1769 году. Его автор — Игнатий Антонович Тейльс, преподаватель немецкого языка, переводчик и литератор из окружения Н. И. Новикова.^{242}

Сервантистика обогатилась новыми открытиями.

В середине XIX века была разрушена одна из легенд биографии Сервантеса. В 1853 году некий чиновник, сеньор Травадильо, обнаружил любопытный документ о бракосочетании доньи Исабель де Сервантес, вдовы дона Диего Санса, с доном Луисом де Молиной, жителем Куэнки. Эта была чрезвычайно важная находка, ведь до тех пор биографы полагали, что родная дочь Мигеля де Сервантеса приняла постриг и стала монахиней.

Найденный документ опровергал это расхожее заблуждение.

Спустя десять лет в архиве графа Альтамиры было найдено «Послание к Матео Васкесу», стихотворное произведение Сервантеса, ^{243} написанное им в алжирском плену и отправленное с братом Родриго (к тому моменту выкупленным из неволи) для вручения Матео Васкесу — королевскому секретарю.

На биографическом «фронте» после исследований Пельисера и Наваррете новым рубежом стала работа дона Херонимо Моргана. Его «Жизнь Сервантеса» вошла в третий том замечательно изданного в Мадриде «Дон Кихота», выпущенного в 1862–1863 годах. Морган опубликовал целых семнадцать до тех пор неизвестных документов, касающихся жизни Сервантеса. Наиболее ценный из них — судебное решение об аресте писателя, подписанное Филиппом II.

В 1864 году в Париже вышел первый французский перевод поэмы «Путешествие на Парнас», выполненный французским испанцем, известным философом, медиком и писателем Х. М. Гуардией (1830–1897). Издание в качестве предисловия содержало жизнеописание дона Мигеля.

Как и предыдущим биографам Сервантеса, Гуардии не удалось избежать общих ошибок. Он, в частности, утверждал, что Сервантес обучался как в университете Алькалы-де-Энарес, так и Саламанки, преподносил как правдоподобный роман с некой португалкой, говорил о тюремном заключении в Аргамасилье-де-Альбе и т. д.

Гораздо важнее, однако, было то, что Гуардия опубликовал целый ряд неизвестных документов, а те, что не смог издать, привел в пересказе.

Почти одновременно с этим изданием в Севилье вышли «Новые документы о Сервантесе», подготовленные Хосе Мария Асенсьо-и-Толедо. Появилось одиннадцать новых документов и еще пять были описаны. Эта публикация явилась существенным вкладом в сервантистику.

В 1866 году Томас Майно в Главном архиве Симанкаса обнаружил еще три новых документа.

В этом же году в Париже была опубликована работа профессора Эмиля Часли, которую можно считать этапной в истории создания научной биографии Мигеля де Сервантеса. Ученый детально исследовал все написанное до него, главным образом опираясь на материалы Майанса и Наваррете, мало востребованные прошлыми и современными сервантистами.

Автор смог дать достоверную и суггестивную панораму быта, обычаев и культурных традиций Испании XVI–XVII веков, благодаря чему книга до сих пор читается с большим интересом. Исследование Часли было в

значительной степени философским. Он показал, как через текст произведения можно «увидеть» самого автора.

С 1872 по 1879 год в Испании, в Кадисе, выходит периодическое издание под названием «Хроника сервантистов». В подзаголовке поясняется, что «это литературное периодическое издание, единственное из существующих в мире, посвященное Первому из Гениев». В «Хронике...» публиковались работы не только испанских, но и иностранных авторов, на ее страницах нашло отражение все имеющее отношение к Сервантесу: поэзия, критика, ранее неизвестные документы и т. д.

В «Хронике сервантистов» впервые начал выходить «Индекс библиографии Сервантеса» — фундаментальное исследование, которое позднее будет напечатано отдельным изданием в трех томах (в 1895, 1899 и 1904 годах соответственно).

После прекращения издания «Хроники...» сервантесовский «бум» несколько затихает. Для того чтобы писать о Сервантесе, требуются более широкие познания самого разного рода. Можно сказать, что сервантесоведение переступает свой определенный пороговый уровень и переходит из экстенсивной в интенсивную стадию.

С начала шестидесятых годов XIX века в сервантистике начинает развиваться эзотерическое направление.

В 1861 году в Лондоне выходит книга «Эстафета Урганды, ^{244} или Уведомление Сида Ахмеда Бенинхали о расколдовании Дон Кихота» («Estafeta Urganda o Aviso del Cid Asam-Ousad Benenjeli sobre el desencanto del Quijote»), написанная Николасом Диасом де Бенхумеа (1828–1881), которого можно назвать «крестным отцом» испанского эзотеризма. За ней следует еще несколько его же работ, в том числе «Послание Мерлина» (Лондон, 1875) и «Правда о Дон Кихоте. Новейшее критическое исследование жизни Сервантеса» (Мадрид, 1875), которые являются наиболее удавшимися.

Бенхумеа полагал, что все приключения героев на самом деле являются аллюзиями на жизнь самого автора или же социальными и политическими символами. Справедливости ради надо заметить, что эзотерическо-символистское истолкование биографии Сервантеса уже имело место в работах Хосе Кададьсо (1741–1782), в частности в его «Марокканских письмах», опубликованных в «Мадридской почте» в 1789 году.

Публикация Сесарио Фернандеса Дуро «Сервантес — моряк» в 1869 году в Мадриде вызвала буквально шквал себе подобных. Опусы «Сервантес — юрист», «Сервантес — теолог», «Сервантес — медик»,

«Сервантес — философ», «Сервантес — музыкант», «Сервантес — военный деятель» и так далее следовали один за другим. «Победительницей» в этом соревновании стала работа с названием «Сервантес не Сервантес, Дон Кихот не Дон Кихот» (Сантандер, 1868).

Вскоре стало совершенно очевидно, что без рутинной работы в архивах и библиотеках дальнейший прогресс в биографическом направлении сервантистики невозможен.

В 1888 году в Лондоне (вот уж поистине центр сервантесоведения, не зря Унамуну считал, что наиболее горячие поклонники «Дон Кихота» находятся в Англии да еще в России) была напечатана еще одна биография Сервантеса, достойная внимания. Ее автор Генри Эдвард Уотс сумел синтезировать все до тех пор известное о великом испанце и, что самое главное, придать материалу новый ракурс. Книга была написана живым и легким слогом.

Работа Уотса, имевшая успех, побудила английского испанца Фицмориса-Келли издать свою биографию гениального соотечественника — «Жизнь Сервантеса». Исследование Келли, в отличие от работы Уотса, не отличалось ни эмоциональностью, ни живостью слога, но это была действительно научная и серьезно-вдумчивая работа профессионала.

В девяностых годах XIX века поиск новых документов о жизни Сервантеса и его семьи продолжался. Как результат разысканий в 1897 году вышла в свет книга «Свидетельства о Сервантесе», содержащая документы, собранные Пересом Пастором. Со времен Наваррете, то есть с 1819 года, — явление беспрецедентное. В издании было представлено пятьдесят шесть документов, и почти все они ранее неизвестные.

Благодаря такому обилию информации жизнеописание Сервантеса могло быть существенно скорректировано. Так, новые сведения помогли развеять легенду о том, что свою юность Сервантес провел в Алькале-де-Энарес; было также опровергнуто и расхожее мнение о его пребывании в Ла-Манче, родине своего главного героя.

Начало XX века ознаменовалось выходом второго тома «Свидетельств о Сервантесе» (1902) Переса Пастора. Сто пять — таково было число неизвестных ранее документов об авторе «Дон Кихота» и его родных, опубликованных в этом издании. Подобное количество новых сведений о жизни великого испанца, обнародованных в столь короткий для науки срок, буквально сделало антиквариатом все, до сих пор написанное о жизни дона Мигеля. С наступлением нового века открылась и новая эра в сервантистике.

Трехсотлетие со дня выхода в свет первой части «Дон Кихота» (1605)

было ознаменовано большим количеством публикаций о его авторе. Появились и три новые биографические работы: «Хитроумный идалго Мигель де Сервантес Сааведра, события его жизни, рассказанные Франсиско Наварро-и-Ледесмой» (Мадрид, 1905) — беллетризованное повествование о жизни Сервантеса, со множеством ошибок и небылиц; небольшая, в сто сорок девять страниц, «Жизнь Сервантеса» Альберта Ф. Калвета, вышедшая на английском языке в Лондоне; и «Жизнь Сервантеса и размышления о „Дон Кихоте“» Хосе А. Родригеса Гарсии — малоинтересная работа, появившаяся в Гаване.

После огромного количества неизвестных материалов и сведений о жизни писателя, опубликованных Пересом Пастором, можно было ожидать, конечно, появления чего-то более существенного и фундаментального. Однако этого не случилось. На блеклом фоне биографического жанра приятно выделяются вышедшие в тот же юбилейный 1905 год работы, посвященные непосредственно творчеству Сервантеса.^[245]

Примерно в это же время, в начале XX века, наконец стало очевидно, что ни один из известных портретов Сервантеса не является аутентичным, в том числе и пресловутый портрет Испанской королевской академии. И вдруг в 1910 году, откуда — неизвестно, появился еще один «подлинный» портрет. Уже третий по счету и вроде бы кисти Хауреги.

Вверху портрета имелась надпись: «Д. Мигель де Сервантес Сааведра», с приставкой «дон», которую Сервантес не только не имел, но и никогда не употреблял, равно как ее никто не употреблял по отношению к нему. Внизу картины стояло: «Иуан де Иауриги. Год 1600», без приставки «дон», которую Хауреги употреблял всегда. Как следовало из других работ художника, а также официальных документов, он никогда так не подписывался. Имелось и еще достаточное количество несостыковок, чтобы заподозрить фальсификацию.

Развернулась дискуссия, длившаяся не один год. Ряд испанских академиков и их союзники защищали подлинность портрета, другие — писатели и независимые эксперты — отрицали.

Неизвестно, чем бы это закончилось, не решишь все само собой. А случилось так, что некий молодой художник дон Франсиско Помпей, получив соответствующее разрешение, начал делать со спорной картины копию. При этом он заметил множество странных деталей, по которым сделал вывод, что «в своем оригинале работа была плохой копией портрета Филиппа II,^[246] переделанной затем в портрет Мигеля де Сервантеса». Понятно, что в некоторых своих доказательствах молодой художник

использовал известную долю фантазии.

Более точными и профессиональными были аргументы и выводы Аурелиано де Беруэте-и-Морета, впоследствии директора Музея Прадо в Мадриде, одного из авторитетных экспертов по живописи. Он подтвердил главное — спорная картина не оригинальная работа, а переделка другого портрета. Отрицать очевидное стало уже невозможно. И 12 января 1912 года глава Испанской королевской академии сделал соответствующее, хотя довольно обтекаемое и половинчатое заявление. Позднее неофициальный химический анализ, проведенный Беруэте-и-Моретом, подтвердит «современное» происхождение картины.

В 1912 году Хосе Гомес Оканья, профессор физиологии Мадридского университета, уже известный в кругу сервантистов своей любопытной работой «Клиническая история Сервантеса» (Мадрид, 1899), издал всего в четырнадцать страниц работу «Жизнь Сервантеса». Публикация интересная, оригинальная.

Годы 1914-й и 1915-й были плодотворными для исследователей жизни дона Мигеля. Был опубликован доклад дона Адольфо Родригеса Хурадо о судебном процессе 1593–1594 годов близкого друга Сервантеса Томаса Гутьерреса против Кофрадии^[247] и братства Святой Церкви в Севилье (Cofradia у Hermanidad de la Santa Iglesia Mayor de Sevilla), прочитанный им 11 февраля 1914 года в Севильской Испанской королевской академии. Оказывается, на судебном процессе Гутьерреса выступал сам Сервантес, и это было теперь документально подтверждено.

В 1914 году увидело свет исследование дона Франсиско Родригеса Марина «Сервантес и Кордова», содержащее новые подробности о кордовской ветви Сервантесов.

Однако главным событием года явилась его же публикация «Новых документов о Сервантесе», содержащая сто двадцать два неизвестных документа, проливающих свет на отрезок жизни писателя с 1488 по 1605 год.

В 1916 году исполнилось 300 лет со дня смерти великого испанца. В преддверии годовщины был объявлен конкурс на сооружение памятника автору «Дон Кихота». Этот монумент и сейчас высится в центре Мадрида, на площади Испании.

Непосредственно библиография Сервантеса пополнилась двумя примечательными работами: «Сервантес и Вальядолид» — научной публикацией Нарсисо Алонсо Кортеса и «Сервантес в Севилье» пера Адольфо Родригеса Хурадо. Однако, как справедливо заметил в своей работе «Неизвестные эпизоды жизни Сервантеса» (Мадрид, 1916) Эмилио

Котарело, «без объяснения в биографии великого писателя остались те же самые важные „темные“ пятна, которые были и в 1905 году».

Котарело выделил шесть наиболее важных и одновременно неясных моментов в биографии Мигеля де Сервантеса.

Первый: где и когда формировалось мировоззрение писателя, каким образом он вступил на свой непростой жизненный путь? второй: когда Сервантес попал на военную службу? третий период в его биографии, в котором больше всего неясностей и неточностей, — разного рода поручения, выполняемые им в испанских африканских доминионах, военная служба в Португалии и на Терсерских Островах (Islas Terceras), обманутые надежды сделать карьеру, разочарование, возвращение и как результат — посвящение себя литературному творчеству, роман с Анной Франка де Рохас и рождение дочери Исабель, женитьба на Каталине де Саласар, публикация «Галатеи» и представление его первых комедий; четвертый: также совсем «темный» период, который, однако, более всего необходим сервантистике, — события между 1600 и 1604 годами — с мая 1600-го по 20 сентября 1604 года, время, когда, скорее всего, был напечатан «Дон Кихот»; пятый: отношения дона Мигеля с Лопе де Вега; и последний, шестой эпизод жизни Сервантеса не просто темный, но беспросветный — кто такой лицензиат Алонсо Фернандес де Авельянеда и как он связан, если вообще связан, с автором «Дон Кихота»?

В 1923 году известный сервантист, историограф и палеограф Хосе де ла Торре издал целый том новых документов о писателе — «Семья Мигеля де Сервантеса Сааведры. Генеалогические и биографические заметки, основанные на документах из Кордовы», позволившие еще глубже проследить корни Сервантесов, — весьма удачное дополнение к «родственным» публикациям Переса Пастора и Родригеса Марина.

В том же году дон Франсиско Родригес Марин опубликовал еще тридцать пять новых документов, касающихся жизни автора «Дон Кихота».

Два года спустя Хосе Мария Рей издал «Пять документов о Сервантесе», уточнивших генеалогическое древо писателя. Материалы позволили также предположить, и позднее это подтвердилось, что свое детство автор «Дон Кихота» провел в Кордове.

Последняя публикация неизвестных документов, вплоть до шестидесятых годов, вышла в 1929 году в Мадриде. Автор — Бернардо Гарсия Рей обнаружил пятьдесят три новых свидетельства о жизни писателя.

Но несмотря на обилие новой информации о Сервантесе, лучшей биографией до середины XX века оставалось все-таки жизнеописание

Фернандеса де Наваррете, вышедшее в 1819 году. Оно заняло вторую позицию после появления фундаментальной «Поучительной и героической жизни Мигеля де Сервантеса Сааведры» Луиса Астраны Марина, из которой и автор данной работы почерпнул немало сведений.

В 1943 году прояснилась ситуация с оригинальным портретом Сервантеса. Маркиз де Каса Торрес сообщил в Королевскую академию изящных искусств, что среди своей богатой коллекции живописи обнаружил, судя по всем признакам, легендарный портрет Сервантеса кисти Хуана де Хауреги. Этот портрет выполнен в Мадриде в 1612-м — начале 1613 года. Изображение соответствует словесному автопортрету Сервантеса из «Пролога» к «Назидательным новеллам», однако какой-либо подписи, что это действительно Хауреги и что на портрете именно Сервантес, на холсте не было. Таким образом, неразрешенным оставался главный вопрос: действительно ли фигура, изображенная на картине, и есть гениальный автор «Дон Кихота» или это другой, просто похожий на него человек?

В любом случае сейчас общепринято именно это изображение считать Мигелем де Сервантесом Сааведрой. Возможно, в будущем найдется однозначный ответ и на этот вопрос. Пока же нам приходится довольствоваться предположительно истинным изображением Великого Однорукого кисти предположительно Хуана де Хауреги.

Страницы испанской истории времен рода Сервантесов

Кордова — город рода автора «Дон Кихота» — некогда^{248} была столицей халифата Омейядов, жемчужиной Испании периода мавританского владычества. Христиане отвоевали город в 1236 году, и он утратил былое величие. Большая часть столицы была разрушена во время ее штурма, и требовалось время, чтобы жизнь снова возродилась на узких улицах Кордовы. Географическое положение города было очень выгодное, он лежал на пересечении важных торговых путей, здесь велась обширная и оживленная торговля, процветало ростовщичество.

Однако жизнь Кордовы второй половины XV века была омрачена столкновениями христиан и морисков^{249} — мавров,^{250} принявших христианство, и крещеных иудеев. В 1473 году в городе произошел инцидент, закончившийся четырехдневным массовым избиением и убийствами морисков и иудеев.

В память о произошедших трагических событиях в городе, на том месте, где был убит кузнец Алонсо Родригес, Кофрадия воздвигла Памятный Крест.

Проблема морисков и вообще новых христиан, не говоря уже о мусульманах и иудеях, являлась одной из наиболее болезненных для Испании периода XIV–XVII веков. Особенно она обострится после завершения Реконкисты,^{251} история которой тесно связана с именами Изабеллы и Фердинанда, прозванных Католическими королями.^{252}

Изабелла... Фердинанд... С этими королями и их деяниями связан золотой век в истории Испании. Во время правления этих государей Испания из страны превратилась в державу.

Однако главной задачей государства была Реконкиста — отвоевание земель...

В 709 году первый отряд арабов, завершивших покорение византийских земель в Северной Африке, высадился на территории Вестготского королевства. Кроме арабов в завоевании участвовали коренные жители Северной Африки — берберы,^{253} принявшие ислам.

С 711 года началось массовое вторжение мавров (так обычно в христианском мире называли арабов и берберов) в Испанию. Разбив в первой же битве значительно превосходившее их численностью вестготское войско короля Родриго, арабы покончили с вестготским владычеством и заняли большую часть полуострова. К 714 году сдались все крупные крепости королевства.

Испания, или, как ее называли арабы, ал-Андалус, вошла в состав Дамасского халифата, ее правитель отныне подчинялся халифу, жившему в Дамаске. Столицей же халифата стала Кордова.

Реконкиста началась сразу же вслед за завоеванием. Арабам все же не удалось захватить всю Испанию. Астурия^{254} оставалась свободной, и бежавшие туда остатки вестготского войска получили поддержку местных жителей. В 718 году близ местечка Ковадонга был разбит отряд мавров, посланный для ликвидации этого последнего очага сопротивления.

Отвоевание земель длилось долго и имело свои особенности на различных этапах истории Испании. Можно сказать, что вся «досервантесовская» история королевства состояла из Реконкисты. Именно в это время во многом сформировались основные доминанты испанской нации и культуры.

Период с середины XI до середины XIII века был временем решающих успехов Реконкисты. Однако в середине XIII века она надолго

приостановилась. Гранадский эмират стремился поддерживать мир со своими соседями, особенно после 1340 года, когда в битве при Саладо христианские войска нанесли поражение Гранаде и ее североафриканским союзникам — берберам, в плену у которых позднее проведет пять долгих лет Мигель де Сервантес.

За восемь веков Реконкисты на территории современной Испании возникали, распадались, завоевывались и добровольно объединялись друг с другом множество королевств. В результате многочисленных переделов сложились несколько крупных владений, среди которых крупнейшими были Арагон и Кастилия. Именно с их объединения в 1479 году началось возвышение Испании, превратившейся во времена правления Карла V ^{255} в империю, во владениях которой, по выражению современников, «никогда не заходит солнце».

В 1474 году, когда сразу же после смерти своего слабоумного брата Энрике IV Изабелла захватила престол Кастилии, страна являла собой грустное зрелище. Более двадцати лет ее терзали раздоры и смуты. Всесильные магнаты умножали свои владения за счет земель слабой короны, вели себя не как преданные вассалы, а как независимые владыки. Неустроенность власти в Кастилии была им на руку.

В многовековых войнах Реконкисты в Кастилии и в соседнем Арагоне сложилось многочисленное и сильное рыцарское сословие. Рыцарей кормил меч, и их час пробил, когда кастильские короли перешли в решительное наступление на своих поработителей.

В XIII веке мавров вытеснили из Андалусии. Их последним оплотом осталось лишь маленькое Гранадское царство, окольцованное заоблачными хребтами Сьерра-Невады. ^{256} Время грандиозных походов прошло, стало быть, миновала и эпоха богатой военной добычи, захваченной в честном бою, а дворянская честь не позволяла рыцарю в поте лица зарабатывать хлеб насущный.

Поэтому кастильская смута пришлась рыцарям по душе. Ватаги благородных разбойников оседлали большие дороги, держали в осаде крупные города. Торговля в стране замерла, все пути стали непроезжими. В Кастилии воцарилась анархия, страна разлагалась заживо.

В лето 1485 года королева Изабелла правила Кастилией уже одиннадцать лет и шестнадцать лет состояла в браке с Фердинандом, по рождению наследным принцем, а затем королем Арагона.

С кончиной короля Хуана II, отца Фердинанда, в 1479 году Кастилия и Арагон, два наиболее крупных испанских владения, вступили в тесную

унию. Образовалась двуединая кастильско-арагонская держава.

За время правления Изабеллы в Кастилии произошли существенные перемены. Захватив престол, королева очень быстро навела в Кастилии должный порядок, привлекла на свою сторону три главные социальные силы: церковь, города и многочисленное служилое сословие. Ополчения ремесленников обуздали смутьянов рыцарских кровей. Сама Изабелла, действуя методом «кнута и пряника», кого-то привлекла на свою сторону, непокорных смирила оружием, других сурово покарала. В одной только Галисии^{257} с лица земли сметены были сорок шесть рыцарских замков.

Государственная машина была создана заново, учреждены новые ведомства, разработана новая должностная иерархия. Сторонники единой державы снова оказались на коне. Вчерашние клирики, влачившие жалкое существование, стали казначеями, экономами, фискалами Ее высочества. Они были всем обязаны королеве и ради нее не щадили живота своего. С их помощью Изабелла привела в исполнение свои сокровенные замыслы: в 1480 году королева нанесла сокрушительный удар по кастильской знати. Были отменены все пожалования щедрого короля Энрике IV, у магнатов отобраны «незаконно» приобретенные владения.

Верные слуги королевы наладили сбор податей и наложили руку на прибыльные и доходные статьи. В том же 1480 году Изабелла привела в исполнение один весьма богоугодный «замысел», который оказался выгодным для королевской казны, — была учреждена Святая Инквизиция. Справедливости ради надо заметить, что Инквизиция была призвана не только блюсти чистоту веры, но и очищать страну от разбойников и бандитских шайк, для чего спустя три года было создано Священное Братство.

Итак, отныне иноверцам не было места на испанской земле.

Между тем мавры и евреи в Кастилии, составляя лишь седьмую часть населения, оказались богаче шести христианских частей. В Арагоне пропорции были примерно те же, но новая метла Инквизиции на первых порах мела здесь с особым рвением. Началась тотальная очистка испанских земель от иноверцев, еретиков и дурных христиан, какими считались крещеные мавры (мориски) и крещеные евреи — мараны.^{258}

Уже в первые годы существования Святой Инквизиции на ее костры были посланы тысячи врагов Господних, а в кастильскую и арагонскую казну поступили огромные денежные средства: все достояние жертв святого трибунала доставалось королевской чете. Вернее, почти все — известная доля выплачивалась доносчикам.

Год спустя Изабелла и Фердинанд приступили к еще одному «богоугодному» и вместе с тем небезвыгодному предприятию — войне с Гранадой. Однако это оказалось совсем непростым занятием, и война растянулась на одиннадцать долгих лет.

Королевская чета легко примирилась с непредвиденными сложностями. Крестовый поход на гранадских мавров позволил ввести массу новых податей и вовлек в боевые операции застоявшихся кастильских и арагонских рыцарей. Таким образом, опасная энергия этих потомственных воителей нашла надлежащее применение.

Все складывалось весьма удачно для их королевских высочеств: на дорогах перевелись разбойники, торговля процветала, отвоевывались благодатные земли в Гранадском эмирате, рос престиж двуединой державы, приумножались доходы кастильской и арагонской казны, укреплялось христианское единоверие.

Между тем были и проблемы. Восемьсот тысяч кастильских и двести тысяч арагонских иноверцев утратили покой, а семь миллионов христиан жили с оглядкой.

Новые административные реформы внедрялись со скрипом. В 1480 году на кортесах, созванных в Толедо, были приняты строгие уставы канцелярского благочиния. Установлены были функции всевозможных ведомств, разработан порядок движения бумаг. Казалось, что механизм бюрократической машины налажен на вечные времена. Но армия чиновников, как это обычно и бывает, незаметно разрасталась, появлялись не предусмотренные никакими проектами новые структуры, «мудрая» система отписок, согласований, отзывов и резолюций все запутывалась и усложнялась.

У католических королей развивалась страстная любовь к «путешествиям». Все монархи Европы были правителями оседлыми. Польские короли сидели в замке Вавель, великие московские князья редко покидали Кремль, Людовик XI располагался в своей роскошной турецкой резиденции. Изабелла и Фердинанд же непрерывно странствовали по своим владениям, их двор был подобием табора. Испанская королевская чета находилась в вечном движении: из Андалусии в Ла-Манчу, оттуда в Леон, далее в Галисию, из Галисии в долину Эбро и т. д. Так, с апреля по ноябрь 1468 года Католические короли побывали в сорока двух городах Кастилии, и это был еще не самый «урожайный» год. Излюбленным городом, в котором короли останавливались наиболее часто, был Вальядолид.

Естественно, что за государями неизменно следовали Королевский

Совет и все главные канцелярии. Двор редко где задерживался больше чем на несколько дней, все эти ведомства предпочитали не открывать кофры с деловыми бумагами — самые пустячные дела порой решались годами. Толедские установления такой порядок вещей не предусматривали, он причинял немало неприятностей самим государям.

Постоянному перемещению испанских владык и бездушной бюрократической машине мы обязаны встречей двух великих фамилий: Сервантесов и Колумбов. Бюрократический механизм испанской монархии «затянул» в себя автора великого проекта Христофора Колумба, тем самым позволив пересечься в истории двум великим родам.

Это произошло следующим образом. Теоретически испанские монархи были доступны для всех просителей. По толедским уставам 1480 года каждый понедельник и каждую пятницу они давали аудиенции частным особам, дабы выслушать их всевозможные просьбы и жалобы. В действительности же попасть на прием и к королеве, и к королю можно было только после отзыва соответствующего ведомства, в чьих руках была судьба просителя, а такие отзывы давались крайне неохотно. Государь на своих аудиенциях обычно лишь выслушивали посетителей, но никаких решений не принимали. Дело жалобщика направлялось либо туда, откуда оно вышло, либо в более высокую инстанцию. Писались новые отписки, назначались новые аудиенции, жернова вертелись, мельница работала безостановочно, а дело стояло на месте.

Так произошло и с проектом Христофора Колумба, который пытался заинтересовать им Изабеллу и Фердинанда, находившихся в 1485 году в Кордове.

Предки Мигеля были, очевидно, довольно хорошо знакомы с Первым Адмиралом Индий Христофором Колумбом и его будущей супругой. Дело в том, что первооткрыватель Нового Света приехал в Кастилию для того, чтобы убедить испанских королей, а если не удастся — других богатых вельмож профинансировать подготовку ставшего впоследствии судьбоносным для истории человечества путешествия. В Кордове великий мореплаватель ожидал решения специальной ученой королевской комиссии («Саламанкской хунты»), назначенной Католическими королями с целью удостовериться в верности предположений и расчетов Колумба относительно существования загадочной страны. За период долгого ожидания будущий первооткрыватель успел перезнакомиться со многими кордовскими семьями и родами.

В 1470-х годах в одном из кварталов Кордовы генуэзцы Лука и Леонардо Эсбарройа держали аптеку, где часто бывали предки Мигеля,

магистр Хуан Санчес (впоследствии спутник Колумба в его первом путешествии), бакалавр Хуан Диас де Торребланка, Педро и Фернандо Руис Точино, Родриго Диас де Сервантес (прадед Сервантеса). Часто заходил сюда и Колумб. То, что все эти люди собирались в аптеке, отнюдь не означало, что они были больны. Просто в испанских аптеках второй половины XV века можно было запросто выпить один-другой стаканчик вина и закусить его вяленным мясом или печеным каштаном, обменяться последними городскими новостями и сплетнями. Здесь же Колумб, очевидно, не раз излагал перед друзьями свои амбициозные планы, рассказывал о деталях планировавшегося путешествия. Родственники Сервантеса умудрились даже приложить руку к продолжению рода будущего Адмирала. Свояк хозяина аптеки Хуан Диас де Торребланка, завсегда́тай этого заведения, был вхож в дом некоего кордовского обывателя Родриго Энрикеса де Арана, куда, очевидно, и привел Колумба, где последний и познакомился со своей будущей женой Беатрис. Он встретился с ней летом или осенью 1487 года, а 15 августа 1488 года у них родился сын Фернандо. Надо заметить, что Колумб так и не обвенчался с Беатрис до конца своей жизни.

Объединение Испании и открытие Колумбом Нового Света положили начало новой эры не только в Испании, но и во всем мире.

Год 1492-й для Испании был богатым на события: появилась первая грамматика, написанная Элио Антонио де Небрихой (1445–1522) на простом, общепонятном языке (*idioma vulgar*) — «Искусство кастильского языка», а 31 марта вышел знаменитый указ Католических королей об изгнании иудеев, исполнение которого повлекло за собой много печальных моментов в испанской истории.

Монетарная система Испании времен Сервантеса

Эта монетарная система была создана в самом конце XV века и просуществовала без существенных изменений на протяжении всего XVI и части XVII веков. Система определяла монеты из золота (дукат), серебра (реал) или из вельона (*vellon*) — сплава серебра и меди (бланка). Все они использовались в различных расчетах и измерялись в одном исчислении — мараведи, или мараведис, как иногда переводят испанское «*maravedis*». Дукат — 375, реал — 34 и бланка — 0,5 мараведи.

Монета, которую чеканила королевская казна, была в своем большинстве кратным умножением оговоренных выше единиц. Так,

дублон, или двойной дукат (doble ducado), еще называли пистолей (pistola).

Эскудо, или, по-другому, корона, был введен в 1537 году императором Испании Карлом и равнялся 350 мараведис.

Л. И. Вольперт

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Живой Сервантес

Книга, которую читатель держит в руках, имеет особую ценность: на русском языке нет ни одного полного описания жизни Сервантеса. Автор переработал и осмыслил огромный материал, множество фактов и свидетельств, добытых за четыре столетия в странах Европы и Америки упорными усилиями ученых. Чтобы в Новое время суметь восстановить в деталях жизнь великого гуманиста Возрождения, необходимо обладать прежде всего именно письменными свидетельствами. Поиск документа (купчей, завещания, судебного иска, записи в церковно-приходской книге и т. п.), как показывается в этой книге, часто требовал от исследователя поистине героических усилий. Однако и умение собрать весь этот разношерстный материал, разобраться в море письменных свидетельств, обобщить и выделить главное (все то, что с блеском удалось автору) — далеко не легкое дело. Еще труднее была поставленная им задача — освободить жизнеописание Сервантеса от субъективных оценок, сомнительных гипотез, надуманных схем, всего того, чем грешили многие книги о жизни автора бессмертного Дон Кихота.

Сервантес — личность удивительная и неповторимая. Его роман пережил многие столетия, вошел в число бессмертных книг; великий испанец, безусловно, мифологичная фигура. Можно понять стремление исследователей к некоторой его идеализации. Трагичной бывала судьба многих гениальных творцов, при жизни они часто оставались неизвестными (слава почти всегда вдова), но столько несчастий, сколько выпало на долю Сервантеса (инвалидность, рабство, клевета, разорение, тюрьма), доставалось вряд ли кому из великих писателей. Заметим в скобках: не будь этих несчастий и не сыграл свою роль его величество Случай, столь к нему неблагоприятный, но и подаривший внезапное чудесное спасение, вряд ли Дон Кихот был бы создан.

Примечательно, что и в тяжелейшие минуты автор Дон Кихота неизменно был верным самому себе, смелым, великодушным, деятельным. Убедительно это демонстрируя,

А. Красноглазов в то же время стремится раскрыть и другое: Сервантес целиком принадлежал своему времени, был истинным

человеком эпохи с ее достоинствами и слабостями. Автор сознательно отказывается от какой бы то ни было идеализации творца Дон Кихота. Стремясь к объективности, он не обеляет своего героя, не обходит вниманием нелюбимые ситуации. Свою книгу А. Красноглазов с полным правом называет документальной биографией.

О художественных сторонах произведений создателя Дон Кихота здесь написано мало (этому вопросу посвящены многие научные исследования, в том числе монументальная монография К. Державина «Сервантес»), но в этом есть свое положительное свойство. К сожалению, немало биографических повествований, посвященных писателям, как раз грешат излишним увлечением литературоведческой стороной творчества в ущерб самому жизнеописанию. Автора интересует прежде всего всё, предшествующее творчеству: практическая сторона рождения книги, предыстория замысла, воплощение его. Как удалось найти издателя? Получить королевскую привилегию (право на издание)? Какие были условия договора? Насколько подлинна рукопись? На эти и многие другие вопросы книга дает убедительный ответ.

Книга на первый взгляд написана неровно. Страницы о пятилетнем алжирском плене однорукого раба, его многочисленных безуспешных попытках бегства, его страданиях и надеждах написаны увлекательно, они прочитываются на одном дыхании. Но как в жизни Сервантеса сменяются периоды затишья и бурь, так и в их описании динамическая напряженность уступает спокойной тональности. Фрагменты, посвященные генеалогии, включающие имена и судьбы сородичей Сервантеса, краткие профильные биографии, каталогизация фактов быта могут показаться кому-то не столь увлекательными и даже несколько перегруженными материалом. Однако без них трудно было бы представить эпоху во плоти и крови. Читатель постигает жизнь автора Дон Кихота не на уровне общих и абстрактных представлений, а в житейских подробностях, на фоне красноречивых и сочных бытовых реалий (денежные затруднения, долговые расписки, тюремные порядки, тяготы плена и т. п.). Поэтому читателю, интересующемуся этой удивительной эпохой и этой удивительной страной, на наш взгляд, стоит запастись терпением, оно будет вполне оправдано. Частные факты лучше всяких абстрактных теорий подводят к обобщенным представлениям и оценкам. На примере системы сбора налогов для Непобедимой армады или картины безнадежных поисков работы (два жизненно важных аспекта для Сервантеса) автору биографии удалось убедительно изобразить распад гигантской империи в конце XVI — начале XVII века.

Подчеркнуто объективный тон книги не исключает своеобразной лирической интонации, спрятанной за суховатой манерой изложения. Она захватывает и нас, и вот уже мы вместе с автором восхищаемся подвигами католических монахов, с истинной самоотверженностью и героизмом собирающих деньги для выкупа из алжирского плена рабов-христиан (без них Сервантес погиб бы в плену и мы бы не имели Дон Кихота). Или сожалеем, что Эль Греко нарисовал лицо безвестного монаха, знакомого Сервантеса, а не его самого, а ведь был шанс лицезреть его подлинный портрет. Зато какая удача, что сохранилась подробная опись имущества семьи Сервантесов, изъятого за долги, или замечательное Донесение, оправдание свидетелей против низкой клеветы на Сервантеса, содержащее изложение главных событий жизни за пять лет рабства в Алжире.

Книга воссоздает жизнь Испании второй половины XVI — начала VII века во всей противоречивости и сложности. Нарисованная картина ярка и образна, богата и зрима. Краски пестры и разнообразны: тут и биографии знаменитых городов (Мадрид, Барселона, Севилья, Толедо, Вальядолид), и история страны, и военные походы, и литературная и театральная жизнь, и выразительные портреты испанцев, от королей до простолюдинов. Интересны и лингвистические экскурсы автора, раскрытие связи Сервантеса со стихией простонародного языка; чего стоит, например, ироническая этимология имен главных героев романа: Чокнутый идальго, Толстое брюхо, Сладкая путана, Кляча из кляч.

Очень важны и примечания, часто превращающиеся в развернутые приложения (Как создавалась биография Мигеля де Сервантеса). Они во многом дополняют, делают еще более рельефной картину, создаваемую основным текстом.

Книга удовлетворяет вечному желанию узнать о великих людях побольше, и чтобы это знание было бы насколько возможно более правдивым. Она приближает к нам Сервантеса, заставляет сопереживать ему, восхищаться его стойкостью, упорством и талантом, раскрывает нам Сервантеса-Человека.

Доктор филологических наук, профессор Тартуского университета Л.
И. Вольперт

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СЕРВАНТЕСА

1547, 29 сентября (?) — В семье обедневшего идадьго Родриго де Сервантеса Сааведры и его супруги Леоноры де Картинас в кастильском городке Алькале-де-Энарес родился сын Мигель.

1556 — Умирает Хуан де Сервантес — дед Мигеля.

1557 — Кончина Леоноры де Торребланки — бабушки Сервантеса по отцовской линии.

1567 — Первые поэтические опыты Мигеля де Сервантеса.

1547–1567 — Точных сведений о детстве и юности Сервантеса нет. Известно, что отец писателя Родриго де Сервантес со своей семьей часто переезжал с места на место. Он жил, должно быть, в Вальядолиде, Кордове, в Мадриде. В Вальядолиде Мигель Сервантес учился в коллегии иезуитов. Потом продолжил свое образование в Мадриде. Он посещал там городскую школу и, по-видимому, брал частные уроки у известного педагога-гуманиста Хуана Лопеса де Ойоса.

1568 — Сервантес становится учеником маэстро Лопеса де Ойоса, пишет несколько сонетов на кончину королевы Изабеллы, опубликованных в сборнике «История и правдивое описание болезни, благодистой кончины и торжественное погребение светлейшей королевы Испании доньи Изабеллы». Составитель сборника Хуан Лопес де Ойос.

1569 — Мигель поступает на службу к папскому нунцию Аквавиве, приехавшему в Мадрид, и едет с ним в Италию.

1570 — Служба у кардинала Аквавивы в Риме.

1571, 7 октября — Участвует в морском бою флота стран-союзниц против турок при Лепанто и получает тяжелое ранение.

1572 — Сервантес находится в госпитале. После выздоровления принимает участие в морской кампании под предводительством дона Хуана Австрийского.

1573 — Участвует в экспедиции, завершившейся взятием крепости Голеты и Туниса.

1574 — Сервантес с полком зимует в Сардинии, Неаполе и Сицилии. Потом отправляется на родину.

1575 — Недалеко от побережья Каталонии галеру «Солнце», на которой плыли Сервантес и его брат Родриго, захватывают берберы.

Сервантес попадает в Алжир.

1576 — Сервантес делает первую попытку бежать из плена.

1577 — Выкуп Родриго де Сервантеса. Мигель снова пытается бежать.

1578 — Третья попытка бегства.

1579 — Сервантес в четвертый раз пытается бежать. В Мадриде открываются первые театры.

1580 — Выкуп Сервантеса из плена. Возвращение в Мадрид.

1581 — Мигель по делам службы приезжает в Оран. Пребывание в Португалии.

1582 — Сервантес снова в Мадриде.

1584 — Знакомство Сервантеса с Анной Франка де Рохас. Рождение Исабели де Сааведры. Женитьба на Каталине де Саласар-и-Паласьос в Эскивиасе.

1584–1587 — Написан ряд пьес, до нас дошли «Нумансия» и «Алжирские нравы».

1585 — Выходит в свет первая часть «Галатеи». Смерь отца Мигеля Родриго де Сервантеса. Подписание контракта с Гаспаром де Порресом.

1586 — Мигель время от времени посещает Севилью.

1587 — Сервантес поступает в интендантскую службу и занимается закупками для снабжения Непобедимой армады.

1588 — Продолжает работать комиссаром по закупкам продовольствия. Смерть Каталины де Паласьос — тещи Мигеля. Разгром Непобедимой армады.

1589 — Сервантес продолжает свою работу в качестве интенданта.

1590 — Подает прошение в «Совет по делам Индий».

1591 — Сервантес по интендантским делам находится в Гранаде.

1592 — Инцидент в Эсихе. Заключение в тюрьму в Кастро дель Рио. Сервантес подписывает контракт, по которому обязуется написать шесть пьес для театра Родриго Оссорио.

1593 — По делам службы Сервантес находится в окрестностях Севильи. Смерть доньи Леоноры — матери писателя.

1594 — Сервантес назначен сборщиком налоговых недоимок в провинции Гранада. Служба требует постоянных разъездов по провинции.

1597 — Снова попадает в тюрьму, теперь уже в Севилье.

1598 — Сервантес находится в Севилье. Умирает Ана Франка. Магдалена де Сервантес берет к себе Исабель де Сааведру. Закрытие театров.

1599 — Сервантес все еще в Севилье.

1600 — Вероятно, из Севильи Сервантес перебирается в Толедо.

Гибель в бою Родриго — брата Мигеля. Вновь открываются театры.

1605 — Выходит в свет первая часть «Дон Кихота». Дело Эспелеты.

1606 — Исабель де Сааведра выходит замуж за Диего Санса.

1607 — Рождение Исабель Санс.

1608 — Смерть Диего Санса. Исабель де Сааведра выходит замуж за Луиса де Молину.

1609 — Магдалена, Каталина и Андреа де Сервантес становятся послушницами ордена Терсера Святого Франсиска. Писатель вступает в братство Рабов Святейшего Причастия. Умирают Андреа и Исабель Санс — внучка Сервантеса.

1611 — Умирает Магдалена. Пребывание Сервантеса в Эскивиасе. «Дон Кихот» шествует по Европе.

1613 — Сервантес в Алькале-де-Энарес. Послушник ордена Терсера. Выход из печати «Назидательных новелл».

1614 — Выход в свет «Путешествия на Парнас». Вторая часть «Дон Кихота» Авельянеды.

1615 — Издан сборник «Восемь комедий и восемь интермедий». Вторая часть «Дон Кихота» выходит из печати.

1616 — Принял постриг как член ордена Терсера. Посвящение «Странствий Персилеса и Сихизмунды» фафу де Лемосу.

1616, 22 апреля — Мигель де Сервантес Сааведра умирает в Мадриде. Его хоронят в монастыре тринитариев. Согласно обычаям ордена, он был погребен в субботний день, с непокрытым лицом, облаченный во францисканское одеяние из грубого сукна.

1617 — Посмертно издан роман «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Айхенвальд Ю. А. Дон Кихот на русской почве. В 2 т. М. — Минск, 1996.

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. В 2 т. М., 1951.

Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988.

Державин К. Н. Сервантес. М., 1958.

Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.

Менендес Пидаль Рамон. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения., М., 1961.

Мигель де Сервантес Сааведра. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961.

Ортега-и-Гассет Хосе. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997.

Сервантес и всемирная литература. М., 1969.

Сервантесовские чтения. Л., 1988.

Сервантесовские чтения. М., 1985.

Умикян А. Д. Мигель де Сервантес Сааведра: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1763–1957. М., 1959.

Франк Б. Сервантес. М., 1960.

Штейн А. Л. История испанской литературы. М., 1994.

Штейн А. Л. Литература испанского барокко. М., 1983.

ЛИТЕРАТУРА НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Americo Castro. El pensamiento de Cervantes. Barcelona, 1972.

Americo Castro. Hacia Cervantes. Madrid, 1967.

Avallewaile-Arrce J. B. Nuevos deslindes cervantinos. Barcelona, 1975.

Ayala P. Cervantes y Quevedo. Barcelona, 1974.

Canavaggio J. Cervantes. En busca del perfil perdido. Madrid, 1992.

Casaldueiro J. Sentido y forma del «Quijote». Madrid, 1966.

Close A. J. The Romantic Approach to «Don Quixote». Oxford, 1978.

Luis Astrana Marin. Vida ejemplar y heroica de Miguel de Cervantes Saavedra. Madrid, 1948–1958.

Menendez Pidal R. De Cervantes y Lope de Vega. Madrid, 1940.
Ortega-y-Gasset J. Meditaciones del «QuiJote». Madrid, 1957.
Predmore R. L. El mundo del «QuiJote». Madrid, 1958.
Riley E. C. Teoria de la novela en Cervantes. Madrid, 1966.

Красноглазов А. Б.

78 Сервантес. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 300[4]с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 841).

ISBN 5-235-02556-3

УДК 882-94 ББК 83.3 (4 Исп.)

Главный редактор издательства А. В. Петров Редактор Р. В. Чекрыжова
Художественные редакторы Р. А. Косыгин, К. Г. Фадин Технический редактор Р. А. Косыгин
Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Л. В. Радченко, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 05.11.2002. Подписано в печать 12.03.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Усл. — печ. л. 15,96+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 23511.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127030 Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127030 Москва, Сущевская ул., 21.

---

notes

Примечания

1

Сабра в пер. с испанского — «коза».

---

comments

Комментарии

Франк Бруно (1887–1945), немецкий писатель. С 1933 г. — в антифашистской эмиграции. Стихи, рассказы, антифашистская «Политическая новелла» (1928); историческая драма «12 тысяч» (1927), обличающая прусский милитаризм; в центре романа «Сервантес» (1934) — гуманист-одиночка, противостоящий реакции.

Астрана Марин Луис (1889–1960), испанский ученый, написавший фундаментальные биографические исследования о Лопе де Вега, Кеведо и Сервантесе. Переводчик Шекспира.

Державин Константин Николаевич (1903–1956), российский литературовед, театровед, переводчик. Труды об испанском Возрождении, французском Просвещении, славянских литературах, русском и современном театре. Автор книги «Сервантес» (М., 1958).

Здесь и далее в тексте все цитаты из произведений Сервантеса, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по изд.: *Мигель де Сервантес Сааведра. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961.*

Саламанкский университет, Испания, основан в 1218 г. Один из старейших государственных университетов Европы. В нач. 90-х гг. ок. 24 тыс. студентов.

Бакалавр (от ср. — век. лат. *baccalaureus*), в большинстве стран — первая ученая степень, приобретаемая студентом после освоения программ базового высшего образования (3–5 лет обучения).

Лиценциат (ср. — век. лат. *licentiatus* — допущенный), в средневековых университетах — преподаватель, получивший право читать лекции, но еще не защитивший докторскую диссертацию. В настоящее время в ряде стран Зап. Европы и Лат. Америки — первая ученая степень, присваиваемая на третьем — четвертом году обучения в вузе и дающая право замещать должность преподавателя среднего учебного заведения.

Годы с 1532-го по 1538-й были наиболее благоприятными для семьи Сервантесов. Как свидетельствуют документы, «таков был их (Сервантесов. — А. К.) образ жизни в Алькале... они имели лошадей и всегда участвовали в дворянских забавах, бились на копьях и метали дротики». Они владели рабами и множеством слуг. Были всегда хорошо одеты, имели дорогих лошадей и все, что полагалось иметь состоятельной идалгии.

Небриха (Nebrija) — наст. имя Антонио Мартинес де Кала (1444–1522), испанский филолог-гуманист. Создатель грамматики и словаря испанского (кастильского) языка (1492).

Кортес (Cortes) *Эрнандо* (1485–1547), испанский конкистадор. В 1504–1519 гг. служил на Кубе. В 1519–1521 гг. возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. В 1522–1528 гг. — губернатор и генерал-капитан завоеванных им областей Новой Испании (Мексики). В 1524 г. в поисках морского прохода из Тихого океана в Атлантический пересек Центральную Америку.

Магеллан (Магальяйнш) (*исп.* Magallanes) *Фернан* (1480–1521), мореплаватель, экспедиция которого совершила первое кругосветное плавание. Родился в Португалии. В 1519–1521 гг. руководил испанской экспедицией по поиску западного пути к Молуккским о-вам. Открыл все побережье Юж. Америки к югу от Ла-Платы, обогнул континент с юга, открыл пролив, названный его именем, и Патагонскую Кордильеру; первым пересек Тихий океан (ок. 1520), обнаружив о. Гуам, и достиг Филиппинских о-вов, где был убит в схватке с местными жителями. Магеллан доказал наличие единого Мирового океана и представил практическое свидетельство шарообразности Земли. Плавание завершил Х. С. Элькано, обогнувший с юга Африку.

Павия (Pavia) — город в Сев. Италии, административный центр пров. Павия. При Павии 24 февраля 1525 г. во время Итальянских войн (1494–1559) войска германского императора Карла V разгромили войска французского короля Франциска I, который был взят в плен и возвратил завоеванные территории Италии.

Эразм Роттердамский (Erasmus Roterodamus), *Дезидерий* (Desiderius) (1467–1536), гуманист эпохи Возрождения (глава «северных гуманистов»), филолог, писатель. Родом из Роттердама. Автор «Похвалы Глупости» — сатиры, высмеивавшей нравы и пороки современного ему общества. Сыграл большую роль в подготовке Реформации, но не принял ее.

Вега (Vega) Гарсиласо де ла (1503–1536), испанский поэт. Реформатор стиха по образцам итальянского Возрождения, автор сонетов, элегий и эклог, опубликованных посмертно (1543). Высший авторитет для Сервантеса.

Боскан-и-Альмогавер (Boscan y Almaguer) Хуан (1490–1542), испанский поэт. Творчество отмечено влиянием Ф. Петрарки. Автор сонетов и эпистол, друг и литературный сподвижник Г. де ла Веги.

Куэва (Cueva) Хуан де ла (ок. 1543–1610), испанский драматург. Автор пьес на сюжеты исторических романсов (жанра испанской лиро-эпической поэзии, сложившегося к XIV в.). Комедия в стиле «плаща и шпаги» «Клеветник». Обосновал идею национального театра в трактате «Поэтический образец» (1606).

Триденский собор (Триентский собор) — Вселенский собор католической церкви, заседал в 1545–1547 гг., 1551–1552 гг., 1562–1563 гг. в г. Триенто (*лат.* Tridentum, *нем.* Trient), в 1547–1549 гг. в Болонье. Закрепил догматы католицизма, подтвердил верховенство римских пап над церковными соборами, усилил гонения на еретиков, ввел строгую церковную цензуру. Решения Тридентского собора стали программой Контрреформации.

Симанкас — древний замок в Вальядолиде. В Симанкасе находится Главный архив королевства (Archivo General del Reino).

Лютер (Luther) Мартин (1483–1546), деятель Реформации в Германии. Основатель лютеранства. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка. *Реформация* (от лат. *reformatio* — преобразование) — общественное движение в Западной и Центр. Европе в XVI в., направленное против католической церкви. Начало Реформации положило выступление в 1517 г. в Виттенберге (Германия) Мартина Лютера с 95 тезисами — против индульгенций, против основных догматов католицизма. Главные направления Реформации: бюргерское (М. Лютер, Ж. Кальвин, У. Цвингли); народное, соединявшее требование упразднения католической церкви с борьбой за установление равенства (Т. Мюнцер, анабаптисты); королевско-княжеское, отражавшее интересы светской власти, стремившейся укрепить власть, захватить земельные владения церкви. Под идейным знаменем Реформации проходили Крестьянские войны 1524–1526 гг. в Германии, Нидерландах и Английская революция. Реформация положила начало протестантизму (в узком смысле Реформация — проведение религиозных преобразований в протестантском духе).

Генрих VIII (1457–1547), английский король с 1509 г., из династии Тюдоров. При этом короле была проведена Реформация. В 1534 г. провозглашен главой англиканской церкви.

Франциск I (François I) (1494–1547), французский король с 1515 г., из династии Валуа. Его политика была направлена на превращение Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах 1494–1559 гг. одержал победу в 1515 г. при Мариньяно; пленен при Павии в 1525 г.; вернувшись из плена, возобновил в 1527 г. военные действия.

Лига, которую в 1531 г. создали протестанты, была распущена после победы Карла V при Мюльберге.

В «религиозной» битве при Мюльберге императорские войска во главе с герцогом Альбой разгромят протестантов, чему будет способствовать нерешительность и ошибки вождей лиги.

Хуан Австрийский (1545–1578), видный политический и военный деятель Испании, в битве при Лепанто (1571) во главе объединенного флота разгромил турок.

Современный календарь называется григорианским (новый стиль). Он был введен папой Григорием XIII в 1582 г. и заменил юлианский календарь (старый стиль), который применялся с 45 г. до н. э. Григорианский календарь более точен. В России григорианский календарь введен с 14 февраля 1918 г. Различие между старым и новым стилями составляет в XVIII в. 11 суток, в XIX в. — 12 и в XX в. — 13 суток.

Плиний Старший (Plinius Maior) (23 или 24–79), римский писатель, ученый. Единственный сохранившийся труд «Естественная история» в 37 кн. — энциклопедия естественнонаучных знаний Античности, содержит также сведения по истории искусства, истории и быту Рима.

Карлос (дон Карлос) (Don Carlos) (1545–1568), наследник испанского престола. Находился во враждебных отношениях с отцом Филиппом II. Считается, что при падении с лестницы в Алькале-де-Энарес он повредился в уме. Умер в заключении. Участь Карлоса послужила сюжетом для многих художественных произведений (напр., трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос», оперы Дж. Верди «Дон Карлос»).

Руис (Ruiz) Хуан (1283 — ок. 1350), испанский поэт. В поэме «Книга о благой любви» (ок. 1343) — конфликт возвышенного, аскетического и чувственного понимания любви.

В переделанном виде он сохранился до наших дней.

30

1 лье=5572,7 м.

Непобедимая армада — крупный военный флот, созданный в 1586–1588 гг. Испанией для завоевания Англии; понес в 1588 г. огромные потери в результате столкновений с английским флотом в Ла-Манше и сильного шторма. В Испанию вернулась лишь половина кораблей; испанское морское могущество было подорвано.

Иезуиты — члены католического монашеского ордена («Общество Иисуса», лат. «Societas Jesu»), основанного в 1534 г. в Париже И. Лойолой. Орден стал главным орудием Контрреформации. Иезуиты утвердились не только в европейских государствах, но и проникли в Индию, Японию, Китай, на Филиппины. В России иезуиты появились в нач. XVIII в.; в 1719 г. по указу Петра I были изгнаны. В 1801 г. официально признано их существование, однако в 1820 г. Александр I запретил их деятельность. В 1610–1768 гг. существовало «Иезуитское государство» в Парагвае. Основные принципы организации ордена: строгая централизация, абсолютный авторитет главы ордена.

Павел III (Paulus) — в миру Александр Фарнезе, Alessandro Farnese (1468–1549), папа римский с 1534 г. Кардинал с 1493 г. Вел борьбу с Реформацией, утвердил орден иезуитов (1540), подготовил и созвал в 1545 г. Тридентский собор.

Генрих II (Henri) (1519–1559), французский король с 1547 г., из династии Валуа. Учредил в 1547 г. «Огненную палату». Войска Генриха II заняли в 1552 г. епископства Мец, Туль, Верден (в Священной Римской империи). В 1559 г. подписал Като-Камбрезийский мир, завершивший Итальянские войны 1494–1559 гг.

Медичи (Medici), флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. Медичи основали торгово-банковскую компанию, одну из крупнейших в XV в. в Европе; в 1434–1737 гг. (с перерывами в 1494–1512 гг., 1527–1530 гг.) правили Флоренцией. Главные представители: Козимо Старший Медичи (1389–1464), правил с 1434 г.; Лоренцо Великолепный Медичи (1449–1492), правил с 1469 г. К роду Медичи принадлежала французская королева Екатерина Медичи (1519–1589).

Толедо (Toledo) — один из старейших и красивейших городов страны, расположен в центральной части Испании, на р. Тахо. В VI–VIII вв. столица государства вестготов; в XI в. центр эмирата, с 1085 г. столица королевства Кастилии и Леона, в 1479–1561 гг. — объединенной Испании. В 1991 г. — 61 тыс. жителей, объявлен городом-музеем.

Эскориал (Escorial) (Эскуриал) — монастырь-дворец в Испании, в Н. Кастилии, близ Мадрида. Резиденция испанских королей, построен для Филиппа II (1563–1584; архитекторы Х. Б. де Толедо, Х. Б. де Эррера). Прямоугольный в плане комплекс помещений, сгруппированных вокруг внутренних дворов.

Севилья (Sevilla) — город на юге Испании, порт на р. Гвадалквивир (доступен для морских судов), административный центр пров. Севилья и авт. обл. — Андалусия. 659 тыс. жителей (1991). Международный аэропорт. Университет. Внешние стены и бастионы мавританского замка Алькасар (кон. XII–XVI в.), позднейшие пристройки (XIV–XVI вв.). Собор (поздняя готика, XV–XVI вв.), готическая церковь (XIII–XIV вв.), биржа (XVI в.). В 1492 г. из гавани Севильи вышла первая экспедиция Колумба.

Андалусия (Andalucia) — автономная область на юге Испании. 87,3 тыс. км². Население 7 млн человек (1992). Административный центр — Севилья. Включает провинции: Альмерия, Гранада, Кадис, Кордова, Малага, Севилья, Уэльва, Хаэн.

Кармелиты — члены католического нищенствующего ордена, основанного во 2-й пол. XII в. в Палестине. В XIII в. переместились в Западную Европу.

Ризница — помещение в церкви для хранения риз, церковной утвари.

Контрреформация — церковно-политическое движение в Европе сер. XVI–XVII вв. во главе с папством, направленное против Реформации. В основу программы Контрреформации легли решения Тридентского собора (1545–1563). Осуществлялась в основном с помощью Инквизиции. Активные проводники Контрреформации — монашеские ордена.

Более подробно об этой проблеме на русском языке см.: *Балашов Н. И.* Вопросы изучения творчества Сервантеса // *Сервантес и всемирная литература*. М., 1969.

Эстремадура (Extremadura) — автономная область на западе Испании, в бассейне рек Гвадиана и Тахо. 41,6 тыс. км². Население 1,1 млн человек (1992). Главный город — Мерида. Включает провинции Бадахос и Касерес.

Энрике III (1390–1406), *Хуан II*, его сын (1406–1454), *Энрике IV*, сын *Хуана* (1454–1474) — короли Кастилии.

О том, что это было действительно так, говорит уже то, что преподаватели школы претендовали на кафедры в университетах Испании.

Эгмонт (Egmont) *Ламораль* (1522–1568), граф, один из лидеров антииспанской дворянской оппозиции в Нидерландах накануне и в начале Нидерландской революции. Казнен. Герой трагедии И. В. Гёте «Эгмонт» (музыка Л. ван Бетховена). *Горн* (Horn, Hoorn) *Филипп де Монморанси* (Montmorency) (ок. 1524–1568), граф, один из лидеров антииспанской дворянской оппозиции накануне и в начале Нидерландской революции. Казнен.

Дукат (от *итал.* ducato) — старинная серебряная, затем золотая (3,4 г) монета; появилась в Венеции (1140). Позже чеканилась во многих западноевропейских странах (иногда под названием цехина или флорина). В допетровской России — червонец.

Кастельяно (исп. castellano) — испанский язык.

Франсиско де Фигероа (1536–1620), испанский поэт.

Педро де Падилья (?—1595), испанский поэт.

Бэкон Фрэнсис (1561–1626), английский философ, родоначальник английского материализма. Лорд-канцлер при короле Якове 1. В трактате «Новый органон» (1620) провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, предложил реформу научного метода — очищение разума от заблуждений («идолов», или «признаков»), обращение к опыту и обработка его посредством индукции, основа которой — эксперимент. Автор утопии «Новая Атлантида».

Lope de Vega Карньо (Vega Carpio) (1562–1635), известный испанский драматург. Крупный представитель Возрождения. Автор св. 2000 пьес (500 из которых изданы), романов, стихов, в том числе — исторической драмы «Великий герцог Московский» (1617), социальных драм «Кровь невинных» (1623) и «Звезда Севильи» (1623), народно-героических драм «Саламейский алькальд» (написана до 1610) и «Фуэнте Овехуна» (1619), комедий о любви «Собака на сене» (1618), «Учитель танцев» (1593). *Кеведо-и-Вильегас* (Quevedo y Villegas) *Франсиско* (1580–1645), известный испанский писатель. В плутовском романе «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» (1626), цикле социально-политических памфлетов «Сновидения» (1627), сборнике новелл «Час воздаяния, или Разумная Фортуна» (опубликован в 1650 г.) создал сатирическую панораму Испании XVII в. *Кальдерон де ла Барка* (Calderon de la Barca) Педро (1600–1681), известный испанский драматург. Комедии-интриги «С любовью не шутят» (1627?), «Дама-невидимка» (1629). В драмах «Стойкий принц» (1628–1629), «Саламейский алькальд» (1651) дана христианско-демократическая трактовка чести. Религиозно-философские драмы («Жизнь есть сон», 1636) ауто. Крупнейший драматург испанского барокко, Кальдерон де ла Барка унаследовал традиции ренессансной литературы.

Здесь Бруно Франк допускает ошибку: в то время Аквавива еще не был кардиналом.

Вивес (Vives) Хуан Луис (1492–1540), испанский мыслитель эпохи Возрождения, гуманист и педагог. Выступал против схоластики в защиту опытного познания. Педагогические идеи Вивеса повлияли на Я. А. Коменского, а также на И. Лойолу. *Вальдес (Valdes) Хуан де* (1500–1541), испанский писатель и ученый-просветитель. Автор трактата «Диалог о языке» (1530–1536) и др.

В русском собрании сочинений Сервантеса «Галатея» переведена не полностью и посвящение отсутствует.

Аркебуза (франц. arquebuse) — пицаль, фитильное дульнозарядное ружье; один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия с 1-й трети XV в. Заряжалась с дула каменными, а затем свинцовыми пулями. Пороховой заряд поджигался от руки через затравочное отверстие в стволе. В XVI в. заменена мушкетом.

От *исп.* *segundo* — второй.

Фландрия (флам. Vlaanderen, франц. Flandre) — средневековое графство, затем одна из 17 провинций Нидерландов исторических, один из наиболее экономически развитых районов средневековой Европы. В последующем основная часть Фландрии — в составе Бельгии, часть — в составе Франции и Нидерландов.

Византия (Восточная Римская империя, Византийская империя) — государство IV–XV вв., образованное при распаде Римской империи в ее восточной части (Балканский п-ов, М. Азия, юго-восточное Средиземноморье). Столица — Константинополь. Взятие в 1453 г. Константинополя турецкими войсками положило конец Византии.

Селим I Грозный (Явуз) (Selim I Yavuz) (1467/68 или 1470–1520), турецкий султан с 1512 г.

Сулейман Кануни (Suleyman I Kanuni) (в европейской литературе Сулейман Великолепный) (1495–1566), турецкий султан в 1520–1566 гг. При нем Османская империя достигла высшего политического могущества. Завоевал часть Венгерского королевства, Закавказья, Месопотамию, Аравию, территории Триполи и Алжира.

Хайреддин Барбаросса (1483–1546), правитель Алжира с 1518 г. С 1533 г. командующий флотом (капудан-паша) Османской империи.

Пий V (Pius), в миру Антонио Гислиери, Antonio Ghislieri (1504–1572), святой, папа римский с 1566 г. С 14 лет монах-доминиканец, с 1555 г. инквизитор в Риме; епископ Непи (1556), кардинал (1557). Добивался соблюдения постановлений Тридентского собора и боролся с Реформацией с помощью Инквизиции. Отлучил от Церкви королеву Елизавету I Английскую, чем ослабил позиции Римской церкви в Англии. Создал антитурецкую лигу (в союзе с Венецией и Испанией), одержавшую победу над турецким флотом ок. Лепанто в 1571 г. Канонизирован в 1712 г.

Военный союз Ватикана, Венеции и Испании, созданный для борьбы с турками.

Кортесы (исп. *cortes*), в средневековых государствах Пиренейского полуострова — сословно-представительные собрания (первые по времени в Западной Европе). Впервые упоминаются в Кастилии в 1137 г. Играли большую роль в XIII–XIV вв. С установлением абсолютизма значение их упало. В Испании название парламента.

Дориа (Doria) Андреа (1466–1560), генуэзский адмирал. Отстаивая независимость Генуи, из тактических соображений служил в ходе Итальянских войн сначала (1522–1525, 1527–1528) французскому королю Франциску I, затем, изменив ориентацию, императору Священной Римской империи Карлу V. С 1528 г. фактически правитель Генуэзской республики.

Мушкет (франц. mousquet) — ручное огнестрельное оружие с фитильным замком. Появился в нач. XVI в. в Испании, калибр 20–23 мм, дальность стрельбы до 250 м. В кон. XVII — нач. XVIII в. заменен кремневыми ружьями. В России до нач. XIX в. кремневые ружья назывались мушкетами.

Достаточно вспомнить нашу недалекую историю, когда процессы 30-х гг. искренне поддерживало большинство населения СССР. При этом не важно, кто был прав, а кто виноват, такое имело место.

Францисканцы — члены первого нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207–1209 гг. Франциском Ассизским. Наряду с доминиканцами ведали Инквизицией.

Капуцины (от *итал.* *capuccio* — капюшон) — члены католического монашеского ордена, основанного в 1525 г. в Италии (как ветвь ордена францисканцев), самостоятельного с 1619 г.

Лепанто (Leranto) — прежнее название г. Нафпактос (Греция).

Порта (*франц.* Porte, *итал.* Porta, букв. — дверь, врата; Оттоманская Порта, Высокая Порта, Блистательная Порта) — принятые в европейских документах и литературе (в Средние века и Новое время) названия правительства Османской империи.

Григорий XIII (1502–1585), папа римский с 1572 г. Один из вдохновителей Контрреформации. Стремился распространить католицизм в Русском государстве. Провел реформу календаря (1582).

Так полагают историки. Сам Сервантес в «Дон Кихоте» пишет, что галерой командовал сын Рыжей Бороды.

Магриб (араб. — запад) — регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко (собственно Магриб), а также Ливию, Мавританию, Зап. Сахару, образующих вместе с собственно Магрибом Большой Магриб, или Арабский Запад.

Оттоманская империя, или Османская империя (Европейско-Оттоманская империя) — название султанской Турции. Сложилась в XV–XVI вв. в результате турецких завоеваний в Азии, Европе и Африке. В период наибольшего расширения (2-я пол. XVI в. — сер. 70-х гг. XVII в.) включала кроме собственно Турции весь Балканский п-ов, значительные территории на севере Африки, Месопотамию и др. Распалась после поражения в Первой мировой войне.

Дрейк (Drake) Фрэнсис (1540–1596), английский мореплаватель, вице-адмирал (1588). Руководитель пиратских экспедиций в Вест-Индию; в 1577–1580 гг. совершил второе (после Магеллана) кругосветное плавание. В 1588 г. фактически командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой армады.

Оран — город и порт в Алжире, на Средиземном море. В описываемое время принадлежал Испании.

Написанное в терцинах (трехстишная строфа, ряд которых дает непрерывную цепь тройных рифм aba bcb cdc), «Послание» было обнаружено в 1863 г. в архиве графа Альтамиры. Оно содержит обширную комплиментарную часть, с восхвалением государственных талантов и заслуг адресата, а также горячий и настойчивый призыв автора к организации и посылке экспедиции против Алжира. Окончательная атрибуция этого произведения дело будущего.

Дублон (франц. *doublon*, от исп. *doblon*) — старинная золотая монета Испании (чеканилась до 1868 г.), Швейцарии и Италии (XV–XVI вв.).

Дословный перевод с исп. «Ворота солнца», одна из центральных площадей Мадрида.

Фигероа (Figueroa) *Франсиско де* (1536–1620), испанский поэт. Последователь Ф. Петрарки. Автор эклог, канцон и сонетов (опубликованы в 1626 г.).

Руфо Гутьеррес (Rufo Gutierrez) Хуан (ок. 1545 — после 1620), испанский поэт. Эпическая поэма «Австриада».

Эррера (Herrera) *Фернандо де* (прозвище Божественный) (1534–1597), испанский поэт, священник. Автор поэмы «О поражении короля Дона Себастьяна», образцовых сонетов, прозаических «Заметок о Гарсиласо» (о Г. де ла Вега) и «Хвалы жизни и смерти сэра Томаса Мора».

Буколика (от греч. *bukolikos* — пастушеский) — общее название двух часто смешиваемых жанров античной «пастушеской поэзии» — эклоги и идиллии; в новоевропейской поэзии то же, что пастораль. Название от заглавия цикла стихов Вергилия.

Пастораль (франц. *pastorale*, от лат. *pastoralis* — пастушеский) — жанровая разновидность новоевропейской литературы XIV–XVIII вв. (эклога, поэма, стихотворная драма), связанная с идиллическим мировосприятием.

Саннадзаро (Sannazzaro) *Яконо* (1455 или 1456–1530), итальянский писатель. Прозометрическая пастораль «Аркадия» (издана в 1504 г.) оказала влияние на развитие пасторального жанра в европейской литературе.

Монтемайор (Montemayor) *Хорхе де* (1520–1561), испанский писатель. Автор пасторального романа «Диана» (1558), задавшего образец жанра.

Фичино (Ficino) *Марсилио* (1433–1499), итальянский философ-неоплатоник, глава Флорентийской платоновской академии. Перевел на латинский язык сочинения Платона, Плотина, Ямвлиха, Прокла, Порфирия, Михаила Пселла, часть «Ареопагитика», сделал их достоянием европейской философии XV–XVI вв.

Абарбанель Иуда (Леон Еврей) (1470–1521), испано-еврейский религиозный писатель и мыслитель-неоплатоник. Автор «Диалогов о любви», оказавших влияние на испанских мистиков.

См. выше.

Расцвет рыцарства — XII–XIV вв. В XV–XVI вв. с возникновением постоянных армий и распространением огнестрельного оружия военная роль рыцарства сходит на нет.

Кастро (Castro) *Гильен де* (1569–1631), испанский драматург. Автор дилогии «Юность Сида» (1618).

Алеман-и-де-Энеро (Aleman y de Enero) *Mateo* (1547 — ок. 1614), испанский писатель. Плутувакый роман «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче» (1599–1604).

Камознс (Камоинш) (Camões) *Луиш ди* (1524 или 1525–1580), португальский поэт. Лирические стихи, сонеты, сатиры, комедии. Эпическая поэма о плавании в Индию Васко да Гамы «*Лузиады*» (1572), прославляющая героизм народа и выражающая веру в безграничные возможности разума.

Важно отметить, что испанская драматургия XVI–XVII вв. не знала делений на жанры (комедия, драма, трагедия). Безотносительно к содержанию любая пьеса называлась комедией.

Руэда Лопе де (1505?—1565), испанский писатель и актер.

Плавт (Plautus) *Тит Макций* (сер. III в. до н. э. — ок. 184), римский комедиограф.

Тирсо де Молина (Tirso de Molina) (наст. имя Габриель Тельес, Tellez) (1571 или ок. 1583–1648), испанский драматург. Эстетические принципы ренессансной драмы сочетал с духом барокко. Пьесы на исторические агиографические сюжеты, комедии, религиозно-философские драмы ауто. Драма «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630) — первая драматургическая обработка легенды о Дон Жуане.

Корралями во времена Сервантеса называли театры, внутренние дворы, дома — одним словом, места, где давались представления.

Алонсо Рамон, испанский драматург, до нас дошло пять его пьес.

Мигель Санчес (ум. после 1615), испанский драматург, до нас дошли две его комедии.

Мира де Мескуа, испанский драматург. Известна его пьеса, главный герой которой один из ранних прообразов Фауста.

Франсиско Августин Таррега (1554 (6?) — 1602), испанский драматург.

Гильен де Кастро, испанский драматург (1569–1631). Его пьеса «Юные годы Сида» оказала влияние на трагедию Корнеля «Сид».

Гаспар Агилар (1561–1623), поэт и драматург.

Луис Велес де Гевара (1579–1644), драматург и прозаик.

Антонио де Галарса, поэт, современник Сервантеса.

Гаспар де Авила, поэт.

Второе «я», другое «я» (*лат.*).

«Бог из машины» (лат.), имеется в виду театральная машина. Выражение древних, когда для разрешения безвыходной ситуации на сцене, как правило, при помощи театрального механизма, появлялось божество.

Полное название «Комедия (читай: представление, так как деления пьес на жанры не было) об осаде Нумансии». Название «Нумансия», равно как и отнесение ее к жанру трагедии, принадлежит переводчику В. А. Пясту.

Кельты (галлы) — древние индоевропейские племена, обитавшие во 2-й пол. 1-го тыс. до н. э. на территории современной Франции, Бельгии, Швейцарии, южной части Германии, Австрии, Северной Италии, Северной и Западной Испании, Британских о-вов, Чехии, частично Венгрии и Болгарии. Наиболее значительны: бойи, гельветы, белги, секваны, эдуи и др. К сер. I в. до н. э. покорены римлянами.

Карфаген — древний город-государство в Сев. Африке (в районе современного Туниса). Основан в 825 г. до н. э. финикийцами. К нач. III в., завоевав Сев. Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Юж. Испанию, превратился в могущественную державу Средиземноморья, что привело к столкновению между ним и Римом. После поражения в Пунических войнах (264–146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен римлянами (146 г. до н. э.).

По данным историков, 40–60 тыс. человек.

Сципион Африканский Младший (Scipio Africanus Junior) (ок. 185–129 гг. до н. э.), римский полководец. В 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну. Римское предание изображает Сципиона Африканского ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

Аппиан (? — 70-е гг. II в.), историк Древнего Рима, грек. Автор «Римской истории» от основания Рима до нач. II в. (на греческом языке); из 24 книг до нас дошли целиком книги 6–9 и 11–17, полностью утрачены 18–24.

В настоящее время возле раскопанных остатков Нумансии, близ селения Гарай в верховьях реки Дуэро, воздвигнут обелиск в память о ее героических защитниках.

Гевара (Guevara) Антонио де (1480–1545), испанский писатель, историк и богослов. Придворный Карла V. Автор назидательного трактата «Часы государевы, или Золотая книга об императоре Марке Аврелии» (1529), моралистических «Семейных писем» (1539–1541) и др.

Шопенгауэр (Schopenhauer) *Артур* (1788–1860), немецкий философ. В главном сочинении «Мир как воля и представление» сущность мира («вещь в себе» И. Канта) предстает у Шопенгауэра как неразумная воля, слепое, бесцельное влечение к жизни. «Освобождение» от мира — через сострадание, бескорыстное эстетическое созерцание, аскетизм — достигается в состоянии, близком буддийской нирване. Пессимистическая философия Шопенгауэра получила распространение в Европе со 2-й пол. XIX в.

Альберти (Alberti) *Рафаэль* (1902–1999), испанский поэт. Антифашистские и антивоенные, революционные стихи, лирический сборник «Стихи о любви» (1967), пьесы.

Относительно того, был ли у Сервантеса сын, мнения исследователей расходятся.

Подстрочный перевод автора.

Псевдонимы были тогда явлением распространенным. Например, у Лопе де Веги был псевдоним Белардо, у Фигероа — Тирси.

Арагон (Aragon) — автономная область на северо-востоке Испании, в бас. реки Эбро, столица Сарагоса.

Хуан Бланко де Пас, монах, пытавшийся очернить Сервантеса во время его алжирского плена.

Кансьонеро (исп. *cancionero*) — сборник песен, песенник; ист. «Собрание песен» (название сборников средневековой любовной лирики).

1 лига=5,5 км.

Речь идет о Ламанче — одной из провинций Испании.

Падилья (Padilla) Педро де (XVI в.), испанский поэт. Автор «Пастушеских эклог», составитель известной поэтической антологии «Сад духовный» (1585).

Эль Греко (El Greco) (собств. Теотокопули, Theotocopuli) *Доменико* (1541–1614), испанский живописец. По происхождению грек. Повышенная одухотворенность образов, мистическая экзальтация сближают искусство Эль Греко с маньеризмом и выражают определенное кризисное состояние художественной культуры позднего Возрождения. Яркое наследие художника включает религиозные, мифологические, жанровые картины, портреты, пейзажи («Погребение графа Оргаса», 1586–1588 гг.; «Вид Толедо», 1610–1614 гг.).

Мария Стюарт (Mary Stuart) (1542–1587), шотландская королева с 1542-го (фактически с 1561 по 1567 г.); претендовала также на английский престол. Восстание шотландской кальвинистской знати вынудило ее отречься от престола и бежать в Англию; по приказу английской королевы Елизаветы I заключена в тюрьму. Замешанная в ряде католических заговоров, Мария Стюарт была предана суду и казнена. В художественной литературе (в частности, в трагедии Ф. Шиллера) образ Марии Стюарт, как правило, идеализирован.

Викарий (от *лат.* vicarius — заместитель, наместник) — в православной церкви заместитель епископа, епископ без епархии. В протестантской церкви — помощник священника.

Рехидор — член муниципального совета.

Фарнезе (Farnese) *Александр* (1545–1592), испанский полководец, герцог Пармы и Пьяченцы с 1586 г., наместник испанского короля в Нидерландах исторических с 1578 г., где вел борьбу с Нидерландской революцией (вернул под власть Испании большую часть Юж. Нидерландов).

Кале (Calais) — город во Франции, порт у пролива Па-де-Кале, административный центр департамента Па-де-Кале. В сер. XIV — сер. XVI в. городом владели англичане.

Судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами; во времена парусного флота «брандеры» применялись для поджога неприятельских кораблей.

Подстрочный перевод автора.

Исп. «la arroba» — мера объема, для масла составляла 12,564 л.

Лат., дословно — «жизненный путь», т. е. резюме.

Кстати, тоже непонятно, откуда у бедного комиссара, получающего нищее жалованье, да и то с задержками, появились лишние 500 дукатов, да еще на книги. А книги в XVI в. стоили очень недешево. Так, Дон Кихоту пришлось продать часть своей земли, чтобы купить так им любимые рыцарские романы. Сервантес высоко ценил книгу, которая для него многое значила в жизни.

Польский доминиканец. Род. в Бреслау в 1185 г., умер в Кракове в 1257 г. Праздник отмечается 16 августа.

Маль Лара Хуан де (1524–1571), испанский гуманист, поэт, писатель.

Терция — исп. tercio, третья часть; *алькабала* — исп. alcabala, налоги, взимаемые казной в то время в Испании. Алькабала бралась от коммерческих сделок — купли-продажи и обмена.

Альгамбра — дворец-замок (сер. XIII — кон. XIV в.) близ Гранады (Испания). Яркий образец мавританской архитектуры. Богато декорированные залы (Двух сестер, Мирадор де Дораха и др.), сгруппированные вокруг Дворика миртов и Дворика львов. Недостроенный дворец Карла V (1526).

Исп. audiencia — суд второй инстанции, окружной суд.

Имеется в виду *Непобедимая армада*, называемая тогда просто «армадой» и прозванная в насмешку «Непобедимой» уже после ее разгрома.

«Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. А когда так, то что же иное мог породить бесплодный мой и неразвитый ум, если не повесть о костлявом, тощем, взбалмошном сыне, полном самых неожиданных мыслей, доселе никому не приходивших в голову, — словом, о таком, какого только и можно было породить в темнице, местопребывании всякого рода помех, обителище одних лишь унылых звуков?»

Менендес Пидаль Рамон (1869–1968), испанский филолог и историк. Ученик Менендеса Пелайо. Президент Испанской королевской академии 1925–1939 гг., 1947–1968 гг.

Надо заметить, что Испания в этом смысле не была исключением. Английские пуритане также выступали за запрещение театра, против чего протестовал Шекспир.

В Испании — это 835,9 мм.

Елизавета I (Elizabeth) Тюдор (1533–1603), английская королева с 1558 г., дочь Генриха VIII и Анны Болейн. При Елизавете I были укреплены позиции абсолютизма, восстановлена англиканская церковь, разгромлена испанская Непобедимая армада (1588), широко осуществлялась колонизация Ирландии.

Как и многие другие цифры и даты из биографии Сервантеса, эта сумма в разных источниках имеет различную величину. У Жана Канаважио, например, — 80 дукатов.

В этом смысле интересно заметить, что в России карманников называли «щипачами».

Исп. Plaza Mayor в переводе — Главная площадь, одна из центральных площадей Мадрида.

В пер. с *исп.* «воскресение, возвращение к жизни, возрождение».

Эстебан де Гарибай-и-Самальоа (1525–1599), испанский историк, библиотекарь Филиппа II, автор труда «Сорок книг исторического свода хроник и всеобщая история всех королевств Испании» (1571).

Vega переводится с испанского как «долина».

В различных источниках описания этого эпизода жизни Сервантеса существенно разнятся.

Исп. — «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский».

Даже *Святая Тереса де Хесус* (1515–1582), реформатор ордена кармелиток, в юности, еще до своей сподвижнической деятельности, также запоем читала рыцарские романы: «Я мало-помалу пристрастилась к ним. И эта невинная, по моему разумению, забава начала разъедать мои чувства, делая меня нечувствительной ко всему остальному».

Менендес-и-Пелайо (Menendez y Pelayo) *Марселино* (1856–1912), испанский литературовед, представитель культурно-исторической школы в литературоведении. Книги о театре Кальдерона и Лопе де Веги Карпью, по истории испано-американской поэзии.

Ариосто (Ariosto) *Лудовико* (1474–1533), итальянский поэт. Автор героической рыцарской поэмы «Неистовый Роланд» (1516).

Пульчи (Pulci) Луиджи (1432–1484), итальянский поэт. Сочинитель фантастических рыцарских поэм «Турнир» (1469), «Моргайте» (между 1478–1480 гг., 2-е изд. под названием «Большой Моргайте», 1482 г.), которые проникнуты гуманистическим вольнодумством, элементами народной «смеховой» культуры.

Боярдо (Boiardo) *Маттео Мария*, граф Скандиано (Scandiano) (1441–1494), итальянский поэт. В рыцарской поэме «Влюбленный Роланд» (1495 г., незакончена) переплетаются элементы средневековых легенд и придворного романа.

Мариана (Mariana) *Хуан* (1536–1624), испанский историк, иезуит, профессор в Толедо (с 1574 г.). Доказывал, что притесненный народ имеет право восстать и убить тирана (1599). Главный труд — «История Испании» (издан на латинском языке в 1592 г., испанский перевод 1601 г., т. 1–2).

Грасиан-и-Моралес (Gracian y Morales) *Бальтасар* (1601–1658), испанский писатель, священник-иезуит. Виднейший теоретик барокко. Автор трактата о поэтической метафоре «Остроумие, или Искусство изощренного ума» (1642), книги афоризмов «Карманный оракул» (1647), философско-утопического романа «Критикон» (ч. 1–3, 1651–1657).

В современных словарях слово «ingenioso» имеет множество значений, например: 1) изобретательный, находчивый; 2) замысловатый, затейливый, хитроумный; 3) одаренный, талантливый; 4) умелый, искусный, виртуозный; 5) остроумный. Кто же знает, что точно имел в виду Сервантес, да еще в XVII в.?

Абсолютное большинство изданных в настоящее время у нас «Дон Кихотов» существует в переводе Н. Любимова 1951 г., где заглавие романа переведено как «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский».

Эти эпитеты наиболее близки к образу Дон Кихота и также соответствуют многомерному понятию «ingenioso».

Олья — испанское национальное блюдо из мяса, сала, овощей и зелени.

Буцефал — лошадь Александра Македонского.

Бабьека — конь героя испанского эпоса Сиды.

Готье (Gautier) *Теофил* (1811–1872), французский писатель и критик, один из вдохновителей «Парнаса». Обосновал теорию «искусства для искусства».

Боткин Василий Петрович (1811/12–1869), русский писатель, критик. Брат М. П. и С. П. Боткиных. В молодости член кружка Н. В. Станкевича, друг В. Г. Белинского, А. И. Герцена.

Само собой разумеется, что мы ни в коей мере не хотим обидеть Иванов, но лишь оттенить, что Иван имеет другие коннотации и этимологические корни, чем, например, Альберт или Эдуард. Справедливости ради надо сказать, что испанские короли также носили имя Санчо, как, впрочем, были и цари Иваны.

Фразу из «Дон Кихота»: «...de cuya alcurnia yo diciendo por linea recta de varon...» Н. Любимов не совсем точно перевел как: «...от которого я и происхожу по мужской линии...». Для понимания смысла это роли не играет. Но Астрана Марин, опираясь именно на непереуведенное Любимовым из этой фразы Сервантеса слово «alcurnia» — «знатный род» (тогда перевод будет: «...из знатного рода которого я и происхожу по мужской линии...»), строит свое доказательство, что именно Алонсо Кихада, и не кто иной, был прототипом Дон Кихота.

К. Державин в своей книге о Сервантесе приводит ошибочное мнение о том, что прототипом Дон Кихота был дядя жены донна Мигеля — Алонсо Кихада (на самом деле его полная фамилия Алонсо Кихада де Саласар), который якобы противился браку Сервантеса и Каталины и в наказание за это был комически выведен в «Дон Кихоте».

Суть этого недоразумения сводится к тому, что в 23-й главе первого издания Франсиско де Роблеса отсутствовало упоминание о краже осла Санчо вором Хинесом де Пасамонте и лишь в 25-й главе указывалось, что он украден каким-то неизвестным лицом, после чего, однако, осел снова появлялся у Санчо. Во втором издании, кем точно, неизвестно, для исправления этой неувязки были сделаны две вставки, одна в 23-й главе, рассказывающая о похищении осла, другая в 30-й, где говорится о его случайной находке. Первая из вставок, однако, оказалась не к месту, так как после нее Санчо несколько раз встречается в тексте путешествующим на уже отсутствующем осле. Во второй части романа в 4-й и 27-й главах Сервантес опять вернулся к этому происшествию и рассказал о способе похищения злополучного осла, объяснив неувязку в тексте первой части недосмотром Сида Ахмета Бенинхали или наборщика.

Мы имеем в виду работу «Заметки о творениях Гарсиласо» (1580).

Луис де Гонгора-и-Арготе (1561–1627), известный испанский поэт, изобретатель «темного (трудного) стиля».

Естественно, на испанском языке. Одним из лучших прокомментированных изданий считается работа: M. de Cervantes Saavedra. *El ingenioso idalgo Don Quijote de la Mancha*. Ed. y notas de F. Rodriguez Marin. Madrid, 1912. Выверенное и детально прокомментированное издание «Дон Кихота» на русском языке еще предстоит создать.

Относительно «облагораживания» этого эпизода есть и другие мнения — некоторые сервантисты полагают, что Сервантес *самоллично* сделал это исправление. Но до сих пор неизвестно, кто именно произвел ревизию этого текста из «Дон Кихота».

Илюминализм — еретическое течение в Испании конца XVI в.

Писуэрга — река в Вальядолиде.

По одной из версий Гарсии Урбина — гипотетический любовник Магдалены.

Фрай (fray) — брат (о монахе).

Генрих IV (1553–1610), французский король с 1589 г. (фактически с 1594 г.), первый из династии Бурбонов. Сын Антуана Бурбона, с 1562 г. король Наварры (Генрих Наваррский). Во время Религиозных войн глава гугенотов. После перехода Генриха IV в католицизм Париж в 1594 г. признал его королем. Издал Нантский эдикт в 1598 г. Способствовал укреплению абсолютизма. Убит католиком-фанатиком.

«*Silva*» по-латыни означает «лес».

Каноник (позднелат. *canonicus*), в католической и англиканской церквях — член капитула (совет при епископе), участвующий в управлении епархией.

История этого манускрипта довольно известна. Рукопись была обнаружена в 1788 г. библиографом Исидоро Босарте во время составления каталога Библиотеки Св. Исидора в Севилье среди других поступивших из фондов Коллегии иезуитов им. Герменегильда. Содержавшиеся в этом документе тексты новелл Сервантеса «Ринконете и Кортадильо» и «Ревнивый эстремадурец» были опубликованы Босарте в августе-сентябре 1788 г. в мадридском журнале «El Gabinete de la lectura española». С третьей новеллы — «Подставная тетка» — снял копию библиотекарь Агустин Гарсиа де Арриета и опубликовал ее в 1814 г. в своей книге «Дух Мигеля де Сервантеса Сааведры...». В 1810 г. над манускриптом Порраса работал известный биограф Сервантеса Мартин Фернандес де Наваррете. После этого документ исчез и появился уже в 1820 г. на одном из книжных аукционов, где его приобрел библиофил Бартоломе Хосе Гальярдо. 13 июля 1823 г. в день, когда Севилья была занята войсками герцога Ангулемского, Гальярдо, бежавший в Кадис, потерял этот ценнейший документ вместе со многими другими манускриптами из своего архива.

На этой реке — Мансанарес — стоит Мадрид.

Как мы уже говорили, на счет периодизации новелл существует множество мнений. Так, например, К. Державин в «Сервантесе» выражает более конкретную точку зрения.

Тимонеда (Timoneda) Хуан де (ок. 1490 — ок. 1583), испанский писатель, друг и издатель испанского актера и драматурга XVI в. Лопе де Руэды, переводчик Плавта. Играл в театре, писал ученые комедии, народные фарсы, «священные ауто».

Видрио (vidrio) — по-испански стекло.

Памплона — город в Испании, на реке Арга.

Испанский дидактический поэт и писатель (1571–1645), автор своего рода энциклопедии «Всеобщий свод (plaza) всех наук и искусств», главное произведение — «Верная (constante) Амарилис».

Сорель Шарль (1602–1674), французский писатель, в плутовском романе «Комическое жизнеописание Франсиона» (1623–1633) продолжил традицию гротескного реализма Франсуа Рабле.

Скаррон Поль (1610–1660), французский поэт, автор бурлескной поэмы-травестии «Вергилий наизнанку» (1648–1652), описал быт и нравы французского общества XVII в. в «Комическом романе» (1651–1657).

Флетчер Джон (1579–1625), английский драматург, пьесы которого положили начало жанру трагикомедии.

Реньяр Жан Франсуа (1655–1709), французский драматург, автор комедий положений «Любовные безумства» (1704), «Единственный наследник» (1708), автобиографического романа «Провансалка» (изд. 1731 г.).

Парнас — гора в Греции, в древнегреческой мифологии — место обитания Аполлона.

Переведены В. Левиком первая глава и часть четвертой — из восьми.

Чезаре Капорали Перуджио, второстепенный итальянский поэт (1531–1601), родом из Перуджии, автор шуточной поэмы «Путешествие на Парнас» (1582), имевшей определенный успех и выдержавшей два издания, где описывает свой «визит» к Аполлону. Так же как и Сервантес, служил фамилии Аквавива. Автор «Дон Кихота» заимствовал у Капорали идею своей поэмы.

Аполлон (Феб), в греческой мифологии и религии сын Зевса, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств. Изображался прекрасным юношей с луком или кифарой (древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент).

Меркурий, в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников. Изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе и с жезлом в руке. Соответствует греческому Гермесу.

Интермедия (от *лат.* *intermedius* — находящийся посреди) — небольшая, большей частью комедийного характера пьеса, исполняемая между действиями драматического спектакля.

На русский язык не переведена.

Основные принципы построения драмы в Античности сводились к трем: единству времени, единству действия и единству места. Приверженцы Лопе их не соблюдали.

В переводе Н. Любимова заглавие второго тома идентично первому, разница не учтена. Испанские издания имеют заглавия томов, соответствующие текстам Сервантеса.

Монтень Мишель де (1533–1592), французский философ-гуманист. Книга эссе «Опыты» (1580–1588) направлена против схоластики и догматизма. Обращаясь к конкретной исторической действительности, быту и нраву людей, рассматривает человека как самую большую ценность, создает реалистический автопортрет. *Ларошфуко Франсуа де* (1613–1680), французский писатель-моралист. В «Мемуарах» (1662) и «Максимах» (1665) в афористичной форме переданы философские итоги наблюдений над природой человеческого характера, его поступков и поведения.

Авелянеда, как полагают, был родом из города Тордесильяс.

Леса́ж Ален Рене (1668–1747), французский писатель, романы «Хромой бес» (1707), «История Жиль Блаза из Сантьяны» (т. 1–4, 1715–1735), восходящие к плутовскому роману, рисуют сатирическую картину нравов абсолютистской Франции.

Монтемайор Хорхе де (1520–1561), испанский писатель, автор пасторального романа «Диана» (1558), задавшего образец жанра.

Алонсо Перес, испанский медик и писатель конца XVI в., автор романа «Вторая часть Дианы» (1564).

Поло Гаспар Хиль (ок. 1529 — ок. 1591), испанский писатель, автор романа в стихах и прозе «Влюбленная Диана» (1564).

«Селестина» («Трагикомедия о Калисто и Мелибее») — испанский роман-драма, написанный Фернандо де Рохасом ок. 1492–1497 гг. Содержит сатирические зарисовки нравов, выпады против аристократии и духовенства. К «Селестине» восходит плутовской роман и испанская драма Возрождения.

Фелисьяно де Сильва (ок.1492 — ок. 1558), испанский писатель, автор автобиографического произведения «Сон Фелисьяно де Сильвы», романов «Вторая Селестина» (1534?), «Девятая книга Амадиса Гальского», «Дон Флорисель де Никеа и Дон Рохель де Гресиа».

«Неисчислимыми комедиями» — Лопе написал более 2000 пьес; «в строгих правилах искусства, диктуемого светом» — речь идет о «новой комедии», основателем которой он был; «служителя Святой Инквизиции» — в 1609 г. Лопе получил звание «приближенного» (*familiar*) Святой Инквизиции.

Арагон — автономная область на северо-востоке Испании.

Тирсо де Молина (настоящее имя Габриель Тельес) (1571 или ок. 1583–1648), известный испанский драматург, эстетические принципы ренессансной драмы сочетал с духом барокко, написал драму «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630) — первая драматургическая обработка легенды о Дон Жуане.

Таррагона (Tarragona) — город в Испании, в авт. обл. Каталония, административный центр пров. Таррагона. Порт на Средиземном море.

Орден Терсера (Orden Tercera) — особое братство мирян, объединявшихся вокруг какого-либо нищенствующего религиозного ордена (францисканцев, доминиканцев, кармелитов и т. д.) с целью духовного совершенствования, основанного на правилах устава выбранного ордена.

Велес де Гевара (Velez de Guevara) Луис (1578–1645), испанский писатель. Пьесы на библейские сюжеты, из национальной и зарубежной истории. Путовской роман «Хромой бес» (1641).

Корпус, или Корпус Христи (Corpus Christi) — религиозный католический праздник в память установления евхаристии, Святого причастия. Отмечается в четверг, на шестидесятый день после воскресной Пасхи.

Послушник — лицо, готовящееся к пострижению в монахи.

Приор (от лат. *prior* — первый, старший) — настоятель небольшого католического монастыря.

Гелиодор (III или IV в. н. э), древнегреческий писатель, автор «Эфиопики» — одного из главных образцов античного романа. Любовно-авантюрный сюжет соединялся с религиозно-философскими мотивами. Повлиял на западноевропейскую «галантную» литературу XVII–XVIII вв.

Лат. — «с божьей помощью».

Водянка — болезнь, характеризующаяся скоплением жидкости в полостях тела, подкожной клетчатке и других тканях при болезнях сердца, почек и др.

Бернардо дель Карньо — полупоупендарный деятель испанской истории, предположительно племянник короля Альфонсо II де Кастро. Знаменит своим участием в разгроме басками франков в знаменитой битве при Ронсевале (Испания, 778 г.), персонаж многих литературных произведений испанских авторов.

В книге К. Державина, написанной полстолетия назад, еще говорится об этом письме как подлинном факте биографии.

Лимоснеро — священнослужитель, занимающийся сбором милостыни.

На русский язык «Пролог» не переводился.

Дело в том, что подбодренные первым успехом «Дон Кихота» издатели Роблес и Куэста выпускают *второй тираж* первого издания, единственный экземпляр коего был обнаружен в 1916 г. И только затем печатается *второе издание*, которое на протяжении двух столетий ошибочно считалось первым.

Хуан де Хауреги (1583–1641) — в свое время довольно известный лирический поэт, переводчик и критик, как любитель занимавшийся живописью. Фраза из «Пролога» к «Назидательным новеллам» дала повод предположить, что существует портрет Сервантеса, написанный Хауреги.

Пачеко дель Рио Франсиско (1564–1654) — испанский художник-маньерист, исследователь, свекор и учитель Веласкеса.

El Buscapie, дословный перевод «Шутиха» — небольшое произведение, приписываемое перу Сервантеса.

См.: *Асорин. Путь Дон Кихота // Избранные произведения. М., 1989.*

Можно назвать имена De Launay (Париж, 1821 г.), L. Simon Auger (Париж, 1825 г.), Diego Clemencin (Мадрид, 1833 г.), Jose Mor de Fuentes (Барселона, 1835 г.), Thomas Roscoe (London, Dublin, Edinburg, 1833), Louis Viardot (Париж, 1836–1837 гг.), William H. Prescott (New York, 1837 г.), Jose de la Revilla (1840 г.), Giovacchino Mugnoz (Болонья, 1844 г.) и еще значительное количество небольших обзорных работ, которые за своей незначительностью не стоят упоминания. Все эти издания, как правило, имели в качестве иллюстрации псевдоаутентичный портрет Сервантеса из уже упомянутого издания Испанской королевской академии.

Более подробную информацию о русских изданиях и переводах «Дон Кихота» можно найти в книге В. Багно «Дорогами „Дон Кихота“» (М.,1988).

Вопрос атрибуции «Послания к Матео Васкесу» еще не решен окончательно.

Урганда — в рыцарских романах волшебница, покровительница и защитница странствующих рыцарей, в частности, Амадиса Гальского. Ей дано прозвище Неуловимая, так как она часто меняет свой облик.

Большим вкладом явились исследования таких мэтров, как *Марселино Менендес-и-Пелайо*, чей концептуальный доклад «Литературная культура Мигеля де Сервантеса и разработка „Дон Кихота“» был зачитан 8 мая 1905 г. на академическом собрании в Центральном университете; *Мигеля де Унамуну* («Жизнь Дон Кихота и Санчо»), *дона Клементе Кортехона* (первое критическое издание «Хитроумного Идальго...»), *дона Антонио Бласкеса* («Ламанча во времена Сервантеса»), *Сантьяго Рамона-и-Кахаля* («Психология Дон Кихота и кихотизм») и других ученых.

Филипп II (Felipe) (1527–1598), испанский король с 1556 г., из династии Габсбургов. Его политика способствовала укреплению испанского абсолютизма. Поддерживал Инквизицию. Вел войны с Англией и Францией. Присоединил к Испании в 1581 г. Португалию.

Кофратия, с исп. — религиозная община, братство.

Кордова — город в Испании, в Андалусии, на р. Гвадалквивир, административный центр провинции Кордова.

Мориски — мусульманское население, оставшееся на Пиренейском полуострове после падения Гранадского эмирата (1492) и насильственно обращенное в христианство. Мориски, большей частью тайно исповедовавшие ислам, преследовались Инквизицией. В 1609–1610 гг. королевским указом изгнаны из Испании.

Мавры (лат. Mauri, от греч. μαυρος — «темный») — в древности римское название коренного населения Мавритании, в Средние века в Зап. Европе название мусульманского населения Пиренейского полуострова и западной части Сев. Африки.

Реконкиста (исп. Reconquista, от reconquistar — «отвоевывать») — отвоевание коренным населением Пиренейского полуострова в VIII–XV вв. территорий, захваченных арабами (точнее, маврами). Реконкиста началась битвой. Решающее значение имело сражение в 1212 г. при Лас-Навас-де-Толосе. К середине XIII в. в руках арабов остался лишь Гранадский эмират (пал в 1492 г.). Отвоевание сопровождалось заселением и экономическим освоением опустошенных войной земель. Реконкиста оказала большое влияние на экономическое и политическое развитие государств Пиренейского полуострова.

Изабелла (Isabel) (1451–1504), королева Кастилии с 1474 г. Брак Изабеллы в 1469 г. с Фердинандом, королем Арагона с 1479 г., привел к династической унии Кастилии и Арагона (к фактическому объединению Испании). Изабелла отличалась религиозным рвением, ее духовником был первый Великий Инквизитор Торквемада. *Фердинанд II Арагонский* (1452–1516), король Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468 г., Кастилии (Фердинанд V) в 1479–1504 гг. (совместно с Изабеллой), Неаполитанского королевства (Фердинанд III) с 1504 г. Фактически первый король объединенной Испании; добивался превращения ее в абсолютную монархию. Ревностно защищал католицизм.

Берберы — группа народов коренного населения Северной Африки.

Астурия (Asturias) — автономная область на севере Испании, у Бискайского залива, в Кантабрийских горах. Главный город — Овьедо. На территории Астурии — современная провинция Овьедо. С 718 г. (после битвы в долине Ковадонга) Астурия — королевство (столица — Овьедо). В 924 г. были объединены территории Астурии и Леона в единое королевство (название Леон). Территория Астурии в составе Кастилии в XV в. вошла в объединенное государство Испания.

Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи в 1519–1556 гг., испанский король (Карлос I) в 1516–1556 гг., из династии Габсбургов. Пытался под знаменем католицизма осуществить план создания «мировой христианской державы». Вел войны с Францией (Итальянские войны 1494–1559 гг.), с Османской империей. Потерпел поражение в борьбе с немецкими князьями-протестантами и после заключения с ними Аугсбургского религиозного мира 1555 г. отрекся от престола.

Сьерра-Невада (Sierra Nevada) — горный массив в Андалусских горах, на юге Испании, самый высокий на Пиренейском п-ове (г. Муласен, 3478 м).

Галисия (Galicia) — автономная область в Испании, у Атлантического океана. Территория — 29,4 тыс. кв. км. Население — 2,8 млн человек (данные 1992 г.). Главный город — Сантьяго-де-Компостела. Включает провинции Ла-Корунья, Луго, Оренсе, Понтеведра.

Мараны (исп. marranos) — в средневековой Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство (главным образом после указа 1492 г., предписывавшего иудеям перейти в католичество или покинуть Испанию). Их преследовала Инквизиция, обвиняя в тайной приверженности иудаизму.